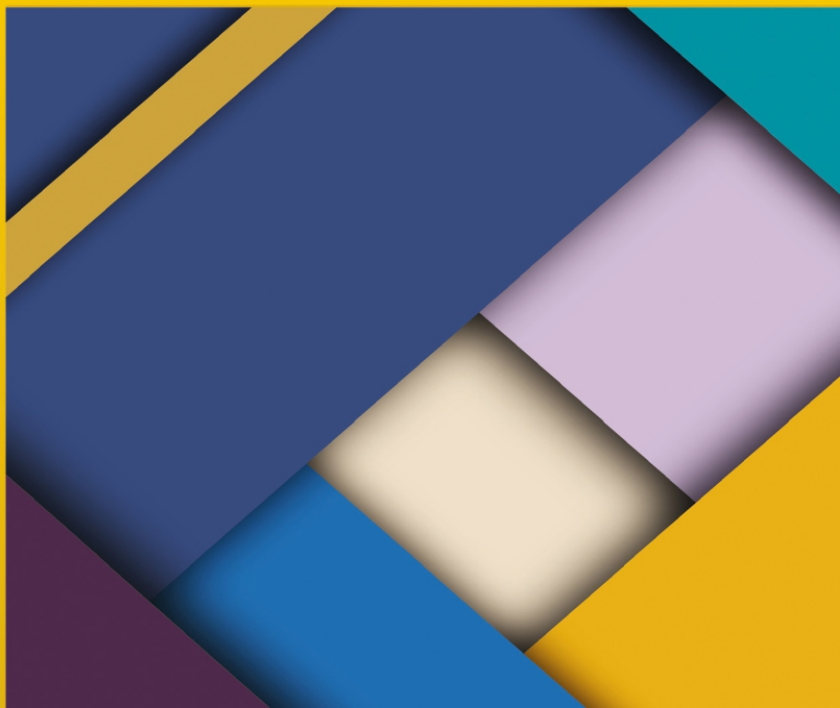

ISSN 3033-5981 (Online)

RUSSIAN SOCIAL AND HUMANITARIAN STUDIES

РОССИЙСКИЕ СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Volume 18, Number 2
2026

Russian Social and Humanitarian Studies

Volume 18, Number 2
2026

Российские социогуманитарные исследования

Том 18, № 2
2026

Главный редактор

Ф.Х. Тарасова доктор филологических наук, профессор,
декан Высшей школы русской и зарубежной филологии им. Льва
Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»,
Казань, Российская Федерация

Заместители главного редактора

Н.П. Копцева доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой
культурологии и искусствоведения ФГАОУ ВО «Сибирский
федеральный университет», Красноярск, Российская Федерация

Т.А. Марсумов доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры педагогики
ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический
университет», Набережные Челны, Российская Федерация

D. Dozenko Doctor of Philology, Lehrer,
Volkshochschule Marzahn-Hellersdorf, Berlin, Germany

Шеф-редактор – Максимов Я.А.

Выпускающие редакторы – Доценко Д.В., Максимова Н.А.

Корректор – Зливко С.Д.

Компьютерная верстка, дизайн – Орлов Р.В.

Технический редактор, администратор сайта – Бяков Ю.В.

Ответственный секретарь – Коробцева К.А.

**Russian Social and Humanitarian Studies /
Российские социогуманитарные исследования**

Peer-reviewed specialized academic journal
Специализированный академический рецензируемый журнал

Periodicity. 4 issues per year / Периодичность. 4 номера в год

Vol. 18, No 2, 2026 / Том 18, № 2, 2026

Учредитель и издатель:
ООО Научно-инновационный
центр

Журнал основан в 2009 году
Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(регистрационный номер от 20.05.2025
серии ЭЛ № ФС 77-89427)

Журнал **входит** в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, выпускаемых в РФ, в которых
должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Индексирование и реферирование:
РИНЦ

Белый список
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
ЭБС IPRbooks
ЭБС Znanium
ЭБС Лань

**Адрес редакции, издателя
и для корреспонденции:**
Россия, 660127, Красноярский край,
г. Красноярск, ул. 9 Мая, 5 к. 192
E-mail: editor@soc-journal.ru
<https://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Founder and publisher:
Science and Innovation Center
Publishing House

Founded 2009
The edition is registered by the Federal
Service of Intercommunication and Mass
Media Control
Mass media registration certificate
EL № FS 77-89427,
issued May 20, 2025.

Russian Social and Humanitarian Studies is
included in the List of leading peer-reviewed
scientific journals and publications issued
in the Russian Federation, which should
publish main scientific results of doctor's
and candidate's theses

Indexing and Abstracting:

RISC
White List
Ulrich's Periodicals Directory
Cyberleninka
Google Scholar
DOAJ
BASE
EBSCO
WorldCat
OpenAIRE
IPRbooks
Znanium
Lan'

Editorial Board Office:
9 Maya St., 5/192, Krasnoyarsk,
660127, Russian Federation
E-mail: editor@soc-journal.ru
<https://soc-journal.ru/>
+7 (995) 080-90-42

Члены редакционной коллегии

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Абрамов Валерий Петрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный университет (Краснодар, Российская Федерация)

Абросимов Виктор Николаевич – кандидат педагогических наук, ректор и профессор ПОО-ЧУ «Высшая школа социальных отношений» (Минусинск, Российская Федерация)

Алефиренко Николай Федорович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почетный работник профессионального образования РФ, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Алферов Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры французской филологии и межкультурной коммуникации, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Балашова Любовь Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Беляева Лариса Николаевна – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры образовательных технологий в филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, декан факультета славянской филологии и журналистики, зав.кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Таврическая академия) (Симферополь, Российская Федерация)

Бочкова Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация», ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.» (Саратов, Российская Федерация)

Валеев Наиль Мансурович – доктор филологических наук, профессор, академик Академии наук Республики Татарстан (АН РТ), Академик-секретарь Отделения гуманитарных наук ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» (Казань, Российская Федерация)

Воркачев Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков, Кубанский государственный технологический университет (Краснодар, Российская Федерация)

Галиева Фарида Габдулхаевна – доктор филологических наук, кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии ФГБУН «Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева» Уфимского научного центра РАН, доцент Филиала МГПУ им. М.А. Шолохова в г. Уфе (Уфа, Российская Федерация)

Гапоненков Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Гасанов Магомед Магомедович – доктор исторических наук, профессор, проректор по учебной работе, заведующий кафедрой истории России с древнейших времен до конца XIX в., Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дагестанский государственный университет» (Махачкала, Российская Федерация)

Готовцева Анастасия Геннадьевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики и телевизионных технологий, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство)» (Москва, Российская Федерация)

Григорьева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Гриценко Галина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Южный научный центр Российской академии наук (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Дегтярев Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, теории и истории государства и права, Сумский государственный университет (Сумы, Украина)

Зубова Яна Валерьевна – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по учебной работе, Филиал ФГБОУ ВО «Ухтинский государственный технический университет» в г. Усинске (Усинск, Российская Федерация)

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, декан исторического факультета, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» (Иркутск, Российская Федерация)

Иванова Елизавета Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Иванюшина Ирина Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Колмогорова Анастасия Владимировна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романских языков и прикладной лингвистики, профессор кафедры, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (Красноярск, Российская Федерация)

Корниенко Алла Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французской филологии и межкультурной коммуникации ИРГЯИиТ Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Куприева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Российская Федерация)

Литвин Александр Алтерович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, истории и востоковедения, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (Казань, Российская Федерация)

Марусенко Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Матвеева Галина Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры «Мировые языки и культуры», Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Мацневский Герман Олегович – доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры» (Краснодар, Российская Федерация)

Минченко Татьяна Петровна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социальных наук, Томский государственный педагогический университет (Томск, Российская Федерация)

Мостицкая Наталья Дмитриевна – кандидат культурологии, доцент, заведующая аспирантурой, Государственный институт искусствознания (Москва, Российская Федерация)

Наумов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Новиков Николай Сергеевич – кандидат философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук ФГКВУ ВО «Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» (Новосибирск, Российская Федерация)

Патюкова Регина Валерьевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Покришук Дмитрий Владимирович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (Москва, Российская Федерация)

Поповкин Андрей Владимирович – кандидат философских наук, заведующий кафедрой философии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Поповкина Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии ДВО РАН ФГБНУ Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Владивосток, Российская Федерация)

Прозоров Валерий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, научный руководитель Института филологии и журналистики, заведующий кафедрой общего литературоведения и журналистики, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Пулькин Максим Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории ФГБНУ Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск, Российская Федерация)

Рядчикова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет» (Краснодар, Российская Федерация)

Саенко Наталья Ряфиковна – доктор философских наук, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры «Центр гуманитарного образования», федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский политехнический университет» (Москва, Российская Федерация)

Серикалиева Ажар Ермековна – доктор философии (PhD) по специальности «Востковедение», зам. декана факультета востоковедения по научно-инновационной деятельности и международному сотрудничеству, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Серов Николай Викторович – доктор культурологии, профессор, Оптическое общество имени Д.С. Рождественского (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Склярова Наталья Геннадиевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка, ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» (Ростов-на Дону, Российская Федерация)

Страусов Виктор Никитович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвокоммуникативистики и прикладных иностранных языков, Пятигорский государственный университет (Пятигорск, Российская Федерация)

Судовиков Михаил Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Вятский государственный университет», директор Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировский областной краеведческий музей», руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировского областного государственного бюджетного учреждения культуры «Кировская ордена Почета государственная универсальная областная научная библиотека имени А.И. Герцена» (Киров, Российская Федерация)

Султангалиева Гульмира Салимжановна – доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Темирболат Алуа Берикбайкызы – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой казахской литературы и теории литературы, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Тетюев Леонид Иванович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Филимонова Ольга Федоровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Философия», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А. (Саратов, Российская Федерация)

Фриауф Василий Александрович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Российская Федерация)

Хошимова Хуршеда Абдуманоновна – кандидат филологических наук, научный секретарь, Институт языка и литературы им. Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

Шалекенов Мурат Уахитович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры археологии, этнологии и музеелогии, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Широкалова Галина Сергеевна – доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Приволжский филиал (Нижний Новгород, Российская Федерация)

Editorial Board Members

Gian Luca Bonora – Archaeologist, Director of the Italian Archaeological Expedition in Kazakhstan, Professor of Central and Middle Archaeology, International Association of Mediterranean and Oriental Studies (Rome, Italy); Professor, Professor of Cultural Anthropology, Pontifical University Antonianum (Rome, Italy)

Valery P. Abramov – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Honored Scientist of the Russian Federation, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Viktor N. Abrosimov – Candidate of Pedagogy (Ph.D. in Pedagogy), Rector and Professor of the PEO-PI “Higher school of social relationships” (Minusinsk, Russian Federation)

Nikolay F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Honored Worker of Professional Education of the Russian Federation, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Alexander V. Alferov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Lyubov V. Balashova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Theory, History of Language and Applied Linguistics, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Larisa N. Belyaeva – Doctor of Philology, Professor, Honored Scientist of Russia, Professor of the Department of Educational Technology in Philology, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina Yu. Bogdanovich – Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Slavic Philology and Journalism, Head of the Inter-Language Communications and Journalism Department, Vernadsky Crimean Federal University (Tavrisheskaya Academy) (Simferopol, Russian Federation)

Olga S. Bochkova – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department “Foreign Languages and Professional Communication”, Saratov State Technical University named after Gagarin Y.A. (Saratov, Russian Federation)

Nail M. Valeev – Doctor of Philology, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Academician-Secretary of the Department of Humanitarian Sciences, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

Sergey G. Vorkachev – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Kuban State Technological University (Krasnodar, Russian Federation)

Farida G. Galiyeva – Doctor of Philology, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Ethnological Research named after R.G. Kuzeev, Ufa Science Center, RAS (Ufa, Russian Federation)

Aleksey A. Gaponenkov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Magomed M. Gasanov – Doctor of History, Professor, Pro-Rector for Academic Affairs, Head of the Department of Russian History from ancient times until the end of the 19th century, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Anastasia G. Gotovtseva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Journalism and Television Technologies, Russian State University named after A.N. Kosygin (Moscow, Russian Federation)

Tatyana M. Grigorieva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language, Literature and Speech Communication, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Galina D. Gritsenko – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Sergey I. Degtyarev – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Constitutional Law, Theory and History of State and Law, Sumy State University (Sumy, Ukraine)

Yana V. Zubova – Doctor of Sociology, Professor, Deputy Director for Academic Affairs, Branch of the State Educational Establishment of the Ukhta State Technical University in Usinsk (Usinsk, Russian Federation)

Yury A. Zulyar – Doctor of History, Associate Professor, Dean of the Faculty of History, Head of the Department of Political Science, History and Regional Studies, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)

Elizaveta V. Ivanova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology and Translation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Irina Yu. Ivanyushina, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Veronika V. Katermina – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of English Philology, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Anastasia V. Kolmogorova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Romance Languages and Applied Linguistics, Professor of the Department, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Alla A. Kornienko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of French Philology and Intercultural Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Alexander A. Litvin – Doctor of History, Professor, Head of the Department of National History of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation)

Irina A. Kupriyeva – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russian Federation)

Mikhail A. Marusenko – Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Romance Philology, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

Galina G. Matveeva – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair “World Languages and Cultures”, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

German O. Matsievsky – Doctor of History, Associate Professor, Krasnodar State Institute of Culture (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana P. Minchenko – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Tomsk State Pedagogical University (Tomsk, Russian Federation)

Natalia D. Mostitskaya – Candidate of Culturology (Ph.D. in Culturology), Associate Professor, Head of the graduate school, State Institute for Art Studies (Moscow, Russian Federation)

Vladimir V. Naumov – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Chair of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation)

Nikolai S. Novikov – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation (Novosibirsk, Russian Federation)

Regina V. Patyukova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Advertising and Public Relations, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Dmitry V. Pokrishchuk – Candidate of Political Sciences (Ph.D. in Political Sciences), Lecturer of the Department of Humanitarian and Social and Economic Disciplines, Russian State Humanitarian University (Moscow, Russian Federation)

Andrey V. Popovkin – Candidate of Philosophy (Ph.D. in Philosophy), Head of the Department of Philosophy, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Galina S. Popovkina – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Researcher, Department of Ethnography, Ethnology and Anthropology Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East of the Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (Vladivostok, Russian Federation)

Valery V. Prozorov – Doctor of Philology, Professor, Scientific Director of the Institute of Philology and Journalism, Head of the Department of General Literature and Journalism, Saratov State University (Saratov, Russian Federation)

Maksim V. Pulkín – Candidate of History (Ph.D. in History), Senior Fellow of the History Sector, Institute of Language, Literature and History of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

Natalia R. Sayenko – Doctor of Philosophy, Candidate of Philology, Professor, Professor of the Center for Humanitarian Education, Moscow Polytechnic University (Moscow, Russian Federation)

Azhar E. Serikkalieva – PhD, Deputy Dean of the Faculty of Oriental Studies in Science and Innovation and International Cooperation, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Elena N. Ryadchikova – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of General and Slavic-Russian Linguistics, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation)

Nikolay V. Serov – Doctor of Culturology, Professor, D. Rozhdestvensky Optical Society (St. Petersburg, Russian Federation)

Natalia G. Sklyarova – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and Practice of English, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Victor N. Strausov – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Chair of Linguistic Communication and Applied Foreign Languages, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russian Federation)

Mikhail S. Sudovikov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of National History and Ethnology, Vyatka State University, Director of the Kirov Regional State Budgetary Cultural Institution “Kirov Regional Museum of Local Lore”, Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional State Budget cultural institutions “Kirov Order of Honor State Universal Scientific Library named after A.I. Herzen” (Kirov, Russian Federation)

Gulmira S. Sultangalieva – Doctor of History, Professor of the Department of History, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Alua B. Temirbolat – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Kazakh Literature and Theory of Literature, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Leonid I. Tetyuyev – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Ethics and Aesthetics of the Faculty of Philosophy, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Olga F. Filimonova – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A. (Saratov, Russian Federation)

Vasily A. Friauf – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov National Research University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russian Federation)

Khurshida A. Khoshimova – Candidate of Philology (Ph.D. in Philology), Scientific Secretary, Institute of Language and Literature named after Rudaki of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Murat U. Shalekenov – Doctor of History, Professor, Professor of the Department of Archaeology, Ethnology and Museology, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Galina S. Shirokalova – Doctor of Sociology, Candidate of Philosophy (Ph.D.), Professor, Leading Researcher, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

История в системе социально-гуманитарных наук / History in the System of Social-Humanitarian Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-580](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-580)EDN: [YKKYTW](https://www.edn.ru/YKKYTW)

УДК 930.85

Вопросы становления и развития основ банковского дела в Тамбовской губернии во второй половине XIX века – начале XX века

Д.Ю. Наумов

*Красивская средняя общеобразовательная школа,
Красивка, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Банковская система — одна из важнейших областей экономики цивилизованного государства, являющаяся воплощением разнообразных тенденций прошлого и настоящего. Чтобы понимать и совершенствовать банковское дело (впрочем, как и любое другое), необходимо постоянно исследовать процессы его формирования и развития, как в социально-экономическом, так и политическом аспекте. Являясь законным регулятором экономики, банковская деятельность выполняет функцию накопления и сбора денежных средств, а также функцию контроля их оборота и посредничества при проведении банковских операций между гражданами, организациями и государствами. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что комплексный анализ эволюции банковского дела региона имеет социальную значимость в масштабе самого региона, федерального округа и всей страны в целом.

Цель — исследование становления и развития банковского дела в Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX века.

Материалы и методы. При изучении темы использовались: 1) универсальные научные методы; 2) общенаучные методы; 3) специальные, в данном случае исторические методы; 4) прикладные методы исторического исследования.

Результаты. В работе установлено, что 1 июня 1860 года в Санкт-Петербурге был создан Государственный банк Российской империи. По Указу императора Александра II от 20 декабря 1863 года были открыты отделения Государственного банка в Астрахани, Владимире, Воронеже, Екатеринославе, Казани, Кишиневе, Пензе, Рязани, Самаре, Саратове, Тамбове и Ярославле. Датой создания Тамбовского отделения Государственного банка считается 23 июня 1864 года. Помимо

Тамбовского отделения Госбанка, значимыми, но монопольными элементами денежно-кредитной системы Тамбовской губернии являлись также Городской общественный банк и Общество взаимного кредита. К государственным кредитным учреждениям при Министерстве финансов относились Крестьянский поземельный банк и Дворянский земельный банк, имевшие тамбовские филиалы. Дальнейшее развитие банковской системы в структурном, функциональном и субъектном аспектах было связано со сменой экономической модели, социальными потрясениями и международно-военной обстановкой вокруг России.

Ключевые слова: историческое обобщение; историография регионов; банковское дело; кредитно-денежная политика; социальное развитие; торговый оборот; экономическое развитие территорий

Для цитирования. Наумов, Д. Ю. (2026). Вопросы становления и развития основ банковского дела в Тамбовской губернии во второй половине XIX века – начале XX века. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 10–30. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-580>

The establishment of the foundations of banking in Tambov province in the second half of the XIX century – early XX century

D.Yu. Naumov

Krasivka Secondary Comprehensive School, Krasivka, Russian Federation

Abstract

Background. The banking system is one of the most important sectors of the economy of a civilized state, embodying diverse trends of the past and present. To understand and improve banking (as with any other sector), it is necessary to constantly study the processes of its formation and development, both in socioeconomic and political terms. As a legitimate regulator of the economy, banking serves as the accumulation and collection of funds, as well as the control of their circulation and the intermediation of banking transactions between individuals, organizations, and states. The relevance of this research topic lies in the fact that an analysis of the evolution of the regional banking system is important both for assessing the situation in the Tambov Region and for assessing the challenges and development prospects of the banking system throughout Russia.

Purpose – a study of the formation and development of banking in the Tambov province in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Materials and methods. In studying the topic, the following were used: 1) universal scientific methods; 2) general scientific methods; 3) special, and in this case historical, methods; 4) applied methods of historical research.

Results. The study establishes that the State Bank of the Russian Empire was established in St. Petersburg on June 1, 1860. By decree of Emperor Alexander II of December 20, 1863, branches of the State Bank were opened in Astrakhan, Vladimir, Voronezh, Yekaterinoslav, Kazan, Chisinau, Penza, Ryazan, Samara, Saratov, Tambov, and Yaroslavl. The Tambov branch of the State Bank is considered to have been established on June 23, 1864. It was from this date that the banking system in the Tambov region began to develop, successfully supporting various sectors of the local economy, particularly in agriculture, as Tambov was a major grain producer and exporter. In addition to the Tambov branch of the State Bank, the City Public Bank and the Mutual Credit Society were also significant, but monopolistic, elements of the monetary system of the Tambov province. The state-owned credit institutions under the Ministry of Finance included the Peasant Land Bank and the Noble Land Bank, which had branches in Tambov. The further development of the banking system in its structural, functional, and subjective aspects was linked to the changing economic model, social upheaval, and the international military situation surrounding Russia.

Keywords: historical generalization; historiography of regions; banking; monetary policy; social development; trade turnover; economic development of territories

For citation. Naumov, D. Yu. (2026). The establishment of the foundations of banking in Tambov province in the second half of the XIX century – early XX century. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 10–30. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-580>

Введение

Формирование банковского дела на тамбовской земле пришлось на вторую половину XIX века, когда Крестьянская реформа 1861 года, отменившая крепостное право, дала начало развитию в стране капиталистических отношений. Уже складывавшиеся рыночные формы хозяйствования и торговли в промышленности и сельском хозяйстве получили новый импульс, усиленные буржуазными финансовыми реформами 1860–1970 годов, которые упорядочивали кредитную систему, бюджетную и налоговую системы, а также государственный контроль.

Оживление торгового оборота, стабилизация денежно-кредитных отношений были целью открытия в Санкт-Петербурге 1 июня 1860 года Государственного банка Российской империи, ставшего преемником Государственного коммерческого банка Российской империи (1818–1860) и Государственного ассигнационного бан-

ка (1769–1818). Задуманный как важнейшее звено экономической политики правительства, крупнейший кредитор промышленности и торговли, Государственный банк начал осуществлять свою деятельность через 7 контор бывшего Государственного коммерческого банка, а также через вновь создаваемую сеть своих региональных отделений.

По Указу императора Александра II от 20 декабря 1863 года были открыты отделения Государственного банка в Астрахани, Владимире, Воронеже, Екатеринославе, Казани, Кишиневе, Пензе, Рязани, Самаре, Саратове, Тамбове и Ярославле.

Датой создания Тамбовского отделения Государственного банка считается 23 июня 1864 года. Отделение с основным капиталом 50.000 рублей и штатом из 8 человек было размещено в трех комнатах частного дома господина Герасимова, где находилась Казенная палата (ранее – улица Гимназическая, ныне – улица Коммунальная, дом 8). В 1865 году банковское отделение арендовало дом госпожи Зубковой (ранее – улица Дворцовая, ныне – улица Советская, дом 103). 16 января 1876 года банк купил собственный дом у титулярного советника Н.И. Толмачева (ныне – улица Советская, дом 120) [18].

Материалы и методы

При изучении темы использовались:

- 1) универсальные научные методы – анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, сравнение, метод гипотез и аналогия;
- 2) общенаучные методы – различные виды измерений;
- 3) специальные, в данном случае исторические методы – ди-ахронный (применяющий периодизацию, исследующий изменения и явления в отдельно взятом регионе), историко-генетический метод (рассматривающий явления с точки зрения рождения и развития), историко-системный метод (исторические события рассматриваются как единое целое со своей иерархией), историко-сравнительный (помогает находить различия или сходства у определенных объектов), статистический метод (опирается на количественные данные вычислений и связан с изучением проблем социальной-экономической

сферы), хронологический метод (позволяет рассматривать явления и события поэтапно, сквозь призму временных изменений);

4) прикладные методы исторического исследования – антропологический (делает акцент на роль человека в историческом развитии общества), метод контент-анализа (когда изучаются документальные исторические данные).

Основная часть

В числе первых двадцати регионов Российской Империи, где начали формироваться кредитные учреждения, была и Тамбовская губерния: в 1864 г. «в Тамбове было открыто отделение Госбанка – II разряда, управляющим которого на протяжении 1864–1870 гг. был Кульжинский А.И., в Козлове (1867 г.) – III разряда, в Моршанске (1867 г.) – III разряда» [2, с. 7].

Функционирование Тамбовского Отделения Госбанка на начальном этапе было обеспечено следующими операциями: «обмен ветхих кредитных билетов на новые, обмен крупных – на мелкие и обратно»; «выплачивание процентов по купонам 5 %-ных билетов»; «прием сумм из Казначейств и от частных лиц для перевода в банк, конторы и отделения»; «прием вкладов на текущий счет и на обращение из процентов как срочных, так и бессрочных»; «учет купонов от правительственных и гарантированных правительством бумаг, а также учет свидетельств банка и контор сроком до 6 месяцев»; «выдача ссуд под залог государственных процентных бумаг, акций и облигаций, а именно: 5 %-ных билетов Государственного банка, билетов Государственного казначейства, билетов Комиссии для целенаправленного погашения долгов и акций и облигаций Главного общества железных дорог, взимая по 6 % в год»; «получение платежей по срочным документам за счет государственного Казначейства и банка»; «продажа и покупка пятипроцентных банковских билетов» [18, с. 113].

В фокусе финансовых интересов Тамбовского отделения Госбанка, обозначившего начало создания банковской системы губернии, были многие сферы территориальной экономики, особенно

зерновое хозяйство. Поскольку Тамбовский регион был значимым центром производства и вывоза зерна, местное отделение Государственного банка внесло вклад в возведение семи зернохранилищ, часть которых уцелела до наших дней.

С 1885 года стала активно развиваться Сберегательная касса, к началу XX века «далеко опередив многие губернии России как по числу вкладчиков, так и по объему вкладов» [18, с. 114].

Ключевым элементом финансовой и банковской структуры Тамбовской губернии являлся Городской общественный банк. Он открылся 15 апреля 1865 года под эгидой и надзором городской администрации. Первоначальный капитал банка денежно составил 10000 рублей, а первый вклад в него сделал Н.М. Носов, занимавший должность городского главы.

«Банк принимал вклады, выдавал ссуды под залог ценных бумаг и драгоценностей, – пишут В.Д. Арнаутова и Я.Ю. Радюкова. – Основными вкладчиками банка являлись крупные купцы – братья Асеевы и Толмачев. Следует отметить, что в соответствии с Уставом банка две трети прибыли шли на нужды города» [2, с. 8].

В качестве третьего элемента финансово-банковской структуры Тамбовской губернии выступало Тамбовское общество взаимного кредитования. Его работа основывалась на системе коллективной ответственности, где участники выступали и как собственники, и как получатели займов. В.Д. Арнаутова и Я.Ю. Радюков отмечают: «Основанием для открытия «Общества» стало прошение в Министерство финансов от 83 человек из купеческого сословия Тамбовщины в августе 1869 г.» [2, с. 9].

В Российской империи функционировала разветвленная система обществ взаимного кредитования, насчитывающая 1100 организаций. На тамбовской земле, помимо губернского центра, они осуществляли свою деятельность в Борисоглебске, Кирсанове, Козлове, Моршанске и Шацке.

Более полутора десятилетий Тамбовское отделение Госбанка, наряду с Городским общественным банком и Обществом взаимного кредита, доминировали на местном финансовом рынке. Это

положение, однако, не всегда соответствовало потребностям жителей губернии.

«В Тамбовской губернии в начале XX века под крылом Государственного банка начали функционировать различные финансовые учреждения: казначейства, городские общественные банки, кредитные и ссудо-сберегательные товарищества, а также инспекции, контролирующие систему мелкого кредитования» [18, с. 114].

В указанный период Тамбовское отделение Государственного банка имело прибыль, превышающую 4 миллиона рублей, при этом обороты по счетам достигали миллиардных значений. Это обеспечивало возможность направлять полученные средства на развитие губернии. В частности, часть прибыли направлялась на финансирование образовательных учреждений.

Строительство нового здания для размещения Тамбовского филиала Государственного банка последовательно велось с 1911 года, как отмечает исследователь С.В. Филин [18, с. 114].

По данным «Исторической справки Государственного архива Тамбовской области», в 1912 году в Тамбовском отделении Госбанка кредиты брали сельхозпроизводители, представители промышленности, торговли [18, с. 114].

В Тамбовском филиале Государственного банка особенно выделялся своей надежностью и компетентностью один из членов Учетно-ссудного комитета, приносивший немалую пользу организации, – крупный фабрикант, обладавший большим наличным капиталом, знаток торгового дела и разных отраслей промышленности М.В. Асеев.

Не только в мирное время, но и в годы Первой мировой войны Тамбовское отделение Госбанка работало с огромной пользой для своих мест.

Итак, 1 июня 1860 года в Санкт-Петербурге был создан Государственный банк Российской империи. По Указу императора Александра II от 20 декабря 1863 года были открыты отделения Государственного банка в Астрахани, Владимире, Воронеже, Екатеринославе, Казани, Кишиневе, Пензе, Рязани, Самаре, Саратове,

Тамбове и Ярославле. Началом истории Тамбовского филиала Государственного банка принято считать 23 июня 1864 года. С этого момента началось формирование банковской структуры в Тамбовской области, которая оказывала существенную поддержку различным секторам местной экономики. Особое значение это имело для зернового производства, поскольку Тамбовская губерния была одной из ведущих территорий по выращиванию и продаже зерна. В дополнение к Тамбовскому филиалу Государственного банка, ключевыми, но единственными участниками финансовой системы Тамбовской губернии выступали Городской банк и Общество взаимного кредита.

Историки и аналитики классифицируют все кредитно-финансовые организации, существовавшие в дореволюционной России, на три отдельные категории: 1) «Государственные кредитные учреждения при Министерстве финансов; 2) «Общественные кредитные учреждения; 3) Частные кредитные установления [13, с. 126].

Государственный банк был государственно-правительственным банком, большая часть его ресурсов сначала направлялась «на прямое и косвенное финансирование государственной казны» [13, с. 127].

В 1886 году, после упразднения старых кредитных организаций, Государственный банк стал оказывать финансовую поддержку Государственному Дворянскому и Крестьянскому банкам. Их роль сводилась к тому, чтобы содействовать землевладельцам в «выгодной продаже их угодий и помогать зажиточным крестьянам в увеличении их земельных активов» [13, с. 127].

По мнению З.В. Лапшиной и К.С. Прахта, «российская кредитно-банковская система отличалась от западноевропейской тем, что в России основной поток банковских средств направлялся не на финансирование промышленности, а на предоставление займов государству и помещикам-землевладельцам» [13, с. 128].

Эта ориентация российской кредитно-банковской системы во многом определялась социально-политической структурой империи, где самодержавие и дворянство играли ключевую роль. Правительство нуждалось в постоянном притоке средств для покрытия

государственных расходов, в том числе военных, а помещики, составлявшие основу социальной опоры самодержавия, нуждались в кредитах для поддержания своего хозяйства, часто неэффективного и обремененного долгами.

В отличие от западноевропейских стран, где бурный рост промышленности требовал значительных инвестиций, в России промышленное развитие шло более медленными темпами. Это, в свою очередь, ограничивало спрос на кредиты со стороны промышленного сектора. К тому же, российское правительство, опасаясь политической и экономической зависимости от промышленников, не всегда было заинтересовано в стимулировании роста их предприятий.

Однако, необходимо отметить, что российская кредитно-банковская система всё же уделяла внимание промышленности. Существовали банки, специализировавшиеся на финансировании отдельных отраслей индустрии страны – таких, как железнодорожное строительство или горнодобывающее дело. Но в целом объем средств, направляемых в промышленность, оставался значительно меньше, чем объем кредитов, предоставляемых государству и землевладельцам.

Таким образом, специфика российской кредитно-банковской системы отражала особенности социально-экономического и политического развития страны в XIX – начале XX веков. Ориентация на обслуживание интересов государства и помещиков хотя и обеспечивала стабильность режима, всё же сдерживала промышленный рост и ограничивала возможности для модернизации экономики. Эта ситуация в конечном счете стала одной из причин отставания России от передовых западных держав.

Деятельность Тамбовских филиалов Дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков, правовое обеспечение ими ипотеки земли сельскохозяйственного назначения во второй половине XIX – начале XX в. подробно изучена исследователями В.Г. Баевым, Г.С. Працко, С.А. Фроловым и многими другими исследователями в концептуальных историографических [3; 4; 7; 9; 11; 14; 15; 17; 19; 21] и историко-правовых научных исследованиях [6; 8; 10; 12; 13; 16; 21].

В.Г. Баев и С.А. Фролов указывают, что финансовое положение Дворянского банка к началу XX века было незавидным, и это не позволяло правительству С.Ю. Витте пойти навстречу требованиям помещиков, которые «... высказывались за необходимость снижения процентов по ссудам, выдачи ссуд для покупки дворянами новых земель в размере 90% их стоимости. ... понижения и сложения процентов неисправных плательщиков – заемщиков в Дворянский банк, широкой правительственной помощи в организации дворянских касс взаимопомощи» [3, с. 31]. Дворянское сословие не желало допускать сокращения своих земельных владений и их последующей трансформации в буржуазную собственность, поэтому всячески замедляло этот процесс.

В конечном итоге, сопротивление аристократии не смогло остановить ход истории. Хотя она и сохранила часть своего влияния и богатства, ее роль в обществе необратимо изменилась, и она утратила свое доминирующее положение в экономике и политике.

Черноземная Тамбовская губерния, будучи «оплотом дворянского землевладения...», не отличалась от других регионов большей долей помещичьего землевладения» [3, с. 31]. Дворянскую землю скупали зажиточные крестьяне, увеличивалась стоимость этих покупок [3, с. 31]. Тамбовским отделением Дворянского банка принимались заявления о ссудах, половина из них была перезалогами; сумма ссуд превышала 3 миллиарда рублей; часто на имениях были долги.

Известные исследователи В.Г. Баев и С.А. Фролов подчеркивают зависимость происходящих в стране переломных событий и решений Дворянского и Крестьянского банков [3, с. 31–32].

В то же время очевидно и нежелание банкиров перестраивать свою работу, нежелание воздействовать на ситуацию с целью ее не стагнации, а разрешения: недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях в 1905 году, а затем в 1906 году еще в 14 губерниях вызвал голод и последовавшие беспорядки, а руководство Дворянского и Крестьянского банков не меняло устав: «За период с июля по август 1905 г. в Тамбовское отделение Крестьянского банка поступило 81 прошение о льготах в платежах, а в отделение Дворянского банка – 23 прошения... Экс-

тренное собрание губернского дворянства... постановило ходатайствовать о рассрочке майского и ноябрьского платежей на десять лет... в Тамбовское отделение от управляющего банком пришла телеграмма, сообщавшая, что... льготы по неурожаю заемщикам могут быть предоставлены в порядке и пределах устава банка, что не соответствовало остроте создавшейся ситуации» [3, с. 32].

Но жизнь и ее ход, ее движение невозможно сдержать, и вот уже громятся помещичьи имения. «Тенденцию к уменьшению доли дворянского землевладения усилил царский Указ об отмене выкупных платежей... По обращению крестьян за кредитами из Крестьянского банка в 1906–1907 гг. Тамбовское отделение занимало первое место. Так, в 1907 г. заемщики по 396 сделкам приобрели 125 623 десятину земли, а ссуда составила 20 841 660 рублей» [3, с. 32].

Исследователи объясняют повышение спроса в 1906–1907 гг. на покупку земли при посредничестве Крестьянского банка перенаселенностью Тамбовской губернии, большим среднегодовым общим приростом населения, в связи с чем «неуклонно возрастала плотность населения и сокращалось количество удобной надельной и купчей земли, приходившейся на одно хозяйство» [3, с. 33].

Аграрная реформа С.Ю. Витте – Столыпина П.А. с ее отменой взимания с крестьян выкупных платежей делала крестьян полными собственниками своих наделов, открывая путь к формированию класса крепких, хозяйственных крестьян-собственников. Однако реформа не ограничивалась лишь этим. Она также предусматривала разрушение общины, позволяя крестьянам выходить из нее и закреплять свои земли в частную собственность в виде отрубов и хуторов. Эта мера, направленная на стимулирование индивидуальной инициативы и повышение эффективности сельского хозяйства, вызвала неоднозначную реакцию в обществе, породив как сторонников, видевших в ней залог процветания, так и противников, опасавшихся разорения слабых хозяйств и усиления социальной напряженности в деревне.

Законодательными актами в период аграрной реформы были определены новые функции Крестьянского банка, который теперь получал следующие права, возможности и обязанности, в перспек-

тиве расширявшие его деятельность и придававшие ей новое направление [3, с. 33].

Земельный фонд, формируемый Крестьянским банком, был предназначен для реализации крестьянским хозяйствам. С этой целью были созданы Землеустроительные комиссии на губернском и уездном уровнях. Принцип их работы можно проиллюстрировать на примере Лебедянской Землеустроительной комиссии Тамбовской губернии [3, с. 34]:

- а) приобретение Крестьянским банком земельных владений за счет собственных средств;
- б) утверждение плана ликвидации банковского имения (разбивка на хутора, поселки с отрубам);
- в) продажа этих земельных частей;
- г) выдача Крестьянским банком ссуд при покупке земли в единоличную собственность.

Согласно данным, обнародованным В.Г. Баевым и С.А. Фроловым, аграрная реформа способствовала переселению жителей Тамбовской губернии в другие регионы. Это стало возможным благодаря деятельности Крестьянского банка, который выдавал ссуды и предоставлял возможность приобретения банковской земли. В результате население мигрировало в Пензенскую, Уфимскую, Саратовскую, Воронежскую и Тульскую губернии.

Также Тамбовское отделение и Дворянского банка передавало заложенные земли в руки крестьян. Это привело, с одной стороны, к инициативе слияния Крестьянского и Дворянского банков, а с другой стороны, вызвало конфликт: дворяне «ходатайствовали перед правительством об изменении характера деятельности Крестьянского банка в соответствии с пожеланиями помещиков» [3, с. 35], которые были недовольны тем, что Крестьянский банк, по Закону 26 апреля 1906 г. получивший «право выступать заемщиком Дворянского банка при приобретении дворянских имений» [3, с. 35], превратился в самого крупного должника Дворянского банка, а также негодовали на то, что Дворянский банк «обслуживает нужды государственные, нужды другого сословия, крестьянского,

и совершенно не является кредитным сословным учреждением» [3, с. 35], хотя Тамбовское отделение Дворянского банка большинство ссуд выдавало на перезалог имений.

В годы Первой мировой войны деятельность Крестьянского и Дворянского банков была сокращена, что отразилось на ходе землеустроительных работ: «Крестьянство Тамбовской губернии, как общинники, так и отрубники, в массовом порядке обращались в местные землеустроительные комиссии с просьбой о приостановке выделов до окончания военных действий. Тем не менее, землеустроительные работы к 1 января 1916 г. охватили 407 366 десятин земли Тамбовской губернии. Было выдано 6 090 ликвидационных ссуд под залог 116 755 десятин земли. В целом развитие системы государственного ипотечного кредитования продолжалось вплоть до октября 1917 г.» [3, с. 36].

В 1917 году советское правительство, после прихода к власти, распустило Дворянский и Крестьянский земельные банки, включая отделения в Тамбовской губернии. Было возвращено общинное землепользование.

Земля, объявленная общенародным достоянием, подлежала переделу между крестьянами по уравнительному принципу, что, однако, не привело к немедленному разрешению аграрного вопроса. Напротив, ликвидация банковской системы, предоставлявшей кредиты и регулировавшей земельные отношения, вкупе с хаотичным переделом земли, породила новые противоречия и усилила социальную напряженность в деревне. Стремление к уравнительности столкнулось с реалиями крестьянского хозяйства, где существовали как бедняки, так и зажиточные крестьяне, не желавшие делиться нажитым.

В результате, к началу 1920-х годов экономика страны находилась в состоянии глубочайшего кризиса. Был предпринят ряд шагов по выходу из него, в том числе носящих демократический и прогрессивный характер. Это привело к разработке и внедрению новой экономической политики, ознаменовавшей отход от жесткого централизованного планирования и возвращение к элементам рыночной экономики.

Обновление и модернизация кредитно-экономической стратегии государства после 1917 года нашли свое отражение в ряде конкретных шагов и мероприятий [1].

1. После провозглашения банковской деятельности исключительной прерогативой государства все частные кредитные организации подверглись национализации и последующему объединению с Государственным банком (Декрет ВЦИК от 14 (27) декабря 1917 г.).

2. Госбанк стал Народным банком Российской Федерации, а тамбовский филиал Госбанка – его Тамбовским отделением.

3. Была внедрена схема безналичных расчетов, при которой средства автоматически переводились со счетов лиц, имеющих задолженности, непосредственно на счета тех, кому они были должны.

Благодаря тому, что Национальный банк выполнял расчётно-кассовые операции, стало возможным эффективно прогнозировать и контролировать движение наличных денег, а также поддерживать стабильность рубля. Безналичные транзакции позволяли значительно экономить ресурсы.

Централизованное проведение расчётно-кассовых операций Национальным банком также способствовало повышению прозрачности финансовых потоков в экономике. Это, в свою очередь, позволяло более эффективно бороться с теневой экономикой и финансовыми преступлениями.

Заключение

К государственным кредитным учреждениям при Министерстве финансов относились Крестьянский поземельный банк и Дворянский земельный банк, имевшие тамбовские филиалы. Финансовое положение Дворянского банка к началу XX века было незавидным, ибо дворяне, заинтересованные в торможении процессов убыли их сословной земли с превращением ее в бессословную буржуазную собственность, перезакладывали имения в Дворянском банке. Тамбовским отделением Дворянского банка принимались заявления о ссудах, половина из них была перезалогами; сумма ссуд превышала 3 миллиарда рублей; часто на имениях были долги.

Русско-японская война, Первая русская революция и Первая мировая война заставляли банки корректировать свою деятельность, но к перестройке, соответствующей остроте социально-экономической и политической ситуации, всё же не принудили.

Аграрная реформа С.Ю. Витте – Столыпина П.А. с ее отменой взимания с крестьян выкупных платежей делала крестьян полными собственниками своих наделов. Крестьянский банк получил теперь права, возможности и обязанности, расширявшие его деятельность и придававшие ей новое направление: запас земель, который образовывался в Крестьянском банке, предназначался для продажи крестьянам. Общинное землевладение было заменено на индивидуальное ведение хозяйства и на подворно-участковую систему; Крестьянский банк принял «дополнительные меры к разделу товарищеской земли и выделению участков в единоличную собственность отдельных домохозяев» [3, с. 34].

В ходе проведения аграрной реформы Крестьянский банк оказывал жителям Тамбовской губернии поддержку в виде кредитования и возможности приобретения земель банка. Благодаря этой помощи население Тамбовской губернии осуществляло переселение в Пензенскую, Уфимскую, Саратовскую, Воронежскую и Тульские губернии.

Также Тамбовское отделение и Дворянского банка передавало заложенные земли в руки крестьян. Это привело, с одной стороны, к инициативе слияния Крестьянского и Дворянского банков, а с другой стороны, вызвало недовольство дворян тем, что Крестьянский банк превратился в самого крупного должника Дворянского банка, а Дворянский банк стал обслуживать нужды государства и крестьянского сословия.

Советская власть в 1917 году упразднила Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки (в том числе в Тамбовской губернии) в силу того, что были ликвидированы сословные учреждения, конфискована помещичья земля, была отменена частная собственность на землю и возвращено общинное землепользование.

Октябрь 1917 года национализировал банковскую сферу. Госбанк стал Народным банком Российской Федерации, а тамбовский

филиал Госбанка – его Тамбовским отделением. Выполнение расчетных и кассовых операций Народным, а далее Государственным банком позволяло оперативно контролировать и планировать движение наличных денег, стабилизировать рубль, а впоследствии содействовать проведению индустриализации и коллективизации сельского хозяйства.

В первые годы советской власти Тамбовское отделение Народного банка, как и другие региональные подразделения, столкнулось с колоссальными трудностями. Гражданская война, разруха, гиперинфляция – всё это требовало от банковских работников не только профессионализма, но и недюжинной стойкости. В условиях дефицита кадров, вызванного мобилизацией и эмиграцией, приходилось обучать новых сотрудников прямо на рабочих местах. Несмотря на это, отделение продолжало функционировать, обеспечивая финансирование местных предприятий и выплату зарплат рабочим и служащим.

С переходом к Новой экономической политике роль Тамбовского отделения Народного банка несколько изменилась. Наряду с государственными предприятиями, появились частные и кооперативные, нуждавшиеся в кредитовании. Банк стал предоставлять краткосрочные ссуды для развития торговли и сельского хозяйства, способствуя восстановлению экономики региона. В этот период активно развивалась сеть сельских кредитных товариществ, которые, опираясь на поддержку Народного банка, помогали крестьянам приобретать сельскохозяйственный инвентарь, семена и удобрения.

В конце 1920-х годов, с началом индустриализации и коллективизации, Тамбовское отделение Государственного банка (вернувшему себе прежнее название) вновь оказалось в центре экономических преобразований. Банк активно финансировал строительство новых промышленных предприятий – таких, как Тамбовский вагоноремонтный завод и Тамбовский завод резинотехнических изделий. Одновременно с этим, отделение участвовало в организации колхозов и совхозов, предоставляя им кредиты на приобретение техники и скота. Процесс коллективизации, однако, сопровождался

серьезными трудностями и перегибами, что отражалось и на работе банковской системы. Тем не менее, Тамбовское отделение Госбанка продолжало выполнять свою задачу, обеспечивая финансовую поддержку проводимым в регионе преобразованиям.

Список литературы

1. Абакумова, Е. А., & Яценко, К. В. (2025). Динамика численности мещанского сословия Тамбовской губернии во второй половине XIX в. *Власть*, 33(3), 317–321. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-3-317-321>. EDN: <https://elibrary.ru/LVLBYR>
2. Арнаутова, В. Д., & Радюкова, Я. Ю. (2015). Становление банковской системы на Тамбовщине: от прошлого к настоящему. В В. М. Юрьев (отв. ред.), *Саяпинские чтения: сборник материалов круглого стола* (Вып. 8, с. 7–14). Издательство ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина». EDN: <https://elibrary.ru/TSFQTR>
3. Баев, В. Г., & Фролов, С. А. (2018). Деятельность Крестьянского и Дворянского банков в условиях вызовов начала XX в. (на материале Тамбовской губернии). *Уральский исторический вестник*, (2), 30–38. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2\(59\)-30-38](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-30-38). EDN: <https://elibrary.ru/XPNBOH>
4. Баев, В. Г., & Фролов, С. А. (2017). Организационно-правовые основы ипотечного кредитования земли сельскохозяйственного назначения как меры достижения устойчивого развития Российского государства (на примере деятельности Дворянского банка в Тамбовской губернии в 1885–1900 гг.). *Lex Russica*, (10), 158–170. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.158-170>. EDN: <https://elibrary.ru/ZQMUUL>
5. Баев, В. Г., Орлова, Е. Е., & Фролов, С. А. (2021). Проблема преемственности предпринимательской деятельности в сфере ипотечного кредитования земли в конце XIX – начале XX в.: историко-правовой анализ. *Вопросы истории*, 12-4, 83–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi120>. EDN: <https://elibrary.ru/XMAWXA>
6. Бредихин, В. Е., & Двухжилова, И. В. (2015). Косвенное налогообложение тамбовского крестьянства в период Первой мировой войны: опыт сравнительной оценки. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-3), 29–33. EDN: <https://elibrary.ru/UZELNV>
7. Ерин, П. В., & Николашин, В. П. (2021). Тамбовская управленческая элита в условиях пореформенной трансформации. *История: факты и символы*, (4), 99–112. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-29-4-99-112>. EDN: <https://elibrary.ru/YFTUYI>

-
8. Житин, Р. М., & Топильский, А. Г. (2017). Мобилизация земельных владений Тамбовской губернии во второй половине XIX — начале XX века. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (11), 56–58. EDN: <https://elibrary.ru/ZQKLEN>
 9. Житин, Р. М. (2020). Сдельные формы найма рабочих в помещичьем хозяйстве Тамбовской губернии в конце XIX века. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 25(187), 140–147. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-187-140-147>. EDN: <https://elibrary.ru/PHDQLP>
 10. Ильин, А. Ю. (2025). К вопросу об историографической систематизации (на материалах диссертаций по истории Тамбовской губернии и области). *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 27(5), 1266–1273. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1266-1273>. EDN: <https://elibrary.ru/WGVLCM>
 11. Колесникова, Е. С., & Агафонова, М. С. (2012). История развития банковского дела. *Успехи современного естествознания*, 4, 136–139. EDN: <https://elibrary.ru/PBAUVR>
 12. Кузнецов, В. В. (2025). Городское самоуправление во взаимодействии с городскими общественными банками во второй половине XIX – начале XX века (на примере уездных центров Тамбовской губернии). *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 2, 44–49. EDN: <https://elibrary.ru/SNUSNY>
 13. Лапшина, З. В., & Прахт, К. С. (2015). Банковская система в дореволюционной России. *Экономика и социум*, (2-3), 126–129. EDN: <https://elibrary.ru/VDCXIH>
 14. Працко, Г. С., & Фролов, С. А. (2024). Организационно-правовое регулирование практики ипотеки земли на начальном этапе функционирования Крестьянского банка в Российской империи (1885–1894). *Право: история и современность*, 8(2), 135–144. <https://doi.org/10.17277/pravo.2024.02.pp.135-144>. EDN: <https://elibrary.ru/HTLXVU>
 15. Пирожкова, И. Г. (2017). Тамбовская губерния на страницах полного собрания законов Российской империи. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-2), 155–159. EDN: <https://elibrary.ru/ZWMAAP>
 16. Тетюхин, И. Н. (2012). Становление пореформенных судов в Тамбовской губернии. *История государства и права*, 23, 42–46. EDN: <https://elibrary.ru/PJURXP>
 17. Топильский, А. Г., & Житин, Р. М. (2025). Отраслевая структура и особенности модернизации животноводческой отрасли в крупных хозяйствах Тамбовской губернии в конце XIX — начале XX века. *Исторический бюллетень*, 8(8), 109–117. EDN: <https://elibrary.ru/AWHRPA>

18. Филин, С. В. (2008). История становления и развития Государственного банка (региональный аспект). *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, (1), 113–118. EDN: <https://elibrary.ru/IVVYSZ>
19. Фролов, С. А. (2005). *Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884–1917 гг.)*. Издательство Тамбовского государственного технического университета. ISBN 5-8265-0441-2. EDN: <https://elibrary.ru/QRBNHP>
20. Фролов, С. А., Баев, В. Г., & Пчелинцев, А. В. (2022). Субъекты кредитных правоотношений в условиях модернизации законодательства о Крестьянском банке в последней четверти XIX века. *Современное право*, 9, 140–146. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.94.88.022>. EDN: <https://elibrary.ru/MZSJJSK>
21. Фролов, С. А., & Працко, Г. С. (2024). Правовое обеспечение ипотеки земли в деятельности Дворянского банка и особого его отдела в конце XIX в. *Право: история и современность*, 8(4), 435–442. <https://doi.org/10.17277/pravo.2024.04.pp.435-444>. EDN: <https://elibrary.ru/BKJYNG>

References

1. Abakumova, E. A., & Yatsenko, K. V. (2025). Dynamics of the number of the bourgeois class in the Tambov province in the second half of the 19th century. *Vlast'*, 33(3), 317–321. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2025-3-317-321>. EDN: <https://elibrary.ru/LVLBYYP>
2. Arnaudova, V. D., & Radyukova, Y. Y. (2015). The formation of the banking system in the Tambov region: From the past to the present. In V. M. Yuriev (Ed.), *Sayapin readings: Collection of materials of the round table* (Vol. 8, pp. 7–14). Publishing House of Tambov State University named after G. R. Derzhavin. EDN: <https://elibrary.ru/TSFQTR>
3. Baev, V. G., & Frolov, S. A. (2018). Activities of the Peasant and Noble banks in the context of the challenges of the early 20th century (based on the materials of the Tambov province). *Ural Historical Bulletin*, (2), 30–38. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2\(59\)-30-38](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2018-2(59)-30-38). EDN: <https://elibrary.ru/XPNBOH>
4. Baev, V. G., & Frolov, S. A. (2017). Organizational and legal foundations of mortgage lending for agricultural land as a measure to achieve sustainable development of the Russian state (the case of the Noble Bank in the Tambov province in 1885–1900). *Lex Russica*, (10), 158–170. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2017.131.10.158-170>. EDN: <https://elibrary.ru/ZQMUUL>
5. Baev, V. G., Orlova, E. E., & Frolov, S. A. (2021). The problem of continuity of entrepreneurial activity in the field of mortgage lending for land in the late 19th — early 20th centuries: A historical and legal analysis. *Voprosy Istorii*, 12-4, 83–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi120>. EDN: <https://elibrary.ru/XMAWXA>

6. Bredikhin, V. E., & Dvukhzhilova, I. V. (2015). Indirect taxation of the Tambov peasantry during the First World War: An experience of comparative assessment. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, (12-3), 29–33. EDN: <https://elibrary.ru/UZELNV>
7. Erin, P. V., & Nikolashin, V. P. (2021). The Tambov administrative elite in the context of post-reform transformation. *History: Facts and Symbols*, (4), 99–112. <https://doi.org/10.24888/2410-4205-2021-29-4-99-112>. EDN: <https://elibrary.ru/YFTUYI>
8. Zhitin, R. M., & Topilsky, A. G. (2017). Mobilization of land holdings in the Tambov province in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, (11), 56–58. EDN: <https://elibrary.ru/ZQKLEN>
9. Zhitin, R. M. (2020). Piece-rate forms of hiring workers in the landowner's economy of the Tambov province at the end of the 19th century. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 25(187), 140–147. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2020-25-187-140-147>. EDN: <https://elibrary.ru/PHDQLP>
10. Ilyin, A. Yu. (2025). On the issue of historiographical systematization (based on dissertations on the history of the Tambov province and region). *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*, 27(5), 1266–1273. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-5-1266-1273>. EDN: <https://elibrary.ru/WGVLCM>
11. Kolesnikova, E. S., & Agafonova, M. S. (2012). History of the development of banking. *Advances in Current Natural Sciences*, 4, 136–139. EDN: <https://elibrary.ru/PBAUVR>
12. Kuznetsov, V. V. (2025). Municipal self-government in interaction with urban public banks in the second half of the 19th — early 20th centuries (the case of district centers of the Tambov province). *Bulletin of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 2, 44–49. EDN: <https://elibrary.ru/SNUSNY>
13. Lapshina, Z. V., & Prakht, K. S. (2015). The banking system in pre-revolutionary Russia. *Economy and Society*, (2-3), 126–129. EDN: <https://elibrary.ru/VDCXIH>
14. Pratsko, G. S., & Frolov, S. A. (2024). Organizational and legal regulation of the practice of land mortgage at the initial stage of the Peasant Bank's operation in the Russian Empire (1885–1894). *Law: History and Modernity*, 8(2), 135–144. <https://doi.org/10.17277/pravo.2024.02.pp.135-144>. EDN: <https://elibrary.ru/HTLXVU>
15. Pirozhkova, I. G. (2017). The Tambov province on the pages of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. *Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Art History. Issues of Theory and Practice*, (12-2), 155–159. EDN: <https://elibrary.ru/ZWMAAP>
16. Tetyukhin, I. N. (2012). The formation of post-reform courts in the Tambov province. *History of State and Law*, 23, 42–46. EDN: <https://elibrary.ru/PJURXP>
17. Topilsky, A. G., & Zhitin, R. M. (2025). Sectoral structure and features of the modernization of the livestock industry in large farms of the Tambov province in the late

- 19th – early 20th centuries. *Historical Bulletin*, 8(8), 109–117. EDN: <https://elibrary.ru/AWHRPA>
18. Filin, S. V. (2008). The history of the formation and development of the State Bank (regional aspect). *Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities*, (1), 113–118. EDN: <https://elibrary.ru/IVYSZ>
19. Frolov, S. A. (2005). *The Peasant Land Bank in the Tambov province (1884–1917)*. Publishing House of Tambov State Technical University. ISBN 5-8265-0441-2. EDN: <https://elibrary.ru/QRBNHP>
20. Frolov, S. A., Baev, V. G., & Pchelintsev, A. V. (2022). Subjects of credit relations in the context of modernization of the legislation on the Peasant Bank in the last quarter of the 19th century. *Sovremennoe Pravo*, 9, 140–146. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.94.88.022>. EDN: <https://elibrary.ru/MZSJSK>
21. Frolov, S. A., & Pratsko, G. S. (2024). Legal support for land mortgage in the activities of the Noble Bank and its special department in the late 19th century. *Law: History and Modernity*, 8(4), 435–442. <https://doi.org/10.17277/pravo.2024.04.pp.435-444>. EDN: <https://elibrary.ru/BKJYNG>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Наумов Дмитрий Юрьевич, учитель истории и обществознания

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Красив-
ская средняя общеобразовательная школа»*

*ул. Школьная, 20, с. Красивка, Тамбовская область, 393345, Российская
Федерация*

dmitrynaumov2001@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitry Y. Naumov, History and Social Studies Teacher

Krasivka Secondary Comprehensive School

20, Shkolnaya Str., Krasivka Village, Tambov Region, 393345, Russian Federation

dmitrynaumov2001@mail.ru

Поступила 28.03.2026

После рецензирования 20.04.2026

Принята 30.04.2026

Received 28.03.2026

Revised 20.04.2026

Accepted 30.04.2026

История в системе социально-гуманитарных наук / History in the System of Social-Humanitarian Sciences

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-581](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-581)

EDN: [ANHRKQK](https://edn.ru/ANHRKQK)

УДК 930.85

Понятийные и структурные аспекты развития отечественного банковского дела (вторая половина XIX – начало XXI века)

Д.Ю. Наумов

*Красивская средняя общеобразовательная школа,
Красивка, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Являясь естественным регулятором экономики, банковская система и ее деятельность выполняют функции управления, регулирования, накопления и сбора денежных средств, а также функцию контроля их оборота, посредничества при проведении банковских операций между гражданами, организациями и государствами. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что анализ эволюции банковского дела имеет значение для понимания проблем и перспектив развития банковской системы в Российской Федерации на современном этапе.

Цель – раскрытие понятийных и структурных аспектов развития отечественного банковского дела в рассматриваемый период.

Материалы и методы. При изучении темы использовались: 1) универсальные научные методы; 2) общенаучные методы; 3) специальные, в данном случае исторические методы; 4) прикладные методы исторического исследования.

Результаты. Установлено, что структура банковской системы Российской Федерации в настоящий момент соответствует рыночным условиям хозяйствования. В 2001 и 2002 гг. были приняты закон Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» и Гражданский кодекс Российской Федерации, устанавливающие правовой статус кредитно-денежных и банковских организаций, их права, обязанности, полномочия и основы деятельности. История развития банковского дела в Российской Федерации представляется в 6 этапах развития: 1-й – с середины XVIII в. до 1860 г.; 2-й – с 1860 по 1917 г.; 3-й – с 1917 по 1930 г.; 4-й – с 1932 по 1987 г.; 5-й – с 1988 по 2000 г.; 6-й – с 2001 г. по настоящее время.

Ключевые слова: экономическая стабильность; историко-правовое познание; банковская система; кредитно-денежная политика; социальная деятельность; торговый оборот; социальные трансформации; функционирование социальных систем

Для цитирования. Наумов, Д. Ю. (2026). Понятийные и структурные аспекты развития отечественного банковского дела (вторая половина XIX – начало XXI века). *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 31–44. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-581>

Conceptual and structural aspects of the development of domestic banking (second half of the 19th century to the early 21st century)

D.Yu. Naumov

Krasivka Secondary Comprehensive School, Krasivka, Russian Federation

Abstract

Background. As a natural regulator of the economy, the banking system and its activities channel, regulate, accumulate, and collect funds, as well as control their circulation and act as an intermediary in banking transactions between individuals, organizations, and states. The relevance of this research topic lies in the fact that an analysis of the evolution of banking is important for understanding both the challenges and prospects for the development of the banking system in the Russian Federation today.

Purpose – disclosure of the conceptual and structural aspects of the development of domestic banking in the period under review.

Materials and methods. In studying the topic, the following were used: 1) universal scientific methods; 2) general scientific methods; 3) special, and in this case historical, methods; 4) applied methods of historical research.

Results. It has been established that the structure of the banking system of the Russian Federation currently corresponds to market economic conditions. In 2001 and 2002, the Laws of the Russian Federation «On Banks and Banking Activities» and the Civil Code of the Russian Federation were adopted, establishing the legal status of credit and monetary and banking organizations, their rights, obligations, powers and principles of activity. The history of the development of banking in the Russian Federation is presented in 6 stages of development: 1st – from the middle of the 18th century to 1860; 2nd – from 1860 to 1917; 3rd – 1917 to 1930; 4th – from 1932 to 1987; 5th – from 1988 to 2000; 6th – from 2001 to the present.

Keywords: economic stability; historical and legal knowledge; banking system; monetary policy; social activity; trade turnover; social transformations; functioning of social systems

For citation. Naumov, D. Yu. (2026). Conceptual and structural aspects of the development of domestic banking (second half of the 19th century to the early 21st century). *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 31–44. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-581>

Введение

Финансовые отношения представляют собой связи между участниками экономической деятельности, касающиеся независимого перемещения денежных средств. Первым, что всплывает в памяти при упоминании данной темы денежно-финансовой сферы общественной жизни, является «банк», но специалисты утверждают, что для определения банка стоит обратиться сначала к представлению о товарно-денежных отношениях, а затем – о кредитных организациях.

Денежные отношения трактуются как «такая часть товарно-денежных отношений, которая подразумевает отношения между субъектами экономики по поводу самостоятельного движения денег как таковых [17, с. 17].

Бюджетно-налоговая область финансов характеризуется нерыночным типом отношений, традиционно находясь под контролем государственных органов исполнительной власти; кредитная же сфера всегда функционирует на рыночных принципах. Именно рыночные денежные отношения по традиции составляют сферу деятельности банков и кредитных организаций (не банков) [17, с. 18].

Экономика рыночного типа складывается из сети производственных компаний и хозяйствующих субъектов. Банки как важнейший элемент финансового сектора, наряду с другими кредитными учреждениями, играют здесь ключевую роль, (вторичное звено финансового рынка) предприятиями не являются, но обладают рядом исключительных специфических качеств, характерных для ее морфологии и особенностей функционирования [17, с. 20].

Банки имеют прерогативы, которые реализуются в процессе осуществления ими следующих операций: привлечение средств от юридических лиц и граждан; кредитование; денежная эмиссия; инкассация; купля-продажа валют; открытие и ведение банковских счетов; осуществление расчетов и платежей. В дополнение к этому, исключительно банковским учреждениям дано право: осуществлять операции по привлечению драгоценных металлов; предоставлять банковские гарантии [17, с. 22].

Материалы и методы

При изучении темы использовались:

- 1) универсальные научные методы – анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, сравнение, метод гипотез и аналогия;
- 2) общенаучные методы – различные виды измерений;
- 3) специальные, в данном случае исторические методы – ди-ахронный (применяющий периодизацию, исследующий измене-ния и явления в отдельно взятом регионе), историко-генетический метод (рассматривающий явления с точки зрения рождения и раз-вития), историко-системный метод (исторические события рассма-триваются как единое целое со своей иерархией), историко-сравни-тельный (помогает находить различия или сходства у определенных объектов), статистический метод (опирается на количественные данные вычислений и связан с изучением проблем социальной-э-кономической сферы), хронологический метод (позволяет рассма-тривать явления и события поэтапно, сквозь призму временных изменений);
- 4) прикладные методы исторического исследования – антропо-логический (делает акцент на роль человека в историческом разви-тии общества), метод контент-анализа (когда изучаются докумен-тальные исторические данные).

Основная часть

Банк (и любая кредитная организация) может быть создан од-ним или несколькими лицами и функционировать: 1) на основе любой из форм собственности, указанных в Гражданском кодексе Российской Федерации... 2) только в форме хозяйственного обще-ства, т.е. в одной из следующих организационно правовых форм: акционерное общество, общество с ограниченной ответственно-стью [17, с. 23].

Финансовые связи представляют собой взаимодействие эконо-мических агентов, касающееся независимого обращения денежных средств [1]. Банки и кредитные учреждения исторически занимают центральное место в сфере рыночных денежных отношений. Лишь

банковские структуры обладают возможностью осуществлять весь спектр финансовых операций, связанных с деньгами, включая эмиссию и изъятие денежных средств. Это позволяет им обеспечивать экономический оборот необходимыми платежными инструментами и, соответственно, контролировать объем денежной массы в обращении. В силу этого банки можно рассматривать как универсальные финансовые институты.

Банковское дело возникло задолго до времен античности, ибо с древнейших времен люди осуществляли взаимные платежи с помощью монет и драгоценных металлов [15]. Первые «банки» взяли денежное обращение в свои руки, принимая деньги на хранение, выполняя некоторые платежи за счет клиентов, но не имея еще права распоряжаться вкладами [2].

Согласно архивным источникам, коммерциализация банковской деятельности стала закономерным следствием развития экономики, в частности, следствием роста промышленного и торгового капитала. Угасание натурального хозяйства, активизация торговли, увеличение доли наемного труда привели к повышению значимости финансовых операций и кредитования [3]. Так возникла система регулярного денежного обращения, операционную и техническую поддержку которой взяли на себя банковские структуры [15]. Аккумулируя неиспользованные денежные ресурсы частных лиц, предприятий и государственных структур, а также предоставляя кредиты, банки концентрировали в своих руках значительные объемы заемного капитала.

Сформировавшимся на данный момент видам и типам банковских учреждений предшествовали многовековые периоды становления, каждый из которых вносил свой вклад в общую эволюцию. Со временем банковская система получила ту форму, что обслуживает сейчас не только физических лиц, предпринимателей, государственные организации, но и поддерживает денежные потоки в экономическом пространстве планеты.

Российская банковская система начала создаваться позже, чем в странах Запада и в своем развитии прошла несколько этапов.

Первый этап:

1 а) «В 1733 г. был создан Государственный ссудный банк, игравший роль казенного ломбарда» [15].

1 б) «В 1772 г. организованы специализированные банковские учреждения, принимавшие вклады до востребования и выдававшие ссуды либо под залог ипотеки, либо под залог драгоценных металлов» [15].

1 в) «В 1786 г. для дворянства учреждается Государственный земельный банк (на основе Петербургского и Московского земельных банков) и появляются институты долгосрочного ипотечного кредитования, среди них – Вспомогательный банк для дворянства (1797 г.), выдававший долгосрочные ипотечные ссуды» [11].

1 г) «В 1817 г. создается Государственный коммерческий банк, в ведении которого был не только прием вкладов, но и осуществление жирорасчетов... Активные операции этого банка – выдача ссуд и учет простых и переводных векселей» [11].

Второй этап

2 а) В 1860 г. происходит упразднение Заемного банка.

2 б) В 1860 г. учреждается Государственный банк России на базе Государственного коммерческого банка.

Это событие стало важной вехой в развитии финансовой системы Российской империи, ознаменовав переход к более централизованному и регулируемому банковскому делу. Новое учреждение должно было способствовать развитию торговли и промышленности, предоставляя кредиты и осуществляя денежные операции по всей стране. Первым управляющим Государственного банка был назначен Александр фон Штиглиц, опытный финансист и предприниматель, которому предстояло сформировать структуру и принципы работы нового банка.

2 в) Создаются частные долгосрочные и краткосрочные кредитные учреждения.

2 г) «К 1872 г. банковская система России состояла из: Государственного банка, общественных городских и земельных банков, частных банков» [15].

Период Первой мировой войны обозначил начало заката российской банковской системы.

Третий этап

3 а) В 1917 году российская банковская система была полностью реорганизована.

3 б) «К 1925 г. в России существовали: Государственный банк, Промбанк, Торгбанк (обслуживающий торговлю) и Сельхозбанк (кредитовавший сельское хозяйство), а также акционерные, отраслевые, региональные банки – Дальневосточный, Среднеазиатский, Банк внешней торговли, общества взаимного кредита, общества сельскохозяйственного кредита, сберегательные кассы, кредитная кооперация» [15].

3 в) В 1927 г. по Постановлению ЦИК и СНК СССР «О принципах построения кредитной системы» Государственный банк получал оперативное управление всей банковской системой.

3 г) Далее краткосрочное и долгосрочное кредитование были разграничены.

Четвертый этап

4 а) Кредитная реформа 1930–1932 гг. сформировала следующую систему: Госбанк СССР, специализированные банки (Промбанк, Сельхозбанк, Цекомбанк, Торгбанк), Внешторгбанк и сберегательные кассы.

4 б) В 1959 г. Сельхозбанк и Цекомбанк упразднили, а их функции передали Госбанку, на базе Промбанка и Торгбанка создали Стройбанк.

Пятый этап

5 а) Пленум ЦК КПСС 1987 г. принял решение о создании 5 отраслевых банков (при наличии Госбанка): Промышленно-строительного банка (Промстройбанка), Агропромышленного банка (Агропромбанка), Жилищно-социального банка (Жилсоцбанка), Сберегательного банка (Сбербанка), Внешнеэкономического банка (Внешэкономбанка).

5 б) Функции банков переплелись, и это привело к противоречиям в этой системе. Закон «О кооперации» 1988 г. регистрирует первый Коммерческий банк.

5 в) Закон «О Государственном Банке» и Закон «О банках и банковской деятельности» дали самостоятельный статус коммерческим банкам.

5 г) К 1994 г. в банковскую систему входили 2019 коммерческих и кооперативных банков, были созданы первые ипотечные банки.

5 д) В последующие годы банковская система сокращается в связи с ухудшением финансового положения.

Шестой этап

Структура банковской системы Российской Федерации в настоящий момент соответствует рыночным условиям хозяйствования. В 2001 и 2002 гг. были приняты законы Российской Федерации «О банках и банковской деятельности» и Гражданский кодекс Российской Федерации, устанавливающие правовой статус кредитно-денежных и банковских организаций, их права, обязанности, полномочия и основы деятельности.

Таким образом, история развития банковского дела в Российской Федерации может быть представлена в 6 этапах развития:

1-й – с середины XVIII в. до 1860 г.;

2-й – с 1860 по 1917 г.;

3-й – 1917 по 1930 г.;

4-й – с 1932 по 1987 г.;

5-й – с 1988 по 2000 г.;

6-й – с 2001 г. по настоящее время.

Практически все кредитные организации в Российской империи до отмены крепостного права находились под контролем государства, исключений было немного. «В 1809 году учрежден Слободский Анфилатовский, первый городской банк России. По его уставу составлялись уставы городских общественных банков» [15]. Далее, «Императором был утвержден Тифлисский, Варшавский учетный и Азовско-Донской банк, уставы которых стали образцами для свода правил всех создаваемых впоследствии акционерных банков, со временем наполнявшегося новыми нормами: так, в 1819 г. были изданы дополнительные статьи к уставу Коммерческого банка, устанавливавшие детальный порядок операций трансфертов между Санкт-Петербургом и Москвой и ссуд под товары» [7, с. 68].

Известный исследователь деятельности русских коммерческих банков И.Ф. Гиндин писал: «в утвержденных правительством уставах акционерных торгово-промышленных предприятий «параграфы, нормирующие их деятельность, имеют лишь декларативный характер», напротив, в развитие положений Устава кредитного в уставы банков обязательно вносится раздел из 20–30 параграфов, регламентирующий их деятельность» [5].

В первые десятилетия XIX века были сформированы правительственные институты, призванные контролировать сферу кредитования, находящиеся под контролем государства. Ограничение кредитования в банковском секторе вызвало финансовый паралич и потребовало закрытия ряда существовавших ранее банков [6].

Принятые Положение о городских общественных банках от 6 февраля 1862 г.» [9], «Закон от 17 мая 1871 г. «О порядке учреждения кредитных установлений земствами»» [12] закрепили «порядок регистрации банка, размер основного капитала, порядок отчетности и распределения прибыли» и четко представили структуру российской банковской системы [6].

Таким образом, «к началу 60-х гг. XIX в. в России было разработано достаточно передовое банковское законодательство, позволяющее эффективно функционировать и совершенствоваться кредитным учреждениям» [13; 14].

В разгар финансового кризиса в банковской сфере 31 мая 1872 года был принят Закон, положивший конец спекулятивному созданию банков, прекративший ожесточенное соперничество между банками, которое приводило к многочисленным банкротствам [13].

В годы царствования Александра III существовавшие кредитные учреждения преобразовывались, «создавались новые государственные кредитные учреждения, в отношении частных и общественных институтов принимались меры для большего соответствия их деятельности экономическим потребностям страны» [7].

Кризисные 70–80-е гг. XIX в. в России породили различного рода злоупотребления в банковской сфере в целях извлечения повышенной прибыли. В 1875 г. произошел первый банковский крах –

банкротство Московского коммерческого ссудного банка. Были приняты законы, защищающие интересы вкладчиков и обычных акционеров банков [4].

С 1909 г. активизировались акционерные коммерческие банки, самым крупным дореволюционным акционерным банком был Русско-Азиатский банк.

В XIX – начале XX столетия в России наблюдался процесс улучшения законодательной базы, регулирующей работу кредитных организаций. Изменения были ориентированы на соответствие потребностям растущей экономики государства. Госбанк Российской Империи был в прямом подчинении министра финансов. Регулирование банковской деятельности носило многоуровневый характер: законы → подзаконные акты.

В Российской империи надзор за работой кредитных организаций осуществлялся государственными структурами, однако система регулирования и управления банковской сферой находилась в стадии становления и не обладала достаточной зрелостью.

Это проявлялось в отсутствии единого, всеобъемлющего законодательства, регулирующего деятельность всех типов банков, а также в ограниченности полномочий контролирующих органов. Часто надзор носил формальный характер, не позволяя своевременно выявлять и пресекать рискованные операции и злоупотребления. Кроме того, политическая и экономическая нестабильность, характерная для того периода, оказывала негативное влияние на устойчивость банковской системы, делая ее уязвимой к кризисам и потрясениям.

Заключение

Отношения в бюджетной и налоговой областях часто носят нерыночный характер, являясь прерогативой государственных органов исполнительной власти. В отличие от них, банковско-кредитная сфера всегда функционирует на основе рыночных принципов. Рыночные денежные отношения по традиции составляют сферу деятельности банков и кредитных организаций. Кредитные организации обладают возможностью осуществлять весь спектр рыночных

финансовых транзакций, эмитировать и абсорбировать денежные средства, обеспечивая экономический кругооборот платежными инструментами, таким образом контролируя объем денег в обращении, что делает их универсальными финансовыми институтами.

Историю становления банковского дела в Российской Федерации можно условно разделить на 6 этапов: 1-й – с середины XVIII в. до 1860 г.; 2-й – с 1860 по 1917 г.; 3-й этап – с 1917 по 1930 г.; 4-й – с 1932 по 1987 г.; 5-й – с 1988 по 2000 г.; 6-й этап – с 2001 г. по настоящее время.

В целом, несмотря на некоторые недостатки и упущения в законодательстве, регулировавшем банковскую деятельность в России в XIX – начале XX столетия, оно, тем не менее, являлось достаточно действенным для той эпохи, обеспечивая успешную работу и рост множества кредитных организаций.

Наблюдалось неуклонное увеличение числа банковских транзакций, параллельно с этим улучшалась организация самих банков, росла эффективность контрольных и надзорных функций в отношении банковской работы. Происходило усовершенствование процедур выдачи займов и кредитования, привлечения депозитов от граждан, а также учета векселей. Получило развитие кредитование под залог недвижимости.

Список литературы

1. Баев, В. Г., & Фролов, С. А. (2018). Деятельность Крестьянского и Дворянского банков в условиях вызовов начала XX в. (на материале Тамбовской губернии). *Уральский исторический вестник*, (2), 30–38. EDN: <https://elibrary.ru/XPNBOH>
2. Баев, В. Г., & Фролов, С. А. (2017). Организационно-правовые основы ипотечного кредитования земли сельскохозяйственного назначения как меры достижения устойчивого развития Российского государства (на примере деятельности Дворянского банка в Тамбовской губернии в 1885–1900 гг.). *Lex Russica*, (10), 158–170. EDN: <https://elibrary.ru/ZQMUUL>
3. Баев, В. Г., Орлова, Е. Е., & Фролов, С. А. (2021). Проблема преемственности предпринимательской деятельности в сфере ипотечного кредитования земли в конце XIX – начале XX в.: историко-правовой анализ. *Вопросы истории*, 12-4, 83–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi120>. EDN: <https://elibrary.ru/XMAWXA>

4. Бугров, А. В. (2001). *Очерки по истории Государственного банка Российской Империи*. Приложение к журналу «Банки и технологии». ИГЭА.
5. Гиндин, И. Ф. (1960). *Государственный банк и экономическая политика царского правительства: 1861–1892 годы*. Госфиниздат.
6. Гурьев, А. (1904). *Очерк развития кредитных учреждений в России*. Якорь.
7. Калитов, Д. Е. (2013). Становление банковского законодательства дореволюционной России и его совершенствование в целях предупреждения банкротства банков. *Банковское право*, 3, 68–77.
8. Колесникова, Е. С., & Агафонова, М. С. (2012). История развития банковского дела. *Успехи современного естествознания*, 4, 136–139.
9. Левин, И. И. (2010). *Акционерные коммерческие банки в России* (А. А. Белых, ред.). Дело.
10. Парусимова, Н. И. (2006). Ступени трансформации банковского дела. *Вестник Оренбургского государственного университета*, (1-1), 135–143. EDN: <https://elibrary.ru/WAQVBT>
11. Парусимова, Н. И. (2015). Банковское дело в условиях роста неопределенности. *Вестник Оренбургского государственного университета*, (4), 318–321. EDN: <https://elibrary.ru/UHINZL>
12. Працко, Г. С., & Фролов, С. А. (2024). Организационно-правовое регулирование практики ипотеки земли на начальном этапе функционирования Крестьянского банка в Российской империи (1885–1894). *Право: история и современность*, 8(2), 135–144.
13. Пирожкова, И. Г. (2017). Тамбовская губерния на страницах полного собрания законов Российской империи. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (12-2), 155–159. EDN: <https://elibrary.ru/ZWMAAP>
14. Рашидов, О. Ш. (2007). Система законодательства о банках и иных кредитных учреждениях Российской империи. *Журнал российского права*, (10), 108–114. EDN: <https://elibrary.ru/OOACGX>
15. Рашидов, О. (2007). Законодательное регулирование деятельности мелких кредитных учреждений после 1860 г. *Закон и право*, 8, 118. EDN: <https://elibrary.ru/JXVKKV>
16. *Сборник государственных знаний* (Т. 4). (1878). Издательство Д. Е. Кожанчикова.
17. Тавасиев, А. М. (2015). *Банковское дело: учебник для бакалавров*. Юрайт.
18. Филин, С. В. (2008). История становления и развития Государственного банка (региональный аспект). *Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, (1), 113–118.
19. Фролов, С. А. (2005). *Крестьянский поземельный банк в Тамбовской губернии (1884–1917 гг.)*. Издательство Тамбовского государственного технического университета.

20. Фролов, С. А., Баев, В. Г., & Пчелинцев, А. В. (2022). Субъекты кредитных правоотношений в условиях модернизации законодательства о Крестьянском банке в последней четверти XIX века. *Современное право*, 9, 140–146. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.94.88.022>. EDN: <https://elibrary.ru/MZSJJSK>
21. Фролов, С. А., & Працко, Г. С. (2024). Правовое обеспечение ипотеки земли в деятельности Дворянского банка и особого его отдела в конце XIX в. *Право: история и современность*, 8(4), 435–442.

References

1. Baev, V. G., & Frolov, S. A. (2018). The activities of the Peasant and Noblemen's banks amid the challenges of the early 20th century (based on materials from the Tambov Governorate). *Ural'skiy Istoricheskiy Vestnik*, (2), 30–38. EDN: <https://elibrary.ru/XPNBOH>
2. Baev, V. G., & Frolov, S. A. (2017). Organizational and legal foundations of mortgage lending for agricultural land as a measure to achieve sustainable development of the Russian state (using the example of the Noblemen's Bank's activities in the Tambov Governorate in 1885–1900). *Lex Russica*, (10), 158–170. EDN: <https://elibrary.ru/ZQMUUL>
3. Baev, V. G., Orlova, E. E., & Frolov, S. A. (2021). The problem of continuity in entrepreneurial activity in the field of mortgage land lending in the late 19th – early 20th centuries: A historical and legal analysis. *Voprosy Istorii*, 12-4, 83–94. <https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202112Statyi120>. EDN: <https://elibrary.ru/XMAWXA>
4. Bugrov, A. V. (2001). *Essays on the history of the State Bank of the Russian Empire*. Supplement to the journal “Banks and Technologies”. IGEA.
5. Gindin, I. F. (1960). *The State Bank and the economic policy of the tsarist government: 1861–1892*. Gosfinizdat.
6. Guriev, A. (1904). *An essay on the development of credit institutions in Russia*. Yakor'.
7. Kalitov, D. E. (2013). The formation of banking legislation in pre-revolutionary Russia and its improvement to prevent bank bankruptcies. *Bankovskoe Pravo*, 3, 68–77.
8. Kolesnikova, E. S., & Agafonova, M. S. (2012). History of the development of banking. *Uspekhi Sovremennogo Estestvoznaniya*, 4, 136–139.
9. Levin, I. I. (2010). *Joint-stock commercial banks in Russia* (A. A. Belykh, Ed.). Delo.
10. Parusimova, N. I. (2006). Stages of the transformation of banking. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (1-1), 135–143. EDN: <https://elibrary.ru/WAQVBT>
11. Parusimova, N. I. (2015). Banking in conditions of growing uncertainty. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, (4), 318–321. EDN: <https://elibrary.ru/UHINZL>
12. Pratsko, G. S., & Frolov, S. A. (2024). Organizational and legal regulation of land mortgage practices at the initial stage of the Peasant Bank's operation in the Russian Empire (1885–1894). *Pravo: Istoriya i Sovremennost'*, 8(2), 135–144.

13. Pirozhkova, I. G. (2017). The Tambov Governorate in the pages of the Complete Collection of Laws of the Russian Empire. *Istoricheskie, Filosofskie, Politicheskie i Yuridicheskie Nauki, Kul'turologiya i Iskusstvovedenie. Voprosy Teorii i Praktiki*, (12-2), 155–159. EDN: <https://elibrary.ru/ZWMAAP>
14. Rashidov, O. Sh. (2007). The system of legislation on banks and other credit institutions of the Russian Empire. *Zhurnal Rossiyskogo Prava*, (10), 108–114. EDN: <https://elibrary.ru/OOACGX>
15. Rashidov, O. (2007). Legislative regulation of the activities of small credit institutions after 1860. *Zakon i Pravo*, 8, 118. EDN: <https://elibrary.ru/JXVKKV>
16. *Collection of state knowledge* (Vol. 4). (1878). D. E. Kozhanchikov Publishing House.
17. Tavasiev, A. M. (2015). *Banking: A textbook for bachelors*. Yurayt.
18. Filin, S. V. (2008). The history of the formation and development of the State Bank (regional aspect). *Vestnik Tambovskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Series: Humanities*, (1), 113–118.
19. Frolov, S. A. (2005). *The Peasant Land Bank in the Tambov Governorate (1884–1917)*. Tambov State Technical University Publishing House.
20. Frolov, S. A., Baev, V. G., & Pchelintsev, A. V. (2022). Subjects of credit relations in the context of modernizing legislation on the Peasant Bank in the last quarter of the 19th century. *Sovremennoe Pravo*, 9, 140–146. <https://doi.org/10.25799/NI.2022.94.88.022>. EDN: <https://elibrary.ru/MZSJJSK>
21. Frolov, S. A., & Pratsko, G. S. (2024). Legal support for land mortgages in the activities of the Noblemen's Bank and its special department in the late 19th century. *Pravo: Istoriya i Sovremennost'*, 8(4), 435–442.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Наумов Дмитрий Юрьевич, учитель истории и обществознания

*Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Красивая средняя общеобразовательная школа»
ул. Школьная, 20, с. Красивка, Тамбовская область, 393345, Российская Федерация
dmitrynaumov2001@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Dmitry Y. Naumov, History and Social Studies Teacher

*Krasivka Secondary Comprehensive School
20, Shkolnaya Str., Krasivka Village, Tambov Region, 393345, Russian Federation
dmitrynaumov2001@mail.ru*

Поступила 14.04.2026

После рецензирования 16.05.2026

Принята 18.05.2026

Received 14.04.2026

Revised 16.05.2026

Accepted 18.05.2026

Традиции и инновации в историческом знании / Traditions and Innovations in Historical Knowledge

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-550](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550)

EDN: [EMEJUS](https://edn.ru/EMEJUS)

УДК 124.6:008.2:355.123.1

Штурмовик и оператор беспилотных систем в контексте конфликта: традиции и инновации в российской армии будущего

А.Л. Репетенко

*Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В горизонте 30-40 лет прогнозируется постепенное вытеснение человека из зоны непосредственного боевого контакта вследствие массового внедрения беспилотных систем. Возникает фундаментальное противоречие между фигурой штурмовика – носителя классической воинской традиции, воплощающего боевой опыт, мужество и жертвенность – и фигурой оператора беспилотных систем, олицетворяющего технологическую инновацию, дистанционное поражение и алгоритмическую рациональность. Данное противостояние актуализирует проблему преемственности духовного ядра воинской традиции: чести, коллективизма и героизма.

Цель – выявление и философско-антропологический анализ ценностно-статусного конфликта между штурмовиком и оператором беспилотных систем, а также возможных сценариев сохранения, трансформации или переопределения традиции Российской армии в условиях нарастающей роботизации и изменения субъекта боевых действий.

Материалы и методы. Материалами исследования послужили научные публикации по философии войны и этике автономных систем, художественные и кинематографические произведения, а также эмпирические данные современных вооруженных конфликтов. Методологическая основа включает социально-философский, компаративный, антропологический и конфликтологический подходы, а также герменевтический и системно-типологический методы. Конфликтологический подход применяется для анализа противостояния штурмовика и оператора беспилотных систем как ценностно-статусного конфликта с выявлением его источников, динамики и способов управления.

Результаты. Рассмотрены три ключевых сценария эволюции воинской традиции. Сценарий «замещения» предполагает полное вытеснение фигуры штурмовика оператором и, как следствие, эрозию традиционных духовных оснований армии. Сценарий «сосуществования» подразумевает функциональное разделение и параллельное бытование двух этических систем. Сценарий «синтеза» описывает формирование гибридной фигуры «оператор-штурмовик», сочетающей технологическую компетентность с боевой психологией. Обоснован вывод о том, что наиболее вероятным и сбалансированным является сценарий сосуществования с элементами синтеза, при котором воинская традиция не уничтожается, а подвергается переопределению и адаптации к новым технологическим условиям.

Ключевые слова: штурмовик; оператор беспилотных систем; традиция; преемственность; инновация; российская армия; философия войны; антропологический сдвиг

Для цитирования. Репетенко, А. Л. (2026). Штурмовик и оператор беспилотных систем в контексте конфликта: традиции и инновации в российской армии будущего. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 45–65. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550>

The stormtrooper and unmanned systems operator in the context of the conflict: tradition and innovation in the Russian Army of the future

A.L. Repetenko

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract

Background. In a horizon of 30-40 years, the gradual displacement of the human from the zone of direct combat contact is predicted due to the mass introduction of unmanned systems. A fundamental contradiction arises between the figure of the stormtrooper – the bearer of classical military tradition, embodying combat experience, courage, and self-sacrifice – and the figure of the unmanned systems operator, embodying technological innovation, remote engagement, and algorithmic rationality. This confrontation actualizes the problem of continuity of the spiritual core of the military tradition: honor, collectivism, and heroism.

Purpose. Identifying and providing a philosophical-anthropological analysis of the value-status conflict between the stormtrooper and unmanned systems operator, as well as possible scenarios for the preservation, transformation, or redefinition of the military tradition of the Russian Army under conditions of increasing robotization and the changing subject of combat operations.

Materials and methods. The research materials include scientific publications on the philosophy of war and the ethics of autonomous systems, works of fiction and cinema, as well as empirical data from contemporary armed conflicts. The methodological framework comprises socio-philosophical, comparative, anthropological, and conflictological approaches, together with hermeneutic and system-typological methods. The conflictological approach is used to analyze the confrontation between the stormtrooper and unmanned systems operator as a value-status conflict, identifying its sources, dynamics, and possible ways of management».

Results. Three key scenarios for the evolution of military tradition are examined. The «replacement» scenario implies the complete displacement of the stormtrooper by the operator and, consequently, the erosion of the traditional spiritual foundations of the army. The «coexistence» scenario implies functional separation and the parallel existence of two ethical systems. The «synthesis» scenario describes the formation of a hybrid figure of the «operator-stormtrooper», combining technological competence with combat psychology. The conclusion is substantiated that the most probable and balanced scenario is coexistence with elements of synthesis, in which military tradition is not destroyed but is subjected to redefinition and adaptation to new technological conditions.

Keywords: stormtrooper; unmanned systems operator; tradition; continuity; innovation; Russian Army; philosophy of war; anthropological shift

For citation. Repetenko, A. L. (2026). The stormtrooper and unmanned systems operator in the context of the conflict: tradition and innovation in the Russian Army of the future. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 45–65. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-550>

Введение

За последние десятилетия военные технологии сильно шагнули вперед. В настоящее время беспилотные системы применяются практически повсеместно, охватывая как разведывательные задачи, так и нанесение ударов по тыловым объектам противника. Как отмечают аналитики, в современных вооруженных конфликтах на беспилотные аппараты может приходиться до 80% огневых задач [12]. Еще сравнительно недавно дроны выполняли преимущественно функции наблюдения и подсветки целей, тогда как сегодня они самостоятельно осуществляют поражение и способны существенно влиять на ход боевых действий. Военные эксперты, как правило, усматривают в этом очевидные преимущества, а именно возможность сокращения потерь, повышения точности стрельбы и более эффективного управле-

ния войсками. Достоинства беспилотных систем в настоящее время уже не вызывают сомнений и признаны в самых различных сферах.

Вместе с тем, чем глубже беспилотные технологии проникают в военное дело, тем отчетливее проявляются последствия, о которых на начальном этапе почти не велось речи. И ограничиваться лишь техническими аспектами, такими как помехи, степень автономности или энергообеспечение, было бы поверхностно. На передний план выходят иные, гораздо более глубокие вопросы, касающиеся человека, его ценностей, и внутреннего мира военнослужащего. Дистанционное насилие с использованием дронов «отменяет необходимость смертельного риска для его агентов», в результате чего «расщепляется двойственная идентичность бойца (убивающий-убиваемый)», поскольку «пилот, управляющий дроном, не может быть лишен жизни» [2, с. 120]. Воин все чаще оказывается не в зоне боевого контакта, а перед экраном. Он не идет под пули, он наблюдает за полем боя с безопасного расстояния. И это ставит под вопрос самые привычные и фундаментальные основы воинской службы: честь, товарищество, героизм, готовность отдать жизнь за других.

Особую остроту эта проблема приобретает для традиционной армии, которой является Российская армия, где традиция веками формировалась вокруг фигуры бойца, лично отвечающего за применение насилия, делящего риск с товарищами и черпающего легитимность в жертвенном служении Отечеству. Сегодня эта традиция сталкивается с вызовом, какого история еще не знала. Меняется не просто оружие и тактика. Меняется антропологический тип воина. Как показано в работе А.А. Казакова и С.С. Черных, даже с внедрением систем дистанционного боя и искусственного интеллекта, «живой человек продолжает оставаться практически незаменимым субъектом проведения наиболее эффективных военных операций» [6, с. 235]. Однако авторы фиксируют и фундаментальный сдвиг: внедрение беспилотных систем «влияет на серьезную профессиональную диверсификацию внутри самого воинского этоса», формируя «особый тип операторов БПЛА» [6, с. 239], что свидетельствует о трансформации самой структуры воинской идентичности.

В данной статье мы не рассматриваем технологический прогресс как фатальную угрозу для воинской традиции. История показывает, что армии умеют перестраивать свои ценности и привычки под влиянием нового оружия. Вспомним хотя бы, как рыцарская конница уступила место пехоте с огнестрельным оружием, а потом появились танки и авиация. Как отмечает М. ван Кревельд, технологические изменения каждый раз трансформировали не только оружие, но и саму структуру войны, переопределяя роль человека на поле боя [10, с. 306-317]. Однако перемены, которые ожидаются в ближайшие десятилетия, происходят слишком быстро и основательно. Поэтому осмысливать эти перемены необходимо уже сегодня, и предпочтительно на философском уровне. Какие сценарии соотношения между штурмовиком и оператором беспилотных систем возможны? При каком из них аксиологическая основа воинской традиции, включающая честь, коллективизм и готовность отвечать за применение силы, сохранится, переопределившись, а при каком – разрушится или превратится в декорацию? Ответы на эти вопросы важны не только для академической рефлексии, но и для практики воспитания и подготовки армии будущего.

Методологические основания

Обращение к проблеме преемственности воинской традиции в условиях стремительной технологизации военного дела предполагает, как представляется, необходимость предварительной рефлексии относительно того, какими средствами эта проблема может быть адекватно схвачена и проанализирована. Как справедливо отмечает О.В. Шевченко, «социально-философское исследование духовных традиций общества и армии определяется конструктивными методологическими основами, подходами и принципами, которые позволяют адекватно рассмотреть этот идеальный социокультурный феномен» [17, с. 10]. Исследовательский инструментарий, который был бы в достаточной мере адекватен поставленной задаче, должен, с одной стороны, учитывать инерционность и ценностную насыщенность самого феномена воинской традиции,

а с другой – фиксировать те качественные сдвиги, которые вносятся внедрением беспилотных систем и алгоритмических режимов принятия решений. В связи с этим в данном разделе мы полагаем необходимым эксплицировать основные методологические опоры, на которых базируется последующий анализ, а также предложить типологию возможных сценариев соотношения двух антропологических фигур – штурмовика и оператора беспилотных систем.

Одной из основных методологических рамок для анализа трансформации воинского этоса является концепция «моральной симметрии», развиваемая в работах оксфордского философа М. Таддео. Согласно ее подходу, классическая война, восходящая к кантовской традиции, мыслилась как дуэль, в которой доблесть солдата заключалась в готовности разделить с врагом опасность, а сама война была уравновешена взаимным риском для ее участников. И. Кант еще в XVIII веке критиковал профессиональные армии за то, что они превращают людей в «машины или орудия» для убийств [7, с. 8]. Таддео и Бланшар подчеркивают, что «только люди несут моральную ответственность за действия автономных систем вооружения, поскольку намерения, планы, права и обязанности, похвала или наказание могут осмысленно приписываться только человеку» [22, р. 4]. Именно эта неотчуждаемая ответственность и составляла ядро «моральной симметрии»: воин отвечал за свои действия перед совестью, товарищами и Богом, потому что сам рисковал жизнью. У операторов дронов, как отмечает Таддео, эта балансировка исчезает: дистанционное управление разрушает взаимность риска, порождая «эффект видеоигры» и моральное отчуждение, которое ведет к дегуманизации противника и снижению психологического порога применения силы. Феномен «банального зла», описанный Х. Арендт применительно к бюрократическому исполнению приказов, сегодня воспроизводится в действиях оператора дрона, который нажимает кнопку, не осознавая последствий [1, с. 319], а опосредованное восприятие войны через оптические приборы ведет к утрате непосредственного морального переживания [5, с. 28-30]. Данная концепция задает вектор для анализа того, как традицион-

ные ценности вытесняются или переопределяются под давлением технологической рациональности. Развивая идеи М. Фуко о паноптиконе как модели власти, можно утверждать, что дроны становятся инструментом «текучего» надзора, где наблюдение и уничтожение сливаются воедино [14, с. 292-299].

Второй важной методологической опорой выступают исследования, посвященные механизмам этического регулирования военной робототехники. На горизонте 30-40 лет, когда беспилотные системы достигнут высокой степени автономности, приближаясь к классу полностью автономных летальных вооружений, проблемы, обсуждаемые в этих исследованиях, станут непосредственно актуальными для фигуры оператора, который из непосредственного управляющего превратится в менеджера, делегирующего тактические решения алгоритмам. Д.С. Кийко, анализируя ключевые термины (автономные системы вооружений, военный искусственный интеллект), подчеркивает, что «проблема заключается в том, что автономные системы принимают решения без непосредственного участия человека, что усложняет определение субъекта ответственности за возможные правонарушения, а единые подходы к правовому регулированию систем ИИ на сегодняшний день отсутствуют» [8, с. 148]. Отсутствие четких механизмов контроля и распределения ответственности создает моральные и правовые риски, требующие комплексного подхода и международного диалога для выработки унифицированных стандартов. В этой перспективе проблема легитимности применения силы и атрибуции ответственности за военные преступления приобретает новое измерение, не предусмотренное классическими доктринами.

С позиций деонтологической этики эту коллизию анализирует К. Мартынов, рассматривая ее как фундаментальный вызов классическим представлениям о субъекте и ответственности. На том же горизонте лет, когда автономные системы станут способны самостоятельно действовать на поле боя, их появление, по мысли философа, станет неизбежным этапом развития современной войны, поскольку они способны дать критическое преимущество одной

из сторон конфликта. Однако именно этот этап, по мысли Мартынова, подводит к необходимости принципиально нового осмысления моральных категорий войны. Как подчеркивает исследователь, «ключевая особенность военных роботов заключается именно в их автономности и при этом исключенности из «морального сообщества». Когда из войны исключаются люди, она дегуманизируется в моральном отношении: разрывается связь между субъектом морального выбора и тем миром, в отношении которого моральный выбор совершается» [11, с. 242-243]. Этот тезис задает деонтологическую рамку для анализа границ допустимого делегирования машинам права на применение силы.

На основе эксплицированных подходов мы предлагаем анализировать будущее соотношение фигур штурмовика и оператора беспилотных систем через три идеальных типа сценариев. Первый – замещение, при котором оператор полностью вытесняет штурмовика с поля боя, а традиция либо деградирует до музейного состояния, либо сохраняется только в ритуальных подразделениях, не имеющих отношения к реальной боевой работе. Второй – сосуществование, предполагающее разделение труда и субкультур: беспилотные системы доминируют на дальних дистанциях и в разведке, штурмовики сохраняются для зачистки, удержания, ближнего боя, работы в условиях полного подавления связи и РЭБ. Третий – синтез, ведущий к формированию гибридной фигуры «оператор-штурмовик», сочетающего управление дронами и ведение ближнего боя. Традиция в этом случае переопределяется: героизм – это способность переключаться между интерфейсом и физическим боем, сохраняя моральную целостность и коллективную ответственность. «В институциональной структуре наблюдается изменение привычных механизмов власти и управления, вызванное интеграцией цифровых платформ в социальную жизнедеятельность. В связи с происходящими изменениями формируются новые профессиональные роли» [9, с. 59], что напрямую соотносится с появлением фигуры «оператор-штурмовик». В свою очередь, Н.А. Балаклеец, анализируя войну с использованием дронов, вводит понятие «расколотов

идентичности» комбатантов, которая возникает в условиях асимметрии и отсутствия непосредственного физического контакта, что помогает понять потенциальный ценностный конфликт между оператором и штурмовиком при сценарии сосуществования [2, с. 116]. Предложенная типология не является жесткой и допускает переходные формы; ее эвристическая ценность состоит в возможности системно сопоставить антропологические, ценностные и технологические параметры каждого сценария.

Результаты и обсуждение

Проведенный анализ фигур штурмовика и оператора беспилотных систем, а также рассмотрение трех сценариев их будущего соотношения позволяют сформулировать ряд выводов, требующих, однако, не простой констатации, а развернутого обсуждения в контексте более широких культурных, антропологических и этических процессов. Представленные ниже результаты не являются окончательными истинами; скорее, они призваны обозначить проблемное поле, в котором сегодня необходимо принимать решения о будущем воинской традиции.

По нашему мнению, самое существенное заключается в том, что широкое применение беспилотных систем и постепенная передача решений боевым алгоритмам [19, p. 127-143] порождают качественный разрыв в понимании человеческого участия в войне. Его невозможно ликвидировать одними лишь тактическими приемами или перестройкой организационной структуры. Разрыв имеет две стороны. С одной стороны, оператор беспилотных систем оказывается исключен из классического контура «риск – жертва – честь», что, как показано М. Таддео, разрушает «моральную симметрию» войны. С другой – штурмовик, который по-прежнему готов рисковать собой и жертвовать жизнью, постепенно отодвигается на второй план. Из того, кто приносит победу, он превращается в «расходник» на фоне точных ударов с большого расстояния. Сегодня этот разрыв заметен не только в научных текстах, но и в искусстве. Художники, писатели, режиссеры часто чувствуют такие вещи раньше фило-

софов. Возьмем два примера, которые хорошо показывают, в чем состоит противостояние штурмовика и оператора.

Первый эпизод – из романа Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту». Механический пес там служит и для поиска, и для уничтожения:

«Механический пес спал и в то же время бодрствовал, жил и в то же время был мертв в своей мягко гудящей, мягко вибрирующей, слабо освещенной конуре в конце темного коридора пожарной станции. <...>

По ночам, когда становилось скучно, – а это бывало каждую ночь, пожарники спускались вниз по медным шестам и, настроив тикающий механизм обонятельной системы пса на определенный запах, пускали в подвал крыс, цыплят, а иногда кошек, которых все равно предстояло утопить. Держали пари, которую из жертв пес схватит первой.

Через несколько секунд игра заканчивалась. Цыпленок, кошка или крыса, не успев пробежать и несколько метров, оказывались в мягких лапах пса, и четырехдюймовая стальная игла, высунувшись, словно жало, из его морды, впрыскивала жертве изрядную дозу морфия, или прокаина. Затем убитого зверька бросали в печь для сжигания мусора, и игра начиналась снова» [4, с. 37-38].

В этом образе – предчувствие той самой автономной системы, которая действует без морального выбора, без сострадания, без страха. Брэдбери подчеркивает, что изначально механические гончие были полезным изобретением – они находили раненых, помогали в спасательных работах. Но со временем они превратились в оружие тирании. Не напоминает ли это путь боевых дронов, которые начинались как разведывательные аппараты, а сегодня уже самостоятельно наносят удары?

Второй эпизод – рассказ того же автора «Гонец». Здесь живая собака предстает как друг, помощник, проводник, связующее звено между прикованным к постели мальчиком и миром природы:

«Пес радостно вертелся около кровати, стряхивая на одеяло свою драгоценную добычу – хрупкие сухие листья папоротника, веточку ежевики, тоненькие травинки болотного мха». <...>

– Хватит, дружище, хватит!

Пес примостился ближе к теплому телу мальчика, отдавая ему собранные неповторимые запахи осени, ее голых полей, тяжелых туманов и аромат увядающих лесов. Весной шерсть пса пахнет расцветшей сиренью, ирисом и свежескошенной лужайкой, летом – фисташковым мороженым, каруселями и первым загаром. Но осень!

– Скажи, дружище, как там на воле?

И пес рассказывал, а прикованный к постели мальчик слушал и вспоминал, какой бывала осень, когда он сам ее встречал. Теперь его связным, его гонцом на волю стал пес. Он был частью его самого, той ловкой и быстрой его частью, которую он посылал познать внешний мир, мир вещей и быстротечного времени. Пес вместо него бегал по улицам городка и его окрестностям, к реке, озеру или ручью, или же совсем поблизости – в деревянной сарай, кладовую или на чердак. И неизменно возвращался с подарками. Иногда это были запахи подсолнечника, гаревой дорожки школьного двора или же молочая с лугов, а то свежееочищенных каштанов, перезревшей, забытой на огороде тыквы. Пес везде успевал побывать» [3].

Живая собака олицетворяет эмпатию, заботу, разделенное переживание. Но и здесь не обходится без двойственности: в финале пес оказывается проводником между мирами живых и мертвых. Тем не менее, в отличие от механического пса, живая собака сохраняет способность к подлинному соучастию, к той самой «моральной симметрии», которую Таддео считает утраченной в дистанционной войне.

Эти две литературные репрезентации – механический пес и живой пес – могут служить метафорами оператора и штурмовика. Оператор подобен механическому псу: он эффективен, точен, безжалостен, но его действия отчуждены от морального переживания. Штурмовик подобен живому псу: он рискует, он чувствует страх и боль, он действует в соприсутствии с товарищами, но он уязвим и, возможно, обречен на исчезновение. Искусство, как это часто бывает, зафиксировало проблему раньше, чем философия и военная наука.

Мы попытались оценить нынешние тренды и то, что уже случилось в истории. Похоже, что самый реальный сценарий – это существование штурмовика и оператора беспилотных систем. В специальной военной операции это хорошо видно. Дроны, бесспорно, главенствуют в разведке, в ударах по дальним целям, в борьбе с ПВО. Однако финальная зачистка, удержание позиций, работа в условиях сильного радиоэлектронного подавления и бои в городе – все это по-прежнему ложится на плечи штурмовика.

Теоретически этот сценарий обосновывается консервативным характером воинского этоса. Как показали А.А. Казаков и С.С. Черных, «инновации в сфере военного дела в целом не способны привести к деструкции воинского этоса, в рамках которого культивируются традиционные армейские добродетели» [6, с. 237]. Воинская традиция обладает высокой степенью инерции; она не отказывается от своих ценностей, а скорее переопределяет их применительно к новым технологическим условиям. Оператор беспилотных систем, каким бы привилегированным он ни был, не может полностью заменить штурмовика, поскольку война в ее финальной, «экзистенциальной» фазе требует не просто уничтожения целей, а физического контроля над территорией и людьми.

Однако сценарий сосуществования несет в себе внутренние противоречия. Одно из них – проблема иерархии и статуса. Оператор беспилотных систем, находясь в относительной безопасности, получает возможность наносить удары, не рискуя жизнью, что неизбежно порождает *resentment* со стороны штурмовиков, которые «идут в мясо». В этом смысле возникает новая форма военного неравенства, которую можно назвать «распределением риска по статусу». Если раньше командир разделял риск с подчиненными (хотя бы символически), то теперь оператор отделен от штурмовика не только функционально, но и онтологически: один – «игрок» за пультом, другой – «расходник» на земле.

Сценарий синтеза, предполагающий формирование гибридной фигуры «оператор-штурмовик», представляется наиболее привлекательным с точки зрения сохранения духовного ядра воинской

традиции, но одновременно и наиболее сложным для реализации. Его осуществление требует не только технологической интеграции (экзоскелеты, приданные микродроны, носимые системы РЭБ), но и глубокой культурной трансформации. Гибридный воин должен сочетать в себе хладнокровие оператора и мужество штурмовика, техническую грамотность и моральную стойкость, способность к алгоритмическому мышлению и готовность к телесному риску. Возможно ли это в принципе?

Здесь уместно обратиться к кинематографическому образу, который, на наш взгляд, иллюстрирует внутреннюю антиномичность синтеза. В фильме Г. Худа «Всевидящее око» [16] группа операторов дронов, находясь за тысячи километров от зоны боевых действий, наблюдает за целями через экраны мониторов. Фильм сталкивает их с классической этической дилеммой: нанести удар по укрытию террористов, когда рядом оказывается маленькая девочка, или отказаться от удара, рискуя жизнями десятков людей при готовящемся теракте. Операторы вынуждены принимать решение, не чувствуя запаха пороха, не слыша криков, не видя лиц жертв, – их противник превращается в пиксель на экране, а последствия удара они оценивают через объектив камеры. Именно этот разрыв между дистанцией и ответственностью, между виртуальным образом и реальной смертью, составляет суть моральной травмы оператора БпЛА. Фильм показывает, как технологическое посредничество трансформирует восприятие войны: решение об убийстве становится результатом бюрократической процедуры, а не личного выбора воина. Не является ли этот сюжет метафорой того пути, который предстоит пройти оператору БпЛА, чтобы стать не просто эффективным исполнителем, а воином в традиционном смысле? Возможно, синтез невозможен без восстановления той самой «моральной симметрии», о которой говорит Таддео, – без готовности оператора разделить риск, без признания того, что его противник – не пиксель на экране, а живой человек.

С деонтологической точки зрения, синтез наталкивается на фундаментальное ограничение. Даже если гибридный воин сохраня-

ет формальный контроль над беспилотными системами, сам факт переключения между дистанционным управлением (интерфейс, алгоритмы, отсутствие телесного риска) и непосредственным рукопашным боем (телесность, смертельный риск, прямое моральное переживание) создает угрозу «расщепления» морального сознания. Как отмечает О.В. Тиханычев, анализируя морально-этические проблемы применения боевых роботов, «при появлении ошибок применения робототехнических систем возникает вопрос, которого не было для «обычной» боевой и специальной техники, кто виноват в них: пользователь системы, который поставил некорректную задачу или разработчик, создавший систему, неверно эту задачу интерпретировавшую?» [13, с. 67]. Так, чтобы преодолеть «ответственный разрыв» при привлечении вреда автономными системами западные исследователи предлагают новую категорию – «военный деликт» [20, р. 1360-1365]. Эта коллизия напрямую перекликается с проблемой «расщепления» ответственности у гибридного воина, который одновременно выступает и как пользователь (оператор беспилотных систем), и как непосредственный исполнитель (штурмовик). Если гибридный воин будет лишь оператором, управляющим роем, а затем входящим в бой, он рискует остаться «расщепленным»: его моральное сознание не успеет переключиться между интерфейсом и штыком. Синтез требует не просто технической сноровки, а формирования целостной личности, для которой управление дроном и рукопашная схватка – две стороны одного и того же этического выбора.

Заключение

Будущее, вопреки укоренившейся в обыденном сознании вере в его внезапность, не наступает в одночасье – оно прорастает в настоящем через конфликты ценностей, которые на поверхностный взгляд могут показаться локальными или сугубо техническими. Противопоставление штурмовика и оператора беспилотных систем являет собой не столько спор о тактической эффективности или о переделе функций на поле боя, сколько столкновение двух антро-

пологических реальностей. Одна из них, уходящая корнями в толщу воинской традиции, зиждется на телесном риске, коллективной жертве и личной чести. Другая, напротив, выстраивается на дистанции, алгоритмической рациональности и безусловном приоритете безопасности. Война, которая на протяжении столетий выступала предельным испытанием человеческого духа, рискует под влиянием этих сдвигов превратиться в технологическую процедуру, где человек из субъекта насилия становится его менеджером, а затем и вовсе – сторонним зрителем.

В этой связи следует обратиться к трем возможным сценариям развития событий – замещению, сосуществованию и синтезу, – которые задают необходимые координаты для осмысления обозначенной проблематики. Наиболее вероятным, как показывает анализ текущих трендов и исторических прецедентов, представляется сценарий сосуществования. При таком развитии штурмовик сохраняется для зачистки, удержания территории и работы в условиях подавленной связи, тогда как оператор закрепляет за собой господство в разведке и дистанционном поражении. Однако подобное сосуществование, при всей его прагматической привлекательности, чревато глухим недовольством – тем самым резентиментом, который неизбежно возникает в ситуации, когда одни идут в «мясо», а другие остаются в безопасности за пультом. Статусное неравенство и онтологический разрыв между «игроком» и «расходником» способны, по всей видимости, подорвать воинское братство изнутри, создавая предпосылки для ценностного раскола армии.

Иначе обстоит дело со сценарием синтеза, то есть формирования гибридного воина, способного переключаться между интерфейсом и штыком. Этот путь, оставаясь желательным с точки зрения сохранения духовного ядра воинской традиции, вместе с тем оказывается труднодостижимым идеалом. Он требует не просто технической подготовки, но целостности морального сознания, которое не расщепляется между двумя режимами действия. Вопрос об ответственности за ошибку – программист, командир или сама машина – в случае гибридного воина превращается во внутреннюю коллизию,

не имеющую готового разрешения. Синтез невозможен без восстановления того, что в современной этике войны принято именовать моральной симметрией, а именно – без готовности разделить риск и признать в противнике не пиксель на экране, а живого человека.

Что касается сценария замещения, предполагающего полное вытеснение штурмовика оператором, а затем и алгоритмом, то он ведет к дегуманизации войны в самом опасном смысле этого слова. Полностью автономные системы вооружения не могут быть морально оправданы, поскольку они устраняют человеческую ответственность за акты насилия и создают недопустимую асимметрию между атакующим и жертвой [18, р. 695]. Когда из боя исключаются люди, разрывается связь между моральным выбором и миром, в отношении которого этот выбор совершается. В свете этого, теряет смысл и главное положение справедливой войны, которое утверждает, что «война – это все еще, каким-то образом, деятельность, управляемая правилами, мир дозволений и запретов – моральный мир, стало быть в аду» [23, р. 36]. Армия в таком случае превращается в технокорпорацию – безусловно эффективную, однако лишенную сакрального измерения служения. Традиция при подобном раскладе не умирает, но превращается в музейный экспонат. Ее почитают, но не живут ею, и в этом, пожалуй, заключается наиболее тревожный исход для преемственности воинского этоса.

Исторический опыт действительно дает основания для осторожного оптимизма. Воинская традиция пережила и огнестрельное оружие, и танки, и авиацию. Тем не менее темп нынешних изменений несопоставимо выше, а антропологический сдвиг, вызванный внедрением беспилотных систем, оказывается качественно значительнее всего, с чем армия сталкивалась в предыдущие эпохи. Поэтому главная задача сегодня заключается не в том, чтобы тормозить технологическое развитие, а в том, чтобы сознательно сопровождать его новыми ритуалами, символами и этическими нормами. Нужна новая культура, в которой управление дроном не будет восприниматься как «нечестная игра», а штурмовик – как обреченное сословие. Значит, требуется иное понимание героизма. Он заключается

не только в самопожертвовании, но и в способности не поддаваться алгоритму, который предлагает пусть и единственное, однако неверное решение. Именно в этой точке, на пересечении технологической необходимости и ценностного выбора, и пролегает подлинное пространство сохранения традиции в армии будущего.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью использования его результатов в нескольких направлениях. В сфере военной педагогики и воспитательной работы выводы о ценностно-статусном конфликте между штурмовиком и оператором беспилотных систем позволяют разрабатывать методики снижения резинтимента и формирования общности воинского братства. В области военного образования материалы статьи могут быть включены в курсы по военной психологии и этике. Однако основной вывод выходит за рамки перечисленных прикладных аспектов.

Ответ на вызов, стоящий перед воинской традицией, лежит не в плоскости технологий. Он лежит в плоскости ценностей, воспитания и того, как мы понимаем самого человека. Технологическое развитие не может и не должно быть остановлено, передача системам вооружения права принимать решения, сопряженные с риском для жизни, бросает фундаментальный вызов устоям безопасности и самому пониманию человеческой ответственности [21, р. 15-20]. Как предупреждал М. Хайдеггер, в эпоху господства техники человек рискует превратиться в «поставителя наличности», воспринимая самого себя «уже просто как нечто состоящее в наличности» [15, с. 233]. Российская армия будущего – это не выбор между штурмовиком и оператором. Это выбор между тем, останется ли воин воином или превратится в оператора технической системы. И от этого выбора зависит не только боеспособность, но и то, узнает ли солдат середины XXI века себя в суворовских чудо-богатырях, в героях Севастополя и Сталинграда – в тех, кто шел в атаку, не прячась за экраном.

Список литературы

1. Арендт, Х. (2008). *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. Москва: Европа. 424 с. ISBN: 978-5-9739-0162-2. EDN: <https://elibrary.ru/QOJJAV>

2. Балаклеец, Н. А. (2021). Специфика и акторы войны с использованием дронов. *Общественные науки и современность*, (5), 116–128. <https://doi.org/10.31857/S086904990015733-8>. EDN: <https://elibrary.ru/IVSRRV>
3. Брэдбери, Р. (1947). *Гонец*. RayBradbury.ru. <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1>
4. Брэдбери, Р. (1965). *451 градус по Фаренгейту: рассказы*. Москва: Молодая гвардия. 352 с.
5. Вирильо, П. (2004). *Машина зрения*. Санкт-Петербург: Наука. 140 с.
6. Казаков, А. А., & Черных, С. С. (2022). Воинский этос в контексте влияния технологических инноваций: философско-антропологические аспекты. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*, 15(5), 233–242. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>. EDN: <https://elibrary.ru/LFWWQR>
7. Кант, И. (1994). *К вечному миру. Сочинения*, (7). Москва: Чоро. 495 с.
8. Кийко, Д. С. (2025). Основные механизмы этического регулирования военной робототехники. *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 167(1), 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>. EDN: <https://elibrary.ru/OUKSRT>
9. Ковалев, А. А. (2025). Внедрение автономных цифровых платформ в военной сфере: социальное и институциональное измерения. *Управленческое консультирование*, (5), 51–64. EDN: <https://elibrary.ru/GKHLKY>
10. Кревельд, М. ван. (2005). *Трансформация войны*. Москва: Альпина Бизнес Букс. 344 с.
11. Мартынов, К. (2019). Этика автономных машин: деонтология и военные роботы. *Логос*, 29(3), 231–246. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-3-231-244>. EDN: <https://elibrary.ru/TXAZDE>
12. Решают 80 % огневых задач: как войска беспилотных систем навсегда изменили СВО. (2025). URA.ru. <https://ura.news/amp-news/1053053123>
13. Тиханычев, О. В. (2018). Еще раз о некоторых проблемах применения боевых робототехнических систем. *Вопросы безопасности*, (5), 63–72. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.5.25937>. EDN: <https://elibrary.ru/YLWLIL>
14. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem. 479 с.
15. Хайдеггер, М. (1993). *Время и бытие: статьи и выступления*. Москва: Республика. 447 с.
16. Худ, Г. (Режиссер). (2015). *Всевидящее око* [Фильм]. Raindos Films, Entertainment One. <https://yandex.ru/video/preview/7603614582534473210>
17. Шевченко, О. В. (2010). К методологии исследования духовных традиций современного российского общества и армии. *Вестник Военного университета*, 1(21), 10–14. EDN: <https://elibrary.ru/MLZRMH>

18. Asaro, P. (2012). On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of Red Cross*, 94(886), 687–709. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000768>
19. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
20. Crootof, R. (2016). War torts: Accountability for autonomous weapons. *University of Pennsylvania Law Review*, 164(3), 1347–1402.
21. Kissinger, H., Schmidt, E., & Huttenlocher, D. (2021). *The age of AI: And our human future*. New York: Little, Brown and Company. 254 p.
22. Taddeo, M., & Blanchard, A. (2022). Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems — a moral gambit. *Philosophy & Technology*, 35(3), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00571-x>. EDN: <https://elibrary.ru/MQDHNM>
23. Walzer, M. (1977). *Just and unjust wars: A mortal argument with historical illustrations*. New York: Basic Books. 360 p.

References

1. Arendt, H. (2008). *The banality of evil: Eichmann in Jerusalem*. Moscow: Europa. 424 p. ISBN: 978-5-9739-0162-2. EDN: <https://elibrary.ru/QOJJAV>
2. Balakleets, N. A. (2021). The specifics and actors of war using drones. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost'*, (5), 116–128. <https://doi.org/10.31857/S086904990015733-8>. EDN: <https://elibrary.ru/IVSRRV>
3. Bradbury, R. (1947). *The messenger*. RayBradbury.ru. <https://raybradbury.ru/library/story/47/7/1>
4. Bradbury, R. (1965). *Fahrenheit 451 and other stories*. Moscow: Molodaya Gvardiya. 352 p.
5. Virilio, P. (2004). *The optics of the city*. Saint Petersburg: Nauka. 140 pp.
6. Kazakov, A. A., & Chernykh, S. S. (2022). The military ethos in the context of the impact of technological innovations: Philosophical and anthropological aspects. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 15(5), 233–242. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-233-242>. EDN: <https://elibrary.ru/LWFWQR>
7. Kant, I. (1994). *Perpetual peace*. In *Collected works* (Vol. 7). Moscow: Choro. 495 p.
8. Kiyko, D. S. (2025). The main mechanisms of ethical regulation of military robotics. *Proceedings of Kazan University. Series: Humanities*, 167(1), 139–157. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2025.1.139-157>. EDN: <https://elibrary.ru/OUKSRT>
9. Kovalev, A. A. (2025). Implementation of autonomous digital platforms in the military sphere: Social and institutional dimensions. *Management Consulting*, (5), 51–64. EDN: <https://elibrary.ru/GKHLKY>

10. Van Creveld, M. (2005). *The transformation of war*. Moscow: Alpina Business Books. 344 p.
11. Martynov, K. (2019). The ethics of autonomous machines: Deontology and military robots. *Logos*, 29(3), 231–246. <https://doi.org/10.22394/0869-5377-2019-3-231-244>. EDN: <https://elibrary.ru/TXAZDE>
12. 80 % of fire missions are carried out: How unmanned systems troops have forever changed the SVO. (2025). URA.ru. <https://ura.news/amp-news/1053053123>
13. Tikhanychev, O. V. (2018). Once again on some problems of using combat robotic systems. *Security Issues*, (5), 63–72. <https://doi.org/10.25136/2409-7543.2018.5.25937>. EDN: <https://elibrary.ru/YLWLIL>
14. Foucault, M. (1999). *Discipline and punish: The birth of the prison*. Moscow: Ad Marginem. 479 p.
15. Heidegger, M. (1993). *Time and being: Articles and speeches*. Moscow: Respublika. 447 p.
16. Hood, G. (Director). (2015). *Eye in the sky* [Film]. Raindos Films, Entertainment One. <https://yandex.ru/video/preview/7603614582534473210>
17. Shevchenko, O. V. (2010). On the methodology for studying the spiritual traditions of modern Russian society and the army. *Bulletin of the Military University*, 1(21), 10–14. EDN: <https://elibrary.ru/MLZRMH>
18. Asaro, P. (2012). On banning autonomous weapon systems: Human rights, automation, and the dehumanization of lethal decision-making. *International Review of the Red Cross*, 94(886), 687–709. <https://doi.org/10.1017/S1816383112000768>
19. Bostrom, N. (2014). *Superintelligence: Paths, dangers, strategies*. Oxford: Oxford University Press. 328 p.
20. Crotoft, R. (2016). War torts: Accountability for autonomous weapons. *University of Pennsylvania Law Review*, 164(3), 1347–1402.
21. Kissinger, H., Schmidt, E., & Huttenlocher, D. (2021). *The age of AI: And our human future*. New York: Little, Brown and Company. 254 p.
22. Taddeo, M., & Blanchard, A. (2022). Accepting moral responsibility for the actions of autonomous weapons systems – a moral gambit. *Philosophy & Technology*, 35(3), 1–24. <https://doi.org/10.1007/s13347-022-00571-x>. EDN: <https://elibrary.ru/MQDHNM>
23. Walzer, M. (1977). *Just and unjust wars: A moral argument with historical illustrations*. New York: Basic Books. 360 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Репетенко Александр Леонидович, аспирант

Московский городской педагогический университет

Сельскохозяйственный пр-д, 4, г. Москва, 129226, Российская Федерация

xarn-ray@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Alexandr L. Repetenko, Postgraduate Student

Moscow State Pedagogical University

4, Selskokhozyastvenny Pr., Moscow, 129226, Russian Federation

xarn-ray@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3308-2041>

ResearcherID: PUF-5701-2026

Поступила 11.04.2026

После рецензирования 13.05.2026

Принята 15.05.2026

Received 11.04.2026

Revised 13.05.2026

Accepted 15.05.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-547](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-547)EDN: [KWFGYP](https://www.edn.ru/KWFGYP)

УДК 17.026.4

Путь жизни человека в контексте его био-социо-духовного единства: социально-философский анализ

С.А. Ермаков¹, О.А. Немова²*¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Российская Федерация**²Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В статье рассматриваются вопросы пути жизни человека как динамичной объективно-субъективной реальности, данной человеку, и формируемой им (и/или другими) под воздействием природной, социальной и духовной среды и являющейся частью бытия. При этом внимание обращается на потенциал социальной философии в вопросе корректировки жизненного сценария личности. В этой связи подчеркивается возрастающая роль субъективного фактора в современных условиях. Это связано с тем, что идет эскалация воздействия объективных факторов на человека. В силу этого, современному человеку необходимо обратиться к социальной философии как практическому знанию, нацеленному на улучшение индивидуального жизненного пути.

Цель исследования – социально-философское осмысление пути жизни человека в контексте его био-социо-духовного единства.

Материалы и методы. Авторы работы опираются на методологические концепции «Триединства человека как био-социо-духовного существа» С.А. Ермакова и «Социологии жизни» Ж.Т. Тощенко. В исследовании использовались преимущественно общенаучные методы: индукции и дедукции, исторического и логического, анализа и синтеза, диалектический методы.

Результаты. В ходе исследования были получены следующие результаты: 1) практическое применение возможностей социальной философии в выстраивании траектории жизненного пути человека; 2) путь жизни обладает рядом специфических особенностей: он дается человеку при его рождении; развитие пути жизни развертывается в трех пластах, т.е. телесном, социально-экономическом и духов-

но-нравственным; путь жизни непрерывен, т.е. находится в постоянной динамике; путь жизни человека имеет свои закономерности, т.е. по сути уникален; 3) духовно-нравственные ценности, прошедшие проверку временем, являются значимыми константами для современного человека, дающими возможность позитивного выбора жизненного пути; 4) исследование пути жизни человека, его деятельности необходимо делать, исходя из методологической концепции «Триединства человека как био-социо-духовного существа». Одностороннее исследование деятельности человека по какому-то одному параметру приводит к неполным знаниям.

Ключевые слова: социально-философский анализ; путь жизни человека; триединство человека как био-социо-духовного существа; динамика жизненного пути; традиционные духовно-нравственные ценности

Для цитирования. Ермаков, С. А., & Немова, О. А. (2026). Путь жизни человека в контексте его био-социо-духовного единства: социально-философский анализ. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 66–85. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-547>

The path of human life in the context of his bio-socio-spiritual unity: a socio-philosophical analysis

S.F. Ermakov¹, O.A. Nemova²

¹*Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

Background. The article examines the issues of a person's way of life as a dynamic objective-subjective reality given to a person and formed by him (and/or others) under the influence of the natural, social and spiritual environment and being a part of being. At the same time, attention is drawn to the potential of social philosophy in the issue of adjusting the life scenario of an individual. In this regard, the increasing role of the subjective factor in modern conditions is emphasized. This is due to the fact that the impact of objective factors on humans is escalating. Because of this, modern people need to turn to social philosophy as a practical knowledge aimed at improving their individual life path.

The **purpose** of this study is to provide a socio-philosophical interpretation of the human life journey in the context of a person's bio-socio-spiritual unity.

Materials and methods. The authors of the work rely on the methodological concepts of the "Trinity of man as a bio-socio-spiritual being" by S.A. Ermakov and the "Sociology of Life" by J.T. Toshchenko. The research mainly used general scientific methods: induction and deduction, historical and logical, analysis and synthesis, dialectical methods.

Results. The following results were obtained in the course of the study: 1) the practical application of the possibilities of social philosophy in building the trajectory of a person's life path; 2) the path of life has a number of specific features: it is given to a person at birth; the development of the path of life unfolds in three layers, i.e. bodily, socio-economic, and spiritual-moral; the path of life is continuous, i.e. it is in constant dynamics a person's way of life has its own patterns, i.e. it is essentially unique; 3) spiritual and moral values that have passed the test of time are significant constants for a modern person, making it possible to positively choose a life path; 4) research on the path of human life and its activities should be done based on the methodological concept of the "Trinity of man as a bio-socio-spiritual being". A one-sided study of human activity in any one parameter leads to incomplete knowledge.

Keywords: socio-philosophical analysis; way of human life; trinity of man as a bio-socio-spiritual being; dynamics of the life path; traditional spiritual and moral values

For citation. Ermakov, S. F., & Nemova, O. A. (2026). The path of human life in the context of his bio-socio-spiritual unity: a socio-philosophical analysis. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 66–85. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-547>

Введение

Изучение пути жизни человека обладает особой актуальностью в наше, подверженное динамичным трансформациям, время. Желание прожить долгую, счастливую жизнь является желанной целью практически каждого человека. Попытки найти причины жизненных неудач, невозможности достижения необходимой жизненной гармонии являются предметом исследования самых различных гуманитарных наук – философии, социологии, психологии, культурологии, экономики, политики и т.д.

Согласно концепции «Социологии жизни», предложенной профессором Ж.Т. Тощенко, на становление человека оказывают воздействие как минимум три между собой тесно взаимосвязанных глобальных фактора:

- 1) реально функционирующее общественное сознание;
- 2) действительное поведение людей;
- 3) внешние условия жизни, судьбоносные обстоятельства макро-, мезо- и микромира [29].

Действительно, человек проходит особый воспитательно-социализационный путь в определенную историческую эпоху в условиях

заданных до его рождения. Как минимум до своего совершеннолетия он мало чем может повлиять на свое социальное окружение и тем более изменить свою воспитательно-социализационную среду. Однако по мере формирования личностных качеств, становления его характера, раскрытия задатков и оформление способностей человек способен уже сам принимать решения, делать свой жизненный выбор, т.е. прокладывать свой уникальный жизненный путь. Часто бывает так, что отсутствие сильного характера, осознанного продуманного жизненного плана приводит к бессмысленному прожиганию жизни, расходованию имеющихся ресурсов, а в целом – бестолковости существования, онтологической растерянности и беспомощности [8]. В водовороте исторических событий и перипетий человек теряется, оставляя после себя пустой или негативный след. Между тем, человек жаждет не просто прожить жизнь, а прожить ее счастливо, оставить после себя светлую память в воспоминаниях тех кто его знал, с кем он когда-то встречался, общался, контактировал.

В современном нестабильном и крайне противоречивом мире важно понимать ради чего ты пришел в этот мир, какова твоя цель в жизни и чем ты можешь быть полезен другим людям, как можешь изменить свою жизнь и жизнь других в лучшую сторону. Понимание человеческой природы, закономерностей развития общества, мира, места человека в нем позволяет обрести *компас жизненной ориентации*. Человека, вооруженного социально-философскими знаниями, сложно свернуть с намеченного и сознательно выбранного пути жизни. Такой человек является хозяином своей жизни, не позволяющий кому попало влезать в нее, сбивать с выбранного жизненного маршрута, подменять истинные ценности и цели псевдо целями и псевдо ценностями. Таким образом, роль социальной философии в наше время обретает новое дыхание и обнаруживает еще один скрытый потенциал, имеющий важное значение для современного человека.

Исследование проводилось с применением преимущественно *общенаучных методов исследования* (анализ и синтез, индукция

и дедукция, исторически-логического метода и диалектических методов). *Новизна работы* заключается в том, что предпринята попытка исследования феномена благополучного (счастливого) пути жизни человека как триединства био-социо-духовных начал человеческого существования с позиций социально-философского осмысления. Необходимость комплексного исследования благополучного (счастливого) пути жизни обусловлена его многоаспектностью. Именно на стыке таких наук как философия и социология возможно выявить важнейшие характерные особенности данного феномена и выработать практические рекомендации и предложения для обретения жизненного счастья и достижения благополучного жизненного пути.

Цель исследования – изучение благополучного (счастливого) пути жизни человека в контексте его био-социо-духовного единства с социально-философских позиций.

Основные задачи исследования:

- 1) выявление значения практической философии в жизни современного человека;
- 2) описание феномена и характерных особенностей понятия «путь жизни»;
- 3) изучение традиционных духовно-нравственных ценностей как значимых констант бытия человека;
- 4) описание методологической концепции «Триединства человека как био-социо-духовного существа».

Обзор литературы

Путь жизни человека как предмет исследования относится к традиционным философским вопросам. Уже в древнеиндийской философии, представленной прежде всего ведами и упанишадами, было развито учение о двух путях – «пути богов» и «пути отцов» [30]. Следующий шаг в этом направлении был сделан Буддой, который развил учение о благородном восьмеричном пути, ведущем к освобождению от страданий [20, с.357]. Свою лепту в разработку учения о пути жизни внесла древнекитайская мысль, которая

обогатила мировую философию идеями «дао» [6, с.9-34] и гармонизации жизни человека. Античная философия также не прошла мимо вопроса о жизненном пути человека. Этой проблемы касались Платон [19], Аристотель [2], Сенека [27] и др. Сделанное ими столь значительно, что многие столетия спустя мыслители вновь и вновь обращались к наследию древности.

Однако, пожалуй, самый глубокий след в изучении проблем жизненного пути человека оставила *philosophia Patrum*. Опираясь на христианское учение, святоотеческие мыслители развили оригинальное понимание праведного пути жизни человека. По нашему мнению, его потенциал выходит за границы чисто религиозного понимания жизни человека, имеет большое гуманистическое значение и сохраняет свою значимость по сей день.

Значительный шаг вперед в исследовании жизненного пути был сделан философами XX века. Так, А. Бергсон рассматривал путь жизни человека через концепцию интуитивизма, т.е. полагал, что жизнь есть непрерывный поток переживаний, а также непрерывное изменение психики, т.е. смену мыслей, чувств, ощущений [3]. На необходимость поиска смысла жизни человеком в хаотичном и зачастую лишенном смысла бытия и обратил внимание А. Камю [11]. Ф. Ницше полагал, что движущей силой пути жизни человека является стремление к обладанию властью над всем и вся, т.е. достижение уровня Сверхчеловека, свободного не только от общественных предрассудков, но и морали в целом [16]. Г. Риккерт внес значительный вклад в исследование аксиологических вопросов. В частности ученый изучал процесс преобразования обычных ценностей в смысложизненные и то, как они в дальнейшем оказывают воздействие на всю траекторию жизненного пути человека [21]. Французский ученый, представитель атеистического экзистенциализма Ж.П. Сартр рассматривал путь жизни человека через осознание сущности свободы, выбора и ответственности [23].

Заметный след в разработке указанного вопроса оставили представители отечественной философии. В отличие от Ж.П. Сартра Н.А. Бердяев полагал, что путь жизни человека самым тесным об-

разом связан не только с личным экзистенциальным опытом, свободой, но и иррациональным [4]. Понимание жизненного пути В.С. Соловьев связывал с необходимостью нравственного совершенствования в контексте с идеей всеединства [28].

Немалый вклад в обсуждение указанной темы внес Феофан Затворник, который считал, что путь жизни человека должен быть тесно связан с христианскими ценностями [31]. Отечественный мыслитель С. Зарин рассматривал путь жизни человека как реальность, которая присуща и дана субъекту еще задолго до его рождения (окружающий мир, социальная среда и интересубъективная реальность). Соответственно, человеку необходимо в течение жизни осваивать этот мир и приносить в него то, что будет способствовать развитию общества. Немалый вклад в разработку темы внес упомянутый выше С. Зарин, который обратил внимание на важность изучения вопросов аскетизма к пониманию жизни человека [10].

Идеи мыслителей XIX – нач. XX века были подхвачены отечественными учеными. Так, например С.С. Хоружий полагает, что в человеке, наряду с биологическим началом присутствует духовное образование, которое в сущности и делает человека в человеке [32].

Доктор философских наук Л.Н. Коган изучал не только сам путь жизни, но и необходимость совершения жизненного выбора на перепутье существования человека [12]. Эта идея приобрела особую актуальность в условиях проведения Россией Специальной военной операции. Проблема нравственного выбора на войне – это одна из самых сложных жизненных задач. Зачастую в экстремальных боевых условиях в крайне сжатые временные сроки приходится делать нравственный выбор онтологического порядка: «Быть или не быть?».

Основы исследования феномена жизненного пути в отечественной психологической науке были заложены С.Л. Рубинштейном, который детально изучил роль внешнего фактора (среды обитания) на прохождение человеком жизненных этапов. При этом С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что благодаря силе воли, ценностным убеждениям человек способен противостоять жизненным обстоятельствам [22]. Его ученица – доктор психологических наук Л.И.

Анцыферова – продолжила дело своего учителя, сосредоточив внимание на изучении психологических особенностей каждого возрастного периода [1].

Изучение жизненного пути не будет полным без его научного осмысления со стороны социологов. Видный московский ученый с многолетним опытом практических социологических исследований (в рамках социологии труда) Ж.Т. Тощенко сформулировал концепцию «Социологии жизни» [29]. К изучению жизненного пути человека ученый подошел комплексно: наличествующие ценностные представления, практическая деятельность человека и влияние окружающей социальной среды на всех трех уровнях, т.е. микроуровне (семья, друзья, одноклассники, коллеги, соседи и т.д.), мезоуровне (район, город) и макроуровне (страна, мировое сообщество, глобальные общемировые процессы и тенденции). Таким образом, преодолевается ограниченность метода анкетирования больше свидетельствующая о намерениях человека, а не о его реальных действиях и поступках. В реальной жизни часто случается так, что желаемое расходится с действительным.

Авторы статьи также внесли посильную лепту в освещение вопроса о жизни человека: С.А. Ермаков сформулировал и содержательно раскрыл концепцию «Триединства человека как био-социо-духовного существа» [8].

Обретение благополучного (счастливого) жизненного пути во многом связано и с наличием полной (детной) успешной семьи. Народная мудрость гласит, что нельзя ошибаться в жизни в двух вещах: в выборе профессии и спутника жизни. Изучая феномен счастливой семьи, О.А. Немова опирается на методологическую концепцию С.А. Ермакова «Триединства человека как био-социо-духовного существа», подходит к исследованию семьи также как триединству психо-физиологического-социально-экономического и духовно-нравственного союза [17]. О.А. Немова в своих исследованиях утверждает, что достижение семейного счастья и благополучного жизненного пути в целом не возможно без обретения гармонии между всеми членами семейной группы на всех трех уровня семейного взаимодействия [26].

Однако при всей глубине и оригинальности высказанных идей тема жизненного пути человека все еще нуждается в своем дальнейшем изучении. Это обусловлено целым рядом моментов.

Прежде всего следует отметить, что над темой все еще тяготеет традиция ее рассмотрения исключительно лишь в плоскости изучения проблемы смысла жизни. Философское осмысление жизни человека невозможно без выяснения вопроса о смысле его бытия. Это важный, но далеко не единственный аспект, связанный с постижением жизни человека. Ведь очевидно, что прежде всего человек должен жить, а потом уже постигать смысл своего предназначения. Прав был Х. Ортега-и-Гассет, когда говорил: «Мы живем не для того, чтобы думать, а, наоборот, думаем, чтобы жить» [18, с.489]. Поэтому важно дополнить изучение проблем жизни человека вопросом о пути его жизни. Есть человек, и он торит свой путь жизни. Необходимо в этой связи осознать, что путь жизни человека - это значимая часть бытия.

Кроме того, в философской литературе все еще имеет место недостаточная разработанность понятия «путь жизни человека». На то есть свои причины. Словосочетание «путь жизни человека» достаточно информативно. Оно уже несет в себе первичную информацию, связанную с фиксацией внимания на том пути, которым идет человек. Образ идущего по жизни (словно по дороге) человека достаточно нагляден, и он, видимо, «блокирует» дальнейшее продвижение исследовательской мысли в направлении постижения сущности пути жизни человека. А это необходимо сделать, ведь обыденное понимание словосочетания, включенного в философское исследование, должно быть дополнено его философской интерпретацией.

Необходимость обращения к вопросу о пути жизни человека продиктована еще и тем обстоятельством, что он имеет важное практическое значение. Действительно, раскрывая путь жизни человека, нельзя пройти мимо выяснения закономерностей его развития. Каковы они, чем они обусловлены? Носят ли они лишь исторически преходящий характер или же связаны с действием универсальных составляющих человеческого бытия? Можно ли

говорить об инвариантах пути жизни человека? Каковы они? Эти и многие другие аспекты имеют ярко выраженную практическую направленность. Имея представление о своеобразии своего пути жизни, человек может в большей степени оказывать влияние на него, событийно насыщая его, сглаживая ненужные зигзаги и преодолевая опасные повороты.

При этом следует иметь в виду, что философский анализ пути жизни человека имеет ряд особенностей. Прежде всего он предполагает исследование с позиции общего. Ни одна из областей научного знания – будь то психология, медицина, социология, этнография, демография, педагогика и т. д. – не может рассмотреть вопрос всесторонне. Ибо каждая отрасль научного знания «выхватывает» свой аспект проблемы, подчас не соотнося его с другими сторонами вопроса. Лишь философия, изучая наиболее общие законы развития материального и духовного мира, может раскрыть основные закономерности развития пути жизни человека. Кроме того, лишь в рамках философского исследования, которое носит комплексный, интегральный характер, возможно обобщение совокупности теоретических знаний по интересующему нас вопросу.

Результаты и обсуждение

Путь жизни человека по своей природе является динамичной одновременно объективно-субъективной реальностью, заранее заданной и формируемой (им/или другими) под воздействием природных начал (биология, физиология), социально-экономических процессов, происходящих в обществе в данный отрезок времени и духовной среды, являющейся неотъемлемой частью бытия [9, с. 269].

С этой точки зрения, путь жизни человека есть реальность, т.е. то, что существует в действительности, то что есть. Однако эта реальность особого рода с присущими ей специфическими характеристиками. По своей сути, она является объективно-субъективной реальностью, в которой всегда есть то, что дано человеку, и то, что он сам в нее привносит под воздействием природной, социальной и духовной среды. Кроме того, эта реальность состоит из видимого

и невидимого глазу пластов бытия. Скажем, выбор спутника жизни очевиден, но какими мотивами он обусловлен, не всегда понятно. Однако эти мотивы, безусловно, существуют и, в свою очередь, составляют содержательную часть пути жизни человека. Порой человек не осознает по каким критериям и параметрам, под воздействием каких обстоятельств его выбрали в качестве друга/подруги, жениха/невесты, мужа/жены. Между тем выбор был во многом заранее предопределен и биографически детерминирован.

На физиологическом уровне каждый человек обладает уникальным набором телесных, генетически заданных качеств и психофизиологических характеристик (внешняя красота, стройность телосложения, изящность движений, обаяние, легкость характера и т.д.); на социально-экономическом уровне наличествует определенный круг общения в зависимости от имущественного и статусного положения в обществе его ближайшего окружения (друзья, образ жизни, организация досуга и повседневной жизни, праздников и отпусков и т.д.); на духовном уровне имеются у каждого свои интересы и увлечения, этические, интеллектуальные и эстетические представления (понимание истины, добра и красоты). Соответственно человек будет обращать и привлекать к себе внимание тех, кто «плюс/минус» соответствует этим параметрам.

Какие же константы можно обозначить, в правильности и неизменности которых человек может не сомневаться, и которые помогут ему «не потеряться», не сбиться с жизненного пути, стать твердой опорой в критических ситуациях? Российский философ В.А. Кутырев, в книге «Человек технологий. Цивилизация фальшизма» [14] ратовал за традиционные ценности, которые во все века помогали человеку оставаться человеком и которые необходимо сохранить для того, чтобы продлилось существование рода человеческого. Мы также придерживаемся данной позиции. Традиционные духовно-нравственные ценности, выработанные человечеством на протяжении многих тысячелетий, позволили человеческому обществу не просто выжить, но и создать уникальные памятники культуры, преодолеть войны, эпидемии и прочие невзгоды.

И еще один важный момент в понимании пути жизни человека. Путь жизни, однажды начавшись, не завершается смертью человека. Он продолжается в веках, оставаясь частью бытия. Это положение требует подробного рассмотрения. Здесь же укажем на его важность в связи с пониманием особенностей индивидуального бытия человека. Человека неверно рассматривать обособлено от происходящего, имеющегося, бытийственного. Он существует не сам по себе. Он всегда часть своего рода, этноса, нации, народа. Он вплетен в «ткань бытия», его судьба переплетается с судьбами других людей. Эта связь имеет не только личностный, но и над-личностный характер. Она является частью рода, народа, человечества. И в таком своем качестве она сохраняется столь долго, сколь остается востребованной людьми. Поэтому уход человека из жизни знаменует собою лишь переход его пути жизни на стадию постжизни. Путь продолжается. Человек должен знать это и делать все, чтобы достойным образом прожить свою жизнь. Добрая память о человеке, ушедшем, есть свидетельство благого жизненного пути, благих дел в процессе его существования.

Отметим, что человек оставляет по себе память в постжизненный период также на во всех трех пластах своего нынешнего существования. В течение жизни человек создает материальные блага, приобретает предметы обихода, имеющие финансово-экономическую ценность и значимость, создает продукты интеллектуального труда, приносящие ему материальный достаток. Все эти материальные блага в дальнейшем передаются им по наследству его ближайшему окружению или тем, кому сам наследодатель решит. В социальном плане человек также в течение жизни зарабатывает так называемый «социальный капитал», который составляют супруг/супруга, дети, внуки, правнуки, друзья, коллеги, единомышленники, сподвижники, последователи и т.д. Чтобы заработать в течение жизни большой и крепкий «социальный капитал», надо очень много потрудиться, затратить немало физических и психо-эмоциональных сил, личного времени и т.д. Духовно-нравственный капитал, накопленный человеком в течение жизни, имеет особую природу и цену. Его невозможно передать как материальное наследство по завещанию. Он копится человеком в течение жизни,

оттачивается на практике, корректируется в ходе решения сложных жизненных задач, а затем постепенно отдается своему социальному окружению через повседневное взаимодействие, реально. «живое» общение и т.д. Например, чем больше времени родители уделяет воспитанию своих детей, практическому ежедневному взаимодействию с ними, тем более тесные психо-эмоциональные связи возникают между ними. Дружная, благополучная в духовно-нравственном плане семья возникает только там, где есть взаимная любовь, взаимопонимание, взаимопомощь, бескорыстная постоянная забота о близких «и в горе и в радости». Именно духовно-нравственный капитал более всего и ценится в человеке. После смерти о человеке вспоминают прежде всего с позиции его духовно-нравственного содержания, т.е. каким он был человеком (добрым, отзывчивым, заботливым, бескорыстным и т.д.). Материальные и социальные блага, накопленные человеком в течение жизни, конечно, важны, но куда большее значение имеет то какой он внес вклад в духовно-нравственное развитие своих детей, учеников, последователей и т.д. Именно духовно-нравственный капитал составляет суть традиционных непреходящих ценностей, имеющих общечеловеческую значимость.

Итак, сказанное позволяет заключить, что предложенное понимание пути жизни человека помогает не только понять, что он есть такое, но и дает возможность изучать путь жизни человека как явление действительности с тем, чтобы корректировать его направленность. Это возможно благодаря субъективной составляющей жизненного пути. Более того подчеркнем, что роль субъективного фактора в современных условиях резко возрастает. Дело в том, что в современную эпоху идет эскалация воздействия объективных внешних, факторов на человека. Происходят глубинные процессы экологического характера. Сегодня правомерно ставится вопрос о сохранении земной природы, которая является условием продолжения нашего существования. Кроме того, социально-политическая составляющая современной общественной жизни усиливается вводимыми санкциями, которые, увы, превращаются в распространенное средство решения всех возникающих проблем на межгосударственном уровне. Наконец, пандемия (COVID-19), поставившая новые вопросы перед

человечеством, заострила вопрос сбережения людей, рачительного отношения к своей жизни. Находясь в этой ситуации, человек просто обязан активно включаться в процессы, обусловленные современностью. Поэтому роль субъективного фактора возрастает, в том числе и применительно к вопросу жизненного пути человека. В современной ситуации человек не может сидеть, сложа руки, и ждать «у моря погоды». Он должен действовать себе во благо в любой ситуации, чтобы обезопасить свой жизненный путь, сделать его лучше и тем самым заложить фундамент благодетельной жизни. В этой связи философия предстает не только как форма постижения жизненного пути человека, но и как фактор влияния на формирование пути жизни человека особенно молодого возраста, когда еще есть время для созидания.

Еще одной важной философской задачей нашего исследования является определение особенностей жизненного пути человека.

Вот как говорил о себе Конфуций: «В пятнадцать лет я ощутил стремление учиться; в тридцатилетнем возрасте я утвердился; достигнув сорока, освободился от сомнений; в пятьдесят познал веление Неба (высшей власти. - *авт.*); в шестьдесят мой слух обрел проникновенность; с семидесяти лет я следую желаниям сердца, не нарушая меры» [13, с. 21]. Итак, мы видим, что жизнь человека, с одной стороны, схематично однообразна, а с другой - индивидуально своеобразна и причудливо неповторима.

Таким образом, в наше беспокойное время особенно актуально выглядит задача целенаправленного осмысления своего жизненного пути и его ежечасного анализа. Неизвестность есть одно из проявлений неожиданности. Следует уметь адекватно и быстро реагировать на различные превратности судьбы, уметь делать правильный рационально взвешенный выбор.

Заключение

Подводя итоги вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1) Осмысленное отношение к своей жизни, совершаемым поступкам, мыслям является важным и необходимым действием современно-

го человека, позволяющем достичь благополучной жизни и оставить после себя добрую память в истории своей семьи, города, страны, мира. Применение социально-философского знания дает возможность современному человеку выстраивать траекторию своего пути жизни таким образом, чтобы достичь жизненного благополучия, обрести простое человеческое счастье. Роль социальной философии как науки еще более возрастает в современном мире, так как дает ключ к пониманию человеческой природы. Обладая социально-философским знанием, человек может понять себя сам, увидеть связь между своими мыслями и действиями и, таким образом, подойти к пониманию того, как формируется его путь жизни. Без проведения такой работы нельзя рассчитывать на улучшения своей жизни. Словом, потенциал социальной философии должен быть задействован в полной мере. Только в этом случае социальная философия может выступить в качестве фактора влияния на формирование пути жизни человека, т.е. выполнить свою важнейшую задачу – содействовать построению жизни.

2) Жизненный путь человека обладает рядом специфических особенностей: дается человеку при его рождении; развитие пути жизни происходит на трех уровнях бытия человека, т.е. телесном, социально-экономическом и духовно-нравственном; путь жизни непрерывен, т.е. находится в постоянной динамике; путь жизни человека имеет свои закономерности, но по сути уникален;

3) Традиционные духовно-нравственные ценности, прошедшие проверку временем, являются значимыми константами для современного человека, позволяющими не сбиться с жизненного пути;

4) Методологическая концепция «Триединства человека как био-социо-духовного существа» обладает высокой эвристичностью и глубоким потенциалом для дальнейшего исследования. Преодоление односторонности в исследовании проблем современного человека неизбежно приводит к неполным знаниям, а следовательно, к неверным выводам;

5) Основы социальной философии вопросы построения благополучного жизненного пути необходимо вводить школьную образовательную программу в рамках «Обществознания», т.е. на системном

уровне формировать мировоззрение современного подрастающего поколения.

Отметим, что исследование жизненного пути человека в контексте триединства био-социо-духовных уровней имеет огромный научный потенциал и высокую практическую значимость.

Список литературы

1. Анцыферова, Л. И. (2006). *Развитие личности и проблемы геронтопсихологии* (2-е изд., испр. и доп.). Москва: Институт психологии РАН. 510 с. ISBN 5-9270-0094-0. EDN: <https://elibrary.ru/QXPMHV>
2. Аристотель. (2002). *Этика*. Москва: ООО «Издательство АСТ». 492 с.
3. Бергсон, А. (1992). *Собрание сочинений* (Т. 4). Москва. 336 с. ISBN 5-7642-0003-2. EDN: <https://elibrary.ru/SNDLPT>
4. Бердяев, Н. А. (1993). *О назначении человека*. Москва: Республика. 383 с.
5. Григорий Богослов, святитель. (2002). *Избранные слова*. Москва: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова. 557 с.
6. *Дао: гармония мира*. (2000). Москва: ЭКСМО; Санкт-Петербург: TERRA FANTASTIKA. С. 9–34.
7. *Дхаммапада*. (1990). Симферополь: Таврия. 60 с.
8. Ермаков, С. А. (2002). *Путь жизни человека: святоотеческая традиция и современность* (Монография). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 334 с. EDN: <https://elibrary.ru/VAONVF>
9. Ермаков, С. А. (2005). *Виалогия* (Монография). Нижний Новгород: НКИ. 158 с.
10. Зарин, С. М. (1996). *Аскетизм по православно-христианскому учению*. Москва: Паломник. 694 с.
11. Камю, А. (1990). *Избранное*. Москва: Республика; Москва: Правда. 476 с.
12. Коган, Л. Н. (1988). *Человек и его судьба*. Москва: Мысль. 283 с.
13. Конфуций. (1998). *Уроки мудрости: сочинения*. Москва: ЭКСМО-ПРЕСС; Харьков: ФОЛИО. 957 с.
14. Кутырев, В. А. (2022). *Чело-век технологий, цивилизация фальшизма*. Санкт-Петербург: Алетейя. 288 с.
15. Лэйнг, Р. Д. (2017). *Расколотое «Я»: экзистенциальное исследование «нормальности» и безумия; Феноменология переживания и Райская птичка*. Москва: ИОИ.
16. Ницше, Ф. (1991). *Сочинения* (Т. 2). Москва: Мысль.
17. Немова, О. А., & Свадьбина, Т. В. (2024). Значение опыта старших поколений в обеспечении преемственности российских базовых ценностей. *Социальная*

- политика и социология, 23(3), 58–64. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-58-64>. EDN: <https://elibrary.ru/VBUIITN>
18. Ортега-и-Гассет, Х. (2000). *Избранные труды*. Москва: Весь Мир. 704 с.
 19. Платон. (1990). *Собрание сочинений* (Т. 1). Москва: Мысль. 860 с.
 20. Радхакришнан, С. (1993). *Индийская философия* (Т. 1). Москва.
 21. Риккерт, Г. (1922). *Философия жизни: изложение и критика модных течений философии нашего времени* (Е. С. Берлович & И. Я. Колубовский, Пер.). Санкт-Петербург: Akademia. 167 с.
 22. Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер. 512 с. EDN: <https://elibrary.ru/LBQEST>
 23. Сартр, Ж. П. (2000). *Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии*. Москва: Республика. 639 с.
 24. Свадьбина, Т. В. (2000). *Семья и российское общество в поиске обновления* (Монография). Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского. 339 с. ISBN 5-85219-064-0. EDN: <https://elibrary.ru/AINPOO>
 25. Свадьбина, Т. В., Козырьков, В. П., & Немова, О. А. (2023). *Человек и его жизнь как ценность (философско-антропологический контекст)*. Нижний Новгород: Издательство ФГБОУ ВО НГПУ им. Козьмы Минина. 198 с. ISBN 978-5-85219-892-1. EDN: <https://elibrary.ru/WDSXXW>
 26. Свадьбина, Т. В., & Немова, О. А. (2025). Духовно-нравственные ценности и социокультурные основания патриотического и гражданского сознания россиян. В *Проблемы войны и мира в русской религиозной мысли (к 80-летию Великой Победы): материалы XXXIV Рождественских православно-философских чтений* (С. 94–101). Нижний Новгород.
 27. Сенека, Л. А. (1986). *Нравственные письма к Луцилию*. Кемерово: Кемеровское книжное издательство. 464 с.
 28. Соловьев, В. С. (1988). *Сочинения* (Т. 2). Москва: Мысль. 822 с.
 29. Тощенко, Ж. Т. (2016). *Социология жизни* (Монография). Москва: ЮНИТИ-ДАНА. 399 с.
 30. Упанишады (Кн. 1, Т. 3). (1992). Москва: Ладомир. 239 с.
 31. Феофан Затворник, святитель. (2017). *Путь ко спасению*. Москва: Сибирская Благовонница. 494 с.
 32. Хоружий, С. С. (2000). *О старом и новом*. Санкт-Петербург: Алетейя. 477 с. ISBN 5-89329-234-0. EDN: <https://elibrary.ru/TSLALF>

References

1. Antsyferova, L. I. (2006). *Development of personality and problems of gerontopsychology* (2nd ed., rev. & enl.). Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 510 p. ISBN 5-9270-0094-0. EDN: <https://elibrary.ru/QXPMHV>
2. Aristotle. (2002). *Ethics*. Moscow: AST Publishing House. 492 p.

3. Bergson, A. (1992). *Collected works* (Vol. 4). Moscow. 336 p. ISBN 5-7642-0003-2. EDN: <https://elibrary.ru/SNDLPT>
4. Berdyaev, N. A. (1993). *On the destiny of man*. Moscow: Respublika. 383 p.
5. Gregory of Nazianzus, St. (2002). *Selected sermons*. Moscow: Orthodox Brotherhood of St. John the Apostle. 557 p.
6. Tao: *The harmony of the world*. (2000). Moscow: EKSMO; Saint Petersburg: TERA FANTASTIKA. pp. 9–34.
7. *Dhammapada*. (1990). Simferopol: Tavria. 60 p.
8. Ermakov, S. A. (2002). *The path of human life: Patristic tradition and modernity* (Monograph). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press. 334 p. EDN: <https://elibrary.ru/VAONVF>
9. Ermakov, S. A. (2005). *Vialogy* (Monograph). Nizhny Novgorod: NKI. 158 p.
10. Zarin, S. M. (1996). *Asceticism in Orthodox Christian teaching*. Moscow: Palomnik. 694 p.
11. Camus, A. (1990). *Selected works*. Moscow: Respublika; Moscow: Pravda. 476 p.
12. Kogan, L. N. (1988). *Man and his fate*. Moscow: Mysl. 283 p.
13. Confucius. (1998). *Lessons of wisdom: Writings*. Moscow: EKSMO-PRESS; Kharkiv: FOLIO. 957 p.
14. Kut'yev, V. A. (2022). *The human of technologies, the civilization of falsism*. Saint Petersburg: Aleteiya. 288 p.
15. Laing, R. D. (2017). *The divided self: An existential study of "normality" and madness; The phenomenology of experience and The Bird of Paradise*. Moscow: IOI.
16. Nietzsche, F. (1991). *Works* (Vol. 2). Moscow: Mysl.
17. Nemova, O. A., & Svadbina, T. V. (2024). The significance of the experience of older generations in ensuring the continuity of Russian basic values. *Social Policy and Sociology*, 23(3), 58–64. <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2024-23-3-58-64>. EDN: <https://elibrary.ru/VBUITN>
18. Ortega y Gasset, J. (2000). *Selected works*. Moscow: Ves Mir. 704 p.
19. Plato. (1990). *Collected works* (Vol. 1). Moscow: Mysl. 860 p.
20. Radhakrishnan, S. (1993). *Indian philosophy* (Vol. 1). Moscow.
21. Rickert, H. (1922). *Philosophy of life: Exposition and criticism of current trends in the philosophy of our time* (E. S. Berlovich & I. Y. Kolubovsky, Trans.). Saint Petersburg: Akademia. 167 p.
22. Rubinstein, S. L. (2003). *Being and consciousness. Man and the world*. Saint Petersburg: Piter. 512 p. EDN: <https://elibrary.ru/LBQEST>
23. Sartre, J. P. (2000). *Being and nothingness: An essay on phenomenological ontology*. Moscow: Respublika. 639 p.
24. Svadbina, T. V. (2000). *Family and Russian society in search of renewal* (Monograph). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Press. 339 p. ISBN 5-85219-064-0. EDN: <https://elibrary.ru/AINPOO>

25. Svadbina, T. V., Kozyrkov, V. P., & Nemova, O. A. (2023). *Man and his life as a value (philosophical-anthropological context)*. Nizhny Novgorod: Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University Press. 198 p. ISBN 978-5-85219-892-1. EDN: <https://elibrary.ru/WDSXXW>
26. Svadbina, T. V., & Nemova, O. A. (2025). Spiritual and moral values and sociocultural foundations of patriotic and civic consciousness of Russians. In *Problems of war and peace in Russian religious thought (to the 80th anniversary of the Great Victory): Proceedings of the 34th Christmas Orthodox-Philosophical Readings* (pp. 94–101). Nizhny Novgorod.
27. Seneca, L. A. (1986). *Moral letters to Lucilius*. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House. 464 p.
28. Solovyov, V. S. (1988). *Works* (Vol. 2). Moscow: Mysl. 822 p.
29. Toshchenko, Zh. T. (2016). *Sociology of life* (Monograph). Moscow: UNITY-DA-NA. 399 p.
30. *Upanishads* (Book 1, Vol. 3). (1992). Moscow: Ladomir. 239 p.
31. Theophan the Recluse, St. (2017). *The path to salvation*. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa. 494 p.
32. Khoruzhiy, S. S. (2000). *On the old and the new*. Saint Petersburg: Aleteiya. 477 p. ISBN 5-89329-234-0. EDN: <https://elibrary.ru/TSLALF>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Ермаков Сергей Анатольевич, д-р филос. наук, профессор, заведующий кафедры культуры и психологии предпринимательства
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
пр. Гагарина, 23, г. Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация
ermacow1958@mail.ru

Немова Ольга Алексеевна, канд. соц. наук, доцент

Мининский университет
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603005, Российская Федерация
nhl_@list.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sergey A. Ermakov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Culture and Entrepreneurship Psychology
Lobachevsky University
23, Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603022, Russian Federation
ermacow1958@mail.ru

SPIN-code: 651592

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2839-7826>

ResearcherID: KBQ-2219-2024

Olga A. Nemova, PhD in Sociology, Associate Professor

Minin University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603005, Russian Federation

nhl_@list.ru

SPIN-code: 394291

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8856-8519>

ResearcherID K-8398-2017

Поступила 10.04.2026

После рецензирования 05.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 10.04.2026

Revised 05.06.2026

Accepted 10.06.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-583](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583)EDN: [HOHLQS](https://edn.ru/HOHLQS)

УДК 140.8:101.1:316

Философские аспекты концепции цифрового бессмертия: между русским космизмом и трансгуманизмом

С.М. Мальцева^{1,2}, П.Р. Шкадина¹, Е.А. Нагорнов²¹Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация²НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. В современном мире на первый план выходит вопрос о том, может ли цифровое воспроизведение личности считаться ее продолжением или перед нами лишь новая форма памяти о человеке.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать современный проект цифрового бессмертия продолжает давнюю идею преодоления смерти, но радикально меняет ее смысл, переводя проблему из нравственной концепции в технологическую. Гипотеза: цифровое бессмертие следует понимать не как доказанную форму продолжения личности, а как философски спорную и этически нагруженную модель ее цифрового продолжения.

Новизна работы состоит в том, что сравнение русского космизма и трансгуманизма проводится по четырем критериям: понимание природы человека, трактовка смерти, роль технологий и критерий личностной тождественности. Именно эти критерии позволяют избежать поверхностного сближения двух направлений и показать пределы самой идеи цифрового бессмертия.

Методы: сравнительно-исторический и концептуальный анализ, а также метод философской реконструкции.

Результаты. Показано, что в русском космизме бессмертие мыслится как общее нравственное дело человечества, то в трансгуманизме как исследование научно-технического прогресса в продлении или воспроизведения личности. Особое внимание уделяется проблеме сознания: даже полное сохранение информации о человеке еще не доказывает сохранение субъективного опыта.

Ключевые слова: цифровое бессмертие; русский космизм; трансгуманизм; личность; сознание; этика технологий; Н. Ф. Федоров; Д. Чалмерс

Для цитирования. Мальцева, С. М., Шкадина, П. Р., & Нагорнов, Е. А. (2026). Философские аспекты концепции цифрового бессмертия: между русским космизмом и трансгуманизмом. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 86–103. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583>

Philosophical aspects of the concept of digital immortality: between Russian cosmism and transhumanism

S.M. Maltseva^{1,2}, P.R. Shkadina¹, E.A. Nagornov²

¹*Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

²*Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State
University of Railway Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation*

Abstract

Background. In the modern world, the question of whether digital reproduction of a personality can be considered its continuation or whether we are facing only a new form of human memory is coming to the fore.

The **purpose** of the study is to show that the modern digital immortality project continues the long-standing idea of overcoming death, but radically changes its meaning, transferring the problem from a moral concept to a technological one. Hypothesis: digital immortality should be understood not as a proven form of personality continuation, but as a philosophically controversial and ethically loaded model of its digital continuation.

The **novelty** of the work is that the comparison of Russian cosmism and transhumanism is based on four criteria: understanding human nature, interpretation of death, the role of technology and the criterion of personal identity. It is these criteria that make it possible to avoid a superficial convergence of the two directions and show the limits of the very idea of digital immortality.

Methods: comparative historical and conceptual analysis, as well as the method of philosophical reconstruction.

Results. It is shown that in Russian cosmism immortality is thought of as a common moral cause of mankind, while in transhumanism it is considered as a study of scientific and technological progress in the prolongation or reproduction of personality. Special attention is paid to the problem of consciousness: even the complete preservation of information about a person does not prove the preservation of subjective experience.

Keywords: digital immortality; Russian cosmism; transhumanism; personal identity; consciousness; ethics of technology; N. F. Fedorov; D. Chalmers

For citation. Maltseva, S. M., Shkadina, P. R., & Nagornov, E. A. (2026). Philosophical aspects of the concept of digital immortality: between Russian cosmism and transhumanism. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 86–103. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-583>

Введение

В современном мире на первый план выходит вопрос о том, может ли цифровое воспроизведение личности считаться ее продолжением, или речь идет лишь о новой форме культурной памяти. Поводом для этого служит развитие цифровых технологий, способных сохранять большие объемы персональных данных, моделировать речь и поведение человека, а также создавать его цифровые образы. Однако философский смысл проблемы выходит за пределы вопроса о технической осуществимости таких проектов.

Традиционно понимаемые понятия «личность», «сознание», «память» в цифровом мире не просто перестают дополнять друг друга, а вступают в конфликт. Память превращается в обезличенную базу данных, запись цифрового следа. Цифровая личность извлекается из памяти, она не обладает полнотой бытия. Это набор реакций, устойчивых и повторяющихся решений, которые отличают цифрового субъекта от других. Сложнее всего с сознанием. Это уже не информация, а процесс переживания, проживания. Сознание уникально и персонально. Его нельзя полностью скопировать. Даже если создать копию мозга, сознание-источник продолжит жить отдельно.

Но речь идет о более принципиальной теме: может ли цифровая реконструкция личности считаться продолжением самой личности, или перед нами лишь новая форма памяти о человеке [14; 24]. Именно поэтому цифровое бессмертие стоит рассматривать не как решение проблемы смерти, а как тема, затрагивающая этические аспекты философии [8]. Здесь сталкиваются как минимум три вопроса: что именно должно быть сохранено, чтобы можно было говорить о продолжении личности; можно ли свести сознание к информации; какие этические последствия возникают, если цифровые формы посмертного присутствия станут обычной социальной практикой.

Чтобы ответить на эти вопросы нужно соотнести русский космизм и трансгуманизм, как два направления, которые по-разному осмысляют возможность преодоления человеческой смерти [18; 19; 21].

Цель исследования – выявить философское содержание концепции цифрового бессмертия через сравнение идей русского космизма и трансгуманизма. *Гипотеза исследования* состоит в том, что цифровое бессмертие следует понимать не как доказанную форму продолжения личности, а как философски спорную и этически нагруженную модель ее цифрового продолжения. *Объектом исследования* являются философские представления о бессмертии, а предмет – трактовка цифрового бессмертия как формы сохранения или воспроизведения личности в условиях технологической культуры.

Методологическую основу работы составляют сравнительно-исторический и концептуальный анализ, а также метод философской реконструкции.

Результаты и обсуждение

В самом общем виде под цифровым бессмертием понимают сохранение личности после биологической смерти в цифровой среде. Но уже на уровне определения возникает серьезная трудность. Можно сохранить архив текстов, изображений, голосовых записей, привычных реакций и даже типичных речевых оборотов человека. Можно создать цифрового собеседника, который будет воспроизводить стиль общения умершего. Однако из этого еще не следует, что сохранен сам субъект опыта. Иначе говоря, цифровая воспроизводимость поведенческого профиля еще не равна сохранению сознания [9; 26]. Обращение к проблематике цифрового бессмертия требует прежде всего терминологической определенности, поскольку само это понятие находится в процессе активного становления и не имеет на сегодняшний день устоявшегося общепринятого определения. В отечественном научном дискурсе термин «цифровое бессмертие» зачастую соседствует с такими концептами, как «кибернетическое бессмертие», «цифровое послесмертие» (digital afterlife), «цифровая загробная жизнь», а также с более технически-

ми обозначениями вроде «цифровых останков» или даже «цифровых зомби» [6].

И.Ю. Алексеева в работе, посвященной культу технологий и субъектности человека, обращает внимание на то, что идея кибернетического бессмертия формируется в контексте более широких квазирелигиозных тенденций отношения к технике, где технологии искусственного интеллекта начинают восприниматься как инструмент преодоления фундаментальной человеческой конечности [5]. В этом смысле цифровое бессмертие предстает не просто как технический проект, но как определенная мировоззренческая установка, имеющая выраженные псевдорелигиозные компоненты. Ю.В. Назарова, анализируя цифровое посмертие в контексте концепции инфосферы Лучано Флориди, предлагает рассматривать данное явление через призму представлений о человеке как об «инфорге» – информационном организме, существующем в единой информационной среде [15]. Согласно этой логике, цифровое бессмертие может быть понято как продолжение информационного существования индивида после прекращения его биологической жизни. При таком подходе граница между жизнью и смертью в цифровом измерении становится принципиально размытой: если в физическом мире смерть маркирует необратимый конец существования, то в пространстве инфосферы она может быть описана скорее как переход в иную форму присутствия.

В исследовательской литературе последних лет предпринимаются попытки систематизации видов цифрового бессмертия, а именно: «одностороннее бессмертие», при котором цифровые данные умершего сохраняются и могут быть доступны будущим поколениям, но не предполагают интерактивного взаимодействия; «двустороннее бессмертие», подразумевающее возможность коммуникации с цифровой репрезентацией умершего, которые будут эволюционировать в процессе взаимодействия с живыми пользователями [1].

Здесь особенно значима философия сознания, в которой Д. Чалмерс показывает, что даже исчерпывающее описание функциональной организации психики не снимает вопроса о субъективном

переживании, о том, «каково это» – быть данным сознанием. Центральный тезис Д. Чалмерса формулируется с провокативной прямотой: виртуальные миры не являются второсортными мирами, а жизнь в виртуальной реальности может быть столь же осмысленной и ценной, как и жизнь в неvirtуальном, физическом мире [2]. Методологически Д. Чалмерс определяет свой подход как «технофилософию» – способ философствования, при котором классические философские вопросы о природе реальности, сознания, познания и ценности жизни рассматриваются сквозь призму современных технологических достижений и проектов. Виртуальная реальность, искусственный интеллект, гипотеза симуляции для Д. Чалмерса не просто поводы для футурологических спекуляций, но законные предметы философского анализа, способные пролить свет на традиционные метафизические и эпистемологические проблемы. В контексте цифрового бессмертия такой подход означает, что вопрос о возможности и желательности переноса сознания на небиологический носитель должен решаться не априорно, через апелляцию к интуициям о «неестественности» подобной трансформации, но через тщательный анализ онтологического статуса цифровых объектов и виртуальных сред [3]. Подход Д. Чалмерса к проблеме сознания, а именно его знаменитое различие между «легкими» и «трудной» проблемами сознания, а также его аргумент о принципиальной возможности существования «философских зомби» – задает концептуальные рамки для обсуждения вопроса о том, будет ли цифровая копия личности обладать феноменальным сознанием, субъективным переживанием [2]. Сам Д. Чалмерс занимает в этом вопросе осторожную позицию. Он не утверждает, что функциональная изоморфность автоматически гарантирует наличие сознания, но и не исключает такой возможности. Для цифрового бессмертия это означает, что вопрос о том, будет ли цифровая личность действительно «живой» в феноменальном смысле, остается открытым, но открытым в том смысле, который не позволяет отвергнуть такую возможность.

Русский космизм позволяет увидеть, что стремление преодолеть смерть не сводится к современной технике и не является ис-

ключительно продуктом цифровой эпохи. Для Н. Федорова смерть выступала не естественной нормой, а главным разрывом человеческого бытия, который должен быть преодолен усилием всего человечества: «Смерть есть торжество силы слепой, не нравственной, всеобщее же воскрешение будет победою нравственности, будет последней высшею степенью, до которой может дойти нравственность» [24, с. 433]. Этический нерв расхождения между космизмом и трансгуманизмом особенно остро ощущается в вопросе о субъекте воскрешения. Для Н. Федорова и его последователей воскрешение мыслится как всеобщее дело. Так К.Э. Циолковский мыслил бессмертие как «переселение душ», состоящих из живых атомов, которые рано или поздно вновь соединятся во вселенной и образуют более совершенную форму жизни [25]. В.И. Вернадский описывал необходимость более активной роли человека в эволюции, когда разум станет решающей космической силой – ноосферой [7]. «Воскрешение отцов» предполагает нравственную ответственность живущих перед ушедшими поколениями, долг памяти, который не может быть уменьшен к индивидуальному проекту продления собственной жизни. Трансгуманизм, напротив, ориентирован преимущественно на индивидуальное технологическое самосовершенствование, на продление жизни ныне живущих и будущих поколений, оставляя умерших в прошлом. Здесь проявляется фундаментальное этическое различие: космизм выстраивает моральную перспективу, в которой человек существует в неразрывной связи с предками и потомками, тогда как трансгуманизм тяготеет к радикальному индивидуализму, граничащему с этическим солипсизмом [18; 23].

О.И. Елхова вводит понятие «этернальные коды», под которыми понимаются устойчивые информационные структуры, обеспечивающие сохранение данных о личности в цифровой форме для продолжения существования человека после его физической смерти. Исследовательница подчеркивает, что общим знаменателем космизма и трансгуманизма выступает стремление к бессмертию, однако современный космизм, в отличие от радикального трансгуманиз-

ма, настаивает на необходимости глубокого философского анализа и взвешенного подхода к теме кибернетического бессмертия [12].

Критический анализ трансгуманистической этики представлен в рецензии А. С. Тимощука на книгу В. Кутырева «Человек технологий. Цивилизация фальшизма». Автор рецензии проблематизирует метафоры, используемые В. Кутыревым для описания трансгуманистического проекта («мозги в банке», «церебральные чипы», «технологическая сингулярность»). Он отмечает, что такая яркая подача помогает не забалтывать проблему, а раскрывать ее античеловечную сущность. Сам термин «фальшизм», вводимый В. Кутыревым, отсылает к идее тотальной подмены, симуляции подлинного существования [22].

В отличие от большинства академических исследователей космизма, занимающих критическую или настороженную позицию по отношению к трансгуманизму, Д. Ицков стремится обнаружить точки схождения и преемственности между двумя традициями. Он утверждает, что «многогранность культуры исторически задавала и задает порой несовместимые векторы развития человечества», но сегодня человечество накопило достаточный опыт для сознательного выбора того вектора будущего, который, с одной стороны, вполне осуществим с точки зрения современной науки, а с другой требует единства человечества и осознания им новых возможностей [13, с. 310].

Именно здесь проходит важная граница между космизмом и позднейшими технологическими проектами. Н. Федоров мыслит бессмертие не как услугу, не как индивидуальную опцию и не как привилегию для тех, кто обладает ресурсами. В центре его концепции находятся память, ответственность, родство поколений и общность человеческой судьбы. Поэтому космизм изначально задает этическую перспективу. Вопрос не только в том, можно ли победить смерть, но и в том, во имя чего это должно быть сделано [10; 19].

Принципиальное расхождение этических векторов двух традиций связано с пониманием источника и характера морального должностовования. Русский космизм, укорененный в христианской антропо-

логии и софиологии, мыслит этику как производную от онтологии – от признания за человеком особого места в космическом порядке и вытекающей из этого признания ответственности перед Творцом и мирозданием. Смерть понимается не просто как биологическая данность, которую следует преодолеть техническими средствами, но как следствие нравственного несовершенства человечества, его разобщенности. Соответственно, и преодоление смерти требует не столько технологического прорыва, сколько нравственного преображения, обращения человека к своему духовному призванию.

Особого внимания заслуживает этическая проблематика, связанная с критерием личностной тождественности при переходе в цифровое существование. Если трансгуманизм, опираясь на функционалистское понимание сознания, исходит из того, что сохранение информационной структуры достаточно для сохранения личности, то русский космизм, особенно в федоровском понимании, настаивает на необходимости восстановления целостного человека в единстве духовного и телесного начал. Цифровая копия, сколь бы точной она ни была, не может считаться воскресенным человеком. Это всего лишь симуляция, подобие, которое лишено качества быть настоящим. Этическая оценка такой подмены однозначна: выдавать информационную реплику за воскресшую личность, что означает фундаментальный обман и уводить человека от истинной задачи преодоления смерти.

Сравнение русского космизма и трансгуманизма требует выделения четких критериев, позволяющих зафиксировать как моменты содержательной схожести, так и принципиальные расхождения между двумя течениями. И. В. Демин, обращаясь к осмыслению идеи бессмертия в русском космизме и трансгуманизме, подчеркивает, что уникальность обоих подходов заключается в том, что никогда прежде в философии и религии преодоление смерти не рассматривалось в качестве практического проекта и достижимой цели человеческого существования [10].

Первый критерий – понимание природы человека. Для космизма человек есть нравственное и духовное существо, включен-

ное в историю поколений и ответственное за общее будущее. Для трансгуманизма человек чаще описывается как система, параметры которой могут быть улучшены, расширены или перенесены в новую среду. Отсюда следует различие и в понимании личности. В первом случае она укоренена в нравственном смысле бытия, во втором чаще связывается с информационной структурой и функциями [17].

В философии русского космизма человек мыслится как существо принципиально незавершенное, находящееся в процессе становления и призванное к активному участию в эволюционных процессах космического масштаба. Ю.В. Олейников, анализируя мировоззренческий аспект эволюционно-проективной философии русского космизма, отмечает, что данная традиция рассматривает человека не как венец творения и не как статичную данность, но как существо, наделенное разумом именно для того, чтобы стать сознательным соработником природных и космических сил [16]. Сознание в русском космизме наделяется онтологическим статусом - оно не просто эпифеномен материальных процессов, но активная сила, способная преобразовывать действительность.

Трансгуманизм предлагает принципиально иную антропологическую модель. Трансгуманистическое понимание человека характеризуется отказом от представления о наличии у человеческого существа неизменной духовной сущности или сакрального ядра [4]. Человек рассматривается как биофизическая система, которая может быть улучшена, модифицирована и в конечном счете преодолена технологическими средствами. Цифровизация в данном контексте выступает не просто инструментом, но средой и условием антропологической трансформации, ведущей к появлению постчеловека.

Второй критерий – трактовка смерти. Центральной фигурой русского космизма в осмыслении проблемы смерти остается Н. Ф. Федоров, сформулировавший идею «имманентного воскрешения» как общего дела человечества. И.В. Демин подчеркивает, что в философии Н.Федорова смерть в глубочайшем, предельном смысле – это выбор человеческого существа, а не простая природная данность,

с которой следует смириться [11]. В космизме смерть понимается как фундаментальное зло, преодоление которого возможно только как общее дело. В трансгуманизме она интерпретируется прежде всего как техническая проблема или сбой биологической системы. Нравственность уступает место инженерной постановке вопроса и поэтому в результате меняется и образ бессмертия. Вместо всеобщего спасения появляется проект индивидуального продления или цифрового сохранения [12].

Третий критерий – роль технологий. В русском космизме технология никогда не мыслилась как самодостаточная сила, способная автономно обеспечить преодоление смерти. Как отмечается в исследовании, посвященном мировоззренческому аспекту эволюционно-проективной философии космизма, технологическое развитие рассматривается здесь как необходимое, но недостаточное условие достижения бессмертия [16]. Техника должна быть одухотворена нравственным усилием, подчинена высшим целям космической эволюции, вписана в логику становления ноосферы – сферы разума, где природные и социальные процессы начинают управляться сознательной человеческой деятельностью.

Благодаря этому критерию, можно четко увидеть границу между двумя подходами. Для русского космизма техника имеет подчиненный статус (она значима постольку, поскольку служит нравственной задаче). Для трансгуманизма же технология становится главным средством и часто главным основанием надежды. Именно поэтому в дискуссиях о цифровом бессмертии внимание смещается к интерфейсам и вычислительным возможностям. Но там, где технология становится самоценной, возрастает риск подмены вопроса о человеке вопросом о работоспособности модели.

Четвертый критерий – критерий личностной тождественности. Вопрос о том, сохранит ли человек свою идентичность при переходе в цифровую или иную постбиологическую форму существования, является, пожалуй, наиболее острым пунктом расхождения между русским космизмом и трансгуманизмом. В философии космизма личность мыслится как уникальное, неповторимое единство духовного и

телесного начал, которое не может быть сжато к информационному шаблону и воспроизведено без утраты сущностных характеристик. Воскрешение в логике Федорова предполагает восстановление именно целостного человека в единстве его духовных и телесных качеств, а не создание цифровой копии или симуляции. Трансгуманизм, опираясь на функционалистское понимание сознания, исходит из того, что личностная тождественность обеспечивается непрерывностью и связностью информационных процессов, а не конкретным материальным носителем. В этой логике постепенная замена биологических компонентов на кибернетические аналоги или полный перенос сознания на цифровой субстрат не создают угрозы для сохранения идентичности, при условии, что информационная структура остается изоморфной исходной. Н. Н. Ростова, обращаясь к проблематике смерти человека в современной философии, указывает на интеллектуальный подлог, лежащий в основе постгуманистических деклараций: «тот, смерть кого объявлена, и не существовал вовсе», поскольку человек изначально мыслился не как самобытный феномен, но как эпифеномен более фундаментальных структур [19].

Из сказанного следует, что цифровое бессмертие можно интерпретировать как точку пересечения русского космизма и трансгуманизма лишь с важной оговоркой. Их действительно роднит неприятие смерти как безусловной границы человеческих возможностей. Но на этом сходство в значительной мере заканчивается. Космизм задает нормативный и нравственный горизонт, тогда как трансгуманизм предлагает инструментальный и технооптимистический сценарий. Поэтому говорить о прямой преемственности можно только с учетом глубокого различия в понимании человека, сознания и цели бессмертия [20]. Эти расхождения имеют не узкотехнический, но мировоззренческий характер и коренятся в различном понимании места человека и смысла его существования.

Особого внимания требует этическая сторона проблемы. Даже если отвлечься от вопроса о том, совпадает ли цифровая копия с личностью, сохраняются проблемы согласия на посмертное использование данных, права на цифровой образ, ответственности за

высказывания цифрового двойника и неравного доступа к подобным технологиям. Кроме того, цифровое бессмертие может изменить саму культуру памяти (вместо работы скорби и воспоминания общество получит алгоритмически поддерживаемое присутствие умершего). В таком случае технология не отменяет смерть, а лишь трансформирует способы ее переживания.

Выводы

Проведенное исследование показывает, что концепция цифрового бессмертия не может быть понята исключительно в терминах технической возможности. Она затрагивает фундаментальные вопросы философской антропологии: что такое личность, где проходят границы сознания и можно ли считать воспроизведение информационной структуры продолжением субъекта. В этом отношении цифровое бессмертие оказывается не готовым ответом, а формой постановки старого вопроса о человеческой конечности в новых технологических условиях.

Сопоставление русского космизма и трансгуманизма позволило установить, что их объединяет стремление преодолеть смерть, но различает понимание смысла этого преодоления. Для космизма бессмертие связано с нравственным долгом, общим делом и ценностью человеческой связи поколений. Для трансгуманизма – с проектом управляемого изменения человека и переносом надежды на технологию. Поэтому цифровое бессмертие можно рассматривать как технизированную версию старой мечты о победе над смертью, но не как ее прямое и бесспорное осуществление.

Главный вывод состоит в том, что цифровая копия личности еще не тождественна самой личности. Сохранение данных, поведенческих шаблонов и речевых особенностей не дает достаточных оснований утверждать сохранение субъективного опыта. Именно поэтому проблема цифрового бессмертия должна обсуждаться не только в контексте технического прогресса, но и в рамках философии сознания и этики. Такой подход позволяет увидеть в ней не просто технологический проект будущего, а серьезный вызов нашему пониманию человека.

Список литературы

1. Bassett, D. J. (2022). *The creation and inheritance of digital afterlives, you only live twice*. Books Puddle.
2. Chalmers, D. J. (2017). The virtual and the real. *Disputatio*, 9(46), 309–352. <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>
3. Chalmers, D. *The mind bleeds into the world*. Edge. Retrieved April 5, 2026, from https://www.edge.org/conversation/david_chalmers-the-mind-bleeds-into-the-world
4. Авдеева, Е. А., & Чочетков, М. В. (2022). Человекоориентированный смысловой дискурс в теории и практике образования. *Философия образования*, 22(1), 87–102. <https://doi.org/10.15372/PNE20220106>. EDN: <https://elibrary.ru/GLJHOO>
5. Алексеева, И. Ю. (2021). Культ технологий и субъектность человека. В *VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке: материалы международной научно-практической конференции, 11 марта 2021 г.* (ч. 1, с. 109–116). МИЭТ. EDN: <https://elibrary.ru/NPGIAT>
6. Булычев, И. И., & Назарова, Ю. В. (2021). Современные проблемы и перспективы танатологии: этический аспект. *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*, (4), 57–69. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-57-69>. EDN: <https://elibrary.ru/WRPVJE>
7. Вернадский, В. И. (2004). *Биосфера и ноосфера*. Айрис Пресс.
8. Ворохобов, А. В. (2026). Глобализация как вызов современности: критерии оценки в парадигме православной социальной этики. *Вестник Мининского ун-та*, 14(1), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2026-14-1-15>. EDN: <https://elibrary.ru/BENPXM>
9. Галкин, И. Г. (2025). Анализ проблем трансгуманизма на примере концепции цифрового бессмертия. *Труды СПДС*, (2), 56–79. https://doi.org/10.56621/27825884_2025_29_56. EDN: <https://elibrary.ru/FFLFAC>
10. Демин, И. В. (2015). Может ли бессмертие быть целью человеческих устремлений? (осмысление идеи бессмертия в русском космизме и в трансгуманизме). *Философские проблемы информационных технологий и киберпространства*, (1), 41–55. <https://doi.org/10.17726/phillIT.2015.9.1.129>. EDN: <https://elibrary.ru/UACRBT>
11. Демин, И. В. (2014). *Русский космизм в контексте современной техногенной цивилизации* [Учебное пособие]. Самарская гуманитарная академия. ISBN 978-5-98996-148-1. EDN: <https://elibrary.ru/TKXFJD>
12. Елхова, О. И. (2024). Этернальные коды: философские размышления о «кибернетическом бессмертии». *Вестник КРСУ*, (10), 20–26. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-10-20-26>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPIMK>
13. Ицков, Д. И. (2017). Социокультурные аспекты дискуссий о кибернетическом субстрате как этапе глобального проекта бессмертия. *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета*, (4), 308–313. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/308-313>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWJVVV>

14. Назарова, Ю. В. (2021). Проблема бессмертия в контексте цифровой этики. *Общество: философия, история, культура*, (11), 17–21. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.2>. EDN: <https://elibrary.ru/UNQDRE>
15. Назарова, Ю. В. (2021). Цифровое послесмертие в концепции инфосферы Л. Флориди (этический анализ). *Манускрипт*, (12), 2675–2679. <https://doi.org/10.30853/mns20210459>. EDN: <https://elibrary.ru/EMYYAS>
16. Олейников, Ю. В. (2021). Мировоззренческий аспект эволюционно-проективной философии русского космизма. *Философские науки*, 64(3), 7–25. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-3-7-25>. EDN: <https://elibrary.ru/AZLYZY>
17. Пилецкий, С. Г. (2021). О гуманизме и трансгуманизме. *Идеи и идеалы*, (1-1), 166–178. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180>. EDN: <https://elibrary.ru/EGTFVS>
18. Пряхин, В. Ф. (2012). Русский космизм и трансгуманизм. *Приволжский научный вестник*, (8), 44–59. EDN: <https://elibrary.ru/PCFZUH>
19. Ростова, Н. Н. (2023). Почему русский космизм — это не трансгуманизм? *Вестник Томского государственного университета*, (491), 49–54. <https://doi.org/10.17223/15617793/491/6>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNVGD>
20. *Солнечное сознание для миллениалов*. ЗАВТРА.PY. Retrieved April 21, 2026, from https://zavtra.ru/blogs/solnechnoe_soznanie_dlya_millennialov#
21. Суслов, А. В. (2021). Русский космизм и трансгуманизм в полемике между антропологическим волюнтаризмом и провиденциализмом. *Философская мысль*, (8), 65–77. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.8.35781>. EDN: <https://elibrary.ru/AGYYDR>
22. Тимошук, А. С. (2023). Угроза бессмертия [Рецензия]. *НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 48(3), 647–652.
23. Федоров, Н. Ф. (1982). *Сочинения* (А. В. Гулыга, Ред.; С. Г. Семенова, Сост.). Мысль.
24. Федоров, Н. Ф. (1995). *Сочинения в четырех томах* (Т. 1). Прогресс.
25. Циолковский, К. Э. (2007). *Космическая философия. Щит научной веры: сборник статей*. Самообразование.
26. Яцевич, М. Ю., & Белоногов, М. А. (2024). Философско-этические проблемы цифрового бессмертия. *Universum: общественные науки*, (12), 61–63. EDN: <https://elibrary.ru/YPCWQD>

References

1. Bassett, D. J. (2022). *The creation and inheritance of digital afterlives, you only live twice*. Books Puddle.
2. Chalmers, D. J. (2017). The virtual and the real. *Disputatio*, 9(46), 309–352. <https://doi.org/10.1515/disp-2017-0009>

3. Chalmers, D. *The mind bleeds into the world*. Edge. Retrieved April 5, 2026, from https://www.edge.org/conversation/david_chalmers-the-mind-bleeds-into-the-world
4. Avdeeva, E. A., & Kochetkov, M. V. (2022). Human-centered semantic discourse in the theory and practice of education. *Philosophy of Education*, 22(1), 87–102. <https://doi.org/10.15372/PHE20220106>. EDN: <https://elibrary.ru/GLJHOO>
5. Alekseeva, I. Yu. (2021). The cult of technology and human subjectivity. In *VII Descartes readings. Global threats to the development of civilization in the 21st century: Proceedings of the international scientific and practical conference, March 11, 2021* (Part 1, pp. 109–116). MIET. EDN: <https://elibrary.ru/NPGIAT>
6. Bulychev, I. I., & Nazarova, Yu. V. (2021). Modern problems and prospects of thanatology: The ethical aspect. *Humanitarian Bulletin of Tolstoy TSPU*, (4), 57–69. <https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-57-69>. EDN: <https://elibrary.ru/WRPVJE>
7. Vernadsky, V. I. (2004). *Biosphere and noosphere*. Airis Press.
8. Vorokhobov, A. V. (2026). Globalization as a challenge of modernity: Evaluation criteria in the paradigm of Orthodox social ethics. *Vestnik of Minin University*, 14(1), 15. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2026-14-1-15>. EDN: <https://elibrary.ru/BENPXM>
9. Galkin, I. G. (2025). Analysis of transhumanism problems using the concept of digital immortality as an example. *Proceedings of SPDS*, (2), 56–79. https://doi.org/10.56621/27825884_2025_29_56. EDN: <https://elibrary.ru/FFLFAC>
10. Demin, I. V. (2015). Can immortality be the goal of human aspirations? (Understanding the idea of immortality in Russian cosmism and transhumanism). *Philosophical Problems of Information Technology and Cyberspace*, (1), 41–55. <https://doi.org/10.17726/philIT.2015.9.1.129>. EDN: <https://elibrary.ru/UACRBT>
11. Demin, I. V. (2014). *Russian cosmism in the context of modern technogenic civilization* [Textbook]. Samara Humanitarian Academy. ISBN 978-5-98996-148-1. EDN: <https://elibrary.ru/TKXFDJ>
12. Elkhova, O. I. (2024). Eternal codes: Philosophical reflections on “cybernetic immortality”. *Vestnik KRSU*, (10), 20–26. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-10-20-26>. EDN: <https://elibrary.ru/OIPIMK>
13. Itskov, D. I. (2017). Sociocultural aspects of discussions on the cybernetic substrate as a stage of the global immortality project. *Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University*, (4), 308–313. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2017-4/308-313>. EDN: <https://elibrary.ru/ZWJVVV>
14. Nazarova, Yu. V. (2021). The problem of immortality in the context of digital ethics. *Society: Philosophy, History, Culture*, (11), 17–21. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.11.2>. EDN: <https://elibrary.ru/UNQDRE>
15. Nazarova, Yu. V. (2021). Digital afterlife in Luciano Floridi’s concept of the infosphere (ethical analysis). *Manuscript*, (12), 2675–2679. <https://doi.org/10.30853/mns20210459>. EDN: <https://elibrary.ru/EMYVAS>

16. Oleinikov, Yu. V. (2021). Worldview aspect of the evolutionary-projective philosophy of Russian cosmism. *Philosophical Sciences*, 64(3), 7–25. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-3-7-25>. EDN: <https://elibrary.ru/AZLYZY>
17. Piletsky, S. G. (2021). On humanism and transhumanism. *Ideas and Ideals*, (1-1), 166–178. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.1.1-166-180>. EDN: <https://elibrary.ru/EGTFVS>
18. Pryakhin, V. F. (2012). Russian cosmism and transhumanism. *Privolzhsky Scientific Bulletin*, (8), 44–59. EDN: <https://elibrary.ru/PCFZUH>
19. Rostova, N. N. (2023). Why Russian cosmism is not transhumanism? *Tomsk State University Journal*, (491), 49–54. <https://doi.org/10.17223/15617793/491/6>. EDN: <https://elibrary.ru/JUNVGD>
20. *Solar consciousness for millennials*. ZAVTRA.RU. Retrieved April 21, 2026, from https://zavtra.ru/blogs/solnechnoe_soznanie_dlya_millenialov#
21. Suslov, A. V. (2021). Russian cosmism and transhumanism in the debate between anthropological voluntarism and providentialism. *Philosophical Thought*, (8), 65–77. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2021.8.35781>. EDN: <https://elibrary.ru/AGYYDR>
22. Timoshchuk, A. S. (2023). The threat of immortality [Review]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 48(3), 647–652.
23. Fedorov, N. F. (1982). *Works* (A. V. Gulyga, Ed.; S. G. Semenova, Comp.). Mysl.
24. Fedorov, N. F. (1995). *Works in four volumes* (Vol. 1). Progress.
25. Tsiolkovsky, K. E. (2007). *Cosmic philosophy. Shield of scientific faith: Collection of articles*. Samoobrazovanie.
26. Yatsevich, M. Yu., & Belonogov, M. A. (2024). Philosophical and ethical problems of digital immortality. *Universum: Social Sciences*, (12), 61–63. EDN: <https://elibrary.ru/YPCWQD>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин
Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru

Шкадина Полина Романовна, студент кафедры технологий сервиса и технологического образования
Мининский университет
ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
polinashkadina@yandex.ru

Нагорнов Евгений Александрович, канд. культурологии, доцент

НИПС - филиал ПривГУПС

пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация

evnagor@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines

Minin University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

maltsewasvetlana@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-1852>

Scopus Author ID: 57204862811

Polina R. Shkadina, student of the Department of Technology of Service and Technological Education

Minin University

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

polinashkadina@yandex.ru

Evgeny A. Nagornov, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines

Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering

3, Komsomolskaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

evnagor@yandex.ru

Поступила 05.05.2026

После рецензирования 30.05.2026

Принята 04.06.2026

Received 05.05.2026

Revised 30.05.2026

Accepted 04.06.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-553](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-553)EDN: [FEMMOV](https://www.edn.ru/entry/FEMMOV)

УДК 141.7:316.77:004

От онтологии знака к политической идентичности: принципы социально-философского анализа информационного пространства

Г.Р. Гарипова

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Современное общество в обеспечении своей жизнедеятельности опирается на ускоренно протекающие процессы цифровизации социальных практик. По мнению автора, проблема конструирования общественной реальности под влиянием цифровизации изучена достаточно фрагментарно. Исследования в этой области сводятся к изучению технологических особенностей этих трансформаций, либо исследуется их воздействие на различные социальные группы. Актуальной представляется постановка вопроса о целостном, системном и функциональном рассмотрении видоизменений общества под влиянием цифровых технологий в их взаимосвязи на онтологическом, аксиологическом и политико-идентификационном уровнях. Исследование акцентирует внимание на преодолении методологического разрыва между разными подходами к изучаемой проблеме и переходе к интегрирующей платформе социально-философского анализа, которая способна обеспечить комплексное рассмотрение механизмов воздействия цифровой среды на сознание общества и идентификационные процессы.

Цель. Целью исследования автор определяет необходимость разработки методологического комплекса изучения информационного пространства, который объединяет три уровня исследований (онтологический, аксиологический и политико-идентификационный) в единую модель.

Материалы и методы. Исследование эмпирически опирается на явления в общественной жизни современного Башкортостана. Методами исследования явились социально-философский анализ общественных процессов, аксиологический подход при рассмотрении современных аксиологических кризисов, вызванных цифровизацией, принципы герменевтики при изучении смысловых и символических трансформаций общественного сознания и дискурс-анализ, который помогает

выстроить вопросы методологического плана в логическую цепочку и раскрыть их в процессе дискурса.

Результаты. Результатами работы явилось формирование трехуровневой модели рассмотрения информационного пространства, в которой, во-первых, последовательно раскрывается осмысление через онтологию феномена цифровой среды, его структурно-бытийного существования; во-вторых, через аксиологический уровень оцениваются ценностно-смысловые ориентиры и фильтры современного общества; в третьих, в политико-идентификационном плане анализируется механизм конструирования групповых предпочтений и объединений под влиянием цифровизации. Автор отмечает, что трансформация общественного сознания в условиях цифрового общества протекает через синергетическое взаимодействие трех уровней, в котором информационные процессы играют решающую роль в конструировании социальной реальности. В исследовании установлено, что комплексная модель рассмотрения информационного пространства на социально-философском уровне позволяет устанавливать скрытые ценностные установки и политико-идентификационные паттерны в современных медиастратегиях. Данная модель может обеспечить переход от описательной стратегии исследований к прогнозированию возможных конфликтов, связанных с цифровизацией, и их нормативному регулированию.

Ключевые слова: информационное пространство; социальная философия; цифровизация; методология анализа; онтология знака; аксиология; политическая идентичность; социальное конструирование; нео-мифологизация

Для цитирования. Гарипова, Г. Р. (2026). От онтологии знака к политической идентичности: принципы социально-философского анализа информационного пространства. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 104–119. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-553>

From the ontology of the sign to political identity: principles of socio-philosophical analysis of information space

G.R. Garipova

Ufa University of Humanities and Social Sciences, Ufa, Russian Federation

Abstract

Background. Modern society relies on the rapidly accelerating digitalization of social practices to support its functioning. The author believes that the problem of constructing social reality under the influence of digitalization has been studied rather fragmentarily. Research in this area is limited to examining the technological characteristics of these transformations or examining their impact on various social groups. A holistic, systemic,

and functional examination of societal changes under the influence of digital technologies, as they interrelate at the ontological, axiological, and political-identity levels, is relevant. This study emphasizes bridging the methodological gap between different approaches to the problem under study and moving toward an integrative platform of socio-philosophical analysis capable of providing a comprehensive consideration of the mechanisms by which the digital environment influences public consciousness and identity processes.

Purpose. The author's objective is to develop a methodological framework for studying the information space that integrates three levels of research (ontological, axiological, and political-identification) into a single model.

Materials and methods. The study is empirically based on phenomena in the public life of modern Bashkortostan. The research methods employed were a socio-philosophical analysis of social processes, an axiological approach to examining contemporary axiological crises caused by digitalization, hermeneutic principles for studying the semantic and symbolic transformations of public consciousness, and discourse analysis, which helps organize methodological questions into a logical chain and reveal them in the process of discourse.

Results. The study resulted in the formation of a three-level model for examining the information space, which, firstly, consistently reveals the understanding of the digital environment phenomenon and its structural and existential existence through ontology; Secondly, the axiological level is used to evaluate the value-semantic guidelines and filters of modern society; thirdly, the mechanism for constructing group preferences and associations under the influence of digitalization is analyzed from a political-identification perspective. The author notes that the transformation of public consciousness in the context of a digital society occurs through the synergistic interaction of three levels, in which information processes play a decisive role in constructing social reality. The study establishes that a comprehensive model for examining the information space at the socio-philosophical level allows for the identification of hidden value orientations and political-identification patterns in modern media strategies. This model can facilitate the transition from a descriptive research strategy to the prediction of potential conflicts associated with digitalization and their normative regulation.

Keywords: information space; social philosophy; digitalization; methodology of analysis; ontology of the sign; axiology; political identity; social construction; neo-mythologization

For citation. Garipova, G. R. (2026). From the ontology of the sign to political identity: principles of socio-philosophical analysis of information space. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 104–119. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-553>

Введение

В современном обществе, характеризующемся все более интенсивным развитием цифровых технологий, информационное

пространство уже не является простой площадкой для передачи данных, оно трансформируется, превращаясь в онтологически важную среду существования социума. В этом пространстве сегодня формируются ценности общества, политическая идентичность граждан, а также их ориентации и предпочтения, определяющие рациональное поведение. Однако методологическая база рассмотрения информационного пространства представляется нам еще недостаточно разработанной, фрагментарной: существуют отдельные работы в области онтологии и в области аксиологической трансформации общества под влиянием цифровизации, есть социологические работы об изменениях в социальной структуре общества, ряд культурологических работ, в которых анализируются смысловые паттерны, а также работ политологической направленности, раскрывающих изменения в политическом поведении под влиянием цифровизации и т.д. На наш взгляд, рассмотрение проблемы именно с позиций социальной философии позволит раскрыть интегрированную, целостную картину методологических уровней исследования информационного пространства как феномена для более полного понимания механизмов трансформации общества под влиянием цифровизации.

В исследовании использованы работы Э. Кассирера о символических формах, в которых миф рассматривается как способ освоения мира через них [5]. Понятие «идеология» и его понимание через механизм «натурализации» были взяты из работ Р. Барта, также был использован его семиотический подход к анализу культурных феноменов [1]. В данной работе мы опирались и на описанное в трудах Ж. Бодрийера понятие «симулякр» и на характеристику потребительского общества через его раскрытие [3]. Активно применялся подход П. Бергера и Т. Лукмана, рассматривавших реальность через социальное конструирование [2]. Также мы обращались к работам И.К. Лисеева, Н.Б. Кирилловой, В. Г. Федотовой [8, 6, 12] и других отечественных авторов, где поднималась проблема изучения информационного общества и применялись методологические подходы к его пониманию. Опираясь на указанные работы, можно заключить,

что рассмотрение методов изучения информационного пространства в современной науке не имеет системного характера.

Проблемой исследования стал тезис о противоречии между необходимостью целостного анализа информационного пространства, его влияния на общественное сознание и редукционизмом существующих методологических подходов, которые явно необходимо приблизить в понятийном смысле и установить взаимосвязь между онтологией знака, ценностями современного общества и политическими действиями под влиянием цифровизации.

Объект исследования – информационное пространство как предмет социально-философского анализа.

Предмет исследования – методологическая база системного рассмотрения информационного пространства в свете трансформации социального сознания под влиянием цифровизации.

Цель исследования – разработка комплексного подхода к рассмотрению информационного пространства с точки зрения принципов социально-философского анализа.

Исходя из поставленной цели, определены следующие *задачи*:

- раскрыть онтологический принцип анализа инфопространства, основанный на знаках / симулякрах;
- обосновать аксиологический принцип, направленный на рассмотрение ценностных конфликтов в обществе;
- показать политико-идентификационный принцип изучения инфопространства через символические практики определения политической субъектности;
- рассмотреть методологическую модель, предложенную в статье, через кейс региона – Республики Башкортостан.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Предложена трехуровневая модель рассмотрения информационного пространства с точки зрения социально-философского анализа, который включает в себя онтологический, аксиологический и политико-идентификационный подходы.

2. Обосновано положение о том, что при анализе трансформации культурного пространства, его культурных кодов следует применять

эвристическую призму, в которой особое место занимает информационная культура как инструмент удержания баланса между универсальными категориями и региональной культурной спецификой.

3. Раскрыта роль нео-мифологизации как механизма конструирования политической идентичности в условиях цифровизации, проявляющаяся в ее активном воздействии на общественное сознание в форме алгоритмической медиации и распространения «нужного» контента.

Методологической основой исследования является социально-философский анализ изучения социальных феноменов, который позволяет рассмотреть информационное пространство не просто как технический механизм или экономический инструмент, а как форму существования социального сознания. Использованы аксиологический подход – при рассмотрении ценностных конфликтов в обществе, возникших под влиянием цифровизации, а также герменевтика – при раскрытии значений символов. При анализе и выявлении политических отношений в медиaprостранстве использован дискурс-анализ. Логика изложения в исследовании определяется движением от абстрактного к конкретному, от онтологии знака к реальным политическим эффектам современности.

1. Знак, символ, симулякр в инфопространстве – онтологический принцип рассмотрения

Если исходить из положения, что основным принципом обыденного понимания информационного пространства является знак как носитель информации, нейтральный по сути, то его онтологическое понимание предполагает, что это не просто сообщение – набор символов, а форма существования социального коллективного сознания, которая может также констатировать его реальность и фиксировать жизнедеятельность.

В социальной философии пониманию символических форм и знаков посвящено немало работ. Мы исходили из анализа работ Э. Кассирера о человеке как *анимал символикум* – символическом животном, которое осваивает этот мир через символы [5]. Мифологическая

составляющая культуры, особенно национальной, этнической культуры содержит множество мифологем: у башкир это эпос «Урал-батыр», сакральные места (пещера *Шульган-таш*, мавзолей *Тура хана*, озеро *Яктыкуль*), национальные символы (*курай*, тотемы животных у племен, башкирская пчела и др.). Эти мифологемы существовали и существуют как символы Э. Кассирера, они обладают несомненной онтологической глубиной и смыслом, являются невидимой связью между прошлым и будущим, между обыденным и сакральным.

Вследствие цифровизации и перехода многих процессов в цифровой формат процессы, связанные с трансформацией символических знаковых систем, в том числе и мифологических, могут оказаться невозвратными. Используя понятийный аппарат Р. Барта, можно сказать, что культурный символ, культурные коды, фиксирующие мифологическое в сознании, переходят в знаки второго сорта, они все чаще наделяются множественными смыслами. Это и часть сакрального в культуре, и товарный знак, и даже некое сообщество в социальных сетях (например, брендинг превращает названия знаковых мест *Иремель*, *Капова пещера* в разные по значению символические формы) [1]. Жан Бодрийяр подчеркивал, что в потребительском обществе знак утрачивает связи с источником и превращается в симулякр – копию, модель, которая начинает свое самостоятельное существование в гиперреальности [3]. Это происходит со многими мифологическими символами, которые используются как товарный знак (например, *Урал*, *Агидель*, *Торатау*).

Методологический императив этого онтологического принципа предполагает анализ феноменов информационного пространства. С позиции исследователя анализ должен начинаться в первую очередь с вопросов: *Что лежит в основе знака, какой самоценный симулякр заменил его? Есть ли связи в онтологическом отношении между этим знаком и мифологическим прошлым народа? Стал ли этот симулякр окончательно новой единицей инфопространства или еще сохранил характеристики первообраза?*

Эмпирическая база, кейс. За основу исследования была взята эмпирика Республики Башкортостан – региона с богатой мифоло-

гической, культурной составляющей. Богатство материала для исследований этого региона обусловлено характерным для него смешением культур, народов и языков.

Одним из наиболее активно используемых в регионе является образ *курая*. *Курай* – это соцветие растения, которое традиционно в культуре башкирского народа считается образом единения, родства разных племен, составляющих основу этноса. Эти реалии носят аутентичный характер, то есть изображение *курая* привязывает их к территории, к республике, к региону. Так образ *курая* превращается во многих случаях в самостоятельный симулякр, который не обязательно ассоциируется с первоначальным объектом, например, он становится частью рекламы, товарным знаком и просто картинкой, символизирующей национальное начало. Это означает, что культурный код знака видоизменяется и в общественном сознании тоже.

Таким образом, онтологический принцип рассмотрения знака, символа, симулякра в пространстве является первым этапом социально-философского анализа инфопространства, который демонстрирует глубину трансформаций в общественном сознании, связанных с симулятивным замещением культурной реальности.

2. Ценностные конфликты и аксиологический принцип их рассмотрения

Обращаясь ко второму принципу при рассмотрении информационного пространства – аксиологическому, мы исходим из тезиса, что за знаками и символами всегда стоит их ценностная основа, а информационное пространство сегодня представляет собой постоянную арену для ценностных конфликтов. В чем это выражается? В том, что в цифровом пространстве непосредственно, визуально и аудиовизуально можно наблюдать, какие ценности сейчас доминируют, что является ценным для тех, кто формирует это пространство.

Теоретической базой этого раздела стали признанные работы Н.О. Лосского [9] по аксиологии; а также работы современных авторов, например, М. Элиаде [13]. Смысл этого подхода заключается в том, что ценности являются регуляторами общественной

коллективной идентичности, они ее формируют. Инфопространство, в противовес традиционной культуре, наоборот, обесценивает, маргинализирует их. Ценность национальных символов, традиций, религиозных обрядов теряет свою сакральность ввиду их тиражирования в других смысловых сообщениях, например, рекламного, торгового характера. В рамках инфопространства появляются иные ценности, которые могут противоречить традиционным и даже вступать с ними в конфликт.

Методологическим императивом в этом разделе можно назвать следующее положение: при социально-философском анализе медиапространства, медиадискурса, исследователь должен опираться на следующие вопросы: *Какие ценности сейчас действительно важны и должны продвигаться в обществе? Какие традиционные ценности нуждаются в сохранности, поскольку они маргинализируются? В чем выражается ценностный конфликт в медиапространстве и между какими смыслами ценностей он возникает?*

Исходя из вышесказанного, авторы предлагают следующую типологизацию ценностных конфликтов в информационном пространстве:

- конфликт между традиционными ценностями и инновациями (противоречие между преемственностью и новизной);
- конфликт между сакральным и потребительским отношением к культурным объектам, в частности, к памятникам истории и культуры (противоречие между сакральным и утилитарным);
- конфликт между коллективистскими ценностями и индивидуальными предпочтениями (противоречие между интересами общества и стремлением к личному успеху, комфорту);
- конфликт между глобальными процессами и локальным стремлением к сохранению культуры, ее ценностей (противоречие между культурной уникальностью и стремлением к глобализации).

Эмпирическая база, кейс. В Республике Башкортостан можно наблюдать подобные конфликты на аксиологическом уровне: в информационном пространстве сталкиваются и региональные интересы с глобальными, и национальные интересы с экономическими,

и личные истории успеха с общепринятыми нормами морали. Например, региональный продукт, а сегодня уже региональный бренд *башкирский мед*. В традиционном понимании это бортевой мед, который добывает земледелец, для башкир это часть культуры народа, символизирующая единение с природой. В рекламном дискурсе на первый план выходит именно уникальность товара с точки зрения его свойств – вкусовых, пищевых, биологических.

Конфликт аксиологический выражается в том, что происходит сдвиг от ценности единения с природой к ценности потребительской. В коллективной монографии «Региональный брендинг: от теории к практике» (Уфа, 2022) этот конфликт описан в материалах, составивших эмпирическую базу исследования: «...если взять за основу такой объект брендинга, как *Янган-тау*, то можно его рассматривать:

- с точки зрения дестинации: это уникальное место оздоровления, здесь находится, пожалуй, самый известный в Республике Башкортостан санаторий “*Янган-тау*”;

- с точки зрения регионального имиджа: это значимый историко-культурный объект, с помощью которого можно осуществлять продвижение территории Салаватского района Республики Башкортостан, также здесь расположен музей Салавата Юлаева, находится санаторий и геопарк “*Янган-тау*”;

- с точки зрения геокультурного брендинга: это уникальный геокультурный объект, в котором пересекаются все пласты географической истории Земли, что подтверждается статусом геопарка ЮНЕСКО; также здесь расположены интересные с точки зрения брендинга культурные объекты – памятники истории, пункты рекреации, совокупность которых является основой для формирования целостного образа этой территории» [11, с. 40].

Рассмотренный материал показывает, насколько задвигается ценность объекта с точки зрения культурной составляющей и как много определений, связанных с его экономической привлекательностью. То же самое происходит со многими геокультурными объектами, которые изначально имели высокий сакральный статус у

местного сообщества (гора *Иремель*, шихан *Торатау*, *Капова пещера*), но теперь представляют собой ценность в качестве объекта туристического назначения. Пространство сакрального профанируется, становится услугой. В аксиологическом смысле произошли перемены в ценностном ядре региональной культуры: сегодня то, что популярно, то и ценно.

Таким образом, современные информационные практики необходимо оценивать не только с точки зрения экономической целесообразности, но и с точки зрения их этической допустимости, выявления рисков размывания традиционных ценностей.

3. Инфопространство как поле для конструирования субъектности – политико-идентификационный принцип

Политико-идентификационный принцип состоит в понимании того, что инфопространство является сегодня главной площадкой для формирования политической идентичности. В 1990–2000-е гг. акторы политического процесса влияли на общественное сознание через такие средства массовой информации, как газеты, радио, телевидение, моделируя желаемое поведение электората на выборах, при различных видах голосования, при поддержке депутатов и партий. Сегодня, когда интернет-площадки стали основным каналом размещения информации, в том числе и политического характера, ситуация с воздействием на общественное сознание, на наш взгляд, существенно изменилась.

В социальной философии понимание идентичности основывается на принятии ее как социального конструкта, который рождается в дискурсе. Третий принцип анализа – политико-идентификационный – исходит из понимания того, что информационное пространство является ключевой площадкой конструирования политической идентичности. В социальной философии идентичность понимается не как данность, а как социальный конструкт, формируемый в дискурсивных практиках.

Теоретический фундамент принципа составляют работы по социальному конструированию реальности (П. Бергер, Т. Лукман)

[2] и по теории «мягкой силы» (Дж. Най) [7], а также исследования символической политики и политической мифологии [10, 4, 14]. В основе политико-идентификационного принципа лежит идея о том, что в политических отношениях, в определении своей политической субъектности индивид в условиях цифрового общества ориентируется на цифровые практики (рекламу, социальные сети, блоги и пр.), в которых он и определяет свое политическое поведение, конструирует свою реальность как гражданина.

Методологическим императивом этого раздела является следующее положение: в рамках конструирования своей или чужой реальности в цифровом пространстве не следует забывать об ответственности и этике долга, исследователь должен опираться на следующие вопросы: *Какую реальность предполагается получить в итоге этого дискурса? Кто является главным актором политического конструирования – государство, бизнес или гражданское общество? В чьих интересах работает символическая стратегия продвижения через инфопространство? К каким последствиям приведет это конструирование?*

В чем же состоит особенность цифровой среды при конструировании политической реальности? Важнейшим принципом здесь является принцип алгоритмической медиации, предполагающий заранее заданные параметры коммуникации на площадке взаимодействия акторов. Помимо основных сообщений, на информационной площадке (сайт, социальная страница и пр.) присутствует политическая реклама. Такое разнообразие сообщений разного формата ведет к фрагментарному, мозаичному сознанию аудитории. Клиповый формат преподнесения информации ведет к следующим результатам:

1. Заранее задается сегментация целевой аудитории: разным целевым аудиториям отправляют разные по содержанию сообщения (например, разные варианты «мифа о регионе»), таким образом создается разное представление об объекте.

2. Фрагментарность мышления потребителей, которая складывается в силу простых «визуальных маркеров», упрощает социальную реальность, восприятие ее становится максимально поверхностным.

3. Нео-мифологизация сильно ускоряет процесс рефлексии, связанный с политическими мифами, потому анализа как такового нет, есть упрощенное восприятие предлагаемых мифов.

Эмпирическая база, кейс. В качестве иллюстрации инфопространства как поля для конструирования субъектности рассмотрим образ национального героя Республики Башкортостан С. Юлаева, который является не просто героем Крестьянской войны под предводительством Е. Пугачева, а символом свободного духа и независимости народа. На наш взгляд, сегодня образ С. Юлаева функционирует на разных уровнях: это историческая личность (в академическом дискурсе), это символ свободы, независимости и силы духа (патриотическая составляющая дискурса), это бренд региона (туристический и коммерческий дискурс), это элемент дизайна и рекламы (визуальный маркер – символика региона). Политическая реклама в Республике Башкортостан главным образом привязана к национальным символам, к идее евразийства и посредничества между европейской культурой и азиатскими ценностями. Политико-идентификационный принцип позволяет оценить, необходима ли республике такая модель развития и насколько она результативна, может ли эта модель опираться на традиционные ценности, а не на рекламные образы.

Таким образом, анализ информационных практик медиапространства и медиадискурса позволяет говорить о рисках «клиповой лояльности», которая не держится на традиционных ценностях, а является всего лишь результатом алгоритмического воздействия через инфоплатформы (социальные сети, официальные сайты партий, блоги и пр.).

Заключение

Проведенное в рамках социально-философского анализа информационного пространства исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

– предложенная автором трехуровневая модель рассмотрения методологии изучения инфопространства, основанная на онтологическом, аксиологическом и политико-идентификационном прин-

ципах, может стать основой для преодоления редукционизма разнообразных подходов и инструментом, удерживающим в системе онтологию знака, ценности и политические результаты;

– на примере кейса Республики Башкортостан показан эвристический потенциал региона, продемонстрирована трансформация культурных кодов, мифологии; определены аксиологические противоречия в коммуникационных процессах региона, что позволяет анализировать механизм конструирования политической реальности на примере отдельного территориального субъекта;

– можно констатировать, что информационная культура региона могла бы стать методологической призмой для социально-философского анализа информационного пространства, локально связанного к региону.

Практической значимостью исследования следует считать возможность проведения социально-философской экспертизы медиастратегий и брендинговых проектов региона, которые бы коррелировали с методологическими императивами, определенными в исследовании. Такой подход в условиях цифровой трансформации необходим с точки зрения сохранения традиционной культуры и ограждения ее от искажений и упрощения.

Список литературы

1. Барт, Р. (2023). *Мифологии*. Москва: Академический проект. 351 с.
2. Бергер, П., & Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Москва: Медиум. 323 с.
3. Бодрийяр, Ж. (2020). *Общество потребления*. Москва: Издательство АСТ. 384 с.
4. Ильина, Е. М. (2022). Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта. *Ars administrandi (искусство управления)*, 14(3), 403–421. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>. EDN: <https://elibrary.ru/HXYEBE>
5. Кассирер, Э. (2002). *Философия символических форм. Т. 2. Мифологическое мышление*. Москва: Университетская книга. 280 с.
6. Кириллова, Н. Б. (2023). Цифровая культура как новая социально-антропологическая реальность и проблемы идентичности. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*, (7), 13–18. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2023.07.04>. EDN: <https://elibrary.ru/MEOULJ>

7. Леонова, О. Г. (2018). Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения. *Социально-гуманитарные знания*, (1), 101–114. EDN: <https://elibrary.ru/YPLPTX>
8. Лисеев, И. К. (2023). Экологическое мышление в формировании цивилизационных ориентаций российского общества цифровой эпохи. *Вопросы философии*, (4), 48–59. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-48-59>. EDN: <https://elibrary.ru/SNSKSA>
9. Лосский, Н. О. (1991). *Избранное*. Москва: Правда. 622 с.
10. Мамычев, А. Ю., & Уханов, А. Д. (2025). Идеологические платформы в условиях цифровой трансформации: классические и современные формы мышления о цифровом будущем. *Вестник Московского Университета. Серия 12. Политические науки*, (4), 31–52. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-4-31-52>. EDN: <https://elibrary.ru/TVCMCP>
11. Сулейманова, Р. Р., Нигматуллин, Р. В., Ямалова, Э. Н., и др.; Сулейманова, Р. Р. (Ред.). (2022). *Региональный брендинг: от теории к практике: монография*. Уфа: Башкирский государственный университет. 164 с. ISBN: 978-5-7477-5521-5. EDN: <https://elibrary.ru/KZDUON>
12. Федотова, В. Г. (2005). *Хорошее общество*. Москва: Прогресс-Традиция. 544 с. EDN: <https://elibrary.ru/SDTGAN>
13. Элиаде, М. (2012). *Ностальгия по истокам*. Москва: Модерн-А. 272 с. ISBN: 978-5-88230-287-9. EDN: <https://elibrary.ru/QWASKD>
14. Pariser, E. (2012). *Behind the wall of filters. What is the Internet hiding from you?* Москва: Alpina Business Books. 304 p.

References

1. Bart, R. (2023). *Mythologies*. Moscow: Akademicheskiiy Proekt. 351 p.
2. Berger, P., & Luckmann, T. (1995). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Moscow: Medium. 323 p.
3. Baudrillard, J. (2020). *The Consumer Society*. Moscow: AST Publishing. 384 p.
4. Ilyina, E. M. (2022). Politics and governance in the context of digital transformation: A political science perspective on artificial intelligence. *Ars Administrandi (The Art of Management)*, 14(3), 403–421. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2022-3-403-421>. EDN: <https://elibrary.ru/HXYEBE>
5. Cassirer, E. (2002). *Philosophy of Symbolic Forms. Vol. 2. Mythical Thinking*. Moscow: Universitetskaya Kniga. 280 p.
6. Kirillova, N. B. (2023). Digital culture as a new socio-anthropological reality and the problems of identity. *Modern Science: Current Problems of Theory and Practice*, (7), 13–18. <https://doi.org/10.37882/2500-3682.2023.07.04>. EDN: <https://elibrary.ru/MEOULJ>
7. Leonova, O. G. (2018). Joseph Nye and “soft power”: An attempt at a new interpretation. *Social and Humanitarian Knowledge*, (1), 101–114. EDN: <https://elibrary.ru/YPLPTX>

8. Liseev, I. K. (2023). Ecological thinking in shaping the civilizational orientations of Russian society in the digital age. *Voprosy Filosofii (Problems of Philosophy)*, (4), 48–59. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-4-48-59>. EDN: <https://elibrary.ru/SNSKSA>
9. Lossky, N. O. (1991). *Selected Works*. Moscow: Pravda. 622 p.
10. Mamychyev, A. Yu., & Ukhanov, A. D. (2025). Ideological platforms in the context of digital transformation: Classical and modern forms of thinking about the digital future. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political Sciences*, (4), 31–52. <https://doi.org/10.55959/MSU0868-4871-12-2025-3-4-31-52>. EDN: <https://elibrary.ru/TVCMCP>
11. Suleymanova, R. R., Nigmatullin, R. V., Yamalova, E. N., et al.; Suleymanova, R. R. (Ed.). (2022). *Regional Branding: From Theory to Practice*. Ufa: Bashkir State University. 164 p. ISBN: 978-5-7477-5521-5. EDN: <https://elibrary.ru/KZDUON>
12. Fedotova, V. G. (2005). *A Good Society*. Moscow: Progress-Tradition. 544 p. EDN: <https://elibrary.ru/SDTGAN>
13. Eliade, M. (2012). *Nostalgia for the Origins*. Moscow: Modern-A. 272 p. ISBN: 978-5-88230-287-9. EDN: <https://elibrary.ru/QWASKD>
14. Pariser, E. (2012). *Behind the Wall of Filters: What Is the Internet Hiding from You?* Moscow: Alpina Business Books. 304 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Гарипова Галия Ризвановна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и связей с общественностью
Уфимский университет науки и технологий
ул. Заки Валиди, 32, г. Уфа, 450076, Российская Федерация
gali@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Galiya R. Garipova, PhD in Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and Public Relations
Ufa University of Science and Technology
32, Zaki Validi Str., Ufa, 450076, Russian Federation
gali@mail.ru
SPIN-code: 1917-4645
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4284-292X>
ResearcherID: HRB-9663-2023
Scopus Author ID: 57219307137

Поступила 04.05.2026

После рецензирования 02.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 04.05.2026

Revised 02.06.2026

Accepted 10.06.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-560](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-560)EDN: [IRFHRR](https://edn.ru/IRFHRR)

УДК 37.01:004

Цифровизация образования как предмет философской рефлексии: основные контрасты и противоречия

Е.Ф. Мороз*Красноярский институт железнодорожного транспорта,
Красноярск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Внедрение цифровых технологий в образование традиционно рассматривается как техническая или методическая проблема. Однако за сменой инструментов скрывается более глубокая трансформация – меняется природа знания, статус учащегося, способы педагогической коммуникации и, в конечном счете, сама цель образования. Философский анализ показывает, что эти изменения носят не эволюционный, а контрастный характер. Они порождают противоречия, которые не могут быть сняты технологическими или административными решениями, но тем не менее в педагогической литературе такие контрасты чаще всего игнорируются или редуцируются к частным методическим трудностям.

Цель исследования – выявить и проанализировать фундаментальные контрасты цифровизации образования (онтологический, субъектный, геополитический, антропологический), показать их неустранимый характер и предложить основания для перехода от технологической оптимизации к ценностно-ориентированной образовательной политике.

Материалы и методы. Исследование опирается на философские труды по педагогической антропологии (К.Д. Ушинский, Л.С. Выготский), философии техники (М. Маклюэн, Н. Карр, Ш. Зубофф), феноменологическую критику цифрового обучения (Г. Веллнер), а также работы по цифровому суверенитету (Д.А. Дегтярев). Эмпирическую базу составляют данные когнитивной психологии и исследования образовательных платформ. Методологический инструментарий включает: феноменологический метод (прояснение способа данности знания, субъектности, ценности в цифровой среде); сравнительный анализ (сопоставление классической и цифровой образовательных моделей); метод парадоксализации (фиксация имманентных противоречий, неразрешимых в технологическом ключе); концептуальное моделирование (построение альтернативных стратегий – субъектная мембрана, цифровой конфуцианец, ценностная автономия).

Результаты. Проведенный анализ позволил выявить четыре фундаментальных контраста, которые цифровизация привносит в образование. Первый – онтологический – возникает между знанием, требующим личностного усилия, и информацией как дискретным, отчужденным ресурсом. Доступность информации не только не гарантирует понимания, но зачастую закрепляет «клиповое мышление». Второй контраст касается субъектности. Декларируемая автономия учащегося оборачивается алгоритмической нормативностью – платформы предопределяют выбор, сужают горизонт «фильтрующими пузырями» и провоцируют ментальное отсутствие при физическом присутствии (феномен «Zoom-bie»). Третий контраст – геополитический. Глобальные платформы не нейтральны: они транслируют ценности стран-разработчиков, создавая риск «цифрового колониализма». Четвертый, антропологический контраст – между технологической эффективностью и целостностью человека. Массовое использование генеративного ИИ ведет к риску когнитивной атрофии и подмене образования симуляцией. Все эти контрасты носят не временный, а сущностный характер. Они не устраняются улучшением интерфейсов, а требуют ценностно-антропологической рефлексии.

Выводы. Решение выявленных противоречий лежит не в технологической плоскости, а в ценностно-антропологической. Необходим переход от инструментальной модели цифровизации к модели, подчиняющей технологии целям воспитания личности, способной к самостоятельному суждению и ответственному действию. Ключевые условия такого перехода – развитие алгоритмической грамотности как части критического мышления; создание отечественных образовательных платформ с ценностно-содержательной политикой (а не только технологической независимостью); сохранение живого, событийного общения в образовательном процессе как основы формирования субъектности.

Ключевые слова: цифровизация образования; философия образования; знание и информация; алгоритмическая нормативность; цифровой суверенитет; субъектность; антропологические контрасты; искусственный интеллект в образовании

Для цитирования. Мороз, Е. Ф. (2026). Цифровизация образования как предмет философской рефлексии: основные контрасты и противоречия. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 120–140. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-560>

Digitalization of education as a subject of philosophical reflection: main contrasts and contradictions

E.F. Moros

*Krasnoyarsk Rail Transport Institute – Branch of Irkutsk State Transport University,
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

Background. The introduction of digital technologies into education is traditionally viewed as a technical or methodological problem. However, behind the change of

tools lies a deeper transformation: the nature of knowledge, the status of the student, the modes of pedagogical communication, and ultimately the very purpose of education are changing. Philosophical analysis shows that these changes are not evolutionary but contrastive in nature: they generate contradictions that cannot be resolved by technological or administrative measures. Nevertheless, in the pedagogical literature such contrasts are most often ignored or reduced to particular methodological difficulties.

Purpose. To identify and analyze the fundamental contrasts of digitalization of education (ontological, subjective, geopolitical, anthropological), to demonstrate their irresolvable character, and to propose the foundations for a transition from technological optimization to value-oriented educational policy.

Materials and methods. The study draws upon philosophical works in pedagogical anthropology (K.D. Ushinsky, L.S. Vygotsky), philosophy of technology (M. McLuhan, N. Carr, S. Zuboff), phenomenological critique of digital learning (G. Wellner), and research on digital sovereignty (D.A. Degtyarev). The empirical base consists of data from cognitive psychology and studies of educational platforms. The methodological toolkit includes: the phenomenological method (clarifying the mode of givenness of knowledge, subjectivity, and value in the digital environment); comparative analysis (contrasting classical and digital educational models); the method of paradoxalization (identifying immanent contradictions that are irresolvable through technological means); and conceptual modeling (constructing alternative strategies – the subject membrane, the digital Confucian, value autonomy).

Results. The conducted analysis has revealed four fundamental contrasts that digitalization introduces into education. The first – ontological – arises between knowledge, which requires personal effort, and information as a discrete, alienated resource. The accessibility of information not only fails to guarantee understanding but often reinforces «clip thinking». The second contrast concerns subjectivity. The declared autonomy of the learner turns into algorithmic normativity – platforms predetermine choices, narrow the horizon with «filter bubbles», and provoke mental absence during physical presence (the «Zoom-bie» phenomenon). The third contrast is geopolitical. Global platforms are not neutral: they convey the values of the developer countries, creating a risk of «digital colonialism». The fourth, anthropological contrast – between technological efficiency and human integrity. The massive use of generative AI leads to a risk of cognitive atrophy and the substitution of education by simulation. All these contrasts are not temporary but essential in nature. They cannot be eliminated by improving interfaces; rather, they require value-anthropological reflection.

Conclusion. The resolution of the identified contradictions lies not in the technological domain but in the value-anthropological one. A transition is needed from an instrumental model of digitalization to a model that subordinates technology to the goals of educating a personality capable of independent judgment and responsible action. Key

conditions for this transition include developing algorithmic literacy as part of critical thinking; creating domestic educational platforms with a value-content policy (not only technological independence); preserving live, event-based communication in the educational process as the foundation of subjectivity formation.

Keywords: digitalization of education; philosophy of education; knowledge and information; algorithmic normativity; digital sovereignty; subjectivity; anthropological contrasts; artificial intelligence in education

For citation. Moros, E. F. (2026). Digitalization of education as a subject of philosophical reflection: main contrasts and contradictions. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 120–140. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-560>

Введение

За последние годы цифровые технологии проникли во все уголки образовательного пространства – от школьных дневников до университетских лабораторий. Однако, чем глубже идет процесс внедрения, тем отчетливее проявляется одно обстоятельство: за технологическими инновациями скрываются не только методические вызовы, но и мировоззренческие сдвиги, затрагивающие саму суть педагогической деятельности. Речь идет не о простой замене мела на интерактивную доску, а о фундаментальной, онтологически значимой трансформации образовательной реальности, где меняется природа знания, статус участников, способы коммуникации и, в конечном счете, смысл учения как такового [23, с. 152]. Ученые неоднократно отмечали, что цифровая инфраструктура не остается пассивным посредником между учителем и учеником: она сама задает определенную нормативную логику, формирует правила взаимодействия [9, с. 3]. Возникает ситуация, которую можно назвать «пересборкой субъекта» в алгоритмически насыщенной среде [17, с. 136].

Проблематика цифровой трансформации образования уже получила широкое освещение. Отечественные авторы (Э.Д. Дряева, И.А. Канаев, Р.Р. Карнеев, В.С. Никольский) сосредоточены преимущественно на анализе нормативных изменений и феномене алгоритмической нормативности [9; 17; 23]. Зарубежные исследования (Н. Карр, Ш. Зубофф, Г. Веллнер, а также С. Акгун и К. Гринхау) обращаются к критике технологического детерминизма, феноме-

нологическому описанию цифрового опыта, экономике внимания и этическим аспектам ИИ [1; 3; 20; 39]. В работах, посвященных цифровому суверенитету (Д.А. Дегтярев, Чжан Вэй, Дж. ван Дейк с соавторами), анализируются геополитические аспекты и риски «цифрового колониализма» [7; 34]. Однако, как показывает обзор, эти исследования, как правило, рассматривают отдельные противоречия цифровизации – например, между знанием и информацией, между автономией и алгоритмическим контролем – изолированно друг от друга. Системный анализ взаимосвязанных контрастов, позволяющий увидеть их общую природу и предложить единую ценностно-антропологическую рамку для образовательной политики, в литературе отсутствует.

Новизна настоящего исследования определяется несколькими обстоятельствами. В отличие от работ, где отдельные противоречия цифровизации анализируются по отдельности, здесь они впервые представлены как система четырех взаимосвязанных контрастов – онтологического, субъектного, геополитического и антропологического. Принципиальным отличием предлагаемого подхода является тезис о сущностном, а не временном характере этих контрастов: они не могут быть разрешены совершенствованием технологий или методик, поскольку укоренены в природе цифровой среды и антропологических константах. Кроме того, в работе впервые обосновывается положение о том, что выход из выявленных противоречий лежит не в отказе от цифровизации, а в переориентации образовательной политики с технологической оптимизации на ценностно-антропологическую рефлексию, опирающуюся на национальную педагогическую традицию.

Выявленный разрыв в исследовательской литературе определяет *цель* настоящей работы – выявить и проанализировать четыре фундаментальных контраста цифровизации образования, показать их неустранимый, сущностный характер и обосновать необходимость перехода от технологической оптимизации к ценностно-ориентированной образовательной политике. *Гипотеза исследования* состоит в том, что данные контрасты не могут быть сняты улучшением циф-

ровых интерфейсов или повышением формальной цифровой грамотности; их разрешение требует принципиальной переориентации целей образования в сторону антропологической целостности и ценностной автономии, что возможно лишь при опоре на классическую педагогическую традицию и национальные ценностные основания.

Материалы и методы

Теоретическую базу исследования составили четыре группы источников.

Первая группа – философско-антропологическая традиция осмысления образования: труды К.Д. Ушинского [33] о целостности человека, Л.С. Выготского [6] о социальной природе высших психических функций, а также С.Л. Рубинштейна [30] и А.Н. Леонтьева [19] о единстве сознания и деятельности. Эти работы задают классический идеал знания как личностно освоенного содержания.

Вторая группа – философия техники и критика цифровой среды: работы Н. Карра [3] о влиянии интернета на когнитивные способности, Ш. Зубофф [39] о «надзорном капитализме», М. Маклюэн [21] о медиа как расширениях человека.

Третья группа – современные исследования цифрового образования: феноменологическая критика дистанционного обучения Г. Веллнер [20] (понятие «Zoom-bie»), работы по «алгоритмической нормативности» Э.Д. Дряевой и И.А. Канаева [9], Р.Р. Карнеева [17] («субъектная мембрана»), а также исследования платформ (Дж. ван Дейк и др. [34]).

Четвертая группа – политико-философские работы по цифровому суверенитету: Д.А. Дегтярев [7], анализ китайской, индийской и европейской моделей (Чжан Вэй [38], документы Еврокомиссии [11], платформа SWAYAM [13]).

Эмпирическую базу составили данные когнитивной психологии (работы Н. Карра [3] и Н. Селуина [31]), анализ работы образовательных платформ (Coursera, Khan Academy) по материалам Дж. ван Дейка [34] и Н.К. Бербулеса [4], а также обзоры использования искусственного интеллекта в образовании (отчет NEPI [14]).

Методологический инструментарий включал несколько взаимодополняющих подходов. Применение феноменологического метода позволило вынести за скобки привычные педагогические допущения и увидеть, как знание, субъектность и ценность «даны» в цифровом опыте. Компаративный анализ обеспечил сопоставление классической и цифровой дидактики, а также российской и зарубежных стратегий обеспечения цифрового суверенитета. С помощью метода парадоксализации были зафиксированы противоречия, которые не могут быть разрешены улучшением технологий. Концептуальное моделирование позволило построить альтернативные педагогические стратегии.

Логика и дизайн исследования включали три этапа. На первом этапе (онтологическая диагностика) проанализирована природа знания, субъектности и ценностей в классической и цифровой парадигмах. На втором этапе (парадоксализация) выявлены четыре контраста, показана их неустранимость. На третьем этапе (концептуальное моделирование) предложены ориентиры для образовательной политики, сохраняющей антропологическое измерение.

Результаты и обсуждение

За последние годы цифровые технологии проникли во все уголки образовательного пространства – от школьных дневников до университетских исследовательских лабораторий. Однако, чем глубже идет процесс внедрения, тем отчетливее проявляется одно обстоятельство: за технологическими инновациями скрываются не только методические вызовы, но и мировоззренческие сдвиги, которые затрагивают самую суть педагогической деятельности. То, что происходит сегодня, вряд ли можно назвать простой заменой мела на интерактивную доску. Речь идет о фундаментальной, онтологически значимой трансформации образовательной реальности, где меняется природа знания, статус участников процесса, способы коммуникации и – в конечном счете – смысл учения как такового [23, с. 152].

В работах ученых неоднократно отмечалось, что цифровая инфраструктура не остается пассивным посредником между учителем и

учеником. Она сама задает определенную нормативную логику, формирует правила взаимодействия и, по выражению Э.Д. Дряевой и И.А. Канаева, становится активным элементом педагогического процесса [9, с. 3]. Возникает ситуация, которую можно назвать «пересборкой субъекта» в алгоритмически насыщенной среде [17, с. 136].

Но почему эту ситуацию необходимо осмысливать именно философски? Потому что типичные административные или технологические решения здесь бессильны. Нельзя «отладить» процесс обучения, если мы не понимаем, что значит знать, что значит быть учеником и кого мы в конечном счете хотим воспитать. В статье предлагается взглянуть на цифровизацию образования через призму четырех контрастов – глубоких, подчас неразрешимых противоречий, которые требуют не оптимизации, а рефлексии. Также будет показано, что выход из этих противоречий лежит не в отказе от технологий, а в обращении к ценностным основаниям – в том числе тем, которые закреплены в национальных идеологических и педагогических традициях.

Контраст первый: знание или информация

Первый контраст, порожаемый цифровизацией, связан с природой знания. Современный учащийся получает доступ к информации в объемах, значительно превышающих его когнитивные возможности по ее усвоению. Однако доступность информации сама по себе не гарантирует понимания [3]. Возникает парадокс: чем больше данных, тем труднее превратить их в знание.

Классическая европейская традиция трактовала знание иначе. Для Платона знание – припоминание (анамнезис) того, что душа созерцала в мире идей; оно требует личного усилия и не может быть передано как готовая инструкция [27, 97b–98b]. Аристотель различал знание теоретическое и практическое, подчеркивая неотделимость последнего от нравственного выбора [2, 1094a–1095a]. Кант, в свою очередь, показал: знание возникает как синтез чувственных данных и априорных форм рассудка, то есть является результатом активности самого субъекта [18, В 1–5].

Отметим существенное различие. Цифровая среда по своей природе работает с информацией – отчужденной, дискретной, легко

переносимой. Понимания она не гарантирует [31, с. 112]. Знание же требует установления связей, учета контекста, различения существенного и второстепенного. Информация фрагментарна. Знание целостно.

Перейдем к эмпирическим наблюдениям. Исследователи фиксируют устойчивую тенденцию: учащиеся утрачивают способность к глубинной переработке информации, заменяя ее поверхностным сканированием и быстрым переключением между фрагментами [3]. Формируется «клиповое мышление». Но проблема глубже когнитивных привычек. Цифровая культура ведет к девальвации знания как ценности. Информационное изобилие превращает знание в товар – упакованный, готовый к потреблению (короткие видео, тренажеры, конспекты). Усилия не требуется [4, с. 124].

Отечественная педагогическая антропология предлагает иной взгляд. Ушинский настаивал: образование – не наполнение сосуда, а возжигание огня: «Не в количестве знаний заключается образование, но в полном понимании и искусном применении всего того, что знаешь» [33, с. 145]. Следовательно, знание есть личностно освоенное содержание, формирующее мировоззрение и ценностные ориентиры. Оно обеспечивает иммунитет к информационным манипуляциям.

Потому данный контраст приобретает не только академическое, но и политическое звучание. Если образовательная система сводит свои задачи к передаче информации и формированию компетенций, она воспроизводит человека, уязвимого для внешних влияний. Такой индивид может быть квалифицированным специалистом, но у него отсутствует внутренний стержень, позволяющий отличать истину от лжи. Ориентация же на классический идеал знания формирует гражданина, способного к самостоятельному суждению. В эпоху «фильтрующих пузырей» и алгоритмических подсказок это становится вопросом национальной безопасности [7, с. 215; 8, с. 352–353; 26].

Проблема усугубляется так называемой экономикой внимания. Платформы борются за время пользователя, используя яркие обра-

зы и эмоционально заряженный контент. Как следствие, у молодежи атрофируется способность к длительному сосредоточению. Согласно когнитивным исследованиям, среднее время удержания внимания на одной учебной задаче сократилось с примерно 12 минут в начале 2000-х до 5–6 минут к середине 2020-х [3]; абсолютные значения варьируются, но направление изменений не вызывает сомнений.

Резюмируем. Первый контраст обнажает глубинное противоречие цифровой эпохи: чем доступнее информация, тем труднее достигается знание; чем больше возможностей для получения сведений, тем сложнее формируется понимание. Разрешение этого противоречия, как будет показано далее, требует не отказа от технологий, а их подчинения целям воспитания личности, способной к самостоятельному суждению и ответственному действию.

Контраст второй: автономия учащегося или алгоритмическая нормативность

Второй контраст касается субъектности – способности человека быть автором собственных действий и решений. Цифровые технологии, как часто утверждается, расширяют автономию ученика. Можно самому выбрать тему, темп, время, место обучения, построить индивидуальную траекторию. Кажется, что свободы стало больше, чем когда-либо.

Однако эта свобода имеет оборотную сторону. Современные образовательные платформы (Coursera, Khan Academy, российские аналоги) используют сложные алгоритмы. Они анализируют поведение пользователя и определяют, какой контент показывать, в какой последовательности, с какими акцентами. Ученик, стремясь к независимости, незаметно для себя передает управление своим обучением «черному ящику». Внутренние правила этого ящика ему неведомы и неподконтрольны [17, с. 139].

Классическая педагогика понимала автономию иначе. Руссо в «Эмиле» показывал: воспитание должно вести к свободе через постепенное расширение самостоятельности [29]. Песталоцци ввел понятие «самодетельности» как основы развивающего обучения [26]. Дистервег подчеркивал: развитие самостоятельности невоз-

можно без опоры на культурное наследие (культуросообразность) [8, с. 89–92]. В российской традиции – Ушинский с его «самодеятельностью души» [33, с. 234] и Выготский, показавший, что высшие психические функции рождаются в интерпсихологическом пространстве (в диалоге с другими) и лишь затем становятся внутренним достоянием личности [6, с. 156].

В цифровой среде этот процесс нарушается. Зубофф в фундаментальном труде о «надзорном капитализме» детально описала превращение человеческого опыта в сырье для алгоритмического производства [39, с. 339–340]. Образовательные платформы собирают данные о каждом клике, времени просмотра, пропущенных заданиях. На основе этого формируется предсказание и, более того, модификация поведения. Учащийся становится не столько субъектом, сколько объектом – поставщиком данных для оптимизации.

Алгоритмы не издают приказов, они «предлагают». Но эти предложения организованы так, что от них трудно отказаться. Рекомендательная система не запрещает смотреть другие курсы, но вытесняет их на периферию интерфейса, создавая иллюзию нерелевантности. Эмпирические исследования подтверждают: подобная персонализация постепенно сужает образовательный горизонт, замыкая ученика в пределах определенных тематик и подходов [34, с. 89–90; 31, с. 134]. Это явление получило название «алгоритмическая нормативность» – правила, которые не воспринимаются как внешнее принуждение, но эффективно управляют поведением [9, с. 4].

В поисках выхода некоторые авторы предлагают любопытные понятия. Карнеев вводит метафору «субъектной мембраны» – границы между человеком и алгоритмической средой, позволяющей избирательно пропускать воздействия и сохранять автономию [17, с. 145]. Дряева и Канаев размышляют о «цифровом конфуцианце» – идеале человека, способного согласовать себя с алгоритмическими ритуалами (по аналогии с конфуцианским «ли») так, чтобы не потерять собственное лицо [9, с. 6–7].

Феноменологическая критика предлагает не менее глубокий взгляд. Веллнер вводит термин «Zoom-bie» – студент, формально

присутствующий на занятии, но ментально отсутствующий, поскольку его внимание расщеплено между несколькими окнами. Это не просто недостаток самодисциплины. Это структурная особенность цифровой среды, которая программирует привычное отвлечение [20, с. 5–9].

Отсюда практический вывод. Педагогическая стратегия в цифровую эпоху должна включать развитие «алгоритмической грамотности» – умения понимать принципы работы рекомендательных систем, критически оценивать их подсказки и при необходимости сознательно отклоняться от проторенной тропы. Педагог при этом превращается из простого транслятора знаний в навигатора, помогающего ученику сохранять контроль над собственной траекторией.

Контраст третий: глобальный характер платформ или национальный суверенитет

Третий контраст проявляется на макрополитическом уровне. Цифровые образовательные технологии по своей природе трансграничны. Coursera, edX, Khan Academy и другие гиганты формируют единое информационное пространство, не признающее государственных границ. Однако эта глобализация не нейтральна.

Платформы не просто передают факты. Они транслируют ценности, культурные коды и модели мышления стран-разработчиков. Исследования показывают: на Coursera и edX западные (преимущественно американские) подходы к организации знаний подаются как универсальные и естественные. Альтернативные рациональности при этом маргинализируются или вовсе отсутствуют [34, с. 167–168]. Ученик, погруженный в такую среду, незаметно для себя осваивает не только учебный контент, но и определенные способы суждения, критерии оценки, ценностные шкалы. Они могут расходиться с традициями его родной культуры.

Теоретики культурного империализма (Шиллер, Томлинсон) описали механизмы навязывания стандартов доминирующими медиа еще в XX веке [36, с. 45–60; 32, с. 245–250]. В цифровую эпоху эти механизмы стали тоньше и эффективнее. Появляется понятие «цифрового колониализма»: образовательные платформы завоевы-

вают умы не пушками, а удобством интерфейса и качеством контента. Результат в долгосрочной перспективе может быть не менее значительным.

Как отвечают на этот вызов разные страны? Сравнительный анализ позволяет выделить несколько моделей.

Китайская модель делает акцент на ценностно-идеологическом контроле. Национальные платформы (DingTalk и др.) снабжены механизмами фильтрации контента, интегрированы с системами идеологического мониторинга. Глобальные платформы либо блокируются, либо существенно ограничены. Цель – замещение импортных решений собственными [38, с. 48–50].

Европейская модель («открытый стратегический суверенитет») не отказывается от глобального обмена, но развивает собственные стандарты и программы (Erasmus+, Европейское образовательное пространство). Приоритет – баланс между открытостью и защитой европейских ценностей от внешних влияний, которые этим ценностям противоречат [11].

Индийская модель сосредоточена на языковом разнообразии. Платформа SWAYAM предлагает тысячи курсов на разных индийских языках. Это позволяет сохранять культурную специфику при использовании современных технологий [13].

Российская модель (на сегодняшний день) делает основной упор на технологическую независимость – разработку собственных платформ («Сферум», Российская электронная школа), внедрение отечественного ПО (проект в Амурской области по переходу на РЕД ОС [22]). Однако, как справедливо замечает Дегтярев, технологического суверенитета недостаточно. Нужна еще ценностная автономия – способность образовательной системы воспроизводить и защищать свои ценностные основания в цифровой среде [7, с. 218]. Системная ценностная фильтрация контента, сопоставимая с китайской или даже европейской, в России пока отсутствует.

Оптимальная стратегия, вероятно, должна сочетать три элемента: создание собственной технологической инфраструктуры, языковую поддержку (особенно для народов РФ) и внятную ценност-

но-содержательную политику. Последняя не должна сводиться к запретам, но и не может оставлять образовательное пространство беззащитным перед чуждыми культурными матрицами.

Контраст четвертый: технологическая эффективность или антропологическая целостность

Самый глубокий контраст, на наш взгляд, касается самого человека. Технологический подход к образованию ориентирован на измеримые результаты, оптимизацию, эффективность. Антропологический подход напоминает: образование – это не производство компетенций. Это становление личности, способной к самоопределению, диалогу и ответственности.

Что происходит с человеком в цифровой среде? Обратимся к философской антропологии XX века. Шелер определял специфику человека через «открытость миру» – способность выходить за пределы любой наличной ситуации [35, с. 45–50]. Плеснер – через «эксцентрическую позициональность» (умение посмотреть на себя со стороны) [28, с. 78–85]. Гелен, напротив, подчеркивал «недостаточность» человека, компенсируемую культурными институтами [12, с. 112–120].

Цифровая трансформация ставит под вопрос все эти характеристики. «Открытость миру» рискует превратиться в погруженность в виртуальную реальность с ее ограниченными, предзаданными правилами. «Эксцентрическая позиция» затрудняется, когда алгоритмы начинают предсказывать наши предпочтения раньше, чем мы их осознали. Компенсация «недостаточности» идет через технологические костыли, которые не становятся органической частью человеческого существа.

Особенно остро эти вопросы встают в связи с внедрением генеративного ИИ (ChatGPT и аналогов). С одной стороны, нейросети помогают персонализировать обучение, автоматизировать рутину, генерировать примеры. С другой – студент, использующий ChatGPT для написания эссе, лишает себя самого процесса мышления: формулировки, подбора аргументов, выстраивания структуры. По данным опроса NEPI (2025), 92% студентов хотя бы эпизодически использу-

ют генеративный ИИ. Но лишь 5% задумываются о его влиянии на их собственные когнитивные способности [14]. Российский эксперт Карлов предупреждает: если не перестроить учебный процесс, массовое применение ИИ приведет к деградации критического мышления [16].

Некоторые авторы предлагают концепцию «гибридного интеллекта» и «человеко-машинной коэволюции» – ИИ как усилитель, а не замена [37, с. 821–825]. Однако для реализации такого позитивного сценария необходимо специальное педагогическое сопровождение. Нужно учить ученика не просто пользоваться нейросетью, но и критически оценивать ее выдачу, понимать ее ограничения, оставаться автором итогового решения [15, с. 52–58].

К этому добавляется проблема «цифрового следа». Каждый учащийся оставляет в образовательных платформах огромный массив данных. Постепенно формируется цифровой двойник. Он может начать жить самостоятельной жизнью – предопределять будущие курсы, оценки, даже профессиональные рекомендации, причем иногда вопреки реальным желаниям человека [39, с. 412–415]. Граница между личностью и ее цифровой тенью становится размытой. Это создает новые этические вызовы: право на приватность, право на забвение, контроль над собственной траекторией.

Что может противопоставить этому отечественная педагогическая традиция? Значительный ресурс содержится в идеях Выготского о социальной природе высших психических функций, в принципе единства сознания и деятельности Рубинштейна [30, с. 156–160] и в теории деятельности Леонтьева [19]. Эти подходы подчеркивают: личность формируется только в предметной деятельности и живом общении – там, где есть место неопределенности, риску, творчеству. Цифровая среда, если ее не осмыслять, стремится элиминировать эти «неэффективные» элементы. Но именно они составляют ядро подлинного образования.

Заключение

Проведенное исследование показало, что цифровизация образования несет с собой четыре фундаментальных контраста. Устранить

их очередным технологическим обновлением или административным циркуляром невозможно.

Первый контраст – между знанием и информацией. Доступность данных не ведет автоматически к пониманию; информационная перегрузка тормозит формирование подлинного знания, требующего усилия и времени. Второй касается автономии и алгоритмической нормативности. Декларируемая свобода выбора оборачивается невидимой зависимостью от рекомендательных систем – тех самых «черных ящиков». Третий контраст разворачивается между глобальностью и национальным суверенитетом. Транснациональные платформы не нейтральны; они распространяют и ценностные коды, ставя под вопрос сохранение культурно-образовательной идентичности. Четвертый фиксирует напряжение между технологической эффективностью и антропологической целостностью. Погоня за измеримыми результатами рискует подорвать способность человека к рефлексии, творчеству и ответственному выбору.

Таким образом, ни один из этих контрастов не может быть «решен» чисто технологически. Но и отказываться от цифровых инструментов не стоит. Напротив, требуется подчинить технологическую повестку антропологическим и ценностным целям. В российской педагогической традиции – от Ушинского до Выготского – содержатся необходимые ресурсы для такого осмысления. Остается перевести их на язык образовательной политики и повседневной практики. Иначе «цифра» продолжит работать против человека даже там, где ее внедрение задумывалось как помощь.

Список литературы

1. Akgun, S., & Greenhow, C. (2024). Artificial Intelligence (AI) in Education: Addressing Societal and Ethical Challenges. *British Journal of Educational Technology*, 55(4), 1261–1278.
2. Аристотель. (1976). *Метафизика* / Пер. с древнегреч. В. Ф. Асмуса. В Соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 63–368.
3. Carr, N. (2020). *The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains* (2nd ed.). W.W. Norton and Company.

4. Burbules, N. C., & Callister, T. A. (2000). *Watch IT: The Risks and Promises of Information Technologies for Education*. Routledge. 202 p.
5. Данилевский, Н. Я. (1991). *Россия и Европа*. Москва: Книга. 576 с.
6. Выготский, Л. С. (1982). Мышление и речь. В Собр. соч.: в 6 т. Т. 2. Москва: Педагогика, 5–361.
7. Degterev, D. A. (2022). Value Sovereignty in the Era of Global Convergent Media. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*, 22(2), 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371> EDN: <https://elibrary.ru/OSWUKF>
8. Дистервег, А. (1956). *Избранные педагогические сочинения*. Москва: Учпедгиз. 376 с.
9. Дряева, Э. Д., Канаев, И. А. (2025). «Цифровой конфуцианец»: нормативные основания философии цифрового образования. *Высшее образование в России*, 34(12), 146–157. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-12-146-157> EDN: <https://elibrary.ru/GNMLQU>
10. European Commission. (2025). *Erasmus+ Programme Guide 2025 (Version 2)*. Retrieved March 9, 2026, from https://erasmus-plus.ec.europa.eu/sites/default/files/2025-01/erasmus-programme-guide-2025_en.pdf
11. European Commission. (2020). *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on achieving the European Education Area by 2025 (COM(2020) 625 final)*. Brussels: EC. Retrieved March 9, 2026, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0625>
12. Gehlen, A. (2016). *Der Mensch: Seine Natur und seine Stellung in der Welt* (16. Aufl.). AULA-Verlag. 416 p.
13. Government of India, Ministry of Education. *Swayam Central*. Retrieved March 9, 2026, from <https://swayam.gov.in/>
14. Freeman, J. (2025). *Student Generative AI Survey 2025*. HEPI Policy Note 61. Higher Education Policy Institute. 12 p. Retrieved April 3, 2026, from <https://www.hepi.ac.uk/reports/student-generative-ai-survey-2025/>
15. Holmes, W., Porayska-Pomsta, K., Holstein, K., Sutherland, E., Baker, T., Shum, S. B., Santos, O. C., Rodrigo, M. T., Cukurova, M., Bittencourt, I. I., & Koedinger, K. R. (2022). Ethics of AI in Education: Towards a Community-Wide Framework. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 32(3), 504–526. <https://doi.org/10.1007/s40593-021-00239-1> EDN: <https://elibrary.ru/IWWZJQ>
16. Карлов, И. (2024, September 27). Зона рискованного образования. *РБК Бизнес-среда Санкт-Петербург и область*. Retrieved May 12, 2026, from <https://spb.plus.rbc.ru/news/66f57a597a8aa9459b521fda>
17. Карнеев, Р. Р. (2025). Пересборка субъекта и субъектная мембрана: философское осмысление образования в эпоху нейросетей. *Высшее образование в Рос-*

- сии, 34(6), 136–151. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-136-151> EDN: <https://elibrary.ru/SQFETT>
18. Кант, И. (1994). *Критика чистого разума*. Москва: Мысль. 591 с.
19. Леонтьев, А. Н. (1975). *Деятельность. Сознание. Личность*. Москва: Политиздат. 304 с. EDN: <https://elibrary.ru/ZJUELZ>
20. Wellner, G. (2021). The Zoom-bie student and the lecturer. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(1), 153–161. <https://doi.org/10.5840/techne2021121132> EDN: <https://elibrary.ru/RMTYVE>
21. McLuhan, M. (1994). *Understanding Media: The Extensions of Man*. MIT Press. 400 p.
22. Министерство цифрового развития Амурской области. (2025). *О переходе образовательных учреждений на отечественное программное обеспечение*. Retrieved March 9, 2026, from <https://digital.amurobl.ru>
23. Никольский, В. С. (2025). Коммуникативный искусственный интеллект: концептуализация новой реальности в образовании. *Высшее образование в России*, 34(6), 152–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168> EDN: <https://elibrary.ru/VDEXYD>
24. Панарин, А. С. (2002). *Православная цивилизация в глобальном мире*. Москва: Алгоритм. 492 с.
25. Pariser, E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. Penguin Press. 294 p.
26. Песталотци, И. Г. (1981). *Избранные педагогические сочинения*: в 2 т. Т. 1. Москва: Педагогика. 336 с.; Т. 2. 416 с.
27. Платон. (1990). Менон. В Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. Москва: Мысль, 575–612.
28. Плеснер, Х. (1988). Ступени органического и человек. В *Проблема человека в западной философии* (с. 96–151). Москва: Прогресс.
29. Rousseau, J.-J. (1961). *Émile ou De l'éducation*. Garnier. 664 p.
30. Рубинштейн, С. Л. (2002). *Основы общей психологии*. Санкт-Петербург: Питер. 720 с.
31. Selwyn, N. (2024). *Education and Technology: Key Issues and Debates* (3rd ed.). Bloomsbury Academic. 232 p.
32. Tomlinson, J. (1991). *Cultural Imperialism: A Critical Introduction*. Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.56021/9780801842498>
33. Ушинский, К. Д. (1948). Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии. В *Собрание сочинений*: в 11 т. Т. 8. Москва: АПН РСФСР. 648 с.
34. Van Dijck, J., Poell, T., & de Waal, M. (2018). *The Platform Society: Public Values in a Connective World*. Oxford University Press. 226 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>
35. Шелер, М. (1988). Положение человека в Космосе (А. Ф. Филиппов, Пер.). В *Проблема человека в западной философии: Переводы* (с. 31–95). Москва: Прогресс.
36. Шиллер, Г. (1980). *Манипуляторы сознанием*. Москва: Мысль. 326 с.

37. Williamson, B., & Eynon, R. (2020). Historical threads, missing links, and future directions in AI in education. *Learning, Media and Technology*, 45(3), 223–235. <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1798995> EDN: <https://elibrary.ru/YCTRKN>
38. Чжан Вэй. (2025). Концептуальное переосмысление и управление рисками цифрового образовательного суверенитета в эпоху интеллекта. *Chinese Journal of Comparative Education*, (6), 45–53. (На кит. яз.)
39. Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. Profile Books. 704 p.

References

1. Akgun, S., & Greenhow, C. (2024). Artificial intelligence (AI) in education: Addressing societal and ethical challenges. *British Journal of Educational Technology*, 55(4), 1261–1278.
2. Aristotle. (1976). *Metaphysics* (V. F. Asmus, Trans.). In *Works* (Vol. 1, pp. 63–368). Mysl'.
3. Carr, N. (2020). *The shallows: What the internet is doing to our brains* (2nd ed.). W.W. Norton and Company.
4. Burbules, N. C., & Callister, T. A. (2000). *Watch IT: The risks and promises of information technologies for education*. Routledge. 202 p.
5. Danilevsky, N. Y. (1991). *Russia and Europe*. Kniga. 576 p.
6. Vygotsky, L. S. (1982). *Thinking and speech*. In *Collected works* (Vol. 2, pp. 5–361). Pedagogika.
7. Degterev, D. A. (2022). Value sovereignty in the era of global convergent media. *RUDN Journal of International Relations*, 22(2), 352–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371> EDN: <https://elibrary.ru/OSWUKF>
8. Diesterweg, A. (1956). *Selected pedagogical writings*. Uchpedgiz. 376 p.
9. Dryaeva, E. D., & Kanaev, I. A. (2025). “The digital Confucian”: Normative foundations of the philosophy of digital education. *Higher Education in Russia*, 34(12), 146–157. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-12-146-157> EDN: <https://elibrary.ru/GNMLQU>
10. European Commission. (2025). *Erasmus+ Programme Guide 2025* (Version 2). Retrieved March 9, 2026, from https://erasmus-plus.ec.europa.eu/sites/default/files/2025-01/erasmus-programme-guide-2025_en.pdf
11. European Commission. (2020). *Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions on achieving the European Education Area by 2025* (COM(2020) 625 final). Brussels: EC. Retrieved March 9, 2026, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0625>
12. Gehlen, A. (2016). *Der Mensch: Seine Natur und seine Stellung in der Welt* [The human being: His nature and his position in the world] (16th ed.). AULA-Verlag. 416 p.

13. Government of India, Ministry of Education. *Swayam Central*. Retrieved March 9, 2026, from <https://swayam.gov.in/>
14. Freeman, J. (2025). *Student generative AI survey 2025*. HEPI Policy Note 61. Higher Education Policy Institute. 12 p. Retrieved April 3, 2026, from <https://www.hepi.ac.uk/reports/student-generative-ai-survey-2025/>
15. Holmes, W., Porayska-Pomsta, K., Holstein, K., Sutherland, E., Baker, T., Shum, S. B., Santos, O. C., Rodrigo, M. T., Cukurova, M., Bittencourt, I. I., & Koedinger, K. R. (2022). Ethics of AI in education: Towards a community-wide framework. *International Journal of Artificial Intelligence in Education*, 32(3), 504–526. <https://doi.org/10.1007/s40593-021-00239-1> EDN: <https://elibrary.ru/IWWZJQ>
16. Karlov, I. (2024, September 27). The zone of risky education. *RBC Business Environment: Saint Petersburg and the Leningrad Region*. Retrieved May 12, 2026, from <https://spb.plus.rbc.ru/news/66f57a597a8aa9459b521fda>
17. Karneev, R. R. (2025). Rebuilding the subject and the subject membrane: A philosophical understanding of education in the age of neural networks. *Higher Education in Russia*, 34(6), 136–151. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-136-151> EDN: <https://elibrary.ru/SQFETT>
18. Kant, I. (1994). *Critique of pure reason*. Mysl'. 591 p.
19. Leontiev, A. N. (1975). *Activity. Consciousness. Personality*. Politizdat. 304 p. EDN: <https://elibrary.ru/ZJUELZ>
20. Wellner, G. (2021). The Zoom-bie student and the lecturer. *Techné: Research in Philosophy and Technology*, 25(1), 153–161. <https://doi.org/10.5840/techné2021121132> EDN: <https://elibrary.ru/RMTYVE>
21. McLuhan, M. (1994). *Understanding media: The extensions of man*. MIT Press. 400 p.
22. Ministry of Digital Development of the Amur Region. (2025). *On the transition of educational institutions to domestic software*. Retrieved March 9, 2026, from <https://digital.amurobl.ru>
23. Nikolsky, V. S. (2025). Communicative artificial intelligence: Conceptualization of a new reality in education. *Higher Education in Russia*, 34(6), 152–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-6-152-168> EDN: <https://elibrary.ru/VDEXYD>
24. Panarin, A. S. (2002). *Orthodox civilization in the global world*. Algoritm. 492 p.
25. Pariser, E. (2011). *The filter bubble: What the internet is hiding from you*. Penguin Press. 294 p.
26. Pestalozzi, I. G. (1981). *Selected pedagogical writings*: In 2 vols. Vol. 1. Pedagogika. 336 p.; Vol. 2. 416 p.
27. Plato. (1990). Meno. In *Collected works* (Vol. 1, pp. 575–612). Mysl'.
28. Plessner, H. (1988). The stages of the organic and man. In *The problem of man in Western philosophy* (pp. 96–151). Progress.
29. Rousseau, J.-J. (1961). *Émile, or On education*. Garnier. 664 p.
30. Rubinstein, S. L. (2002). *Fundamentals of general psychology*. Piter. 720 p.

31. Selwyn, N. (2024). *Education and technology: Key issues and debates* (3rd ed.). Bloomsbury Academic. 232 p.
32. Tomlinson, J. (1991). *Cultural imperialism: A critical introduction*. Johns Hopkins University Press. <https://doi.org/10.56021/9780801842498>
33. Ushinsky, K. D. (1948). Man as the object of education: An experience of pedagogical anthropology. In *Collected works* (Vol. 8). Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. 648 p.
34. Van Dijck, J., Poell, T., & de Waal, M. (2018). *The platform society: Public values in a connective world*. Oxford University Press. 226 p. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>
35. Scheler, M. (1988). The position of man in the cosmos (A. F. Filippov, Trans.). In *The problem of man in Western philosophy: Translations* (pp. 31–95). Progress.
36. Schiller, G. (1980). *Manipulators of consciousness*. Mysl'. 326 p.
37. Williamson, B., & Eynon, R. (2020). Historical threads, missing links, and future directions in AI in education. *Learning, Media and Technology*, 45(3), 223–235. <https://doi.org/10.1080/17439884.2020.1798995> EDN: <https://elibrary.ru/YCTRKN>
38. Zhang, Wei. (2025). Conceptual rethinking and risk management of digital educational sovereignty in the age of intelligence. *Chinese Journal of Comparative Education*, (6), 45–53. (In Chinese)
39. Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power*. Profile Books. 704 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Мороз Елена Федоровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры управления персоналом
Красноярский институт железнодорожного транспорта
ул. Новая заря, 2и, г. Красноярск, 660029, Российская Федерация
moroslens@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Elena F. Moros, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor in the Department of Human Resource Management
Krasnoyarsk Rail Transport Institute – Branch of Irkutsk State Transport University
2i, Novaya Zarya Str., Krasnoyarsk, 660029, Russian Federation
moroslens@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7504-7140>

Поступила 18.05.2026

После рецензирования 10.06.2026

Принята 12.06.2026

Received 18.05.2026

Revised 10.06.2026

Accepted 12.06.2026

Человек, общество и государство в философской перспективе / Individual, Society, and State in Philosophical Perspective

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-582](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-582)

EDN: [GVDZVS](https://www.edn.ru/GVDZVS)

УДК 101.1:316.77

Феномен симулякра в обществе потребления: философский анализ рекламных стратегий на основе концепции Жана Бодрийера

С.М. Мальцева^{1,2}, М.С. Козинцева¹, А.Н. Комарова³

¹Мининский университет, Нижний Новгород, Российская Федерация

²НИПС - филиал ПривГУПС, Нижний Новгород, Российская Федерация

³Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Российская Федерация

Аннотация

Обоснование. Актуальность исследования обусловлена тем, что реклама, которая когда-то должна была просто сообщать о товаре, сегодня работает совсем иначе. Она создает образы, которые больше не привязаны к реальным свойствам вещей и ссылаются только на самих себя. Эту логику когда-то описал Жан Бодрийер через понятие симулякра, но на язык конкретных рекламных приемов ее почти не переводили – в том пробел, который и пытается восполнить данная статья.

Цель – описать, как именно рекламное сообщение становится симулякром, выделить ключевые стратегии, с помощью которых реклама строит гиперреальность. Гипотеза состоит в идее, что современная реклама не отражает экономическую реальность, а сама выступает как первичная модель, которая приписывает вещи смысл еще до того, как мы с этой вещью столкнулись, то есть образует то, что Ж.Бодрийер называл порядком чистых симулякров.

Материалы и методы. Работа основывается на трудах Ж.Бодрийера: «Система вещей», «Общество потребления» и «Симулякры и симуляция». В качестве методов исследования использовались концептуальный анализ основных категорий, сравнение рекламных сообщений о товарах из разных ценовых сегментов и критическая рефлексия, позволяющая вскрыть скрытые допущения, на которых держится рекламная риторика.

Новизна исследования. Впервые выделены и разобраны три конкретные стратегии рекламной симуляции: симуляция подлинности, симуляция социальной иерархии и симуляция счастья.

Результаты. Определено, что на любом уровне рынка – от люкса до масс-маркета – знак товара работает не как указание на его реальную пользу, а как часть замкнутой системы бренда, где ценность – это всего лишь позиция среди других знаков. Реклама не описывает потребление, она сама его создает своей знаковой игрой и разжигает желание, которое ни один реальный предмет утолить не может. Три названные стратегии работают вместе, подпитывая друг друга, и в итоге производят гиперреальность – состояние, при котором модель уже не следует за реальностью, а начинает ее определять.

Ключевые слова: Жан Бодрийяр; симулякр; гиперреальность; общество потребления; реклама; знак; бренд

Для цитирования. Мальцева, С. М., Козинцева, М. С., & Комарова, А. Н. (2026). Феномен симулякра в обществе потребления: философский анализ рекламных стратегий на основе концепции Жана Бодрийяра. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 141–157. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-582>

The phenomenon of simulacre in consumer society: a philosophical analysis of advertising strategies based on Jean Baudrillard's concept

S.M. Maltseva^{1,2}, M.S. Kozintseva¹, A.N. Komarova³

¹Minin University, Nizhny Novgorod, Russian Federation

²Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering, Nizhny Novgorod, Russian Federation

³Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

Abstract

Background. Relevance of this study stems from the fact that advertising, which was once intended simply to communicate product information, operates quite differently today. It creates images that are no longer tied to the actual properties of objects and refer only to themselves. Jean Baudrillard once described this logic through the concept of simulacrum, but it has rarely been translated into the language of specific advertising techniques – a gap that this article attempts to fill.

The **purpose** is to understand how exactly an advertising message becomes a simulacrum and to identify the key strategies through which advertising constructs hyper-reality. The hypothesis is that modern advertising does not reflect economic reality, but rather acts as a primary model that ascribes meaning to objects even before we encounter them – precisely what Baudrillard called the order of pure simulacra.

Materials and methods. This study draws on three of Baudrillard's main books: *The System of Objects*, *Consumer Society*, and *Simulacra and Simulation*. The methods used included a conceptual analysis of its main categories, a comparison of advertising simulation have been identified and analyzed: the simulation of authenticity, the simulation of social hierarchy, and the simulation of happiness.

The novelty lies in the fact that for the first time, three specific strategies of advertising simulation have been identified and analyzed: the simulation of authenticity, the simulation of social hierarchy, and the simulation of happiness.

Results. It turned out that at any market level – from luxury to mass market – a product's symbol functions not as an indication of its actual benefit, but as part of a closed brand system, where value is simply a position among other symbols. Advertising doesn't describe consumption; it creates it through its play of symbols, igniting a desire that no real object can satisfy. These three strategies work together, feeding each other, and ultimately produce hyperreality – a state in which the model no longer follows reality, but begins to define it.

Keywords: Jean Baudrillard; simulacrum; hyperreality; consumer society; advertising; sign; brand

For citation. Maltseva, S. M., Kozintseva, M. S., & Komarova, A. N. (2026). The phenomenon of simulacrum in consumer society: a philosophical analysis of advertising strategies based on Jean Baudrillard's concept. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 141–157. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-582>

Введение

Современное социальное пространство насыщено рекламой. Она присутствует на улицах, экранах, в музыке и кинематографе, став привычным элементом повседневности [13]. Однако за этой привычностью скрывается вопрос: что именно демонстрирует реклама? Согласно распространенной точке зрения, восходящей к экономической теории, реклама призвана информировать потребителя – сообщать о свойствах товара, его преимуществах и способах применения. Обращение к реальной рекламной продукции заставляет в этом усомниться. Реклама парфюма в большинстве случаев не раскрывает состав аромата, а конструирует «мир» бренда, его трудноуловимую и неосознаваемую ауру. Реклама автомобиля будто обходит технические характеристики, создавая образ свободы и превосходства будущего владельца. Реклама продуктов питания апеллирует не к вкусу или питательной ценности, а к «бабушкиным рецептам», семейственности и «натуральности». Знак, которым оперирует реклама, утратил прямую связь с вещью и приобрел самостоятельное существование [1].

Данный отрыв знака от реальности и его превращение в симулякр стали предметом анализа в работах Ж. Бодрийяра, прежде всего в трех его книгах: «Система вещей» (1968), «Общество потребления» (1970) и «Симулякры и симуляция» (1981). Ж. Бодрийяр показал, что в развитом потребительском обществе вещь перестает быть исключительно полезным предметом и становится знаком – она сообщает о социальном статусе владельца и его принадлежности к определенной группе. «Симулякр – это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет [4, с. 148]. Холодильник не просто выполняет функцию охлаждения продуктов – он сигнализирует о достатке хозяина; одежда не столько защищает от холода, сколько обозначает принадлежность к конкретному социальному кругу [4]. Однако более существенно другое: Ж. Бодрийяр зафиксировал момент, когда знаки начинают отсылать уже не к реальным вещам и не к социальному положению, а исключительно друг к другу. Так формируется то, что он назвал гиперреальностью, – реальность, порожденная моделями и образами, а не наоборот [2].

Сама концепция симулякра и гиперреальности в исследовательской литературе о Ж.Бодрийяре последних лет представлена достаточно полно. В.А. Серкова подробно рассматривает трансформацию представлений о реальности в философии Ж. Бодрийяра – от подделки к чистому коду [16]. Л.В. Мурейко анализирует механизмы симуляции в массмедиа и приходит к выводу, что бодрийяровский подход позволяет увидеть в медиа не отражение действительности, а ее замещение [12]. Однако применение данного инструментария к рекламным стратегиям ограничивается, как правило, отдельными иллюстрациями. Систематическое исследование в этом направлении отсутствует.

Таким образом, обнаруживается проблема: существует разработанная философская база, но отсутствует ее последовательное приложение к анализу того, каким именно образом реклама производит симулякры в своей повседневной практике. Маркетинговые и психологические исследования сосредоточены на эффективности рекламного воздействия и механизмах запоминания; философское

же измерение рекламы – ее способность трансформировать саму реальность – остается недостаточно изученным. Между тем, как отмечает В.А. Емелин, симулякры в информационном обществе уже не просто сопровождают потребление, а образуют его основу [8]. Е.Н. Шапинская, со своей стороны, фиксирует значимую тенденцию: современная культура потребления все активнее превращает впечатления в товар, а товар — в чистый знак [21].

Центральный тезис работы состоит в том, что современная реклама не отражает реальность потребления, а создает ее в ходе собственной знаковой игры, где знак товара отсылает не к его реальной полезности, а исключительно к другим знакам внутри замкнутой системы бренда.

Цель исследования – описать, как именно рекламное сообщение становится симулякром, выделить ключевые стратегии, с помощью которых реклама строит гиперреальность. *Гипотеза* состоит в идее, что современная реклама не отражает экономическую реальность, а сама выступает как первичная модель, которая приписывает вещи смысл еще до того, как мы с этой вещью столкнулись, то есть объясняет то, что Ж. Бодрийяр называл порядком чистых симулякров.

Материалы и методы

Работа строится на концептуальном анализе: Ж. Бодрийяр ввел ряд понятий, без которых обсуждение современной рекламы невозможно: «симулякр», «гиперреальность», «код», три порядка симулякров. Концептуальный анализ позволяет не просто воспроизводить формулировки Ж. Бодрийяра, а разбирать каждое понятие, выявляя его внутреннюю логику и определяя возможность применения за пределами исходного контекста. Так, понятие «кода» Ж. Бодрийяр разрабатывал на материале моды и дизайна; в данной работе оно переносится на рекламные стратегии. Без концептуального анализа такой перенос остался бы поверхностной аналогией. Сравнительный метод обнаруживает, что за внешними различиями работает одна и та же логика отрыва знака от реальности. Реклама неоднородна: существует люксовый сегмент, где товар почти

не демонстрируется – присутствуют лишь намеки, атмосфера, лицо знаменитости; существует масс-маркет, апеллирующий к «простым радостям»; существует «крафтовый» сегмент с его культом ручного труда. На первый взгляд представляется, что это разные пространства со своими правилами. Сравнительный метод позволяет отделить общую схему симуляции от ее вариативного оформления. Обнаружение одной и той же схемы в рекламе дорогих часов и в рекламе недорогого лимонада свидетельствует о том, что перед нами не единичная выдумка, а устойчивый механизм. Реклама держится на скрытых допущениях, о которых зритель, как правило, не задумывается. Критическая рефлексия позволяет показать, почему образ, лишенный связи с реальностью, вообще вызывает отклик; почему знак без референта не воспринимается как пустышка; откуда возникает готовность принимать симулякр за нечто осмысленное.

Новизна данной работы состоит в выделении трех устойчивых стратегий симуляции и в демонстрации того, что они не случайны и не разрозненны, а функционируют как части единого механизма. Симуляция подлинности, симуляция социальной иерархии и симуляция счастья – это не три самостоятельных явления, а три грани одной логики, совокупным результатом которой становится производство гиперреальности.

Результаты и обсуждение

Прежде чем обратиться к анализу рекламы, необходимо понять, каким образом знак может утратить связь с реальностью. Ж. Бодрийяр выстраивает на этот счет достаточно стройную картину, и без нее дальнейший анализ оказался бы безосновательным. В обыденном представлении знак устроен следующим образом: слово или изображение отсылает к понятию, а понятие – к реальной вещи. Ж. Бодрийяр не отрицает, что данная схема когда-то действовала, однако показывает, что история знака есть история его постепенного освобождения от реальности. Он выделяет три этапа, которые называет порядками симулякров. Первый этап – подделка. Он господствует с эпохи Возрождения до промышленной революции.

Знак здесь еще помнит о природном оригинале, но уже учится его имитировать: лепнина под мрамор, искусственные цветы, нарисованные колонны, которые выглядят как настоящие. Второй этап – производство – приходит с индустриальной эпохой. Конвейерная вещь уже ничему не подражает, у нее нет уникального оригинала. Она представляет собой одну из тысяч идентичных, и ее ценность определяется местом в серии. Третий этап – симуляция – связан с распространением информационных технологий. На этой стадии знак начинает отсылать уже не к вещи и не к серийному образцу, а к коду, системе других знаков. Как пишет В.А. Серкова, симулякр – это «характеристика неподлинности, суррогата, отсутствия и подмены реальности ее копиями» [16, с. 92].

Код, о котором говорит Ж. Бодрийяр, – это для рекламы, по сути, бренд, но понятый не как торговая марка, а как матрица смыслов. Бренд задает правила: какие знаки могут входить в его систему, как они связаны между собой, что они означают [6]. Вещь, произведенная под брендом, – уже не просто полезный предмет, а носитель кода. Ценность ее теперь не в том, насколько она удобна или сколько стоила в производстве, а в том, какое место она занимает среди других знаков того же бренда. Л.В. Мурейко, анализируя этот механизм, отмечает, что в системе массмедиа «отдаленность, различие двух полюсов бинарности вопроса и ответа, в действительности... симулятивна. Она представляет собой «эффект реальности внутри самого знака», или «тактическую галлюцинацию»» [12, с. 72].

Таким образом, первый вывод состоит в следующем: если знак функционирует не как связующее звено с реальностью, а как элемент кода, то и рекламу невозможно рассматривать лишь как информацию о товаре. Реклама представляет собой механизм производства симулякров – знаков, за которыми не стоит ничего, кроме других знаков.

Далее целесообразно рассмотреть, каким именно образом реклама осуществляет это производство. На основе анализа современной рекламы выделяются три стратегии. В реальной рекламной практике они почти всегда действуют совместно, однако для

ясности каждая из них рассматривается по отдельности. *Симуляция подлинности*. Это одна из самых распространенных стратегий. Реклама постоянно апеллирует к натуральности, традициям, ручному труду – но именно там, где ничего этого уже нет. Еда рекламируется как «домашняя» и «по бабушкиному рецепту», хотя выпущена на заводе. Одежда подается как «ручная работа», хотя сшита массовым тиражом. Косметика – «натуральные компоненты», хотя без химии она не хранилась бы и недели. На первый взгляд представляется, что производитель лишь подчеркивает качество. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается иное: реклама не возвращает к утраченной подлинности, а создает ее знак. За этим знаком – пустота, реальный референт отсутствует. Е.Н. Шапинская, анализируя современную культуру потребления, приводит слова Ж.Бодрийяра о том, что реклама сегодня – это «иллюстрация формы, перенасыщенной и пустой» [21, с. 163]. Она же отмечает, что «Бодрийяр показывает симулятивный характер такого рода постановок, употребляя термин «псевдособытие»» [21, с. 166]. Реклама подлинности – это и есть псевдособытие: событие, которого не было, но которое выглядит убедительнее реальности» [10]. *Симуляция социальной иерархии*. Эта стратегия работает несколько иначе, но цель та же – заставить знак существовать самостоятельно. Реклама дорогих товаров почти никогда не говорит об их реальных свойствах. Вместо этого она рисует образ избранного круга, доступ в который открывает покупка. Знак бренда указывает не на вещь и не на ее качество, а на другие знаки того же бренда, образующие воображаемую лестницу статусов. Приобретая такие часы или такую сумку, человек покупает не столько предмет, сколько положение в этой лестнице. Однако принципиально важно другое: данная лестница не отражает реальное социальное устройство, а создает его. Бренд не обозначает статус, который у человека уже есть, – он производит этот статус как эффект своей знаковой системы. В.А. Емелин, разбирая четыре стадии превращения рекламы в симулякр, показывает, что «уже на этом этапе реклама обращается в симулякр, в котором присутствует не только информация о товаре, но и

сами качества, которые и определяют реальную стоимость товара. Зазор между знаком и референтом исчезает» [8, с. 89]. *Симуляция счастья*. Третья стратегия – самая универсальная. Она не привязана к цене товара и работает одинаково и в люксе, и в масс-маркете [20]. Счастье, радость, свобода, уверенность в себе – все эти глубоко личные состояния прикрепляются к товарным знакам и становятся их означаемыми. Реклама газировки показывает не напиток, а компанию смеющихся друзей на пляже. Реклама шоколада – не сладость, а момент блаженства. Реклама автомобиля – не средство передвижения, а чувство свободы. Проблема в том, что счастье, купленное вместе с бутылкой, – не счастье. Это его симулякр, знак, работающий только внутри рекламного кода и не отсылающий ни к какому реальному переживанию. В.А. Емелин подчеркивает, что «виртуальная реальность понимается как пространство симулякров – особых знаков, которые, в отличие от знаков-копий, фиксируют не сходство, а различие с референтной реальностью, порождая ряды симуляций» [8, с. 87]. Реклама счастья – это и есть такая симуляция: знак счастья, который не имеет сходства с реальным переживанием счастья, но порождает бесконечный ряд желаний, каждое из которых требует новой покупки. Следует добавить, что современные технологии выводят симуляцию на качественно иной уровень. А.И. Кугай, исследуя феномен «дипфейков», показывает, что сегодня речь идет уже не просто об искажении реальности, а о переходе к фазе «чистого симулякра» – изображения, за которым не стоит ничего, кроме самого изображения [9].

Для наглядности выделенные стратегии сведены в таблицу 1.

Отметим, по отдельности описанные стратегии представляют собой не более чем приемы. Однако при совместном действии они запускают процесс, который Ж. Бодрийяр называл формированием гиперреальности.

В реальной рекламной практике стратегии практически не встречаются изолированно. Реклама дорогого автомобиля одновременно задействует симуляцию иерархии (автомобиль как знак исключительности) и симуляцию счастья (автомобиль как источник свободы). Реклама

крафтового продукта соединяет симуляцию подлинности (ручное изготовление) с симуляцией иерархии (потребитель как ценитель подлинного качества). Стратегии взаимно усиливают друг друга, и совокупный эффект превосходит простую сумму отдельных воздействий.

Таблица 1.

Базовые стратегии рекламной симуляции**Table 1. Basic Strategies for Advertising Simulation**

Стратегия	Как работает	Пример	Результат
Симуляция подлинности	Создается знак натуральности и ручного труда там, где их нет	«Бабушкин рецепт», «ручная работа»	Знак подменяет реальную аутентичность
Симуляция социальной иерархии	Статусные различия выстраиваются знаковыми средствами	Люксовая реклама, где важен не товар, а «образ жизни»	Бренд не отражает статус, а производит его
Симуляция счастья	Экзистенциальные состояния прикрепляются к товарам	«Счастье» в рекламе напитка, «свобода» в рекламе авто	Формируется желание, которое нельзя утолить

Так реклама создает целый мир, где покупка кроссовок равна обретению свободы, йогурт – заботе о здоровье, а часы – жизненному успеху. Этот мир бесконечно тиражируется с экранов и билбордов и постепенно начинает казаться более реальным, чем сама жизнь. А затем и жизнь под него подстраивается: люди выстраивают досуг, потребление и даже отношения по лекалам, заданным рекламой. Это и есть та ситуация, которую Ж. Бодрийяр описывал метафорой карты, предшествующей территории. Карта – рекламная модель реальности – уже не следует за территорией, а сама ее определяет.

Таким образом, вывод заключается в следующем: реклама не описывает потребление и не отражает его – она его производит посредством знаковой игры, в которой задействованы все три стратегии. Потребитель в этой игре взаимодействует уже не с вещами, а с их симулякрами. Желание, формируемое рекламой, не может быть удовлетворено ни одним реальным предметом, поскольку его подлинная цель – не вещь, а знак, который всегда ускользает.

Выводы

Проведенный анализ позволил реконструировать логику превращения знака в симулякр в том виде, в каком ее описывал Ж. Бодрийяр. Описано, как знак проходит три стадии – от подделки через производство к симуляции – и на последней стадии окончательно утрачивает связь с реальностью, начиная отсылать исключительно к другим знакам. Применительно к рекламе это означает, что бренд функционирует не как обозначение реальных свойств товара, а как код – матрица, задающая правила комбинации знаков и определяющая их ценность вне связи с потребительной стоимостью. Выделены и систематизированы три стратегии, посредством которых реклама осуществляет это производство: симуляция подлинности, симуляция социальной иерархии и симуляция счастья. Каждая из них рассмотрена на конкретных примерах, и в каждом случае обнаруживалась одна и та же закономерность: знак, создаваемый рекламой, не отсылает к реальному свойству товара, а существует внутри замкнутой системы бренда по ее собственным законам. Показано, каким образом данные стратегии, действуя совместно, порождают гиперреальность. Реклама формирует целостную картину мира, в которой покупка кроссовок отождествляется с обретением свободы, а обладание часами определенной марки – с жизненным успехом. Эта картина, многократно растиражированная, начинает восприниматься как более достоверная, нежели сама действительность. Затем и действительность под нее подстраивается. Это и есть ситуация, которую Ж. Бодрийяр описывал через метафору карты, предшествующей территории: модель более не следует за реальностью, а начинает ее определять.

Значимость данных выводов состоит в том, что они позволяют увидеть рекламу не как маркетинговый инструмент, а как онтологический механизм. Распространено представление, согласно которому реклама либо информирует потребителя о товаре, либо, в худшем случае, манипулирует им. Однако бодрийяровский подход обнаруживает нечто более глубокое: реклама изменяет сам статус реальности. Она формирует пространство, в котором различие меж-

ду подлинным и поддельным утрачивает силу, поскольку все знаки в этом пространстве равно удалены от какого-либо референта [18]. Желание, формируемое рекламой, не может быть удовлетворено никакой реальной покупкой – и в этом состоит не недостаток, а существенная черта рекламной симуляции, поскольку удовлетворенное желание перестало бы выступать двигателем потребления.

За рамками данного исследования остался вопрос о том, как реальные люди эти сообщения воспринимают: видят ли они в рекламе симулякр или, напротив, принимают его за нечто подлинное. Возможно ли сопротивление рекламной симуляции, и если да – в каких формах оно способно осуществляться? Как отмечает А.Д. Данилов, современные медиа не только конструируют реальность, но и наталкиваются на сопротивление социального – на то, что не поддается полной симуляции [5]. Также остается неисследованный вопрос о влиянии симуляции на категорию доверия. «У того, кто доверяет, больше времени прожить жизнь полно, поскольку он знает, чего ему не хватает, и понимает, как этим можно пользоваться в жизни» – отмечают Ю. С. Филиппович, М. С. Филиппович [19].

Ж. Бодрийяр принадлежит мысль о том, что современный мир живет в ситуации, где «казаться» заменило «быть» [14; 15]. Реклама выступает одним из главных двигателей этой замены, и осознание данного факта представляет собой первый шаг к выстраиванию критической дистанции по отношению к гиперреальности. Критическое восприятие механизмов символического влияния становится сегодня обязательным условием свободы личности [7; 17].

Список литературы

1. Асташова, Н. Д., & Бобкова, Т. В. (2020). Символический универсум цифровой экономики. *Философия хозяйства*, 5(131), 11–26. EDN: <https://elibrary.ru/PLVHRC>
2. Бодрийяр, Ж. (2021). *Общество потребления. Его мифы и структуры*. Москва: АСТ.
3. Бодрийяр, Ж. (2015). *Симулякры и симуляции*. Москва: ПОСТУМ.
4. Бодрийяр, Ж. (2022). *Система вещей*. Москва: РИПОЛ классик.
5. Данилов, А. Д. (2025). Медиафилософия перед вызовом реальности: пределы конструирования и сопротивление социального. *Вестник Пермского*

- университета. *Философия. Психология. Социология*, 16, 89–100. <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2025-16-89-100> EDN: <https://elibrary.ru/PDUUQV>
6. Дьяков, А. В. (2008). *Жан Бодрийяр: стратегия «радикального мышления»*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
 7. Егикян, М. А. (2025). Бытийный статус смысла жизни человека. *Российские социогуманитарные исследования*, 17(2), 193–211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-479> EDN: <https://elibrary.ru/HPOMIF>
 8. Емелин, В. А. (2016). Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе. *Национальный психологический журнал*, 3(23), 86–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0312> EDN: <https://elibrary.ru/YLPEPF>
 9. Кугай, А. И. (2026). Дипфейк-технологии и трансформация концепции истины: от отражения к чистому симулякру. В *Социально-экономические процессы современного общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 10 февраля 2026 г.)* (с. 44–46). Чебоксары: ИД «Среда». EDN: <https://elibrary.ru/UMOXYQ>
 10. Маткин, Н. А., & Новикова, А. А. (2026). Эмодукты счастья: коммодификация и маркетинговые стратегии в популярной психологии: как популярные российские психологические блогеры конструируют, упаковывают и продают абстрактную идею «счастья» как стандартизированный рыночный продукт – эמודукт. *Экономическая социология*, 27(1), 92–124. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-92-124> EDN: <https://elibrary.ru/EDLBJK>
 11. Миронов, А. А., & Саенко, Н. Р. (2025). Образ антигероя в современной культуре как реакция на общество безграничного достижительства. В *Современная философия успеха: материалы II Международного круглого стола (Москва, 16 декабря 2024 года)* (с. 265–274). Москва: Московский Политех. EDN: <https://elibrary.ru/DJXMJC>
 12. Мурейко, Л. В. (2018). Симуляция «символического» в концепции массмедиа Ж. Бодрийяра. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 9(3), 56–65. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9307> EDN: <https://elibrary.ru/YYFCWL>
 13. Неронова, М. Ю., & Неронов, А. В. (2025). Роль ценностей в эпоху глобализации. *Современные исследования социальных проблем*, 17(1), 187–206. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-503> EDN: <https://elibrary.ru/HSPIOV>
 14. Петряков, К. С. (2024). *Симулякры в массовом сознании как средство информационной войны* (Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук). Москва. EDN: <https://elibrary.ru/EJNFWP>
 15. Ровнов, Н. С. (2025). Феномен человека-симулякра в культуре постмодернизма. *Pan-Art*, 5(4), 739–745. <https://doi.org/10.30853/pa20250085> EDN: <https://elibrary.ru/SWWJTR>

16. Серкова, В. А. (2017). Трансформация реальности в концепции Жана Бодрийяра. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 8(1), 92–98. EDN: <https://elibrary.ru/YRXLWR>
17. Сорокопуд, М. С. (2025). Так кто же на самом деле правит реальностью? Символические механизмы реализации власти в информационном обществе. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований*, 3(12), 232–282. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-3\(12\)-232-282](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2025-3(12)-232-282) EDN: <https://elibrary.ru/VAZJZG>
18. Удалова, Л. В. (2026). Цифровое отчуждение: новые формы и пути преодоления. *Экономические и социально-гуманитарные исследования*, 13(1), m02s03a1. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-1-m02s02a50> EDN: <https://elibrary.ru/LGDMTR>
19. Филиппович, Ю. С., & Филиппович, М. С. (2025). Опыт доверия в контексте усталости и одиночества человека в современном обществе. *Вестник Мининского университета*, 13(3), 14. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14> EDN: <https://elibrary.ru/SRYPUQ>
20. Черенков, В. И., & Таничев, А. В. (2025). Вопросы становления маркетинга устойчивости и его терминологической репрезентации. *Маркетинг и маркетинговые исследования*, 30(2), 175–212. <https://doi.org/10.18334/marketing.30.2.123933> EDN: <https://elibrary.ru/EOVLMJ>
21. Шапинская, Е. Н. (2021). Впечатления на продажу: современные тенденции в культуре потребления. *Ярославский педагогический вестник*, 1(118), 162–169. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-1-118-162-169> EDN: <https://elibrary.ru/OUZQBT>

References

1. Astashova, N. D., & Bobkova, T. V. (2020). The symbolic universe of the digital economy. *Filosofiya Khozyaystva*, 5(131), 11–26. EDN: <https://elibrary.ru/PLVHRC>
2. Baudrillard, J. (2021). *The consumer society: Myths and structures*. Moscow: AST.
3. Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulation*. Moscow: POSTUM.
4. Baudrillard, J. (2022). *The system of objects*. Moscow: RIPOЛ Klassik.
5. Danilov, A. D. (2025). Media philosophy facing the challenge of reality: Limits of construction and resistance of the social. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 16, 89–100. <https://doi.org/10.17072/2076-0590-2025-16-89-100> EDN: <https://elibrary.ru/PDUUQV>
6. Dyakov, A. V. (2008). *Jean Baudrillard: The strategy of “radical thinking”*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University Press.
7. Egikyan, M. A. (2025). The existential status of the meaning of human life. *Russian Socio-Humanitarian Studies*, 17(2), 193–211. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-479> EDN: <https://elibrary.ru/HPOMIF>

-
8. Emelin, V. A. (2016). Simulacra and virtualization technologies in the information society. *National Psychological Journal*, 3(23), 86–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0312> EDN: <https://elibrary.ru/YLPEPF>
 9. Kugay, A. I. (2026). Deepfake technologies and the transformation of the concept of truth: From reflection to pure simulacrum. In *Socio-economic processes of modern society: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, February 10, 2026)* (pp. 44–46). Cheboksary: Publishing House “Sreda”. EDN: <https://elibrary.ru/UMOXYQ>
 10. Matkin, N. A., & Novikova, A. A. (2026). Emo-products of happiness: Commodification and marketing strategies in popular psychology: How popular Russian psychological bloggers construct, package, and sell the abstract idea of “happiness” as a standardized market product – an emo-product. *Economic Sociology*, 27(1), 92–124. <https://doi.org/10.17323/1726-3247-2026-1-92-124> EDN: <https://elibrary.ru/EDLBJK>
 11. Mironov, A. A., & Saenko, N. R. (2025). The image of the antihero in modern culture as a reaction to the society of limitless achievement. In *Modern philosophy of success: Proceedings of the II International Round Table (Moscow, December 16, 2024)* (pp. 265–274). Moscow: Moscow Polytechnic University. EDN: <https://elibrary.ru/DJXMJC>
 12. Mureyko, L. V. (2018). Simulation of the “symbolic” in J. Baudrillard’s mass media concept. *Scientific and Technical Journal of SPbPU. Humanities and Social Sciences*, 9(3), 56–65. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9307> EDN: <https://elibrary.ru/YYFCWL>
 13. Neronova, M. Yu., & Neronov, A. V. (2025). The role of values in the era of globalization. *Modern Studies of Social Problems*, 17(1), 187–206. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-503> EDN: <https://elibrary.ru/HSPIOV>
 14. Petryakov, K. S. (2024). *Simulacra in mass consciousness as a tool of information warfare* (Doctoral dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences). Moscow. EDN: <https://elibrary.ru/EJNFWP>
 15. Rovnov, N. S. (2025). The phenomenon of the simulacrum-man in postmodern culture. *Pan-Art*, 5(4), 739–745. <https://doi.org/10.30853/pa20250085> EDN: <https://elibrary.ru/SWWJTR>
 16. Serkova, V. A. (2017). Transformation of reality in Jean Baudrillard’s concept. *Scientific and Technical Journal of SPbPU. Humanities and Social Sciences*, 8(1), 92–98. EDN: <https://elibrary.ru/YRXLWR>
 17. Sorokopud, M. S. (2025). So who actually rules reality? Symbolic mechanisms of power implementation in the information society. *Industries of Impressions. Technologies of Sociocultural Research*, 3(12), 232–282. [https://doi.org/10.34680/EIS-CRT-2025-3\(12\)-232-282](https://doi.org/10.34680/EIS-CRT-2025-3(12)-232-282) EDN: <https://elibrary.ru/VAZJZG>
 18. Udalova, L. V. (2026). Digital alienation: New forms and ways to overcome it. *Economic and Socio-Humanitarian Research*, 13(1), m02s03a1. <https://doi.org/10.24151/2409-1073-2026-13-1-m02s02a50> EDN: <https://elibrary.ru/LGDMTR>

19. Filippovich, Yu. S., & Filippovich, M. S. (2025). The experience of trust in the context of fatigue and loneliness of a person in modern society. *Vestnik of Minin University*, 13(3), 14. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2025-13-3-14> EDN: <https://elibrary.ru/SRYPUQ>
20. Cherenkov, V. I., & Tanichev, A. V. (2025). Issues of the formation of sustainability marketing and its terminological representation. *Marketing and Marketing Research*, 30(2), 175–212. <https://doi.org/10.18334/marketing.30.2.123933> EDN: <https://elibrary.ru/EOVLMJ>
21. Shapinskaya, E. N. (2021). Impressions for sale: Current trends in consumer culture. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1(118), 162–169. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2021-1-118-162-169> EDN: <https://elibrary.ru/OUZQBT>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Мальцева Светлана Михайловна, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры философии и теологии; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин

Мининский университет; НИПС - филиал ПривГУПС

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация; пл. Комсомольская, 3, г. Нижний Новгород, 603011, Российская Федерация
maltsewasvetlana@yandex.ru

Козинцева Марианна Сергеевна, студент кафедры профессионального образования и управления образовательными системами

Мининский университет

ул. Ульянова, 1, г. Нижний Новгород, 603950, Российская Федерация
mariannakozinceva@gmail.com

Комарова Анна Николаевна, канд. филос. наук, доцент кафедры философии, общественных коммуникаций и туризма

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

ул. Минина, 31а, г. Нижний Новгород, 603155, Российская Федерация
komaranna@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Svetlana M. Maltseva, PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theology; Associate Professor of the Department of General Education and Professional Disciplines

Minin University; Nizhny Novgorod Institute of Railway Engineering - branch of the Volga State University of Railway Engineering

1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation; 3, Komsomol'skaya Sq., Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation
maltsewasvetlana@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7273-1852>
Scopus Author ID: 57204862811

Marianna S. Kozintseva, student of the Department of Professional Education and Management of Educational Systems
Minin University
1, Ulyanov Str., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation
mariannakozinceva@gmail.com

Anna N. Komarova, PhD, Associate Professor of Philosophy, Public Communications and Tourism
Linguistics University of Nizhny Novgorod
31a, Minin Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russian Federation
komaranna@yandex.ru

Поступила 15.05.2026
После рецензирования 11.06.2026
Принята 17.06.2026

Received 15.05.2026
Revised 11.06.2026
Accepted 17.06.2026

Классика и современная русская литература / Classic and Modern Russian Literature

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-584](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584)EDN: [LEKPNE](https://edn.ru/LEKPNE)

УДК 821.161.1.0

Деконструкция традиционных дискурсов в прозе В. Сорокина

Е.А. Черемина

*Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии,
Астрахань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена исследованию механизмов деконструкции традиционных дискурсов в прозе Владимира Сорокина. В фокусе внимания находятся роман «Теллурия», рассказ «Настя» и ряд других малых прозаических форм.

Цель. Выявить, что деструкция классических нарративов (от соцреалистического канона до классической русской прозы XIX в.) осуществляется через остранение языка, разрушение привычных бинарных оппозиций и карнализацию.

Материалы и методы. На основе комплекса методологических подходов, включающего лингвистический, семиотический, структуральный, постструктуральный методы и элементы иконологического анализа, рассматривается специфика авторской работы с устоявшимися смысловыми конструкциями.

Результаты. В результате проделанной работы в статье можно сделать вывод, что тексты В. Сорокина обнажают условность дискурсивных практик, их связь с механизмами власти и насилия, а также создают новые смысловые конфигурации на месте разрушенных стереотипов.

Ключевые слова: эстетика постмодернизма; теория литературы; дискурс; деконструкция; Владимир Сорокин; «Теллурия»; «Настя»; семиотика; карнализация; интертекстуальность

Для цитирования. Черемина, Е. А. (2026). Деконструкция традиционных дискурсов в прозе В. Сорокина. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 158–170. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584>

Deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose

E.A. Cheremina

*Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy,
Astrakhan, Russian Federation*

Abstract

Background. The article is devoted to the study of the mechanisms of deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose. The focus is on the novel *Telluria*, the short story *Nastya* and other short prose forms.

Purpose. To reveal that the destruction of classical narratives (from the socialist-realist canon to the classical Russian prose of the 19th century) is carried out through the strangeness of language, the destruction of conventional binary oppositions, and carnalization.

Materials and methods. The article examines the specifics of the author's work with established semantic constructs based on a complex of methodological approaches, including linguistic, semiotic, structural, and poststructural methods, as well as elements of iconological analysis.

Results. It can be concluded that Sorokin's texts expose the conventionality of discursive practices, their connection with the mechanisms of power and violence, and create new semantic configurations in place of destroyed stereotypes.

Keywords: aesthetics of postmodernism; theory of literature; discourse; deconstruction; Vladimir Sorokin; *Telluria*; *Nastya*; semiotics; carnalization; intertextuality

For citation. Cheremina, E. A. (2026). Deconstruction of traditional discourses in Vladimir Sorokin's prose. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 158–170. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-584>

Введение

Актуальность статьи состоит в выявлении деструкции классических нарративов и систематизации художественных приемов в прозе В.Сорокина.

Цель исследования – изучение специфики и механизмов деконструкции традиционных (литературных, идеологических, культурных) дискурсов в текстах В. Сорокина на материале романа «Теллурия», рассказа «Настя» и избранных малых прозаических произведений. Проблема заключается в выявлении и систематиза-

ции художественных приемов, с помощью которых В. Сорокин осуществляет критику и разрушение устоявшихся дискурсивных практик, а также в определении позитивного содержания, возникающего в результате этой деструктивной работы. Остается открытым вопрос о том, является ли сорокинская деконструкция тотальным нигилизмом, или же она несет в себе созидательный потенциал, обнажая онтологическую пустоту симулированных реальностей.

Творчество В. Сорокина занимает особое место в истории современной русской литературы, являясь наиболее радикальным выражением эстетики постмодернизма. В своих произведениях писатель последовательно реализует проект тотальной критики культурных оснований, подвергая сомнению саму возможность существования истины, идентичности и авторитетного слова. Центральным инструментом этой критики выступает деконструкция – стратегия, направленная на выявление внутренней противоречивости любых метафизических понятий и дискурсивных систем. Объектом деконструкции у Сорокина становятся не отдельные идеологемы, а целые пласты культурного наследия: классическая русская литература, соцреалистический канон, фольклор, исторический нарратив и даже язык как таковой. Постсоветский дискурс в его литературном бытовании обретает у Сорокина аутопоэтический потенциал, обращая советский дискурс в объект постмодернистского эстетического преобразования. В первую очередь эстетическому преобразованию подвергается повествовательное «прямоговорение» советского дискурса, на место которого приходят коммуникативные события иронического и пародийного рассказывания, гротескные образы и сюрреалистические фабулы.

Материалы и методы исследования

Исследование опирается на комплексную методологию. Лингвистический метод позволяет проанализировать языковые аномалии и игру с разными стилистическими регистрами. Семиотический метод дает возможность рассматривать тексты как знаковые системы, где знаки вступают в сложные отношения друг с другом и

с культурным контекстом. Структуральный и постструктуральный методы (в частности, концепция деконструкции Ж. Деррида, идеи Р. Барта о «смерти автора» и М. Фуко о дискурсивных практиках) служат инструментами для анализа того, как Сорокин расшатывает бинарные оппозиции, подрывает логоцентризм и обнажает властную природу дискурса. Элементы иконологического анализа, разработанного А. Варбургом и Э. Панофским, применяются для интерпретации устойчивых визуальных и символических мотивов (телесность, еда, насилие), раскрывая их глубинный культурный и архетипический смысл.

Основная часть

Художественный мир В. Сорокина строится на принципе деконструкции как важнейшего приема организации текста. Деконструкция пронизывает все уровни произведения: от сюжетно-композиционного до лексико-семантического. При этом важно понимать, что разрушение у Сорокина никогда не является самоцелью. Оно служит инструментом обнажения скрытых механизмов функционирования культуры, которая, по мысли писателя, давно превратилась в набор мертвых ритуалов и симулякров. Классичность, понимаемая как совокупность устойчивых, канонизированных форм, подвергается в прозе Сорокина последовательной критике, доходящей до полного уничтожения не только в аспекте представления в диегезисе, но и в дискурсном плане, в аспекте распада самого языка.

Как отмечает Ф.Б. Бешукова, роман «Теллурия» представляет собой сложноорганизованное полифоническое полотно, состоящее из пятидесяти новелл, действие которых разворачивается в альтернативной Европе будущего после крушения Российской империи. Сама структура романа уже несет в себе деконструирующий заряд: она отрицает классическую романную форму с ее единым сюжетом и линейным временем. Фрагментарность, мозаичность, отсутствие сквозного героя становятся способом изображения распавшейся реальности. Здесь находит свое воплощение постструктуралистская идея о принципиальной фрагментарности любого текста и

невозможности тотального знания. Сорокин создает мир, где сосуществуют различные, часто взаимоисключающие дискурсы: средневековый религиозный дискурс, дискурс новой рыцарственности, технократический дискурс, язык советского прошлого и жаргонные практики. В «Теллурии» одной из главных мишеней деконструкции становится исторический дискурс. Писатель создает множественную историю, где Россия распалась на множество удельных княжеств, где действуют партизаны, сектанты, западные корпорации. Эта историческая фантазия не имеет отношения к реальному прошлому, она представляет собой ироническую игру с памятью и идентичностью. Сорокин показывает, что история – это не объективная данность, а текст, который можно переписывать и интерпретировать бесконечно. В этой связи можно говорить о реализации концепции «смерти автора» применительно к историческому процессу: история утрачивает единого автора-Творца и превращается в поле борьбы множества нарративов.

Ключевым элементом поэтики «Теллурии» является мотив тела и телесности. Теллурий – это гвоздь с теллуровой начинкой, который вбивают в череп для получения немислимых удовольствий. Сцена со вбиванием теллурических гвоздей становится центральной метафорой романа. С одной стороны, она отсылает к религиозной символике (гвозди Распятия), с другой стороны – к традиции русского авангарда, стремившегося к трансформации телесности. Иконологический анализ позволяет увидеть в этом образе глубокий культурный архетип: гвоздь как медиатор между небом и землей, духом и материей, болью и наслаждением. Однако Сорокин намеренно снижает этот высокий символ, профанирует его, превращая в инструмент получения высшего удовольствия. Тем самым он деконструирует саму идею трансценденции, сводя духовные искания к физиологии. Как показывает исследование О.В.Половинкиной, конфликтогены в романе возникают в точке, когда один субъект лишает другого субъектности и начинает навязывать свою точку зрения. Теллурий становится абсолютным конфликтогеном: он лишает человека его «я», превращая его в объект внешнего воздействия [11, с. 83-89].

Рассказ «Настя», вошедший в сборник «Пир», является одним из самых шокирующих текстов Сорокина. Внешне он имитирует стилистику классической русской прозы XIX в. – тургеневского или толстовского дворянского романа. Именины, гости, разговоры об искусстве, поэзия, первая любовь. Однако этот пасторальный дискурс внезапно взрывается сценой чудовищного насилия: родители и гости буквально съедают именинницу. Здесь механизм деконструкции работает на нескольких уровнях. На уровне лингвистическом происходит столкновение двух несовместимых языков: языка «чистой» литературы XIX в. и языка натуралистического насилия. Изысканные фразы о судьбах России сменяются рецептурой разделки человеческого тела. Эта языковая аномалия производит эффект остранения, заставляя читателя пересмотреть свое отношение к привычным, казалось бы, безобидным знакам.

Центральным поэтическим приемом, обеспечивающим этот переход от дискурса к насилию, выступает у Сорокина особая работа с метафорой. Как убедительно демонстрирует М.Н. Липовецкий, метафора в прозе писателя претерпевает карнализацию (от лат. *carnalis* – «плотский, телесный») – специфический троп, осуществляющий перевод дискурсивных и риторических конструкций на язык телесных жестов и реакций [8, с. 230]. В рассказе «Настя» этот прием реализуется с особой наглядностью: метафора вторгается в тело текста и становится плотью повествования. Привычные речевые обороты, клишированные выражения дворянского этикета («прошу руки», «отдать сердце», «пир любви») не просто обыгрываются, а материализуются в актах физического насилия. Тело героини, описанное вначале стыдливо-поэтично, в финале становится объектом буквального поедания, а метафора «пожирать глазами» обретает свою чудовищную плоть в сцене каннибальского пира. Именно карнализация метафоры позволяет Сорокину сделать невидимое насилие, скрытое в языке, видимым и физически ощутимым, обнажая тем самым первобытную жестокость, лежащую в основе «культурных» дискурсивных практик.

На уровне семиотическом Сорокин деконструирует саму идею русской классики как нравственного императива, как «учебника

жизни». Он показывает, что за красивыми словами о добре и красоте может скрываться бездна варварства и жестокости. Финал рассказа, где лучи света, отражаясь от гвоздей вбитой крышки гроба, рисуют портрет Насти над ее обглоданными костями, приобретает отчетливую иконологическую глубину. Это почти христианская отсылка: страдания плоти превращаются в сияние духа, образ мученицы. Но эта святость дается чудовищной ценой, и сам механизм ее обретения оказывается неразрывно связан с насилием и каннибализмом. Весь рассказ – это метафора того, как сильный пожирает слабого, а культура служит лишь прикрытием для этого процесса. Фраза «прошу руки вашей дочери» в рассказе реализуется буквально: по просьбе священника Андрея отец девушки Арины Мамут, Дмитрий Андреевич, отрезает Арине руку. Это классический пример сорокинской деконструкции языкового клише. Он обнажает условность метафоры, возвращает слову его первоначальное, часто чудовищное значение. Тем самым писатель показывает, что язык – не нейтральная среда, а поле борьбы и насилия. Штампы, которыми мы пользуемся ежедневно, скрывают за собой реальные механизмы власти и подчинения. В этом пункте проза Сорокина перекликается с идеями Мишеля Фуко о дискурсе как инструменте власти, так как по концепции М. Фуко дискурс не может быть нейтральным [17].

Анализ дискурсивных практик в прозе Сорокина позволяет говорить о том, что писатель совершает «символическое» насилие над читателем, воплощая его в тексте и делая его фундаментальным принципом своей поэтики. Это насилие не ограничивается очевидными случаями языка-вражды (hate speech) – оскорблениями или угрозами. Оно становится фундаментальной формой насилия, принадлежащей языку как таковому и насаждаемой писателем в определенной смысловой вселенной. Ярким примером такого дискурсивного насилия служит рассказ «Письмо», где бытовое послание неожиданно оборачивается потоком немотивированной агрессии: «А вообще, между нами, девочками, говоря, <...> мокрая. Нешто так любовь тебя забрала, что родственные чувства поотшибало тебе напрочь? Или просто суeta семейная одолела так, что руки до клави

не дотягиваются? Ежели второе, тогда ты <...> мокрая втройне». В этом фрагменте бытовой, почти интимный дискурс («между нами, девочками») резко переключается в регистр брутального унижения. Сорокин демонстрирует, как язык, даже на уровне приватной переписки, содержит в себе потенцию власти и агрессии, готовую в любой момент прорваться наружу, обнажая свою истинную – насильственную – природу. Читатель оказывается не просто свидетелем, но и объектом этого насилия, будучи вовлеченным в игру с дискурсивными ожиданиями, которые жестоко обманываются.

В малых рассказах Сорокина, таких как «Сергей Андреевич» или «Настя», часто разыгрывается сценарий «текста в тексте». Произведение строится как цитата или стилизация под классический образец (чеховский рассказ, тургеневская проза), но в финале эта цитатность обнажается, разрушается вторжением грубой материальной реальности. Так реализуется постструктуралистская идея о том, что любой текст существует только в интертекстуальном пространстве и не имеет устойчивого значения. Сорокин доводит эту идею до логического предела, показывая смерть литературы в прямом смысле слова.

В творчестве Сорокина отчетливо прослеживается связь с традицией русского авангарда и соц-арта. Как и концептуалисты, он работает с готовыми идеологическими формами, доводя их до абсурда и обнажая их внутреннюю пустоту. Советский дискурс с его пафосом, риторикой и верой в светлое будущее становится одним из главных объектов деконструкции. В романе «Голубое сало» Сорокин идет еще дальше, создавая тексты, написанные двойниками русских классиков (Толстого, Достоевского, Чехова) в альтернативной реальности. Эта операция с генетическим материалом литературы призвана показать, что классический канон – это не священная корова, а конструктор, который можно разобрать на части и собрать заново.

Интересно проследить эволюцию деструкции в творчестве Сорокина. В ранних текстах («Норма», «Роман») разрушение носило локальный характер и было жестко привязано к критике советского.

В «Теллурии» и более поздних произведениях, таких как «Доктор Гарин», деструкция становится более сложной и неоднозначной. Она перестает быть только отрицанием, приобретая черты игры, карнавала. Писатель создает миры, где насилие и гармония, высокое и низкое, прошлое и будущее существуют в неразрывном единстве. Это не примирение, но констатация амбивалентности бытия. Элементы иконологического анализа помогают проникнуть в глубинные смыслы сорокинских образов. Мотив еды и пира, пронизывающий многие его тексты («Пир», «Настя», «Московский коктейль»), отсылает к древнейшим архетипам евхаристии и жертвоприношения. Однако у Сорокина эта сакральная основа профанируется, превращаясь в каннибальскую оргию. Тем самым писатель ставит диагноз современной культуре, утратившей связь с трансцендентным и способной только потреблять и переваривать останки прошлого. Символика гвоздя в «Теллурии», как уже отмечалось, также имеет глубокие иконологические корни, связывающие текст с традицией христианской иконографии Страстей. Но эта связь иронически переосмысливается: гвоздь становится не орудием спасения, а инструментом гедонистического самоуничтожения [9].

А.А. Санькова, А.А. Фокин пишут о том, что проза В. Сорокина представляет собой уникальный эксперимент по деконструкции традиционных дискурсов. Используя инструментарий постмодернистской поэтики – интертекстуальность, коллаж, иронию, абсурд, карнавализацию – он обнажает внутреннюю противоречивость и властную природу любых дискурсивных практик: от классической литературы до политической идеологии. Его тексты демонстрируют, что язык не отражает реальность, а конструирует ее, и что за каждым «естественным» способом говорить о мире стоит сложная система культурных конвенций и механизмов подавления. Разрушая эти конвенции, Сорокин открывает пространство для нового, пусть и травматического, опыта встречи с реальностью, очищенной от привычных мифологий [12].

Проведенный анализ позволяет заключить, что деконструкция в прозе В. Сорокина является фундаментальным принципом мирови-

дения, направленным на демонтаж основных опор традиционной культуры – от авторитета классики и исторического нарратива в «Теллурии» до нравственного фундамента русской литературы XIX в. в «Насте», где лингвистический и семиотический анализ выявляет столкновение стилистических пластов и перекодировку знаков, обнажающих скрытые механизмы насилия. Применение структурального и постструктурального методов позволяет увидеть за этим перекодированием критику логоцентризма, в то время как иконологический подход раскрывает архетипическую глубину образов, связывающих тексты с древнейшими культурными кодами. Важно подчеркнуть, что деструкция у Сорокина не является самоцелью, но предлагает читателю опыт освобождения от культурных фантомов и идеологических клише, выступая прививкой от наивного доверия к любым формам «прямоговорения» и серьезным диагнозом современной культурной ситуации.

Список литературы

1. Алексеева, А. Е. (2024). Элементы антиутопии и циклизации в «Сахарном Кремле» В. Сорокина. *Вестник науки*, 1(3), 362–370. <https://www.вестник-науки.рф/article/13208> EDN: <https://elibrary.ru/KFNGMG>
2. Берг, М. (2000). *Литературократия. Проблема присвоения и перераспределения власти в литературе*. Москва.
3. Бешукова, Ф. Б. (2008). Деконструктивистская практика в письме В. Сорокина. *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки*, (4). EDN: <https://elibrary.ru/JSGDLH>
4. Богданова, О. В. (2023). Соцреалистическая модель и концептуалистская практика прозы Владимира Сорокина. *Вестник РХГА*, (3-2). <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2023.3.3.030> EDN: <https://elibrary.ru/KUWJAM>
5. Гиллеспи, Д. (1994). Гласность и русский постмодернизм: Владимир Сорокин. В *Русский язык и литература в современном диалоге культур: VIII Международный конгресс МАПРЯЛ: тезисы докладов*. Регенсбург, Германия.
6. Жилене, Е. С. (2024). Советский производственный роман в системе канонов соцреализма и соц-арта («Тридцатая любовь Марины» В. Сорокина). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (10). <https://doi.org/10.30853/phil20240496> EDN: <https://elibrary.ru/BEBWLW>
7. Исакова, О. С. (2003). Тело текста. Заметки о прозе Владимира Сорокина. В *Vita Cogitans* (Вып. 3, с. 156–165). Санкт-Петербург.

8. Липовецкий, М. (2013). Сорокин-троп: карнализация. *Новое литературное обозрение*, (2), 225–242. EDN: <https://elibrary.ru/ROXQSB>
9. Марусенков, М. П. (2008). Раннее творчество В. Г. Сорокина в контексте его зрелых художественных исканий. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика»*, (1), 42–50. EDN: <https://elibrary.ru/KVUXJL>
10. Меркушов, С. Ф. (2019). Абсурдистская деструкция советского дискурса в ранней прозе В. Г. Сорокина. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (9). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9> EDN: <https://elibrary.ru/VJHTOW>
11. Половинкина, О. С. (2023). Специфика конфликтогенов в художественном дискурсе (на материале романа В. Сорокина «Теллурия»). *Коммуникология*, 11(4), 82–99. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99> EDN: <https://elibrary.ru/ECDHBB>
12. Санькова, А. А., & Фокин, А. А. (2022). Деструкция как важнейший принцип организации художественного мира Владимира Сорокина. *Бюллетень КалмНЦ РАН*, (2). <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-2-22-209-223> EDN: <https://elibrary.ru/MTGWDF>
13. Силантьев, А. И. (2025). Деконструкция классичности в романах Владимира Сорокина. *Критика и семиотика*, (1), 367–387. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-367-387> EDN: <https://elibrary.ru/DKXGMS>
14. Суворов, А. А. (2017). «Антилитература» Владимира Сорокина: читатель как объект троллинга. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Филология. Журналистика»*, 17(2), 209–215. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215> EDN: <https://elibrary.ru/YQQVAR>
15. Уффельманн, Д. (2018). «Лёд тронулся»: пересекающиеся периоды в творчестве Владимира Сорокина (от материализации метафор к фантастическому субстанциализму) (А. Д. Степанов, Пер.) [Перевод на русский].
16. Щербенок, А. В. (2012). Сорокин, травма и русская история. *Вестник Пермского университета*, (1), 210–214. EDN: <https://elibrary.ru/OWNCJT>
17. Фуко, М. (2006). *Дискурс и истина* (А. М. Корбут, Пер.). Минск: Пропилеи.
18. Sorokin, V. (2007, February 2). Russia is slipping back into an authoritarian empire. *Der Spiegel online*. Hamburg. <https://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-author-vladimir-sorokin-russia-is-slipping-back-into-an-authoritarian-empire-a-463860.html>

References

1. Alekseeva, A. E. (2024). Elements of dystopia and cyclization in *The Sugar Kremlin* by V. Sorokin. *Vestnik Nauki*, 1(3), 362–370. <https://www.вестник-науки.рф/article/13208> EDN: <https://elibrary.ru/KFNGMG>

2. Berg, M. (2000). *Literaturokratiya: The problem of appropriation and redistribution of power in literature*. Moscow.
3. Beshukova, F. B. (2008). Deconstructivist practice in V. Sorokin's writing. *Izvestiya Vuzov. North Caucasus Region. Series: Social Sciences*, (4). EDN: <https://elibrary.ru/JSGDLH>
4. Bogdanova, O. V. (2023). The socialist-realist model and the conceptualist practice in Vladimir Sorokin's prose. *Vestnik RKhGA*, (3-2). <https://doi.org/10.25991/VRH-GA.2023.3.3.030> EDN: <https://elibrary.ru/KUWJAM>
5. Gillespie, D. (1994). Glasnost and Russian postmodernism: Vladimir Sorokin. In *Russian language and literature in the modern dialogue of cultures: VIII International Congress of MAPRYAL: Abstracts*. Regensburg, Germany.
6. Zhilene, E. S. (2024). The Soviet production novel within the canons of socialist realism and sots-art (*The Thirtieth Love of Marina* by V. Sorokin). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (10). <https://doi.org/10.30853/phil20240496> EDN: <https://elibrary.ru/BEBWLW>
7. Isakova, O. S. (2003). The body of the text: Notes on Vladimir Sorokin's prose. In *Vita Cogitans* (Vol. 3, pp. 156–165). Saint Petersburg.
8. Lipovetsky, M. (2013). Sorokin-trope: Carnalization. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, (2), 225–242. EDN: <https://elibrary.ru/ROXQSB>
9. Marusenkov, M. P. (2008). The early work of V. G. Sorokin in the context of his mature artistic pursuits. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (1), 42–50. EDN: <https://elibrary.ru/KVUXJL>
10. Merkushov, S. F. (2019). Absurdist destruction of the Soviet discourse in V. G. Sorokin's early prose. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, (9). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.9.9> EDN: <https://elibrary.ru/VJHTOW>
11. Polovinkina, O. S. (2023). Specificity of conflictogens in artistic discourse (based on V. Sorokin's novel *Telluria*). *Communicology*, 11(4), 82–99. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-82-99> EDN: <https://elibrary.ru/ECDHBB>
12. Sankova, A. A., & Fokin, A. A. (2022). Destruction as a key principle in organizing Vladimir Sorokin's artistic world. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*, (2). <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2022-2-22-209-223> EDN: <https://elibrary.ru/MTGWDF>
13. Silantiev, A. I. (2025). Deconstruction of classicism in Vladimir Sorokin's novels. *Critique and Semiotics*, (1), 367–387. <https://doi.org/10.25205/2307-1753-2025-1-367-387> EDN: <https://elibrary.ru/DKXGMS>
14. Suvorov, A. A. (2017). "Anti-literature" by Vladimir Sorokin: The reader as an object of trolling. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 17(2), 209–215. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2017-17-2-209-215> EDN: <https://elibrary.ru/YQQVAR>

15. Uffelman, D. (2018). *"The ice is breaking": Intersecting periods in Vladimir Sorokin's work (from the materialization of metaphors to fantastic substantialism)* (A. D. Stepanov, Trans.).
16. Shcherbenok, A. V. (2012). Sorokin, trauma, and Russian history. *Vestnik of Perm University*, (1), 210–214. EDN: <https://elibrary.ru/OWNCJT>
17. Foucault, M. (2006). *Discourse and truth* (A. M. Korbut, Trans.). Minsk: Propilei.
18. Sorokin, V. (2007, February 2). Russia is slipping back into an authoritarian empire. *Der Spiegel online*. Hamburg. <https://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-author-vladimir-sorokin-russia-is-slipping-back-into-an-authoritarian-empire-a-463860.html>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Черемина Екатерина Аркадиевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии
ул. Савушкина, 6/2, г. Астрахань, 414056, Российская Федерация
monokeros@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina A. Cheremina, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of General Humanities and Socio-Economic Disciplines
Astrakhan Branch of the Saratov State Law Academy
6/2, Savushkina Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
monokeros@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7318-403X>

Поступила 10.03.2026

После рецензирования 11.05.2026

Принята 19.05.2026

Received 10.03.2026

Revised 11.05.2026

Accepted 19.05.2026

Русский язык и языковое разнообразие народов России / Russian Language and Linguistic Diversity of Peoples of Russia

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-548](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-548)

EDN: [MSXMZL](#)

УДК 811.512.211+81'373

Многозначность производных прилагательных в эвенском языке

С.Н. Саввинова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов
Севера СО РАН, Якутск, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Работа посвящена исследованию полисемии имен прилагательных в эвенском языке. Актуальность темы обусловлена необходимостью описания и изучения исчезающего языка в целом, и в частности, отсутствием лингвистических работ по полисемии в эвенском языкознании.

Цель. Целью исследования является лингвистическое описание многозначных имен прилагательных эвенского языка. Для достижения цели работы предполагается решение следующих задач: выявление многозначных имен прилагательных, систематизация, анализ и обобщение результатов.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. Словарь, в который вошли более 14 000 слов, на сегодняшний день является единственным наиболее полным сборником лексики современного эвенского литературного и разговорного языка. Объектом исследования являются многозначные имена прилагательные эвенского языка. При изучении частеречных полисемантов использованы лингвистические методы: описательный, который располагает рядом приемов лингвистического наблюдения, систематизации и классификации, сопоставительный и статистический методы исследования.

Результаты. В работе выявлены многозначные имена прилагательные, зафиксированные в «Эвенско-русском словаре». Многозначные производные прилагательные рассмотрены в разных аспектах. Исследование производящей части с точки зрения частеречной принадлежности показал, что в эвенском языке основой для производных имен прилагательных служат глаголы, имена существительные, прилагательные, наречия. При классификации по способу развития полисемии нами рассмотрены такие типы, как развитая полисемия, отраженная полисемия и наращенная полисемия.

Ключевые слова: эвенский язык; полисемия; имя прилагательное; типы полисемии; частеречная принадлежность

Для цитирования. Саввинова, С. Н. (2026). Многозначность производных прилагательных в эвенском языке. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 171–180. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-548>

Polysemy of derivative adjectives in the Even language

S.N. Savvinova

*Institute for Humanities Research and Problems of the Small Peoples of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation*

Abstract

Background. This paper examines the polysemy of adjectives in the Even language. The relevance of this topic stems from the need to describe and study this endangered language in general, and in particular, the lack of linguistic studies on polysemy in Even linguistics.

Purpose. The aim of this paper is to provide a linguistic description of polysemantic adjectives in the Even language. To achieve this goal, the following tasks are proposed: identifying polysemantic adjectives, systematizing, analyzing, and summarizing the results

Materials and methods. The Even-Russian Dictionary by V.A. Robbek and M.E. Robbek served as the research material. This dictionary, which contains over 14,000 words, is currently the single most comprehensive collection of vocabulary in the modern Even literary and colloquial language. The object of this study is the polysemantic adjectives of the Even language. Linguistic methods were used to study part-of-speech polysemantics: descriptive, which utilizes a number of techniques of linguistic observation, systematization, and classification, as well as comparative and statistical research methods.

Results. The study identified polysemantic adjectives recorded in the Even-Russian Dictionary. Polysemantic derivative adjectives are examined from various perspectives. An examination of the derivational part from the perspective of part-of-speech affiliation revealed that in the Even language, the basis for derivative adjectives is verbs, nouns, adjectives, and adverbs. When classifying polysemy by the method of development, we considered such types as developed polysemy, reflected polysemy and increased polysemy.

Keywords: Even language; polysemy; adjective; types of polysemy; part-of-speech affiliation

For citation. Savvinova, S. N. (2026). Polysemy of derivative adjectives in the Even language. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 171–180. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-548>

Введение

Эвенский язык относится к исчезающим языкам. Актуальность исследования обусловлена тем, что в связи с угрозой исчезновения ставится задача фиксации, документации и описания эвенского языка. Исходя из сказанного, ставится цель дать лингвистическое описание многозначных имен прилагательных в эвенском языке. Имя прилагательное как часть речи было предметом исследования в эвеноведении при описании говоров эвенского языка: В.И. Цинциус [9], В.А. Роббека [7], В.Д. Лебедева [5], Х.И. Дуткина [2], Р.П. Кузьминой [4], С.И. Шариной и А.А. Бурькина [1]. Однако, категория многозначности имен прилагательных не была предметом отдельного углубленного исследования.

Исследование полисемии эвенского языка может внести вклад в лексикологию и использован в лексикографической практике.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужил «Эвенско-русский словарь» В.А. Роббека, М.Е. Роббек. Словарь содержит более 14 000 слов современного эвенского литературного и разговорного языка. Объектом исследования являются многозначные имена прилагательные.

При изучении частеречных полисемантов использованы лингвистические методы: описательный, который располагает рядом приемов лингвистического наблюдения, систематизации и классификации, сопоставительный и статистический методы исследования.

Результаты и обсуждение

В эвенском языке существует небольшое количество многозначных имен прилагательных. Как часть речи имя прилагательное в эвенском языке характеризуется своей особой семантикой, морфологическими формами и синтаксическими функциями. Семантически прилагательные характеризуют качества, свойства или признаки, присущие предмету [7, с. 545]. Между тем имя прилагательное «отличается от имени существительного только тем, что не имеет форм назначи-

тельного падежа при склонении словосочетания «прилагательное + существительное» и форм принадлежности» [1, с. 233]. В.И. Цинциус указывает: «Доминирующим показателем при выделении прилагательных качественных непроизводных в особую часть речи (т.е. в имя прилагательное) является их синтаксическая их функция». Синтаксическая сторона тесно связана с семантико-морфологическими моментами для определения части речи [9, с. 98].

В эвенском языкознании полисемия имен прилагательных и ее источники не были предметом специального исследования. Для анализа используются многозначные имена прилагательные из «Эвенско-русского словаря» [8].

При исследовании многозначности прилагательного производные слова рассматриваются лингвистами в разных аспектах [6, с. 47]: по частеречной принадлежности производящего слова. В эвенском языке «прилагательные обозначают признак предмета либо своим лексическим значением, либо указывая на отношение предметов друг к другу, соответственно выделяются два разряда прилагательных: качественные и относительные» [7, с. 546]. В эвенском языке основой для производных качественных имен прилагательных служат глаголы. Так как эвенский язык относится к агглютинативным языкам, то основным способом образования имен прилагательных является суффиксальный. Подборка многозначных имен прилагательных из «Эвенско-русского словаря» показывает, что 45 % мотивированных имен прилагательных составляют отглагольные образования. Продуктивными словообразующими суффиксами среди них являются: –ня/не, которые охарактеризованы В.И. Цинциус [9] как суффиксы прилагательных, обозначающих цвет, а также внешнюю форму предмета:

буркуня 1.1) седой; 2) серый, светлый (о масти) от глагола *буркудай* II «сесть»;

нэбдэне 1) широкий, просторный (о платье); 2) распутившийся, раскрывшийся от глагола *нэбдэлдэй* II «развернуть, раскрыть»;

хиграня, хиграняи 1) молчаливый, спокойный, тихий; 2) уравновешенный от глагола *хиграндай* «успокоиться, замолчать, перестать плакать»;

чиндэне 1) пушистый, густой (о мехе, шерсти, волосах); 2) растрепанный (о шерсти, волосах), косматый, лохматый от глагола *чиндэлдэй* «растрепать волосы, шерсть».

Также употребляются продуктивные суффиксы –ды/ -ты, -ди/-ти, несущие наиболее предметное отношение по основным, типичным для предмета действиям: авдатты 1) заботливый, хлопотливый; 2) внимательный от глагола *авдаттай* «1) заботиться, беспокоиться, думать о ком-либо, наблюдать, следить, нянчиться, хлопотать, ухаживать; 2) обращать внимание»;

ирэмкэтты 2.1) успокоительный, утешительный; 2) лстивый от глагола *ирэмкэндэй* «1) уговорить; 2 заманить»; эетты 1) надеющийся; 2) завистливый от глагола *эеттэй* «1) надеяться, полагаться; 2) завидовать».

В процессе словообразования участвует суффикс -к прилагательных., обозначающих внутренние отрицательные качества по действию: бутэк 1) болезненный; 2) тяжелобольной от глагола *бутэндэй* «болеть»; төрэмэк 1) болтливый; 2) разговорчивый, любитель от глагола *төрэмэттэй* «говорить».

Реже употребляется суффикс –вн прилагательных, обозначающих качество по действию: хэрдэвн 1) уважаемый, почтенный; 2) важный от глагола *хэрлэвдэй* «уважать, чтить».

13% производных многозначных прилагательных составляют прилагательные, образованные от имен существительных. Самые продуктивные словообразовательные суффиксы среди них суффикс -лкан/-лкэн со значением обладания:

игэлкэн 1) звучный, звонкий; 2) известный от существительного *иг* «звук»; итэлкэн 1) зубастый; 2) зубчатый от *ит* «зуб».

Реже участвует в словообразовании многозначных прилагательных суффикс –пчи/-пчун, выражающий обладание большим количеством предметов: эрипчи 1.1) дорогой, ценный; 2) драгоценный от *эри* 1) цена, стоимость; 2) драгоценность.

Многозначные относительные прилагательные образуются также от наречных основ (5%) при помощи суффикса –лкан/-лкэн, выражающих значение обладания: надалкан 1) нужный, необходимый,

следуемый, полагающийся, должный, требующийся; 2) ценный, важный, полезный от наречия *нада* «нужно, необходимо».

От наречий при помощи суффиксов -р, -п, -рап- образуются прилагательные с значением передачи признака по времени: чага-рап 1) прошлый, позапрошлый; 2) позавчерашний (третьего дня); 3) позапрошлогодний от наречия *чаг* «1) дальний, находящийся за чем-либо; 2) позавчера; 3) послезавтра».

Выявлено небольшое количество (4%) отадъективных многозначных имен прилагательных, образованных при помощи суффиксов:

1. -ня/-не: гудеине 1) милый, славный; 2) ласковый, нежный от прилаг. *гудей* «1) милый (о ребенке) 2) жалкий, бедный»;

2. -лкан/-лкэн: айдиталкан 1) истинный, подлинный, действительный; 2) правильный; 3) искренний; 3) правдивый образовано от прилагательного *айдит* I «1) истинный, подлинный, действительный; 2) точный, правильный».

Многозначность производных слов прилагательного рассматривается исследователями в аспекте развития полисемии [6] производящего слова.

В языкознании проблеме полисемии посвящено достаточное количество исследований. К ним относятся труды Д.Н. Шмелева [11], И.А. Ширшова [10], О.П. Ермаковой [3] и др. В данной статье анализ способов развития полисемии производных прилагательных в эвенском языке актуален, так как «лексическое значение производных слов имеет право на отдельное самостоятельное изучение, потому что принципиально отличается от значения непроеводных слов своим опосредованным, мотивированным характером» [3, с. 5]. И.А. Ширшов [10, с. 56] предлагает 5 основных типов полисемии производного слова. Применительно к многозначным именам прилагательным эвенского языка мы наблюдаем следующие типы полисемии:

1. Развитая полисемия. Развитая полисемия предполагает наличие главного и производных значений. От главного (прямое) значения развиваются вторичные. Многозначное прилагательное *итэлкэн* представляет развитую полисемию, которое, согласно «Эвенско-русскому словарю», во-первых, отражает значение *ит* «зуб», развившее-

ся при помощи суффикса –лкэн «зубастый», и, во-вторых, развивает второе значение – «зубчатый» предмет с зубцами, зубьями.

Средством развития полисемии в данном типе выступает перенос: 1. метафора. Например: Дыҥаку 1) крепкий, плотный, упругий; 2) перен. упрямый (о человеке) от сущ. *дыҥа* «человек с тяжелым характером». Дёлбэр 1) мягкий (о шерсти, о характере); 2) перен. нежный от прилаг. *дөй* «мягкий».

2. Метонимия. Сравним: *хадай* «знать, узнавать, понимать, уметь; *хавай* 1.1) знающий, умелый; 2) грамотный от глагола».

Как видно из приведенных примеров, несмотря на разницу, все значения сохраняют смысловую связь, так как являются значениями одного слова, и только в контексте можно понять, о каком смысле именно идет речь.

При отраженной полисемии в эвенском языке прилагательное отражает семантическую структуру производного слова, приобретая при этом несколько значений: Булус 1) тоскливый, грустный, скучный; 2) пласивый от им.сущ. *булун* 1) тоска, грусть, скука; 2) жалость.

Анализ полисемантических имен с типом отраженной полисемии показывает, что данный тип полисемии характерен для адъективных и отыменных прилагательных. Например,

Эрипчи 1.1) дорогой, ценный; 2) драгоценный от существительного *эри* 1) цена, стоимость; 2) драгоценный;

Игэлкэн 1) звучный, звонкий; 2) известный от существительного *иг* звук.

Айдиталкан 1) отраженное значение: истинный, подлинный, действительный; 2) отраженное значение: правильный; 3) искренний от прилагательного *айдит* 1) истинный подлинный действительный; 2) точный правильный; гудеине 1) милый, славный; 2) ласковый, нежный от прилаг. *гудей* 1) милый (о ребенке); 2) жалкий, бедный и т.д.

Как видно, прилагательные в эвенском языке отражают семантическую структуру производящего слова и приобретают несколько значений. Многозначность производного слова переносится на прилагательное. Можно констатировать, что перенос значений происходит через метафору или метонимию.

При образовании многозначного прилагательного происходит наращение смысла и при этом кроме прямого значения появляется переносное значение: метафорическое или оценочное: Эюмкун 1.1) легкий; 2)дешевый от прилагательного *эюм* легкий, проворный, ловкий; Нянакун 1) тихий, медлительный, неторопливый; 2) спокойный, смирный от прилаг. *няна* 1)спокойный, мягкий, плавный, тихий, медленный; 2)неповоротливый, нерасторопный, неловкий, медлительный.

Заключение

Выявлены многозначные мотивированные прилагательные, зафиксированные в «Эвенско-русском словаре». Многозначные производные прилагательные рассмотрены в разных аспектах. Исследование производящей части с точки зрения частеречной принадлежности показал, что в эвенском языке основой 45 % мотивированных имен прилагательных составляют отглагольные образования. Продуктивными словообразующими суффиксами среди них являются: –ня/-не, –ды/ –ты, –ди/-ти, –к, –вңи.

От имен существительных образованы 13% производных многозначных прилагательных при помощи словообразовательных суффиксов –лкан/-лкэн ; –пчи/-пчун и т.д.

От наречных основ (5%) образуются многозначные относительные прилагательные при помощи суффиксов –лкан/-лкэн; –р, –п, –рап и т.д.

Отадьктивные многозначные имен прилагательные (4%) образованы при помощи суффиксов: –ня/-не; –лкан/-лкэн.

При классификации по способу развития полисемии нами рассмотрены такие типы, как развитая полисемия, отраженная полисемия и наращенная полисемия. При типе развитой полисемии средством развития полисемии выступает перенос (метафора, метонимия). При отраженной полисемии в эвенском языке прилагательное отражает семантическую структуру производного слова, приобретая при этом несколько значений. Анализ полисемантических имен с типом отраженной полисемии показы-

вает, что данный тип полисемии характерен для адъективных и отыменных прилагательных эвенского языка. При наращенной полисемии происходит наращение смысла и при этом кроме прямого значения появляется переносное значение: метафорическое или оценочное.

Информация о спонсорстве. Исследование осуществлено в рамках государственного задания № 075-00619-26-00 (проект НИР № FWRS-2024-0070)

Список литературы

1. Бурькин, А. А., & Шарина, С. И. (2021). *Эвенский язык. Фонетика. Графика и орфография. Морфология*. Новосибирск: Наука. 402 с.
2. Дуткин, Х. И. (1995). *Аллайховский говор эвенов Якутии*. СПб.: Наука. 142 с. EDN: <https://elibrary.ru/YZBZGN>
3. Ермакова, О. П. (1978). *Проблемы лексической семантики производных и членимых слов* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук]. М. С. 5.
4. Кузьмина, Р. П. (2010). *Язык ламунхинских эвенов*. Новосибирск: Наука. 112 с.
5. Лебедев, В. Д. (1978). *Язык эвенов Якутии*. Л.: Наука. 206 с.
6. Полякова, И. М. (2008). О многозначности мотивированных прилагательных. *Известия ЛГПУ. Гуманитарные науки*, 9(13), 47–49.
7. Роббек, В. А. (2007). *Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте*. Новосибирск: Наука. 726 с. ISBN: 5-02-029856-5. EDN: <https://elibrary.ru/PUJOYR>
8. Роббек, В. А., & Роббек, М. Е. (2005). *Эвенско-русский словарь*. Новосибирск: Наука. 353 с.
9. Цинциус, В. И. (1947). *Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка* (Ч. 1). Л.: Учпедгиз. 269 с.
10. Ширшов, И. А. (1996). Типы полисемии в производном слове. *Филологические науки*, 1, 55–56.
11. Шмелев, Д. Н. (1977). *Современный русский язык. Лексика*. М. 335 с.

References

1. Burykin, A. A., & Sharina, S. I. (2021). *Even language: Phonetics, graphics and orthography, morphology*. Novosibirsk: Nauka. 402 p.
2. Dutkin, Kh. I. (1995). *The Allaikhovsky dialect of the Evens of Yakutia*. St. Petersburg: Nauka. 142 p. EDN: <https://elibrary.ru/YZBZGN>

3. Ermakova, O. P. (1978). *Problems of lexical semantics of derived and segmentable words* [Doctoral dissertation abstract]. Moscow. p. 5.
4. Kuzmina, R. P. (2010). *The language of the Lamunkhin Evens*. Novosibirsk: Nauka. 112 p.
5. Lebedev, V. D. (1978). *The language of the Evens of Yakutia*. Leningrad: Nauka. 206 p.
6. Polyakova, I. M. (2008). On the polysemy of motivated adjectives. *Izvestiya of LSPU. Humanitarian Sciences*, 9(13), 47–49.
7. Robbek, V. A. (2007). *Grammatical categories of the Even verb in a functional-semantic aspect*. Novosibirsk: Nauka. 726 p. ISBN: 5-02-029856-5. EDN: <https://elibrary.ru/PUJOYR>
8. Robbek, V. A., & Robbek, M. E. (2005). *Even-Russian dictionary*. Novosibirsk: Nauka. 353 p.
9. Tsintsius, V. I. (1947). *An outline of the grammar of the Even (Lamut) language* (Part 1). Leningrad: Uchpedgiz. 269 p.
10. Shirshov, I. A. (1996). Types of polysemy in a derived word. *Philological Sciences*, 1, 55–56.
11. Shmelev, D. N. (1977). *Modern Russian language: Lexis*. Moscow. 335 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Савиннова Степанида Николаевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела северной филологии
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
ул. Петровского, 1, г. Якутск, 677027, Российская Федерация
stepanidasavvinova@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Stepanida N. Savvinova, Ph.D. in Philology, Research Fellow, Department of Northern Philology
Institute for Humanities Research and Problems of the Small Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
1, Petrovsky Str., Yakutsk, 677027, Russian Federation
stepanidasavvinova@mail.ru
SPIN-code: 3565-4123
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9026-1196>

Поступила 07.04.2026

После рецензирования 02.05.2026

Принята 10.05.2026

Received 07.04.2026

Revised 02.05.2026

Accepted 10.05.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-556](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-556)

EDN: [OMDLHQ](#)

УДК 81

Герой кинотекста: лингвокультурный аспект

Е.В. Середина, Е.Ф. Кудряшова, Е.В. Кузнецова

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Образ героя в кинотексте является не только элементом сюжета, но и культурной моделью, через которую фиксируются нормы поведения, представления о долге, коллективной солидарности и допустимых формах эмоционального самовыражения. Особенно показательным материалом выступает военное кино, где героическое раскрывается в условиях риска, профессиональной ответственности и постоянного выбора между личным чувством и коллективной задачей.

Цель. Выявить лингвокультурные механизмы конструирования образа героя в фильме Л. Быкова «В бой идут одни «старики»» как репрезентативном примере советского военного кинодискурса.

Материалы и методы. Материалом послужил кинотекст фильма, рассмотренный как поликодовое единство вербальных, визуальных, интонационных и музыкальных средств. Анализируются формы обращения, позывные и прозвища, командные и наставнические реплики, юмористические ходы, ритуалы «поющей эскадрильи» и песенные эпизоды. Используются лингвокультурологическая интерпретация, дискурсивно-прагматический анализ, элементы стилистического описания речевого портрета и поликодовый анализ.

Результаты. Установлено, что герой фильма конструируется не через декларативный пафос, а через профессиональную норму, ответственность за других и этику сохранения человеческого в экстремальной ситуации. «Язык дела» соединяет краткость, точность и дисциплинарную нормативность, а речевые стратегии наставничества и поддержки формируют модель лидерства как заботы. Позывные и прозвища функционируют как знаки групповой принадлежности и ценностной типизации. Песня выступает кодом культурной памяти и средством эмоциональной синхронизации коллектива. В итоге образ героя предстает как лингвокультурная

конструкция, где слово, интонация, музыка и визуальная организация сцены совместно закрепляют гуманистическое понимание героического.

Ключевые слова: образ героя; кинотекст; лингвокультурология; кинодискурс; речевой портрет; позывные; культурная память; поликодовый анализ

Для цитирования. Середина, Е. В., Кудряшова, Е. Ф., & Кузнецова, Е. В. (2026). Герой кинотекста: лингвокультурный аспект. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 181–195. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-556>

The film hero: a linguocultural aspect

E.V. Seredina, E.F. Kudryashova, E.V. Kuznetsova
Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Abstract

Background. The hero in a film text is not merely a plot element but a cultural model through which behavioural norms, ideas of duty, collective solidarity and socially accepted forms of emotional self-expression are articulated. War cinema is particularly relevant in this respect, since heroism is represented under conditions of risk, professional responsibility and the constant tension between personal feeling and collective duty.

Purpose. The article aims to identify the linguocultural mechanisms that construct the heroic figure in Leonid Bykov's film *Only "Old Men" Are Going to Battle* as a representative example of Soviet war film discourse.

Materials and methods. The material is the film text considered as a multimodal unity of verbal, visual, intonational and musical resources. The analysis focuses on forms of address, call signs and nicknames, directive and mentoring utterances, humorous exchanges, the rituals of the "singing squadron" and song episodes. The methodology combines linguocultural interpretation, discourse-pragmatic analysis, stylistic description of character speech and multimodal analysis.

Results. The study shows that the film hero is constructed not through declarative pathos but through professional normativity, responsibility for others and an ethics of preserving humanity in an extreme situation. The "language of action" combines brevity, precision and disciplinary normativity, whereas mentoring and supportive speech strategies represent leadership as care. Call signs and nicknames function as markers of group belonging and value-based typification. Songs operate as a code of cultural memory and a means of emotional synchronisation. Thus, the heroic figure appears as a linguocultural construction in which speech, intonation, music and visual organisation jointly reinforce a humanistic understanding of heroism.

Keywords: hero image; film text; linguoculturology; film discourse; speech portrait; call signs; cultural memory; multimodal analysis

For citation. Seredina, E. V., Kudryashova, E. F., & Kuznetsova, E. V. (2026). The film hero: a linguocultural aspect. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 181–195. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-556>

Введение

Проблема героя относится к числу устойчивых вопросов гуманитарного знания, поскольку в образе героя культура формулирует представление о желательном поведении, допустимом способе самоутверждения и границах личной ответственности. В литературе, театре и кино герой действует не только как участник фабулы, но и как носитель ценностного сценария. Через него культура показывает, какие формы смелости, верности, профессионального мастерства и отношения к другому человеку признаются значимыми. В этом смысле анализ героя не может ограничиваться характеристикой сюжета или психологическим описанием персонажа: необходима реконструкция языковых и семиотических механизмов, с помощью которых создается культурно узнаваемый тип.

Кинотекст представляет особый интерес для лингвокультурологического анализа, потому что смысл в нем возникает на пересечении нескольких кодов: словесного, визуального, интонационного, музыкального, монтажного. Реплика персонажа получает значение не сама по себе, а в конкретной сценической ситуации: в окружении жеста, паузы, взгляда, темпа монтажного перехода, звукового фона и предшествующих эпизодов. Поэтому герой кинотекста является поликодовой конструкцией. Его речевой портрет, система обращений, выбор номинаций, характер команд, способы шутки и эмоциональной поддержки необходимо рассматривать вместе с экранной организацией материала [1; 2; 6; 9; 10; 12].

Военное кино особенно продуктивно для такой постановки вопроса. В нем героическое традиционно связано с категорией подвига, однако экранное воплощение подвига может быть различным. В одних случаях герой конструируется через торжественную декларацию, прямую оценку и подчеркнутую исключительность. В дру-

гих случаях героическое проявляется как профессиональная норма, повседневная дисциплина, забота о товарищах и способность сохранять человеческое достоинство в условиях предельного риска. Именно второй тип репрезентации важен для фильма Л. Быкова «В бой идут одни “старики”» (1973), где героическое не отделено от быта эскадрильи, юмора, музыки, дружеских прозвищ и наставнической коммуникации [3].

Актуальность темы определяется тем, что образ героя в кинотексте остается значимым объектом для современной лингвокультурологии и дискурс-анализа. Исследование позволяет уточнить, каким образом ценностные смыслы формируются не только тематически, но и коммуникативно: через формы обращения, речевые роли, прагматику приказа, жанровую организацию реплик, символику позывных, а также через взаимодействие слова и музыки. Новизна исследования состоит в том, что герой фильма «В бой идут одни “старики”» рассматривается не только как сюжетный персонаж советского военного кино, но как лингвокультурный тип, созданный системой повторяемых речевых и поликодовых средств.

Цель исследования – выявить лингвокультурные механизмы конструирования образа героя в кинотексте фильма «В бой идут одни “старики”». Для достижения цели решаются следующие задачи: определить теоретические основания анализа героя как культурной модели; описать материал и процедуру анализа; рассмотреть «язык дела» как средство репрезентации профессионального героизма; выявить функции наставничества, поддержки, юмора, позывных и песенных эпизодов; показать, как вербальные и невербальные средства совместно формируют гуманистическое понимание героического.

Материалы и методы

Материалом статьи является кинотекст фильма Л. Быкова «В бой идут одни “старики”» (1973), рассматриваемый как целостное семиотическое образование. В фокус анализа включены не только диалоги, но и устойчивые коммуникативные ситуации: прибытие молодых летчиков в эскадрилью, распределение ролей внутри

группы, обучение новичков, командное взаимодействие, эпизоды фронтового юмора, музыкальные сцены и ритуалы «поющей эскадрильи». Такой выбор материала обусловлен тем, что образ героя в данном фильме формируется не изолированной характеристикой одного персонажа, а системой групповых взаимодействий.

Кинотекст понимается как поликодовое единство, где вербальный ряд взаимодействует с изображением, интонацией, музыкой, монтажом и актерской пластикой. Этот подход опирается на представление о креолизованном тексте и мультимодальном дискурсе, в котором разные знаковые системы образуют общий смысловой комплекс [1; 2; 6; 9; 19; 20]. Для анализа героя это особенно важно: одна и та же реплика может выполнять разные функции в зависимости от ситуации произнесения, интонации, адресата и визуального контекста.

Элементы стилистического анализа применялись при описании речевого портрета героев. Учитывались краткость или развернутость высказывания, разговорность, ирония, метафоричность, использование профессиональной лексики, повторяемые формулы и способы оценки. Особое внимание уделялось тому, как речевой стиль персонажа соотносится с его функцией в группе: командир, новичок, опытный летчик, товарищ, участник песенного ритуала.

Процедура анализа включала несколько этапов. Сначала были выделены ключевые сцены, в которых образ героя раскрывается через коммуникацию. Затем речевые средства были сгруппированы по функциям: профессионально-регулятивной, наставнической, номинативно-идентификационной, эмоционально-регулятивной и культурно-мемориальной. После этого вербальные наблюдения соотносились с визуальными и музыкальными компонентами сцены. Такой дизайн позволяет избежать простого пересказа фильма и сосредоточиться на механизмах создания лингвокультурного смысла.

Результаты и обсуждение

Герой как лингвокультурная модель

В лингвокультурной перспективе герой является не только индивидуальным персонажем, но и моделью, через которую культура за-

крепляет систему ценностей. В фильме Л. Быкова такая модель строится не на прямом идеологическом тезисе, а на повторяемых формах поведения и общения. Зрителю предлагается не отвлеченная формула героизма, а узнаваемый тип человека, который умеет действовать профессионально, не разрушая при этом человеческую связь с другими.

Героическое в фильме не отделено от повседневности. Летчики шутят, спорят, поют, заботятся друг о друге, ошибаются, взрослеют и переживают потери. Эта повседневная основа снижает декларативность образа и одновременно усиливает его культурную убедительность.

Профессиональная норма или так называемый «Язык дела»

Геройский жанр кино напрямую связан с проявлением профессионализма. Взаимоотношения внутри группы отличаются строгостью и лаконичностью. Это обусловлено оперативностью и нехваткой времени. В лингвокультурном контексте такая манера речи закрепляет ценность мастерства как морально значимого качества, поскольку точность слова связана с безопасностью товарищей и успехом общего дела.

Оценочные смыслы чаще выражаются имплицитно: одобрение коррелирует с собранностью и самоконтролем, неодобрение – с импульсивностью и нарушением дисциплинарных требований. Моральная оценка нередко «переводится» в деловые критерии надёжности и готовности, формируя героическое как норму профессионального поведения.

Коммуникативная этика лидерства и наставничества

Речевой портрет лидера соединяет директивность и наставничество. Директивные высказывания организуются как функциональные команды и запреты, однако межличностное общение включает разъясняющие и поддерживающие формулы. Это закрепляет культурную норму уважительной дисциплины, в которой власть представлена как ответственность.

В наставнических эпизодах героическое проявляется через этику заботы о младших: адресная поддержка, корректная критика, объяснение причин требований. Герой-лидер конструируется как хранитель группы, сочетающий жёсткость по делу и уважение к адресату.

Обобщенные вербальные маркеры героического представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Вербальные маркеры героического и их лингвокультурные функции

Table 1. Verbal markers of heroism and their sociolinguistic functions

Уровень	Маркер	Коммуникативная функция	Культурный смысл
Номинативный	позывные; прозвища	идентификация; включение в группу	код «своего круга»; ценностная типизация
Прагматический	краткие директивы; запреты	координация; контроль риска	дисциплина; ответственность
Интеракционный	наставничество; поддержка	обучение; сохранение мотивации	забота; уважительная дисциплина
Эмоционально-регулятивный	юмор; ирония	разрядка; поддержание контакта	сохранение человеческого
Культурно-ритуальный	песенные эпизоды	единение; синхронизация эмоций	память; солидарность

Источники: составлено автором по материалам анализа кинотекста [3] и теоретическим положениям о кинодискурсе [10; 14].

Sources: Compiled by the author based on an analysis of the film text [3] and theoretical principles regarding cinematic discourse [10; 14].

Позывные, прозвища и номинация героя

Номинация является одним из центральных лингвокультурных механизмов фильма. Имя, прозвище и позывной не только называют персонажа, но и помещают его в систему отношений. Они показывают степень близости, статус в группе, профессиональную репутацию и эмоциональную окраску восприятия. В условиях фронтового коллектива такая номинация становится компактным кодом принадлежности.

Позывной «Маэстро» особенно показателен. Он соединяет военную и художественную сферы: летчик оказывается не только профессионалом боя, но и человеком культуры, связанным с музыкой, памятью, эмоциональной тонкостью. В этом позывном герой получает двойную идентичность. Он владеет техникой боя, но не сводится к военной функции. Через него фильм утверждает мысль о том, что подлинное героическое сохраняет связь с мирной культурой.

Прозвища в фильме выполняют функцию группового признака. Они могут быть ироничными, но не обязательно уничижительными. Внутри коллектива прозвище часто становится знаком принятия: человек получает место в общей системе, его начинают узнавать не только по официальному статусу, но и по индивидуальному признаку. Тем самым номинация превращается в способ культурной типизации.

Юмор: Скрепляющая сила и опора в трудные времена

Юмор и непринужденная речь помогают снять напряжение и поддерживать связь между людьми, что предотвращает разрозненность и сохраняет единство группы. Комические моменты создают атмосферу, схожую с той, что царит на передовой, где взаимная поддержка является неотъемлемой частью профессиональной жизни. С точки зрения языка и культуры, юмор служит способом «очеловечить» героические поступки. Именно поэтому он придает кинопроизведениям более гуманистический оттенок. Персонаж сохраняет способность шутить не из-за непонимания серьезности войны, а потому, что не позволяет ей полностью подавить в себе человечность и естественные формы общения.

Песни и музыка: Хранители культурных воспоминаний

Музыкальные номера в фильме формируют отдельный культурный пласт. «Поющая эскадрилья» – это не просто декоративный элемент, а способ формирования общего самосознания. Совместное пение объединяет эмоции, задает общий темп и связывает пережитое на фронте с культурными воспоминаниями о прошлом и будущем. Музыка создает особую атмосферу, где военная роль героев временно переплетается с их личными качествами.

Песни в кино выполняют несколько важных задач. Во-первых, они подчеркивают сплоченность коллектива. Во-вторых, они помогают плавно переходить от напряженных моментов к более спокойным. В-третьих, они позволяют выражать чувства опосредованно, не нарушая при этом сдержанности, характерной для общения на фронте. В-четвертых, она создает связь с памятью: индивидуальная судьба персонажа включается в более широкий культурный горизонт.

Поликодовый эффект песенных эпизодов заключается в том, что слово, мелодия, взгляд, пауза и монтажный ритм работают совместно. Вербальный текст песни может быть простым, но в конкретной сцене он получает дополнительный смысл благодаря ситуации исполнения. Поэтому музыка не иллюстрирует готовую эмоцию, а участвует в создании образа героя как человека, сохраняющего внутреннюю связь с мирной жизнью [2; 9; 12; 20].

Поликодовая организация героического образа

Поликодовый анализ показывает, что герой кинотекста не может быть описан только через реплики. Например, директивная фраза может восприниматься как жесткая, заботливая или ироничная в зависимости от интонации, мизансцены и последующего действия. Визуальная организация сцены помогает распределить роли: кто находится в центре кадра, кто слушает, кто принимает решение, кто остается на периферии. Музыка и пауза задают эмоциональную глубину эпизода.

В фильме постоянно взаимодействуют два плана: профессионально-военный и человечески-культурный. Первый выражается через команды, форму, боевую ситуацию, дисциплину и техническую точность. Второй – через песню, юмор, дружеские обращения, память о доме, заботу и неофициальные ритуалы. Герой возникает на пересечении этих планов. Если убрать один из них, образ станет неполным: без профессионального плана исчезнет ответственность, без человеческого плана – гуманистический смысл.

Именно поликодовость позволяет фильму избежать прямолинейности. Ценности не только называются, но и показываются через соотношение речевого и неречевого. Когда персонажи поют, молчат, смотрят друг на друга или меняют тон обращения, кинотекст создает смысл, который не сводится к словесной формулировке. Лингвокультурный анализ фиксирует эти связи и показывает, как героическое становится результатом сложной семиотической работы.

Соотношение вербальных и невербальных средств обобщено в таблице 2.

Таблица 2.

Поликодовые средства и их вклад в конструирование героя**Table 2.** Polycode Elements and Their Contribution to Character Development

Канал	Средства	Эффект	Лингвокультурный результат
Вербальный	директивы; наставничество; обращения	регуляция; обучение; поддержка	норма ответственности и уважения
Интонационный	пауза; акцентирование; темп	смягчение или усиление смысла	этика дисциплины
Музыкальный	песня; коллективное исполнение	единение; синхронизация эмоций	код памяти и солидарности
Визуальный	ритуалы группы; монтажные повторы	подтверждение общего «мы»	укрепление идентичности

Источники: составлено автором на основе поликодового анализа фильма [3] и работ по мультимодальному анализу [2; 6; 9; 12; 20].

Sources: Compiled by the author based on a polycode analysis of the film [3] and studies on multimodal analysis [2; 6; 9; 12; 20].

Обобщение результатов анализа

Проведенный анализ позволяет выделить несколько устойчивых компонентов лингвокультурной модели героя. Первый компонент – профессиональная норма, выраженная через краткую и точную коммуникацию. Второй – коммуникативная этика, соединяющая директивность с заботой. Третий – групповая идентичность, закреплённая в прозвищах, позывных и формах обращения. Четвёртый – эмоциональная устойчивость, поддерживаемая юмором. Пятый – культурная память, представленная песней и музыкальными ритуалами.

Эти компоненты не существуют изолированно. Они образуют единую модель, в которой героическое предстает как зрелость, ответственность и способность сохранять человеческую связь. Фильм показывает, что герой не обязательно говорит о героизме. Он действует, обращается к другим, принимает решения, шутит, поет, обучает и поддерживает. Поэтому образ героя создается через систему коммуникативных практик, а не через прямую авторскую декларацию.

В английском переводе названия *Only “Old Men” Are Going to Battle* частично сохраняется сюжетная структура, но ослабляется

статусное значение слова «старики». Английское *old men* может восприниматься буквально, тогда как русское «старики» в контексте фильма обозначает опытных, проверенных, профессионально зрелых участников группы. Более функционально точными могли бы быть варианты *Only the Veterans Go to Battle* или *Only the Experienced Fly into Battle*, однако они теряют разговорную естественность исходной номинации. Этот пример показывает, что перевод кинозаголовка затрагивает не только денотативное значение, но и культурно-оценочный слой.

Заключение

1. Образ героя в фильме «В бой идут одни “старики”» формируется как лингвокультурная модель, в которой профессиональная компетентность не отделяется от нравственной ответственности. Герой представлен не через прямую декларацию подвига, а через устойчивые коммуникативные практики: точную команду, сдержанную оценку, заботу о товарище, готовность обучать и принимать риск за других.

2. Одним из главных средств репрезентации героизма в художественном языке может выступать так называемый «Язык дела». Данный термин подразумевает этическое значение, форму ответственности, так как военная коммуникация зачастую связана с понятиями безопасность и сохранение жизни.

3. Строгая иерархия военной коммуникации несет за собой одновременно указания, приказы и в то же время элементы наставничества. Другими словами далеко не всегда командирская речь, которая зачастую строгая и повелительная, является таковой, а наоборот, выражается в виде заботы и передачи опыта.

4. Позывные, прозвища и формы обращения выполняют номинативно-идентификационную функцию. Они маркируют принадлежность к «своему кругу», фиксируют статус персонажа и кодируют ценностно значимые качества. Слово «старики» в названии фильма имеет не возрастной, а профессионально-статусный смысл, связанный с опытом и зрелостью.

5. Юмор и песня являются важными средствами сохранения человеческого измерения героического. Юмор регулирует напряжение и поддерживает групповую устойчивость, а песня выступает кодом культурной памяти и эмоциональной синхронизации. Благодаря взаимодействию речи, интонации, музыки и визуального ряда герой кинотекста предстает как носитель профессиональной нормы, коллективной солидарности и гуманистического отношения к человеку.

Информация о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Статья подготовлена без финансовой поддержки сторонних организаций.

Список литературы

1. Аннисимова, Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. Москва: Academia. 128 с.
2. Быков, Л. Ф. (реж.). (1973). *В бой идут одни «старики»* [Художественный фильм]. Киностудия им. А. Довженко.
3. Воробьев, В. В. (2008). *Лингвокультурология*. Москва: РУДН. 336 с. ISBN: 978-5-209-02717-1. EDN: <https://elibrary.ru/QTNGJV>
4. Добросклонская, Т. Г. (2019). *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ*. Москва: Флинта. 264 с.
5. Карасик, В. И. (2002). *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград: Перемена. 477 с. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: <https://elibrary.ru/UGQAMP>
6. Кожокару, Т. И. (2021). К вопросу о методологии анализа фильма. *Артикульт*, 4(44), 118–148. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2021-4-118-148>. EDN: <https://elibrary.ru/QJYINC>
7. Лотман, Ю. М. (2020). *Семиотика кино и проблемы киноэстетики*. Санкт-Петербург: Азбука. 352 с.
8. Маслова, В. А. (2001). *Лингвокультурология*. Москва: Академия. 208 с. ISBN: 5-7695-0745-4. EDN: <https://elibrary.ru/UKCOEJ>
9. Нелюбина, Ю. А. (2013). Кинодискурс как объект лингвистического изучения. *Челябинский гуманитарий. Серия: Филология и искусствоведение*, 3(24), 71–74.
10. Покровская, Н. В. (2022). Film discourse study in foreign linguistics at the beginning of the 21st century. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 15(3). <https://doi.org/10.30853/phil20220149>. EDN: <https://elibrary.ru/ZKFODZ>

11. Слышкин, Г. Г., & Ефремова, М. А. (2004). *Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа*. Москва: Водолей Publishers. 153 с.
12. Телия, В. Н. (1996). *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Языки русской культуры. 288 с. ISBN: 5-88766-047-3. EDN: <https://elibrary.ru/SUMHNJ>
13. Штейн, С. Ю. (2021). Методико-методологическая схема исследований кинематографа. *Артикульт*, 4(44), 6–30.
14. Bateman, J. A., & Schmidt, K.-H. (2012). *Multimodal film analysis: How films mean*. London: Routledge. 376 p. <https://doi.org/10.4324/9780203128220>
15. Bordwell, D. (1985). *Narration in the fiction film*. Madison: University of Wisconsin Press. 370 p.
16. Forceville, C. J., & Urios-Aparisi, E. (Eds.). (2009). *Multimodal metaphor*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9783110215366>
17. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2006). *Reading images: The grammar of visual design* (2nd ed.). London: Routledge. 312 p. <https://doi.org/10.4324/9780203619728>
18. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2021). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge. 256 p.
19. O'Halloran, K. L. (Ed.). (2004). *Multimodal discourse analysis: Systemic-functional perspectives*. London: Continuum. 240 p.
20. O'Halloran, K. L., Tan, S., & Wignell, P. (Eds.). (2023). *The Routledge handbook of multimodal analysis*. London: Routledge. 512 p.
21. Tryhubava, D. (2020). Film annotations as an object of discourse analysis. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 86, 1427–1436. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.165>
22. Wildfeuer, J. (2014). *Film discourse interpretation: Towards a new paradigm for multimodal film analysis*. New York: Routledge. 276 p. <https://doi.org/10.4324/9780203766620>

References

1. Annisimova, E. E. (2003). *Linguistics of the text and intercultural communication (based on creolized texts)*. Moscow: Academia. 128 p.
2. Bykov, L. F. (Director). (1973). *Only the old men go to battle* [Motion picture]. Dovzhenko Film Studio.
3. Vorobyev, V. V. (2008). *Linguoculturology*. Moscow: RUDN University. 336 p. ISBN: 978-5-209-02717-1. EDN: <https://elibrary.ru/QTNGJV>
4. Dobrosklonskaya, T. G. (2019). *Medialinguistics: A systematic approach to the study of media language*. Moscow: Flinta. 264 p.
5. Karasik, V. I. (2002). *The language circle: Personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena. 477 p. ISBN: 5-88234-552-2. EDN: <https://elibrary.ru/UGQAMP>

6. Kozhokaru, T. I. (2021). On the methodology of film analysis. *Artikult*, 4(44), 118–148. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2021-4-118-148>. EDN: <https://elibrary.ru/QJYINC>
7. Lotman, Y. M. (2020). *Semiotics of cinema and problems of film aesthetics*. Saint Petersburg: Azbuka. 352 p.
8. Maslova, V. A. (2001). *Linguoculturology*. Moscow: Akademia. 208 p. ISBN: 5-7695-0745-4. EDN: <https://elibrary.ru/UKCOEJ>
9. Nelyubina, Y. A. (2013). Film discourse as an object of linguistic study. *Chelyabinsk Humanitarian. Series: Philology and Art History*, 3(24), 71–74.
10. Pokrovskaya, N. V. (2022). Film discourse study in foreign linguistics at the beginning of the 21st century. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 15(3). <https://doi.org/10.30853/phil20220149>. EDN: <https://elibrary.ru/ZKFODZ>
11. Slyshkin, G. G., & Efremova, M. A. (2004). *Film text: An experience of linguocultural analysis*. Moscow: Vodoley Publishers. 153 p.
12. Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology: Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. ISBN: 5-88766-047-3. EDN: <https://elibrary.ru/SUMHNJ>
13. Shtein, S. Y. (2021). Methodological scheme for film studies. *Artikult*, 4(44), 6–30.
14. Bateman, J. A., & Schmidt, K.-H. (2012). *Multimodal film analysis: How films mean*. London: Routledge. 376 p. <https://doi.org/10.4324/9780203128220>
15. Bordwell, D. (1985). *Narration in the fiction film*. Madison: University of Wisconsin Press. 370 p.
16. Forceville, C. J., & Urios-Aparisi, E. (Eds.). (2009). *Multimodal metaphor*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter. 392 p. <https://doi.org/10.1515/9783110215366>
17. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2006). *Reading images: The grammar of visual design* (2nd ed.). London: Routledge. 312 p. <https://doi.org/10.4324/9780203619728>
18. Kress, G., & van Leeuwen, T. (2021). *Multimodality: A social semiotic approach to contemporary communication*. London: Routledge. 256 p.
19. O'Halloran, K. L. (Ed.). (2004). *Multimodal discourse analysis: Systemic-functional perspectives*. London: Continuum. 240 p.
20. O'Halloran, K. L., Tan, S., & Wignell, P. (Eds.). (2023). *The Routledge handbook of multimodal analysis*. London: Routledge. 512 p.
21. Tryhubava, D. (2020). Film annotations as an object of discourse analysis. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 86, 1427–1436. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.165>
22. Wildfeuer, J. (2014). *Film discourse interpretation: Towards a new paradigm for multimodal film analysis*. New York: Routledge. 276 p. <https://doi.org/10.4324/978020376620>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Середина Екатерина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
seredina@bsuedu.ru*

Кудряшова Екатерина Федоровна, кандидат филологических наук, доцент

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
bekh@bsuedu.ru*

Кузнецова Елена Витальевна, ассистент

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308015, Российская Федерация
kuznetsova_elena@bsuedu.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina V. Seredina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

*Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
seredina@bsuedu.ru
SPIN-code: 8633-6452
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1556-7494>*

Ekaterina F. Kudryashova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

*Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
bekh@bsuedu.ru
SPIN-code: 3939-4620
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6841-5972>*

Elena V. Kuznetsova, Assistant

*Belgorod State University
85, Pobedy Str., Belgorod, 308015, Russian Federation
kuznetsova_elena@bsuedu.ru
SPIN-code: 8355-3337
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6841-5972>*

Поступила 08.05.2026

После рецензирования 02.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 08.05.2026

Revised 02.06.2026

Accepted 10.06.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-558](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-558)EDN: [OIGFQE](https://edn.ru/OIGFQE)

УДК 811.111-26

Модели словообразования, используемые Дж.Р.Р. Толкином при создании онимов

А.С. Гладышева

*Самарский государственный социально-педагогический университет,
Самара, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Ономастика – одно из самых часто изучаемых направлений лингвистики. Жанр фэнтези, а особенно произведения Дж. Р. Р. Толкина, популярны среди ученых-лингвистов.

Цель – исследовать модели словообразования, используемые Дж. Р. Р. Толкином при создании онимов.

Материалы и методы. Методологическая основа включает синтез, дедукцию, индукцию, описательный, сопоставительный и структурный методы. Автором было проанализировано 64 онима в произведении «Хоббит, или Туда и обратно», 122 онима в произведении «Властелин колец» и 130 онимов в произведении «Сильмариллион». Все онимы и произведения рассматривались на языке оригинала (английском).

Результаты. Дж. Р. Р. Толкин использовал три модели словообразования (морфологическую, синтаксическую и гибридную). Лингвистический анализ языковых примеров позволяет утверждать, что в своих работах автор применяет морфологические способы образования онимов: аффиксацию и композицию. Синтаксическая модель заключается в использовании словосочетаний и устойчивых комбинаций. Гибридные онимы, как правило, возникают на стыке морфологических и синтаксических механизмов. Также автор статьи рассмотрел источники формирования онимов (англосаксонские, кельтские, германские, финские, латинские, искусственные языки). Мы пришли к выводу, что Дж. Р. Р. Толкин сочетал естественные и искусственные языки. Он создал более 20 языков. Например, квенья, синдарин, «черный язык» и др.

Ключевые слова: ономастическое пространство; словообразование; морфологические модели; синтаксические модели; интерфейсные модели; художественное творчество; Дж. Р. Р. Толкин; имена собственные; семантика; номинация

Для цитирования. Гладышева, А. С. (2026). Модели словообразования, используемые Дж. Р. Р. Толкином при создании онимов. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 196–209. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-558>

Models of word formation used by J.R.R. Tolkien when creating onyms

A.S. Gladysheva

*Samara State University of Social Sciences and Education,
Samara, Russian Federation*

Abstract

Background. Onomastics is one of the most frequently studied areas of linguistics. The fantasy genre (and especially the works of J. R. R. Tolkien) is popular among linguists.

The **purpose** is to investigate the models of word formation used by J. R. R. Tolkien when creating onyms.

Materials and methods. The methodological framework includes synthesis, deduction, induction, and descriptive, comparative, and structural methods. The author analyzed 64 onyms in the work “The Hobbit, or There and Back”, 122 onyms in the work “The Lord of the Rings” and 130 onyms in the work “The Silmarillion”. All onyms and works were considered in the original language (English).

Results. J. R. R. Tolkien used three models of word formation (morphological, syntactic, and hybrid). Linguistic analysis of examples has shown that the author uses morphological methods of forming onyms in his works: affixation and composition. The syntactic model consists in the use of phrases and stable combinations. Hybrid onyms, as a rule, arise at the junction of morphological and syntactic mechanisms.

The author has also examined the sources of the formation of onyms (Anglo-Saxon, Celtic, Germanic, Finnish, Latin, artificial languages). We have come to the conclusion that J. R. R. Tolkien combined natural and artificial languages. He has created more than 20 languages, for example, quenia, Sindarin, “black tongue”, etc.

Keywords: onomastic space; word formation; morphological models; syntactic models; interface models; artistic creation; J. R. R. Tolkien; proper names; semantics; nomination

For citation. Gladysheva, A. S. (2026). Models of word formation used by J. R. R. Tolkien when creating onyms. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 196–209. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-558>

Введение

Актуальность исследования состоит в том, что фэнетзи – один из самых популярных жанров литературы, а Дж. Р. Р. Толкин – один из самых популярных авторов данного жанра. Художественный мир Дж. Р. Р. Толкина обладает сложной и детально разработанной структурой. Не только любители фэнтези, но и ученые-филологи интересуются его произведениями.

В настоящее время ономастика является часто изучаемым разделом лингвистики. Имена собственные (онимы) – один из важнейших компонентов мира Дж. Р. Р. Толкина. Они играют важную роль в формировании художественной реальности произведения. Онимы выполняют коммуникативную функцию, несут глубокий культурологический и эстетический смысл.

Проблематика изучения ономастического пространства произведений Дж. Р. Р. Толкина обусловлена несколькими факторами: скрытые значения имен героев, мест и предметов, связанные с историей, культурой и языками народов Средиземья; механизмы образования этих имен – уникальный пример взаимодействия языка и воображаемого мира; изучение структуры и функций онимов помогает лучше понять творческое наследие писателя и методы создания оригинальных культурных объектов.

Цель исследования – проанализировать модели словообразования, используемые Дж. Р. Р. Толкином при создании онимов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. изучить модели словообразования онимов (морфологические, синтаксические, гибридные);
2. рассмотреть источники формирования онимов (англосаксонские, кельтские, германские, финские, латинские, искусственные языки);
3. охарактеризовать сочетание реалий естественных и искусственных языков.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые были рассмотрены модели словообразования (морфологические, синтаксические, гибридные) и источники формирования (англосак-

сонские, кельтские, германские, финские, латинские, искусственные языки) онимов, которые использовал Дж. Р. Р. Толкин.

Теоретическую базу исследования составляют работы в области ономастики (Aronoff, 1985; Scalise, 1986; Bauer, 2001; Рацебургская, Жданова, 2024; Halle, Marantz, 1993; Lieber, 1993; Bruening, 2018; Booij, 2010; Galani, 2004; Koriakowsewa, 2020; Krykoniuk, 2020).

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов в учебных курсах по лингвистике текста, стилистике, ономастике, культурологии и литературоведению; в лингводидактике – при обучении английскому языку и межкультурной коммуникации на материале художественного текста; в расширении корпуса учебных материалов по дисциплинам, связанным с изучением языка и стиля художественной литературы.

Материалы и методы

Было проанализировано 64 онима в произведении «Хоббит, или Туда и обратно», 122 онима в произведении «Властелин колец» и 130 онимов в произведении «Сильмариллион». Все онимы и произведения рассматривались на языке оригинала.

Автором были использованы следующие методы исследования: синтез, дедукция, индукция, описательный, сопоставительный и структурный методы.

Результаты и обсуждение

В ономастическом пространстве художественных произведений особую роль играет механизм словообразования, позволяющий автору создавать новые единицы номинации в соответствии с законами языка и с особенностями художественной картины мира. Изучение механизмов словообразования в языкознании опирается на различные теоретические модели, отражающие взаимосвязь морфологических, синтаксических и когнитивных процессов. Теоретико-аналитический обзор научной литературы по теме исследования позволяет выделить три основных направления моделирования: морфологическое, синтаксическое и гибридное (интерфейсное), каждое из которых предлагает собственное понимание природы деривации.

Морфологическая концепция восходит к классическим работам в рамках генеративной и структурной морфологии. В данной парадигме словообразование трактуется как автономный морфологический процесс, регулируемый внутренними правилами языковой системы.

В работе М. Ароноффа “Word Formation in Generative Grammar” (1976) утверждается независимость морфологических правил от синтаксических структур. М. Аронофф рассматривает морфемы как единицы морфологической деривации, имеющие собственные категории и ограничения на сочетаемость [6].

Подобный подход развивает С. Скализе в монографии “Generative Morphology” (1984), где формулируются принципы генерации сложных слов и их лексико-грамматическая классификация [15].

Важный вклад в разработку морфологических моделей внес Л. Бауэр (“Morphological Productivity”, 2001), который эмпирически описал закономерности продуктивности словообразовательных моделей на материале английского языка [7].

Современные авторы (напр. Л. В. Рацебурская, Е. А. Жданова, 2024) показывают, что морфологическая модель сохраняет объяснительный потенциал даже в условиях неологизации и интернет-коммуникации [5].

В отличие от морфологической, в синтаксической модели словообразование рассматривается как часть синтаксической деривации. Ключевая идея заключается в том, что новые слова формируются из синтаксических структур и лишь позднее получают морфологическое оформление.

Основополагающим направлением в рамках данного подхода стала распределенная морфология (Distributed Morphology), предложенная М. Халле и А. Маранцем. Согласно этой теории, словообразование происходит на стыке синтаксиса и морфологии, а морфемы реализуются на поздней стадии как «кусочки» синтаксических деревьев [11].

Дальнейшее развитие синтаксическая модель получила в работах Р. Либер (“Deconstructing Morphology: Word Formation in Syntactic Theory”, 1992), где предложено рассматривать деривацию как результат взаимодействия синтаксических категорий [14].

Б. Брюнинг (“Word Formation is Syntactic”, 2019) доказывает, что даже номинализации с признаками морфологической деривации подчиняются синтаксическим механизмам “raising” и согласования [9].

Между двумя полюсами – морфологическим и синтаксическим – сформировалось направление гибридных (интерфейсных) моделей. Деривация не относится ни к морфологии, ни к синтаксису. Она осуществляется на уровне, на котором взаимодействуют структурные, семантические и когнитивные факторы.

Морфологические модели делают акцент на внутреннюю формальную организацию слова [7], синтаксические – на структурную зависимость и позднюю реализацию морфем [14], а гибридные – на взаимодействие уровней и конструкционную природу деривации [8].

Современные ученые (например, Л. В. Рацебурская и Е. А. Жданова, 2024) стремятся к совмещению этих подходов: многие исследования описывают словообразование как интерфейсный феномен, где пересекаются формальные, семантические и когнитивные аспекты языковой системы [5].

Лингвистический анализ языковых примеров позволяет утверждать, что в своих работах Дж. Р. Р. Толкин применяет морфологические способы образования онимов: аффиксацию и композицию. В его произведениях активно используются суффиксы и корневые элементы германского, скандинавского и кельтского происхождения, а также искусственных языков. Такие модели обеспечивают «архаичность» и этнокультурный колорит. Приведем примеры.

Таблица 1.

Морфологическая модель словообразования
Table 1. Morphological Model of Word Formation

Оним	Язык/ структура	Значение/ происхождение	Тип модели
Thranduil	синдарин: thran + duil	«живущий у реки»	суффиксация
Galadriel	квенья: galad + riel	«девушка с сияющей короной»	композиция
Eärendil	квенья: eär + -ndil	«друг моря»	аффиксация
Silmaril	квенья: silma + ril	«сияющий кристалл»	суффиксация
Glóin	древнескандинавский тип	личное имя с типичным сканд. суффиксом -in	суффиксация

Прокомментируем представленные имена собственные. “*Tranduil*” состоит из корня “*thran*” и суффикса “*duil*”, т.е. данный оним является примером суффиксации. Само слово “*Tranduil*” на языке синдарин означает «живущий у реки».

“*Galadriel*” включает корни “*galad*” и “*riel*”, т.е. данный оним является примером композиции. Само слово “*Galadriel*” на языке квенья имеет значение «девушка с сияющей короной».

“*Eärendil*” образовано с помощью аффикса “*eär*” и корня “*ndil*”, т.е. данный оним является примером аффиксации. Само слово “*Eärendil*” на языке квенья означает «друг моря».

“*Silmaril*” состоит из корня “*silma*” и суффикса “*ril*”, т.е. данный оним является примером суффиксации. Само слово “*Silmaril*” на языке квенья имеет значение «сияющий кристалл».

“*Glóin*” – личное имя с типичным скандинавским суффиксом “*in*”, т.е. является примером суффиксации.

Синтаксическая номинация проявляется в использовании словосочетаний и устойчивых комбинаций, часто прозрачных для носителя английского языка. Эти онимы выполняют и идентифицирующую, и семантическую функцию, создают «говорящие» названия. Рассмотрим примеры.

Таблица 2.

Синтаксическая модель словообразования

Table 2. Syntactic Model of Word Formation

Оним	Перевод/структура	Комментарий	Тип модели
Bag End	«Тупик»	ироничная номинация, отражающая быт Шира	словосочетание
Mount Doom	«Гора Рока»	топос с апокалиптической семантикой	словосочетание
Dead Marshes	«Мертвые болота»	описательная номинация	словосочетание
Old Forest	«Старый лес»	отражение возраста и характера локуса	словосочетание
Bywater	«У воды»	топоним с бытовым смыслом	словосочетание

Прокомментируем представленные имена собственные. «*Bag End*» переводится как «тупик», что является ироничной номинацией, которая отражает быт Шира.

“*Mount Doom*” переводится как «Гора Рока». Данный оним является топонимом с апокалиптической семантикой.

“*Dead Marshes*” переводится как «мертвые болота». Данный оним является описательной номинацией.

“*Old Forest*” переводится как «старый лес», что отражает возраст и характер локуса.

“*Bywater*” переводится как «у воды». Данный оним является топонимом с бытовым смыслом.

Отметим, что все вышеприведенные примеры – словосочетания. Гибридные онимы возникают на стыке морфологических и синтаксических механизмов. Они часто соединяют английские кальки и формы на квенья или синдарине. Такие модели особенно характерны для художественных произведений анализируемого нами автора: “*The Lord of the Rings*” и “*The Silmarillion*”, где создается впечатление многоязычия и глубокой историчности мира. Приведем примеры.

Таблица 3.

Гибридная модель словообразования
Table 3. Hybrid Model of Word Formation

Оним	Язык/ структура	Значение/ происхождение	Тип модели
Minas Tirith	синдарин: minas + tirith	«Башня Стражи»	гибрид
Cirith Ungol	синдарин: cirith + ungol	«Проход Паука»	гибрид
Barad-dûr	синдарин: barad + dûr	«Темная крепость»	гибрид
Weathertop (Amon Sûl)	англ. калька + синдарин	«Вершина ветров»/ «Холм ветра»	гибрид

Прокомментируем представленные имена собственные. “*Minas Tirith*” на языке синдарин означает «Башня Стражи».

“*Cirith Ungol*” на языке синдарин означает «Проход Паука».

“*Barad-dûr*” на языке синдарин означает «Темная крепость».

“*Weathertop*” является английской калькой, “*Amon Sûl*” на языке синдарин означает «Вершина ветров» или «Холм ветра».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что Дж. Р. Р. Толкин использовал три типа словообразования: морфологический, синтаксический и гибридный.

Ономастическое пространство произведений Дж. Р. Р. Толкина представляет собой уникальный сплав различных языковых традиций, что связано как с его профессиональной деятельностью филолога-германиста, так и с задачей создания мифопоэтического вторичного мира. В основе именотворчества лежит обращение к нескольким культурно-языковым источникам, каждый из которых вносит свой вклад в формирование ономастической системы.

Англосаксонский пласт проявляется в именах и топонимах, связанных преимущественно с обитателями Ши́ра и Ро́хана. Например, имена *Éomer*, *Éowyn* и *Théoden* демонстрируют прямую параллель с древнеанглийскими моделями словообразования (“*ēoh*” – «конь», “*wine*” – «друг», “*þēoden*” – «господин»). Данный пласт создает ощущение исторической глубины и этнокультурной самобытности.

Кельтские элементы прослеживаются в мелодике и морфологии отдельных онимов, в особенности эльфийских. Многочисленные имена на “*-iel*” (*Galadriel*, *Celebrindal*) отсылают к валлийским традициям женских имен, что придает эльфийской культуре ореол древней утонченности.

Германский пласт выражен как в именах гномов (*Thorin Oakenshield*, *Dwalin*, *Balin*), так и в ряде топонимов (*Mirkwood*). Дж. Р. Р. Толкин напрямую заимствовал ряд имен гномов из «Старшей Эдды» и «Прорицания вельвы» (*Völuspá*), что усиливает связь мира Средиземья с северогерманской мифологией.

Финское влияние наглядно проявляется в создании квенья, одного из искусственных языков Дж. Р. Р. Толкина. Данный язык подражает фонетике и морфологии финского языка. Это проявляется в сложности слов, богатой системе падежей, мелодичности. Данное влияние отразилось, например, в именах *Eärendil*, *Finwë*, *Fëanor*.

Латинский пласт является менее выраженным. Однако он проявляется в отдельных формах, связанных с книжной и ученой традицией. Например, словообразовательные модели с элементами “*-or*”, “*-us*” (*Sauron*, *Morgoth Bauglir*, *Numenor*) связаны с латинской и романской традициями. Они подчеркивают величие и властность носителей этих имен.

Ключевой источник – искусственные языки, которые разработал сам Дж. Р. Р. Толкин (квенья, синдарин, язык Мордора – «черный язык» и др.). Именно искусственные языки – фундамент для значительной части ономастики. Они делают ее органичной, внутренне мотивированной и максимально аутентичной в рамках мифопоэтической концепции автора. Примеры онимов: *Minas Tirith*, *Cirith Ungol*, *Elendil*, *Quenya*, *Sindarin*.

Таким образом, ономастика Дж. Р. Р. Толкина формируется на стыке естественных (англосаксонского, кельтского, германского, финского, латинского) и искусственных языков, разработанных самим писателем, что обеспечивает ей уникальную глубину и многослойность.

Одна из наиболее примечательных особенностей ономастического пространства произведений Дж. Р. Р. Толкина – сочетание естественных и искусственных языков. Дж. Р. Р. Толкин опирается на естественные языки (например, англосаксонский, германский, кельтский, финский и латинский) и одновременно создает собственные (квенья, синдарин, «черный язык» и др.). Созданные языки становятся самостоятельным источником имен собственных. Это позволяет достичь уникального эффекта: созданные языки воспринимаются реальными, а естественные языки обогащаются мифопоэтическим содержанием.

Примером подобного взаимодействия может служить соотнесение топонимов и антропонимов: с одной стороны, *Rohan* и имена его жителей (*Éomer*, *Théoden*) напрямую соотносятся с древнеанглийскими моделями, а с другой стороны, рядом с ними функционируют синдаринские образования (*Minas Tirith*, *Edoras*), основанные на искусственном языке. Таким образом, в пределах одного пространства сосуществуют разные пласты языковых реалий, создавая впечатление «многоязычия» и сложной культурно-исторической динамики.

Дж. Р. Р. Толкин разрабатывал языки с учетом фонологии и морфологии реальных языков, что обеспечивает высокую степень правдоподобия. Так, квенья с его падежной системой восходит к финскому языку, а синдарин в значительной мере ориентирован на валлийский. Это сочетание «чужого» и «своего» отражает идею культурного многообразия и придает миру Средиземья историческую глубину, недостижимую при использовании только одного языкового пласта.

Таким образом, в ономастике Дж. Р. Р. Толкина тесно переплетаются естественные и искусственные языки. Естественные языки выполняют функцию «этимологического фундамента», а искусственные – «творческого продолжения», что позволяет автору не только воспроизводить, но и моделировать лингвокультурные традиции.

Заключение

При создании онимов Дж. Р. Р. Толкин использовал морфологические, синтаксические, гибридные модели словообразования. Примером морфологической модели словообразования служит аффиксация и композиция (*Silmaril*, *Glóin*). Синтаксическая модель словообразования заключается в использовании словосочетаний и устойчивых комбинаций (*Bag End*, *Mount Doom*). Гибридные онимы возникают на стыке морфологических и синтаксических механизмов (*Minas Tirith*, *Cirith Ungol*).

Источниками формирования онимов служили как естественные языки (англосаксонские, кельтские, германские, финские, латинские), так и искусственные языки, созданные Дж. Р. Р. Толкином. Англосаксонский пласт проявляется в именах и топонимах, связанных преимущественно с обитателями Шира и Рохана (*Éomer*, *Éowyn* и *Théoden*). Кельтские элементы прослеживаются в мелодике и морфологии отдельных онимов, в особенности эльфийских (*Galadriel*, *Celebrindal*). Германский пласт выражен как в именах гномов (*Thorin Oakenshield*, *Dwalin*, *Balin*), так и в ряде топонимов (*Mirkwood*). Финское влияние наглядно проявляется в создании квенья, одного из искусственных языков Дж. Р. Р. Толкина (*Eärendil*, *Finwë*, *Fëanor*). Латинский пласт проявляется в отдельных формах, связанных с книжной и ученой традицией (*Sauron*, *Morgoth Bauglir*, *Numenor*). Но ключевой источник – искусственные языки, которые разработал сам Дж. Р. Р. Толкин (квенья, синдарин, язык Мордора – «черный язык» и др.). Примеры онимов: *Minas Tirith*, *Cirith Ungol*, *Elendil*, *Quenya*, *Sindarin*.

В ономастике Дж. Р. Р. Толкина тесно переплетаются естественные и искусственные языки. Естественные языки выполняют функцию «этимологического фундамента», а искусствен-

ные – «творческого продолжения», что позволяет автору не только воспроизводить, но и моделировать лингвокультурные традиции.

Описание применения генеративной модели. Инструменты искусственного интеллекта не применялись при написании статьи.

Список литературы

1. Алексеева, Т. М. (2009). Лексико-семантическое поле иллюзии: определение и структура. *Актуальные вопросы современной науки*, (10), 132–137. EDN: <https://elibrary.ru/RDCFON>
2. Артамонова, К. Г. (2013). *Трансформация жанровых границ литературной сказки и фэнтези в творчестве Дианы Уинн Джонс* [Кандидатская диссертация, Московский педагогический государственный университет]. Москва. 210 с. EDN: <https://elibrary.ru/SUWROX>
3. Барышевская, А. О. (2022). Понятие об ономастическом пространстве художественного произведения в современной лингвистике. В *Художній текст у полікультурному комунікативному просторі: традиції та сучасність: Збірник наукових праць (матеріали і тези конференції)* (С. 96–99). Симферополь: Видавничий дім КФУ. EDN: <https://elibrary.ru/YDMYBO>
4. Батури́н, Д. А. (2015). *Виртуально-неомифологическая сущность фэнтези* [Автореферат кандидатской диссертации, Тюменская государственная академия культуры искусств и социальных технологий]. Тюмень. 26 с. EDN: <https://elibrary.ru/ZPOXOD>
5. Жданова, Е. А., & Рацибурская, Л. В. (2024). Лексико-словообразовательные новации в русскоязычной интернет-коммуникации: продуктивные словообразовательные модели. *Русистика*, 22(3), 350–362. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362>. EDN: <https://elibrary.ru/RRNCCG>
6. Aronoff, M. (1976). *Word formation in generative grammar*. MIT Press. <https://clck.ru/3PakTH>
7. Stekauer, P. (2003). Morphological productivity. *Lingua*, 113(7), 697–701. [https://doi.org/10.1016/S0024-3841\(02\)00088-8](https://doi.org/10.1016/S0024-3841(02)00088-8)
8. Booij, G. (2010). *Construction morphology*. Oxford University Press. *Language and Linguistics Compass*. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2010.00213.x>. Получено с: https://www.academia.edu/12336414/Construction_morphology_Oxford_Oxford_University_Press_2010 (дата обращения: 06.10.2025)
9. Bruening, B. (2018). Word formation is syntactic: Raising in nominalizations. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 3(1), 102. <https://doi.org/10.5334/gjgl.470>
10. Galani, A. (2004). *Word formation: Syntax or morphology?* <https://clck.ru/3PapC6> (дата обращения: 06.10.2025)

11. Halle, M., & Marantz, A. (1993). Distributed morphology and the pieces of inflection. B K. Hale & S. J. Keyser (Ред.), *The view from building 20* (с. 111–176). MIT Press. <https://clck.ru/3PandE> (дата обращения: 06.10.2025)
12. Koriakowcewa, E. (2020). On word-formation hybridization in the era of global Englishization (based on material from the Russian and Polish languages). *Linguo-didactica*, 24, 99–110. <https://doi.org/10.15290/lingdid.2020.24.08>. EDN: <https://elibrary.ru/GWPMVX>. Получено с: <https://czasopisma.filologia.uwb.edu.pl/index.php/l/article/view/1507/1187> (дата обращения: 06.10.2025)
13. Krykoniuk, K. (2022). Predictive modelling of type valency in word formation grammar. *Journal of Quantitative Linguistics*, 29(2), 212–240. <https://doi.org/10.1080/09296174.2020.1782720>. EDN: <https://elibrary.ru/IXLZDV>
14. Stump, G. (1993). [Рецензия на:] Rochelle Lieber, *Deconstructing morphology: Word formation in syntactic theory*. *Journal of Linguistics*, 29(2), 485–490. <https://doi.org/10.1017/S0022226700000414>
15. Scalise, S. (1986). *Generative morphology*. Foris Publications. Получено с: <https://archive.org/details/generativemorpho0000scal> (дата обращения: 06.10.2025)

References

1. Alekseeva, T. M. (2009). Lexico-semantic field of illocution: Definition and structure. *Aktual'nye Voprosy Sovremennoi Nauki*, (10), 132–137. EDN: <https://elibrary.ru/RDCFON>
2. Artamonova, K. G. (2013). *Transformation of genre boundaries of literary fairy tale and fantasy in the works of Diana Wynne Jones* [Doctoral dissertation, Moscow Pedagogical State University]. Moscow. 210 pp. EDN: <https://elibrary.ru/SUWROX>
3. Baryshevskaya, A. O. (2022). The concept of onomastic space of a literary work in modern linguistics. In *Khudozhnij Tekst u Polikulturnomu Komunikativnomu Pros-tori: Tradicii ta Suchasnist': Zbirnik Naukovikh Prac' (Materiali i Tezisi Konferencii)* (pp. 96–99). Simferopol: Vidavnychy Dim KFU. EDN: <https://elibrary.ru/YDMYBO>
4. Baturin, D. A. (2015). *Virtual and neo-mythological essence of fantasy* [Abstract of doctoral dissertation, Tyumen State Academy of Culture, Arts and Social Technologies]. Tyumen. 26 pp. EDN: <https://elibrary.ru/ZPOXOD>
5. Zhdanova, E. A., & Ratsiburskaya, L. V. (2024). Lexical and word-formation innovations in Russian-language internet communication: Productive word-formation models. *Rusistika*, 22(3), 350–362. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2024-22-3-350-362>. EDN: <https://elibrary.ru/RRNCCG>
6. Aronoff, M. (1976). *Word formation in generative grammar*. MIT Press. <https://clck.ru/3PakTH>
7. Stekauer, P. (2003). Morphological productivity. *Lingua*, 113(7), 697–701. [https://doi.org/10.1016/S0024-3841\(02\)00088-8](https://doi.org/10.1016/S0024-3841(02)00088-8)
8. Booij, G. (2010). *Construction morphology*. Oxford University Press. *Language and Linguistics Compass*. <https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2010.00213.x>. Retrieved

- from https://www.academia.edu/12336414/Construction_morphology_Oxford_Oxford_University_Press_2010 (accessed: 06.10.2025)
9. Bruening, B. (2018). Word formation is syntactic: Raising in nominalizations. *Glossa: A Journal of General Linguistics*, 3(1), 102. <https://doi.org/10.5334/gjgl.470>
 10. Galani, A. (2004). *Word formation: Syntax or morphology?* <https://clck.ru/3PapC6> (accessed: 06.10.2025)
 11. Halle, M., & Marantz, A. (1993). Distributed morphology and the pieces of inflection. In K. Hale & S. J. Keyser (Eds.), *The view from building 20* (pp. 111–176). MIT Press. <https://clck.ru/3PandE> (accessed: 06.10.2025)
 12. Koriakowcewa, E. (2020). On word-formation hybridization in the era of global Englishization (based on material from the Russian and Polish languages). *Linguo-didactica*, 24, 99–110. <https://doi.org/10.15290/lingdid.2020.24.08>. EDN: <https://elibrary.ru/GWPMVX>. Retrieved from <https://czasopisma.filologia.uwb.edu.pl/index.php/article/view/1507/1187> (accessed: 06.10.2025)
 13. Krykoniuk, K. (2022). Predictive modelling of type valency in word formation grammar. *Journal of Quantitative Linguistics*, 29(2), 212–240. <https://doi.org/10.1080/09296174.2020.1782720>. EDN: <https://elibrary.ru/IXLZDV>
 14. Stump, G. (1993). [Review of:] Rochelle Lieber, *Deconstructing morphology: Word formation in syntactic theory*. *Journal of Linguistics*, 29(2), 485–490. <https://doi.org/10.1017/S0022226700000414>
 15. Scalise, S. (1986). *Generative morphology*. Foris Publications. Retrieved from <https://archive.org/details/generativemorpho0000scal> (accessed: 06.10.2025)

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Гладышева Анна Сергеевна, аспирант факультета иностранных языков
Самарский государственный социально-педагогический университет
ул. М. Горького, 65/67, г. Самара, 443099, Российская Федерация
gladyshevaanna1111@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anna S. Gladysheva, Postgraduate Student at the Faculty of Foreign Languages
Samara State University of Social Sciences and Education
65/67, M. Gorky Str., Samara, 443099, Russian Federation
gladyshevaanna1111@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-1391-1817>

Поступила 18.05.2026

После рецензирования 15.06.2026

Принята 20.06.2026

Received 18.05.2026

Revised 15.06.2026

Accepted 20.06.2026

Языки народов зарубежных стран / Languages of Foreign Countries

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-586](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-586)EDN: [OQUCZR](https://www.edn.ru/OQUCZR)

УДК 81'37:811.111

Эволюция анализа эмоционально-оценочных прилагательных

Б.Г. Овезов

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Эмоционально-оценочные прилагательные занимают особое место в системе оценочной лексики, поскольку они не только обозначают признак объекта, но и выражают отношение говорящего к описываемому явлению. В истории лингвистики подходы к таким единицам менялись: от их рассмотрения как экспрессивно-стилистических средств до анализа как компонентов оценки, эмоционального усиления и дискурсивного фреймирования. Актуальность статьи определяется необходимостью показать, какие элементы прежних подходов сохраняют научную значимость и какие требуют уточнения при анализе современного англоязычного материала.

Цель – проследить эволюцию анализа эмоционально-оценочных прилагательных и показать, что их описание должно учитывать лексическое значение, контекст употребления, основание оценки и дискурсивную функцию.

Материалы и методы. Материалом статьи послужили научные работы по семантике оценки, лингвистике эмоций, теории оценки и анализу оценочной лексики в дискурсе. В качестве демонстрационного языкового материала рассмотрены английские прилагательные *good, bad, strong, weak, controversial, fragile*. Используются следующие методы исследования: историко-лингвистический, семантический, контекстуальный, функционально-семантический и дискурсивный анализы.

Результаты. Показано, что ранний риторико-стилистический подход верно фиксировал выразительный потенциал прилагательных, но не раскрывал структуру оценки. Семантический подход позволил описать оценочный компонент значения, однако нуждается в дополнении контекстуальным и функциональным анализом. На примере прилагательных *good* и *bad* выявлена зависимость оценки от её основания; на примере *strong* и *weak* показан градуированный характер

оценочности; на примере *controversial* и *fragile* раскрыта функция дискурсивного фреймирования. Сделан вывод, что наиболее продуктивным является комплексный подход, объединяющий значение, контекст, оценочную структуру и прагматический эффект.

Ключевые слова: эмоционально-оценочные прилагательные; оценочная лексика; семантика оценки; английский язык; дискурсивный анализ; теория оценки; дискурсивное фреймирование; эмоциональное усиление

Для цитирования. Овезов, Б. Г. (2026). Эволюция анализа эмоционально-оценочных прилагательных. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 210–230. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-586>

The evolution of approaches to the analysis of emotional-evaluative adjectives

B.G. Ovezov

Belgorod State University, Belgorod, Russian Federation

Abstract

Background. Emotional-evaluative adjectives occupy a specific place within the system of evaluative lexis, since they not only denote a property of an object but also express the speaker's attitude toward the phenomenon being described. In the history of linguistics, approaches to such units have changed considerably: they have moved from being treated as expressive-stylistic devices to being analysed as components of evaluation, emotional intensification, and discursive framing. The relevance of the article lies in the need to determine which elements of earlier approaches retain their scholarly value and which require further clarification when applied to the analysis of contemporary English-language material.

Purpose – to trace the evolution of the analysis of emotional-evaluative adjectives and to show that their description should take into account lexical meaning, context of use, evaluative basis, and discursive function.

Materials and methods. The material of the article consists of scholarly works on evaluative semantics, the linguistics of emotions, Appraisal Theory, and the analysis of evaluative lexis in discourse. The English adjectives *good*, *bad*, *strong*, *weak*, *controversial*, and *fragile* are examined as illustrative linguistic material. The study employs historical-linguistic, semantic, contextual, functional-semantic, and discourse-analytic methods.

Results. It is shown that the early rhetorical-stylistic approach correctly identified the expressive potential of adjectives, but did not reveal the internal structure of evaluation. The semantic approach made it possible to describe the evaluative component of

meaning; however, it needs to be supplemented by contextual and functional analysis. The adjectives *good* and *bad* demonstrate that evaluation depends on its evaluative basis; *strong* and *weak* reveal the gradable nature of evaluation; and *controversial* and *fragile* show the function of discursive framing. The article concludes that the most productive approach is an integrated one, combining meaning, context, evaluative structure, and pragmatic effect.

Keywords: emotional-evaluative adjectives; evaluative lexis; evaluative semantics; English language; discourse analysis; Appraisal Theory; discursive framing; emotional intensification

For citation. Ovezov, B. G. (2026). The evolution of approaches to the analysis of emotional-evaluative adjectives. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 210–230. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-586>

Введение

Эмоционально-оценочные прилагательные занимают особое место в системе оценочной лексики, поскольку они соединяют обозначение признака с выражением отношения к объекту речи. В англоязычном материале эта особенность особенно заметна в сочетаниях *good decision*, *bad policy*, *strong argument*, *weak position*, *controversial reform*, *fragile ceasefire*. В подобных случаях прилагательное не только называет качество, но и задает оценочный ракурс восприятия ситуации. Поэтому обращение к истории анализа эмоционально-оценочных прилагательных позволяет уточнить, как менялось понимание их семантической, прагматической и дискурсивной роли.

Актуальность статьи определяется тем, что в современных гуманитарных работах оценочная лексика рассматривается не как периферийное средство выразительности, а как один из механизмов интерпретации событий. Особенно значимы прилагательные, поскольку они компактно выражают оценку и часто включаются в ключевые позиции текста: заголовок, лид, характеристику политического субъекта или описание конфликтной ситуации. В ранней традиции прилагательные связывались преимущественно с выразительностью и эпитетной характеристикой, что позволяло фиксировать их воздействующий потенциал [4; 8]. Однако такой подход не объяснял, из чего складывается оценочное значение и почему одна и та же лексема меняет функцию в разных контекстах.

Переход к семантическому анализу позволил рассматривать оценочность как компонент значения. Работы Ч. К. Огдена и А. Ричардса, Дж. Лича и Д. Круза важны для понимания того, что значение слова включает не только предметное содержание, но и дополнительные смысловые отношения, зависящие от контекста и сочетаемости [13; 17; 19]. Для прилагательных это принципиально важно: *strong* в *strong evidence* связано с доказательной надежностью, в *strong criticism* – с интенсивностью отрицательной реакции, а в *strong leader* – с оценкой управленческой эффективности. Психолингвистический подход, представленный работой Ч. Осгуда, Дж. Суси и П. Танненбаума, дополнил это понимание идеей шкалируемости оценки, прежде всего в оппозициях *good – bad* и *strong – weak* [20].

В отечественной лингвистике существенное значение имеют работы Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюновой и В. И. Шаховского. В них оценка рассматривается как языковая категория, связанная с субъектом оценки, объектом оценки, основанием оценки, нормой и эмоциональным отношением [1; 2; 7]. Эти положения позволяют перейти от анализа отдельной лексемы к анализу оценочной ситуации. Исследования О. Н. Прохоровой и И. В. Чекулая особенно важны для данной статьи, поскольку они прямо связаны с оценочным потенциалом английских прилагательных и показывают зависимость их значения от синтаксического и ситуативного окружения [5; 6].

Современный этап связан с дискурсивным и корпусным изучением оценки. В работах С. Ханстон и Дж. Томпсона оценка рассматривается как выражение авторской позиции и системы ценностей в тексте [15]. Дж. Мартин и П. Уайт развивают теорию оценки, в рамках которой анализируются отношение, градация и вовлечение [18]. М. Беднарек показывает, что оценочные средства участвуют в организации медиадискурса и в конструировании новостной значимости [9; 10]. Исследования оценочного языка подтверждают, что оценка проявляется не только в прямом комментарии, но и в выборе лексических средств [11; 14; 23]. Работы по новостным ценностям и аффективности журналистики показывают, что эта

интерпретационная рамка особенно заметна в новостном тексте [3; 12; 16]. Корпусные и вычислительные подходы дополняют эту картину, позволяя проследивать устойчивые модели оценочного употребления [21; 22; 24].

Научная проблема статьи состоит в том, что исторические подходы к эмоционально-оценочным прилагательным по-разному объясняют их природу, однако ни один из них в изолированном виде не раскрывает полностью механизм их функционирования. Риторико-стилистический подход фиксирует выразительность, семантический – оценочный компонент значения, психолингвистический – шкалируемость оценки, функционально-семантический – структуру оценочной ситуации, дискурсивный – роль прилагательного в организации восприятия текста. Новизна статьи заключается в рассмотрении этой эволюции как последовательного расширения объекта анализа: от прилагательного как экспрессивно-стилистического средства к прилагательному как единице оценки, эмоционального усиления и дискурсивного фреймирования.

Цель исследования состоит в том, чтобы проследить основные этапы развития анализа эмоционально-оценочных прилагательных и показать, что их описание должно учитывать лексическое значение, контекст употребления, основание оценки и дискурсивную функцию. *Гипотеза исследования* заключается в том, что наиболее полное описание таких единиц возможно только при сочетании семантического, функционально-семантического и дискурсивного анализа. В качестве демонстрационного материала используются английские прилагательные *good, bad, strong, weak, controversial, fragile*.

Материалы и методы

Материалом статьи послужили научные работы по семантике оценки, лингвистике эмоций, теории оценки и анализу оценочной лексики в дискурсе. Источники отобраны так, чтобы представить основные этапы развития подходов к эмоционально-оценочным прилагательным: риторико-стилистический, семантический, психо-

лингвистический, функционально-семантический и дискурсивный. В историко-теоретический блок включены работы, где оценочная лексика описывается через выразительность, ассоциативность, коннотацию и речевое воздействие [4; 8; 19]. Семантический блок представлен трудами по лексическому значению и смысловым отношениям [13; 17]. Психолингвистический этап рассматривается через метод семантического дифференциала [20].

Отечественная теоретическая база включает работы, в которых оценка описывается как функционально-семантическая и прагматическая категория [1; 2], а эмоциональность – как значимый аспект языковой системы [7]. Для анализа английских прилагательных используются исследования, показывающие контекстную зависимость оценочного потенциала прилагательных [5; 6]. Современный дискурсивный блок представлен работами по оценочности в тексте и теории оценки [15; 18]. Исследования медиадискурса и новостных ценностей образуют отдельную группу источников [9; 10; 12]. Проблема аффективности журналистики освещается в специальной работе А. Койвунен и соавторов [16]. Семантика оценочных прилагательных и их функционирование в дискурсе рассматриваются в ряде лингвистических исследований [14; 23]. Корпусные и вычислительные подходы к анализу оценочного языка представлены в современных работах по автоматической и корпусной обработке данных [11; 22; 24].

Демонстрационным языковым материалом выступают английские прилагательные *good*, *bad*, *strong*, *weak*, *controversial*, *fragile*. Их выбор обусловлен тем, что они представляют разные типы оценки: базовую аксиологическую оценку, оценку силы и эффективности, а также оценку конфликтности и нестабильности политической ситуации. Эти единицы позволяют показать, как одно и то же прилагательное меняет функцию в зависимости от объекта, сочетаемости и дискурсивной позиции. Количественный подсчет частотности не проводился, поскольку задача статьи состоит не в корпусной статистике, а в сопоставлении аналитических возможностей разных подходов.

В статье применяются историко-лингвистический, семантический, контекстуальный, функционально-семантический и дискурсивный методы анализа. Историко-лингвистический метод позволяет проследить изменение научной оптики. Семантический метод используется для выявления оценочного компонента значения. Контекстуальный анализ показывает, как значение прилагательного уточняется в конкретном словосочетании. Функционально-семантический анализ направлен на выявление субъекта оценки, объекта оценки, основания оценки и нормы. Дискурсивный анализ применяется для определения того, как прилагательное участвует в создании интерпретационной рамки события.

Логика анализа строится в несколько этапов. Сначала выделяют основные подходы к эмоционально-оценочным прилагательным. Затем определяется, какой аспект прилагательного становится центральным в каждом подходе: выразительность, коннотация, шкалируемость, оценочная структура или дискурсивная функция. Далее эти положения проверяются на примере прилагательных *good*, *bad*, *strong*, *weak*, *controversial*, *fragile*. В результате формулируется авторская позиция о необходимости комплексного анализа, в котором прежние подходы не исключают друг друга, а последовательно дополняют.

Результаты и обсуждение

История изучения эмоционально-оценочных прилагательных показывает движение от описания выразительности к анализу значения, функции и дискурсивного эффекта. Ранний риторико-стилистический подход был важен тем, что фиксировал воздействующий потенциал прилагательного: оно выделяет признак объекта, усиливает впечатление и вызывает у адресата определенную реакцию. Однако этот подход оставался ограниченным, поскольку не объяснял внутреннюю структуру оценки. Например, *bad decision*, *bad weather*, *bad argument* и *bad person* формально содержат одну отрицательную лексему *bad*, но основания оценки различны: практическая неудачность, неблагоприятные условия, логическая слабость или моральная характеристика.

Семантический подход сделал анализ точнее, поскольку позволил рассматривать прилагательное как носитель оценочного компонента значения. В этом случае важным становится не только само слово, но и его сочетаемость. *Strong* в *strong argument* обозначает убедительность, *weak* в *weak evidence* – недостаточную доказательность, *controversial* в *controversial decision* – спорность решения, *fragile* в *fragile ceasefire* – нестабильность соглашения. Однако семантического анализа также недостаточно, если он не показывает, какую функцию прилагательное выполняет в тексте. *Controversial* не только сообщает о спорности, но и помещает событие в рамку конфликта; *fragile* не только обозначает нестабильность, но и формирует ожидание возможного нарушения договоренности.

Прилагательные *good* и *bad* представляют базовую аксиологическую оппозицию. На первый взгляд они выражают простую положительную или отрицательную оценку, однако их реальное содержание определяется основанием оценки. *Good person, good law, good evidence* и *good strategy* не являются одинаковыми структурами: в первом случае оценка может быть моральной, во втором – нормативной или социальной, в третьем – эпистемической, в четвертом – прагматической. Аналогично *bad policy, bad argument* и *bad news* различаются по тому, что именно признается отрицательным: политическая неэффективность, логическая несостоятельность или эмоционально неблагоприятная ситуация.

Из этого следует, что *good* и *bad* нельзя описывать только как маркеры положительного и отрицательного отношения. Их научная ценность состоит в том, что они выявляют зависимость оценки от нормы и объекта. Если основание оценки не установлено, анализ остается на уровне словарной констатации. Функционально-семантический подход позволяет уточнить, кто оценивает объект, по какому критерию и в какой ситуации. Так, *good decision* может быть положительным для одной социальной группы и спорным или отрицательным для другой; значит, оценка возникает не в слове как таковом, а в отношениях между словом, объектом, субъектом и нормой.

Прилагательные *strong* и *weak* показывают другой механизм – градуированный характер оценочности. Они не всегда выражают прямое одобрение или осуждение, а указывают на степень соответствия объекта определенной норме. *Strong argument* соотносится с нормой убедительности, *strong evidence* – с доказательной надежностью, *strong economy* – с устойчивостью системы, *strong leader* – с управленческой эффективностью. *Weak argument*, *weak evidence*, *weak government* и *weak response*, напротив, обозначают недостаточность по отношению к ожидаемой норме: логической, доказательной, политической или прагматической.

Важно, что *strong* и *weak* не имеют полностью фиксированной оценочной направленности. *Strong evidence* обычно получает положительную интерпретацию, поскольку сильное доказательство соответствует норме достоверности. Но *strong pressure* может восприниматься как тревожное или негативное явление, так как давление связано с принуждением. *Weak signal* может быть технически нейтральным, тогда как *weak government* почти неизбежно несет политико-оценочную нагрузку. Следовательно, оценочность таких прилагательных формируется не только семантикой слова, но и объектом характеристики.

В рамках теории оценки подобные случаи целесообразно рассматривать через категорию градации, поскольку прилагательное здесь не сводится к простому обозначению признака, а влияет на степень оценочности [18]. Разница между *strong criticism* и *weak response* показывает это особенно ясно: в первом случае усиливается ощущение жёсткости и напряжения, во втором – акцентируется слабость или недостаточность реакции. Следовательно, *strong* и *weak* следует рассматривать как единицы, которые участвуют в формировании оценки через её усиление или ослабление. Так, сочетание *weak government* уже несёт отрицательный смысл и формирует представление о неэффективной власти, даже без открыто негативного комментария.

Прилагательные *controversial* и *fragile* по-разному организуют восприятие события в медиатексте. *Controversial* указывает на

спорный характер решения, действия или политической инициативы. В сочетании *controversial decision* внимание переносится не только на само решение, но и на возможную реакцию вокруг него: критику, несогласие, столкновение позиций. Поэтому в заголовке или лиде такое прилагательное сразу задает конфликтный ракурс дальнейшего изложения.

Fragile имеет иную оценочную направленность. В политическом медиадискурсе оно часто относится к перемирию, коалиции, переговорам, политическому балансу или экономической системе. Например, *fragile ceasefire* обозначает перемирие, которое остается уязвимым, *fragile coalition* – политический союз с риском распада, *a fragile peace* – непрочное мирное состояние. В таких случаях прилагательное не только описывает объект, но и показывает его нестабильность. *Controversial* и *fragile* показывают, почему современный анализ должен выходить за пределы словарной семантики. Словарное толкование *controversial* как «вызывающий спор», а *fragile* как «хрупкий, нестабильный» необходимо, но недостаточно. В дискурсе эти прилагательные становятся средствами предварительной настройки восприятия. *Controversial* формирует конфликтную рамку, *fragile* – рамку риска и нестабильности. В этом проявляется функция дискурсивного фреймирования: прилагательное выбирает тот признак события, через который оно будет интерпретировано адресатом.

Сопоставление шести прилагательных позволяет выделить три уровня анализа. Первый уровень – лексико-семантический: он показывает, какое значение имеет прилагательное. Второй уровень – функционально-семантический: он выявляет объект, субъект, основание и норму оценки. Третий уровень – дискурсивный: он объясняет, как прилагательное организует восприятие события. *Good* и *bad* показывают зависимость оценки от основания; *strong* и *weak* – ее градуированность; *controversial* и *fragile* – способность прилагательных формировать интерпретационную рамку.

Собственная позиция автора состоит в том, что прежние подходы не должны противопоставляться как верные и ошибочные.

Каждый из них выявляет отдельный аспект эмоционально-оценочного прилагательного. Риторико-стилистический подход фиксирует выразительность, семантический – оценочное значение, психолингвистический – шкалируемость оценки, функционально-семантический – структуру оценочной ситуации, дискурсивный – роль прилагательного в организации восприятия текста. Ошибка возникает тогда, когда один из этих уровней принимается за достаточный. Только риторическое описание делает прилагательное внешним средством выразительности; только семантическое описание оставляет его в пределах словарного значения; только дискурсивное описание без семантической опоры может привести к произвольной интерпретации.

Наиболее продуктивным является комплексный подход. На первом этапе следует уточнить, какое значение прилагательное реализует в данном контексте. Затем необходимо установить основание оценки, определить функцию слова в конкретном сочетании или высказывании и после этого перейти к его дискурсивному эффекту. Такой порядок особенно важен при анализе англоязычного медиадискурса, где оценка нередко передаётся не прямым авторским суждением, а через выбор признака. Прилагательное может не затрагивать фактическую сторону сообщения, но существенно менять его тональность. Так, нейтральное сообщение о перемирии и сообщение о *fragile ceasefire* по-разному представляют одно и то же событие. Во втором случае акцент переносится на нестабильность ситуации, возможный срыв договорённостей и риск нового витка конфликта.

Тем самым эмоционально-оценочное прилагательное выступает не только как лексико-семантическая единица, но и как средство текстовой организации. Через него обозначение признака связывается с интерпретацией события. Именно поэтому анализ таких прилагательных важен для изучения медиадискурса: он позволяет увидеть, каким образом внешне нейтральный информационный текст включает оценочный компонент и задаёт определённый ракурс восприятия политических и социальных процессов.

При таком сопоставлении важно учитывать, что историческое развитие подходов не образует прямой линии, в которой каждый следующий этап полностью отменяет предыдущий. Риторико-стилистическое понимание сохраняет значение там, где анализируется воздействующая сила прилагательного; семантическое описание необходимо для установления значения и оценочной полярности; психолингвистическая модель полезна при рассмотрении шкалируемости; функционально-семантический подход позволяет выявить структуру оценочной ситуации; дискурсивный анализ показывает, каким образом прилагательное включается в стратегию интерпретации текста. Поэтому эволюция анализа эмоционально-оценочных прилагательных должна пониматься не как замена одной модели другой, а как усложнение исследовательского инструментария.

Особенно отчетливо это видно на паре *good – bad*. В семантическом плане эти прилагательные действительно образуют базовую аксиологическую оппозицию, что делает их удобными для шкального анализа [20]. Однако в реальном употреблении они не являются простыми универсальными маркерами оценки. В сочетании *good evidence* положительная оценка связана с доказательной силой, в *good strategy* – с практической целесообразностью, в *good law* – с нормативной приемлемостью, в *good person* – с моральным качеством. Следовательно, одна и та же положительная оценка опирается на разные нормы. Это подтверждает положение о том, что прилагательное реализует оценку только в связи с объектом и основанием оценки [1; 2].

Прилагательное *bad* демонстрирует ту же зависимость, но в отрицательной зоне оценочной шкалы. *Bad argument* не равно *bad person*, поскольку в первом случае отрицательная оценка относится к логической состоятельности, а во втором – к моральному облику субъекта. *Bad policy* может оцениваться по последствиям, эффективности, социальной справедливости или политической легитимности. Поэтому при анализе таких прилагательных нельзя ограничиваться переводом «хороший» или «плохой». Необходимо указывать, какая норма нарушается или подтверждается. В этом

состоит принципиальное отличие научного анализа от простого словарного толкования.

Прилагательные *strong* и *weak* также показывают, что оценка может быть встроена в описание степени. Их особенность состоит в том, что они часто не называют оценку прямо, а выражают ее через представление объекта как достаточного или недостаточного. *Strong evidence* означает не просто «сильное доказательство», а доказательство, которое соответствует норме убедительности. *Weak government* означает не просто «слабое правительство», а политический субъект, который не соответствует ожиданию управленческой эффективности. В этом смысле данные прилагательные особенно важны для медиадискурса, где оценка нередко выражается косвенно, без открытого авторского комментария.

Данный механизм соотносится с категорией градации в теории оценки [18]. Прилагательное может усиливать уже имеющуюся оценочность существительного или изменять степень ее восприятия. *Criticism* само по себе связано с отрицательной реакцией, но *strong criticism* делает эту реакцию более интенсивной. *Response* обозначает действие или реакцию, однако *weak response* оценивает ее как недостаточную. Следовательно, *strong* и *weak* выполняют не только описательную, но и оценочно-интенсифицирующую функцию. При этом их интерпретация зависит от объекта: *strong pressure* и *strong evidence* имеют разный прагматический эффект, хотя формально содержат одно и то же прилагательное.

Более сложный тип представляют *controversial* и *fragile*. Эти прилагательные важны потому, что они не просто уточняют признак объекта, а задают способ его прочтения. *Controversial reform* сообщает не только о наличии разногласий, но и о том, что реформа включена в поле общественного или политического конфликта. *Fragile ceasefire* сообщает не только о нестабильности перемирия, но и о возможности его нарушения. Поэтому такие прилагательные особенно значимы для новостного текста: они позволяют сохранить внешне информационный характер сообщения, но одновременно направляют интерпретацию читателя.

В этом отношении показательна разница между описательной и интерпретационной функцией. Если сказать *ceasefire agreement*, текст фиксирует сам факт соглашения. Если сказать *fragile ceasefire*, в сообщении включается оценка устойчивости этого соглашения и прогноз возможного развития ситуации. Аналогично *decision* может быть нейтральным обозначением действия, тогда как *controversial decision* сразу указывает на наличие конфликта вокруг этого действия. Именно поэтому функция дискурсивного фреймирования не должна пониматься как внешнее украшение текста: она связана с выбором признака, который становится главным для восприятия события.

Современные работы по медиадискурсу и новостным ценностям подтверждают, что оценка в новостном тексте распределяется по разным языковым уровням [9; 10; 12]. Исследования аффективности журналистики показывают, что она не всегда выражена прямым оценочным суждением [16]. Корпусные и вычислительные подходы расширили возможности анализа оценочной лексики, поскольку позволяют выявлять устойчивые модели употребления [11; 21; 22]. Эти данные дополняются работами, где внимание сосредоточено на дискурсивных связях и функционировании оценочного языка в медиакорпусах [23; 24]. Однако такие подходы не отменяют необходимости лингвистической интерпретации. Автоматическое определение положительной или отрицательной тональности может показать общий вектор оценки, но не всегда объясняет, почему *fragile* в одном контексте маркирует риск, а *weak* в другом выступает почти техническим описанием. Поэтому количественные и компьютерные методы должны дополняться семантическим, контекстуальным и дискурсивным анализом.

С учетом этого эмоционально-оценочные прилагательные можно рассматривать как один из наиболее удобных объектов для демонстрации развития лингвистической мысли. Они достаточно компактны как лексические единицы, но в то же время показывают сложное взаимодействие значения, оценки, эмоции и прагматики. *Good* и *bad* раскрывают проблему основания оценки; *strong* и *weak* – проблему градации; *controversial* и *fragile* – проблему дискурсивного фреймирования. В

совокупности эти прилагательные демонстрируют, что современный анализ не может ограничиваться одним уровнем описания.

Полученные наблюдения позволяют уточнить центральный тезис статьи: эмоционально-оценочное прилагательное не следует рассматривать только как слово с положительной или отрицательной окраской. Его анализ требует сочетания нескольких уровней: лексико-семантического, контекстуального, функционально-семантического и дискурсивного. На лексико-семантическом уровне выявляется общее значение прилагательного; на контекстуальном выражается его актуальный смысл в конкретном сочетании; на функционально-семантическом показывается основание оценки и соотнесённость объекта с определённой нормой; на дискурсивном – роль прилагательного в формировании ракурса восприятия. В этом смысле эмоционально-оценочное прилагательное выступает не только носителем оценки, но и средством организации интерпретации текста.

При анализе эмоционально-оценочных прилагательных необходимо также разграничивать оценочность, эмоциональность и экспрессивность. Оценочность указывает на соотнесение объекта с нормой; эмоциональность связана с выражением переживания или отношения; экспрессивность усиливает выразительность высказывания. Эти признаки могут совпадать, но не тождественны. Так, *controversial* прежде всего маркирует конфликтность и спорность, *strong* может выражать степень признака без яркой эмоциональности, а *fragile* часто соединяет оценку нестабильности с тревожным прогнозом. Поэтому при анализе нельзя автоматически считать любое оценочное прилагательное эмоциональным в одинаковой степени.

Позиция прилагательного в тексте также влияет на его функцию. В заголовке оценочное прилагательное задает первичную рамку восприятия, в лиде конкретизирует общий ракурс события, в основном тексте развивает оценочную линию, а в цитате может передавать позицию отдельного участника коммуникации. Например, *controversial* в заголовке обычно усиливает ожидание конфликта, тогда как в цитате может быть частью чужой оценки. *Fragile* в заголовке часто выполняет прогностическую функцию, поскольку

читатель с самого начала воспринимает ситуацию как нестабильную. Поэтому структурная позиция прилагательного должна учитываться наряду с его значением.

В медиатексте важно учитывать, откуда исходит оценка. Она может принадлежать автору материала, редакционной позиции, цитируемому политику, историческому контексту или более широкому общественному мнению. Прилагательное *controversial* редко выступает как нейтральное обозначение признака: сам выбор этого слова уже задает определенный способ прочтения ситуации. Сходным образом действует и *fragile*: даже без прямого упоминания провала оно переносит внимание читателя на нестабильность положения и вероятность срыва. Поэтому при анализе таких единиц необходимо учитывать не только их значение, но и их роль в организации медиатекста.

Сравнение выбранных прилагательных показывает, что эмоционально-оценочная лексика неоднородна. *Good* и *bad* передают прямую оценку, *strong* и *weak* описывают степень выраженности признака, а *controversial* и *fragile* формируют рамку восприятия события через идею конфликта, риска или неустойчивости. По этой причине при классификации подобных единиц важно обращать внимание не только на положительную или отрицательную направленность оценки, но и на то, каким способом эта оценка создается в тексте. Такое различие существенно для анализа англоязычного медиадискурса.

Включение современных исследований в список источников позволяет точнее показать современное состояние проблемы. Работы по новостным ценностям и аффективности журналистики показывают, что оценка в тексте может быть распределённой и многоуровневой [10; 12; 16]. Корпусные и вычислительные исследования подтверждают это на более широком языковом материале [11; 22; 24]. Дополнительные наблюдения над связью дискурсивных отношений и оценки представлены в специальных работах по корпусной прагматике [23]. Вместе с тем лингвистический анализ остается необходимым, поскольку именно он объясняет, какие компоненты значения активируются в конкретном контексте и почему одно прилагательное может выполнять разные функции в зависимости от объекта оценки.

С учетом этого развитие анализа эмоционально-оценочных прилагательных можно представить как движение от внешнего описания выразительности к внутреннему описанию оценочной структуры и далее к анализу дискурсивного эффекта. На первом этапе важен вопрос о том, усиливает ли прилагательное впечатление; на втором – какое значение и оценочную полярность оно выражает; на третьем – по какому основанию строится оценка; на четвертом – как прилагательное влияет на восприятие события. Такая последовательность позволяет сохранить достижения прежних подходов и одновременно избежать их ограничений.

Заключение

1. Анализ подходов к эмоционально-оценочным прилагательным показывает, что их описание постепенно вышло за пределы чисто стилистического понимания. Если первоначально такие единицы чаще связывались с выразительностью речи, то в более поздних работах на первый план вышли оценочное значение, связь с контекстом, основание оценки и роль прилагательного в организации восприятия текста.

2. Рассмотренные примеры подтверждают, что эмоционально-оценочное прилагательное нельзя объяснить только через положительную или отрицательную окраску. Прилагательные *good* и *bad* требуют учета того, что именно оценивается и по какой норме. Слова *strong* и *weak* показывают степень проявления признака и зависят от объекта характеристики. Прилагательные *controversial* и *fragile* особенно важны для медиатекста, поскольку они не просто описывают событие, а заранее задают его восприятие: через конфликт, риск, нестабильность или возможность срыва.

3. В связи с этим наиболее обоснованным является анализ, который соединяет несколько уровней: значение слова, его контекстное употребление, объект и основание оценки, а также функцию в тексте. Такой подход позволяет избежать упрощения, при котором прилагательное рассматривается только как украшение речи или как единица с готовым словарным значением.

4. В англоязычном медиадискурсе эмоционально-оценочные прилагательные выступают важным средством смысловой орга-

низации. Через них медиатекст не только сообщает о событии, но и выделяет в нем значимые признаки, формирует оценочную тональность и направляет читательское восприятие. Поэтому анализ таких единиц помогает точнее понять, каким образом новостной текст передает оценку даже тогда, когда она не выражена прямым авторским комментарием.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. (1988). *Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт*. Москва: Наука. 338 с.
2. Вольф, Е. М. (1985). *Функциональная семантика оценки*. Москва: Наука. 228 с.
3. Мосягина, М. С. (2021). Эмоциональность англоязычного медиадискурса как проявление национальных особенностей речи. *Вестник Марийского государственного университета*, 15(2), 230–236. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-230-236>. EDN: <https://elibrary.ru/ELHMYR>
4. Потебня, А. А. (1999). *Полное собрание трудов: Мысль и язык*. Москва: Лабиринт. 300 с.
5. Прохорова, О. Н., Чекулай, И. В., & Кононова, А. И. (2021). Оценочно-семантический анализ прилагательных английского языка, передающих значение «привлекательность». *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 40(1), 120–128. <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2021-40-1-120-128>. EDN: <https://elibrary.ru/CADSAK>
6. Чекулай, И. В., & Прохорова, О. Н. (2013). Оценочный потенциал имен прилагательных в английском языке. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*, (3), 97–104. https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9304/ru_RU. EDN: <https://elibrary.ru/PIFWIP>
7. Шаховский, В. И. (2008). *Лингвистическая теория эмоций*. Москва: Гнозис. 414 с.
8. Bain, A. (1867). *English Composition and Rhetoric: A Manual*. New York: D. Appleton and Company. <https://archive.org/details/englishcompositi00bainrich>
9. Bednarek, M. (2006). *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus*. London: Continuum.
10. Bednarek, M. (2016). Investigating evaluation and news values in news items that are shared through social media. *Corpora*, 11(2), 227–257. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0093>
11. Benamara, F., Taboada, M., & Mathieu, Y. (2017). Evaluative language beyond bags of words: Linguistic insights and computational applications. *Computational Linguistics*, 43(1), 201–264. https://doi.org/10.1162/COLI_a_00278

12. Caple, H., & Bednarek, M. (2016). Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography. *Journalism*, 17(4), 435–455. <https://doi.org/10.1177/1464884914568078>
13. Cruse, D. A. (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Goddard, C., Taboada, M., & Trnavac, R. (2019). The semantics of evaluational adjectives: Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language*, 26(3), 308–342. <https://doi.org/10.1075/fof.00029.god>
15. Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2000). *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198238546.001.0001>
16. Koivunen, A., Kanner, A., Janicki, M., Harju, A., Hokkanen, J., & Mäkelä, E. (2021). Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*, 22(5), 1190–1206. <https://doi.org/10.1177/1464884920985724>. EDN: <https://elibrary.ru/ORJRIB>
17. Leech, G. N. (1981). *Semantics: The Study of Meaning* (2nd ed.). Harmondsworth: Penguin Books.
18. Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230511910>
19. Ogden, C. K., & Richards, I. A. (1923). *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. New York: Harcourt, Brace & World.
20. Osgood, C. E., Suci, G. J., & Tannenbaum, P. H. (1957). *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
21. Peldová, P. (2016). Fundamental evaluative adjective patterns in British broadsheet and tabloid newspaper discourse. *ACC Journal*, 22(3), 14–23. https://acc-ern.tul.cz/archiv/PDF/ACC_2016_3_02.pdf
22. Taboada, M. (2025). Computational evaluation: Representing and processing evaluative language. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 44(1), 1–29. <https://doi.org/10.18148/zs/2025-2003>
23. Trnavac, R., Das, D., & Taboada, M. (2016). Discourse relations and evaluation. *Corpora*, 11(2), 169–190. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0091>
24. Trnavac, R., & Pöldvere, N. (2024). Investigating appraisal and the language of evaluation in fake news corpora. *Corpus Pragmatics*, 8, 107–130. <https://doi.org/10.1007/s41701-023-00162-x>. EDN: <https://elibrary.ru/EIAMUX>

References

1. Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. 338 pp.
2. Volf, E. M. (1985). *Functional semantics of evaluation*. Moscow: Nauka. 228 pp.

3. Mosyagina, M. S. (2021). Emotionality of English-language media discourse as a manifestation of national speech features. *Vestnik of Mari State University*, 15(2), 230–236. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2021-15-2-230-236>. EDN: <https://elibrary.ru/ELHMYP>
4. Potebnya, A. A. (1999). *Complete works: Thought and language*. Moscow: Labirint. 300 pp.
5. Prokhorova, O. N., Chekulai, I. V., & Kononova, A. I. (2021). Evaluative-semantic analysis of English adjectives conveying the meaning of “attractiveness”. *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*, 40(1), 120–128. <https://doi.org/10.18413/2712-7451-2021-40-1-120-128>. EDN: <https://elibrary.ru/CADSAK>
6. Chekulai, I. V., & Prokhorova, O. N. (2013). Evaluative potential of adjectives in the English language. *RUDN Journal of Linguistics*, (3), 97–104. https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9304/ru_RU. EDN: <https://elibrary.ru/PIFWIP>
7. Shakhovskiy, V. I. (2008). *Linguistic theory of emotions*. Moscow: Gnozis. 414 pp.
8. Bain, A. (1867). *English Composition and Rhetoric: A Manual*. New York: D. Appleton and Company. <https://archive.org/details/englishcompositi00bainrich>
9. Bednarek, M. (2006). *Evaluation in Media Discourse: Analysis of a Newspaper Corpus*. London: Continuum.
10. Bednarek, M. (2016). Investigating evaluation and news values in news items that are shared through social media. *Corpora*, 11(2), 227–257. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0093>
11. Benamara, F., Taboada, M., & Mathieu, Y. (2017). Evaluative language beyond bags of words: Linguistic insights and computational applications. *Computational Linguistics*, 43(1), 201–264. https://doi.org/10.1162/COLI_a_00278
12. Caple, H., & Bednarek, M. (2016). Rethinking news values: What a discursive approach can tell us about the construction of news discourse and news photography. *Journalism*, 17(4), 435–455. <https://doi.org/10.1177/1464884914568078>
13. Cruse, D. A. (1986). *Lexical Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Goddard, C., Taboada, M., & Trnavac, R. (2019). The semantics of evaluational adjectives: Perspectives from Natural Semantic Metalanguage and Appraisal. *Functions of Language*, 26(3), 308–342. <https://doi.org/10.1075/foL.00029.god>
15. Hunston, S., & Thompson, G. (Eds.). (2000). *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198238546.001.0001>
16. Koivunen, A., Kanner, A., Janicki, M., Harju, A., Hokkanen, J., & Mäkelä, E. (2021). Emotive, evaluative, epistemic: A linguistic analysis of affectivity in news journalism. *Journalism*, 22(5), 1190–1206. <https://doi.org/10.1177/1464884920985724>. EDN: <https://elibrary.ru/ORJRIIB>
17. Leech, G. N. (1981). *Semantics: The Study of Meaning* (2nd ed.). Harmondsworth: Penguin Books.

18. Martin, J. R., & White, P. R. R. (2005). *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. New York: Palgrave Macmillan. <https://doi.org/10.1057/9780230511910>
19. Ogden, C. K., & Richards, I. A. (1923). *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. New York: Harcourt, Brace & World.
20. Osgood, C. E., Suci, G. J., & Tannenbaum, P. H. (1957). *The Measurement of Meaning*. Urbana: University of Illinois Press.
21. Peldová, P. (2016). Fundamental evaluative adjective patterns in British broadsheet and tabloid newspaper discourse. *ACC Journal*, 22(3), 14–23. https://acc-ern.tul.cz/archiv/PDF/ACC_2016_3_02.pdf
22. Taboada, M. (2025). Computational evaluation: Representing and processing evaluative language. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 44(1), 1–29. <https://doi.org/10.18148/zs/2025-2003>
23. Trnavac, R., Das, D., & Taboada, M. (2016). Discourse relations and evaluation. *Corpora*, 11(2), 169–190. <https://doi.org/10.3366/cor.2016.0091>
24. Trnavac, R., & Pöldvere, N. (2024). Investigating appraisal and the language of evaluation in fake news corpora. *Corpus Pragmatics*, 8, 107–130. <https://doi.org/10.1007/s41701-023-00162-x>. EDN: <https://elibrary.ru/EIAMUX>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Овезов Байрамгелди Гелдимырадович, аспирант, ассистент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
ул. Победы, 85, г. Белгород, 308005, Российская Федерация
bayramgeldiovezov@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Bayramgeldi G. Ovezov, PhD Student, Assistant Lecturer of the Department of English Philology and Intercultural Communication
Belgorod State University
85, Pobeda Str., Belgorod, 308005, Russian Federation
bayramgeldiovezov@gmail.com
SPIN-code: 3007-6475
ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-2853-6276>

Поступила 15.05.2026

После рецензирования 11.06.2026

Принята 16.06.2026

Received 15.05.2026

Revised 11.06.2026

Accepted 16.06.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-545](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-545)

EDN: [UIUDCH](https://www.edn.ru/entry/10.12731/3033-5981-2026-18-2-545)

УДК 81'42:070

Интертекстуальность в заголовках российских медиа: когнитивный и культурологический аспекты

С.А. Цандер¹, А.А. Билялова²

¹*Набережночелнинский институт КФУ, Набережные Челны,
Российская Федерация*

²*Елабужский институт КФУ, Елабуга, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Статья посвящена анализу интертекстуальности как когнитивного механизма смыслообразования в современном медиапространстве. Актуальность исследования определяется возрастающей ролью медиатекстов в формировании интерпретаций социальной реальности и в организации коллективного восприятия событий. В условиях высокой семиотической плотности медиакommunikation интертекстуальные включения выступают не только как стилистическое средство, но и как инструмент активации фоновых знаний, культурной памяти и ассоциативных сценариев адресата.

Цель. Выявление когнитивных функций интертекстуальности в медиатекстах и систематизация механизмов ее реализации в современном российском медиадискурсе.

Материалы и методы. В работе использованы методы теоретического анализа, дискурсивного, когнитивного и семантического анализа медиатекстов. Материалом исследования послужили заголовки современных российских СМИ, отобранные методом сплошной выборки из изданий «Коммерсантъ», «Газета.ru», «Челнинские известия» за период сентябрь – декабрь 2025 г.

Результаты. На основе сопоставления типов медиапрезентации и уровней культурологического контекста предложена аналитическая модель описания интертекстуальности. Эмпирический анализ показал, что в исследованном корпусе доминирует механизм реконструкции, а наиболее частотными уровнями смысловой организации выступают коннотативный и ассоциативный. Установлено, что интертекстуальность в современном медиапространстве выполняет функцию когнитивного моделирования реальности и обеспечивает управляемое включение аудитории в интерпретацию событий.

Ключевые слова: интертекстуальность; медиатекст; медиадискурс; когнитивная лингвистика; медиалингвистика; культурологический контекст

Для цитирования. Цандер, С. А., & Билялова, А. А. (2026). Интертекстуальность в заголовках российских медиа: когнитивный и культурологический аспекты. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 231–253. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-545>

Intertextuality in Russian media headlines: cognitive and cultural aspects

S.A. Tsander¹, A.A. Bilyalova²

¹*Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation*

²*Elabuga Institute of Kazan Federal University, Elabuga, Russian Federation*

Abstract

Background. This article examines intertextuality as a cognitive mechanism for meaning-making in the contemporary media landscape. The relevance of this study stems from the growing role of media texts in shaping interpretations of social reality and in organizing collective perceptions of events. In the context of the high semiotic density of media communication, intertextual references function not only as a stylistic device but also as a tool for activating the recipient's background knowledge, cultural memory, and associative scenarios.

Purpose. To identify the cognitive functions of intertextuality in media texts and to systematize the mechanisms of its realization in contemporary Russian media discourse.

Materials and methods. The study employs methods of theoretical analysis, as well as as discursive, cognitive, and semantic analysis of media texts. The research material consists of headlines from contemporary Russian media, selected using a comprehensive sampling method from the publications Kommersant, Gazeta.ru, and Chelnynskie Izvestia for the period September – December 2025.

Results. Based on a comparison of types of media representation and levels of cultural context, an analytical model for describing intertextuality is proposed. Empirical analysis showed that the mechanism of reconstruction dominates in the studied corpus, and the most frequent levels of semantic organization are the connotative and associative levels. It is concluded that intertextuality in the contemporary media space serves the function of cognitive modeling of reality and ensures the controlled involvement of the audience in the interpretation of events.

Keywords: intertextuality; media text; media discourse; cognitive linguistics; media linguistics; cultural context

For citation. Tsander, S. A., & Bilyalova, A. A. (2026). Intertextuality in Russian media headlines: cognitive and cultural aspects. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 231–253. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-545>

Введение

В современном обществе, важнейшей движущей силой которого является информация, производство и управление информацией становится идеологическим проектом. *Основным типом дискурса при этом выступает дискурс масс-медиа.* Медиадискурс реализует свою сущность посредством отображения смыслов как дискурсивных событий, наименований, метафор, понятий, образов, оценок, мифологем, идеологем на широкую аудиторию с целью формирования общих мировоззренческих принципов. Таким образом, современное медиапространство является одной из ключевых сред конструирования социальной реальности. Именно через каналы массовой коммуникации аудитория получает сведения о политических, культурных, экономических и повседневных событиях, а также усваивает способы их интерпретации. В связи с этим медиатекст уже не может рассматриваться исключительно как средство передачи информации. Он выступает сложной когнитивно-дискурсивной структурой, которая организует восприятие фактов, задает рамки их осмысления и формирует ценностные акценты [10].

Трансформация медийной среды, связанная с развитием цифровых технологий, привела к существенному изменению природы текста. На смену преимущественно линейному печатному сообщению пришли многоканальные, поликодовые и динамические формы коммуникации, включающие вербальные, визуальные, аудиальные и креолизованные элементы. В этих условиях особенно заметной становится роль интертекстуальности как механизма, обеспечивающего смысловую компрессию, экспрессивность и когнитивную доступность медиасообщения. Термины «интертекст» и «интертекстуальность» (как свойство) были введены в 1967 году в работах семиотика и теоретика постмодернизма Юлии Кристевой [18]. Классическую формулировку этим понятиям придал Ролан Барт: «Каждый текст является интертекстом: другие тексты присутствуют

в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык» [1]. В данных условиях особенно значимой становится интертекстуальность – механизм, обеспечивающий смысловую компрессию и когнитивную доступность сообщения. Иными словами, любой текст – это «ткань из старых цитат», что особенно наглядно проявляется в медиа.

Использование журналистами интертекстуальных элементов из чужих текстов в собственные произведения стало ведущей чертой современной публицистики и представляет особый интерес, поскольку апеллирует не только к тексту-предшественнику, но и к культурной памяти аудитории, к ее фоновым знаниям, сценариям восприятия и интерпретационным привычкам. Порождая двуплановость или многоплановость, «включенный текст» служит целям языковой игры разного рода: способствует поэтизации текста, создает поэтический намек, подтекст, рождает загадку, формирует ироническое, саркастическое, гротескное, трагическое или иное звучание. Через цитаты, аллюзии, реминисценции, прецедентные имена и формулы медиатекст активизирует уже имеющиеся у адресата когнитивные структуры и тем самым облегчает декодирование сложных социальных явлений. Как подчеркивает Н.А. Кузьмина, «интертекстуальность – это глубина текста, определяемая его способностью накапливать информацию не только за счет отражения действительности, но и опосредованно, извлекая ее из других текстов. Она связана с такими понятиями, как традиция, семиотическая память культуры, деривационная история текста» [19]. Так же интертекстуальность может выполнять и манипулятивную функцию, задавая нужную оценочную перспективу и направляя интерпретацию события в желаемое русло.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что когнитивное освоение реальности в значительной степени опре-

деляется теми нарративами и интерпретациями, которые продуцируются и транслируются в медиа. В условиях информационной перегрузки именно интертекстуальные механизмы позволяют медиатексту быть одновременно компактным, выразительным и содержательно насыщенным.

Цель исследования состоит в выявлении когнитивных аспектов интертекстуальности в современном медиапространстве и в систематизации механизмов ее функционирования в медиатексте.

Материалом исследования послужили заголовки современных российских медиа, отобранные методом сплошной выборки из изданий «Коммерсантъ», «Газета.ру», «Челнинские известия» за период сентябрь – декабрь 2025 г. Общий объем проанализированного материала составил 44 заголовка.

Методологическую основу исследования составили труды по теории дискурса, теории нарратива, медиалингвистике, лингвокультурологии и когнитивной семантике. В работе использованы методы теоретического анализа научной литературы, семантического анализа, дискурсивного анализа, когнитивного анализа и описательно-интерпретативного анализа эмпирического материала. Дополнительно, как показано в работе Л. Мэнцзе, для выявления глубинных культурных смыслов может применяться пропозиционный анализ, который, однако, не являлся основным в данном исследовании; тем не менее, его сопоставление с когнитивным (фреймовым) анализом, рассматривающим текст через иерархические связи фреймов по оси «причина – следствие», и со структурно-семантическим анализом как традиционным подходом позволяет уточнить методологическую оптику [22, с. 94–112].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на материале заголовков российских интернет-СМИ («Коммерсантъ», «Газета.ру», «Челнинские известия») за период сентябрь–декабрь 2025 г. предложена и апробирована аналитическая модель, объединяющая тип медиапрезентации (отражение / реконструкция / миф) и уровень культурологического контекста (денотативный, коннотативный, ассоциативный, метафорический). В отличие от

предшествующих работ, в работе дифференцированы когнитивные функции аллюзии и реминисценции применительно к заголовочному комплексу, а также эмпирически установлено доминирование реконструкции и коннотативно-ассоциативных уровней как механизмов управления интерпретацией.

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенная дифференциация уровней позволяет не только точнее моделировать когнитивный профиль целевой аудитории, но и проектировать сообщения с прогнозируемой декодируемостью. Это обеспечивает достижение коммуникативной эффективности даже в условиях высокой семантической плотности, создаваемой интертекстуальными элементами, которые имплицитно вовлекают индивидуальный опыт реципиента в процесс смыслообразования.

Медиатекст как объект медиалингвистики

В современном гуманитарном знании медиатекст рассматривается как центральный объект медиалингвистики, объединяющей лингвистические, культурологические, прагматические и когнитивные подходы к анализу массовой коммуникации [3; 4; 11; 12]. В отличие от традиционного печатного текста медиатекст обладает повышенной динамичностью, мультимодальностью и включенностью в актуальный коммуникативный контекст. Он не существует изолированно, а функционирует в системе технологических, жанровых и идеологических координат.

Существенным для настоящего исследования является понимание медиатекста как завершенного продукта речемыслительной деятельности, созданного для массовой коммуникации и функционирующего в конкретной медийной среде. М.В. Коновалова, развивая идеи Т. ван Дейка, предлагает рассматривать новостной медиатекст как статический «срез» медиадискурса, что позволяет анализировать вербальные компоненты и дискурсивные признаки медийного речевого произведения. В интернет-медиадискурсе эвокация воплощает когнитивный процесс, оперирующий концептами и фоновыми знаниями реципиента информации при преобразовании события в

текст. При восприятии медиатекста эвокация отвечает за вызов в памяти реципиента медийной информации концептов, существующих в его картине мира и связанных с содержанием [16]. Его специфика определяется не только языковыми параметрами, но и каналом распространения, характером аудитории, жанровой моделью, технологией производства и коммуникативной задачей. Именно поэтому медиатекст следует анализировать как многослойное образование, в котором вербальный компонент взаимодействует с культурным и когнитивным контекстом.

Как справедливо отмечают А.В. Зорина и К.М. Амирханова, «в отечественной и зарубежной лингвистике особое внимание уделяется новостному дискурсу как старейшей разновидности медийного дискурса. Нидерландский лингвист Тён А. ван Дейк, говоря о новостном дискурсе, отмечает, что структуры медиатекстов необходимо рассматривать как результат когнитивной и социальной деятельности журналистов по производству текстов и их значений, а также их интерпретации на основе собственного опыта читателями газет» [15, с. 181–182].

Медиадискурс, в отличие от медиатекста, акцентирует не столько зафиксированный результат, сколько процесс коммуникации, погруженный в реальную социальную практику. В этом смысле медиатекст можно определить как формально закреплённое сообщение, а медиадискурс – как функционирование этого сообщения в системе социальных отношений, идеологических установок и интерпретационных практик.

Интертекстуальность как механизм смыслообразования: аллюзия и реминисценция

Интертекстуальность традиционно понимается как система отношений текста с другими текстами, однако в медиапространстве ее функции существенно расширяются. Здесь она становится способом смысловой организации сообщения, средством привлечения внимания, инструментом оценочности и формой включения адресата в процесс интерпретации. Исследователи подчеркивают, что в современном медиадискурсе интертекстуальность является его

отличительной чертой, а прецедентные единицы широко используются для формирования общественного мнения [21; 25].

В лингвостилистическом плане интертекстуальные включения могут быть проанализированы по четырем уровням языка, как это предлагают Г.К. Гималетдинова и А.Р. Алимова [8, с. 103–123]:

- фонетический (аллитерация, ассонанс, рифма);
- морфемный (повторы морфем, окказионализмы, игра слов);
- лексический (эпитеты, метафоры, эмотивная лексика, части речи);
- синтаксический (парцелляция, градация, параллелизм, эллипсис).

Применительно к интертекстуальности на фонетическом уровне можно говорить о звуковых повторах в цитируемых слогах или заголовках; на морфемном – об игре с корнями в интертекстуальных отсылках (например, переделке известной фразы); на лексическом – о выборе чужих слов, оценочной лексике при введении чужой речи; на синтаксическом – о способах встраивания цитаты в свой текст (парцелляция, эллипсис). Эта уровневая модель позволяет системно описывать формальные маркеры интертекстуальности.

Особенность интертекстуальности в медиадискурсе состоит в том, что она функционирует в условиях ускоренного восприятия текста. Заголовок, краткий комментарий или мем должны почти мгновенно активировать у адресата определённый когнитивный сценарий. Именно поэтому интертекстуальные элементы в медиа обычно опираются на легко считываемые культурные коды, широко известные прецедентные тексты, устойчивые выражения, фольклорные формулы, названия произведений, образы массовой культуры и политические клише.

Для более точного описания этого явления важно разграничить два близких, но не совпадающих механизма – аллюзию и реминисценцию. В современном медиадискурсе они выполняют разные функции.

Как отмечает Н.Г. Кривуля, аллюзия представляет собой отсылку к известному тексту, событию или личности [17]. Она соотносена с конкретным источником и предполагает его узнавание адресатом. Так, заголовок «По эту сторону Зазеркалья» отсылает к произведе-

нию Л. Кэрролла. Если эта связь не распознаётся, утрачивается дополнительный смысловой слой, связанный с представлениями об абсурде, перевёрнутом мире или альтернативной реальности. С когнитивной точки зрения аллюзия выступает как механизм актуализации конкретного фрейма, закреплённого в долговременной памяти.

К. Перри выделяет следующие характеристики аллюзии: 1) предположение об общих фоновых знаниях / прагматическое предположение; 2) импликатура со стороны говорящего/писателя для передачи имплицитного интертекстуального значения; 3) умозаключение со стороны слушателя/читателя, предполагающее использование фоновых знаний, в частности знание других текстов; 4) опосредованность; 5) интертекстуальность [2, pp. 5–6; 18 цит. по: с. 240–241].

Реминисценция имеет иной характер. Она связана не столько с прямой отсылкой, сколько с воспроизведением образа, мотива или ритмико-синтаксической модели, формирующих узнаваемый культурный фон. В отличие от аллюзии, реминисценция не требует точного опознания источника. Например, заголовок «Жил-был код» не отправляет к какому-то одному тексту, но вызывает ассоциацию со сказочным повествованием. Благодаря этому реминисценция оказывается более гибким средством, так как создает нужный эмоционально-стилистический эффект даже без точной идентификации претекста.

В когнитивном аспекте интертекстуальность можно рассматривать как механизм активации фоновых знаний. Она позволяет автору не разворачивать весь смысл эксплицитно, а вызывать у адресата необходимый ассоциативный комплекс с помощью компактного текстового сигнала. Тем самым интертекстуальность обеспечивает смысловую компрессию и одновременно усиливает прагматическое воздействие текста.

Когнитивный аспект медиакommunikации

С позиций когнитивного подхода медиатекст рассматривается не только как источник информации, но и как инструмент осмысления и интерпретации действительности. Реальность в медиа не

отражается нейтрально. Она репрезентируется через определенные интерпретационные схемы, которые задают фокус внимания, систему оценок и эмоциональный фон восприятия. Н.Н. Болдырев и Т.Н. Ефименко определяют медиаинтерпретанту как интерпретанту, имплицитную скрытую интенцию автора медиатекста навязать потенциальному адресату определённый ракурс восприятия и осмысления описываемого события, его оценку [5]. Следовательно, анализ того, как работают медиаинтерпретанты, позволяет выявить глубинные когнитивные стратегии управления восприятием. Это подчеркивает важность изучения когнитивных механизмов воздействия. С этой точки зрения особенно важны положения о том, что когнитивное освоение мира адресатом зависит от тех версий и интерпретаций, которые распространяются по каналам массовой коммуникации. Медиа не только сообщают о событии, но и формируют модель его понимания. Интертекстуальность в данном процессе выступает одним из наиболее эффективных инструментов, поскольку она связывает новое сообщение с уже освоенными культурными и языковыми структурами.

В современном медиапространстве данная функция усиливается вследствие распространения визуальных и гибридных форм контента, меметизации коммуникации, клипового формата восприятия и общего роста информационного шума. Как показывают современные исследования, в новой медиасреде интернет-СМИ интертекстуальность новостных заголовков становится фокусом трансдисциплинарного изучения, приобретая такие свойства, как гипертекстуальность, множественность и открытость. Чем выше плотность информационного потока, тем значимее становятся средства, позволяющие быстро кодировать и декодировать сложные смыслы. Интертекстуальность оказывается одним из таких средств.

Важный вклад в понимание того, как интертекстуальность работает на разных этапах восприятия, вносят И.Н. Протопопова и Н.А. Сытина [24, с. 106–123]. В контексте критического осмысления текстов ими предлагается алгоритм, который может быть экстраполирован на медиадискурс:

- вызов: интертекстуальный маркер (например, неожиданная цитата) привлекает внимание, активирует фоновые знания;
- осмысление: читатель сопоставляет цитируемый фрагмент с авторским текстом, оценивает уместность и достоверность;
- рефлексия: интерпретация чужой речи ведёт к переоценке собственного понимания темы.

Эта трёхфазная модель позволяет рассматривать интертекстуальность не как статический приём, а как динамический когнитивный процесс, вовлекающий адресата в активную интерпретационную деятельность.

Методология анализа интертекстуальности в медиатексте

Для системного описания интертекстуальности в медиапространстве представляется продуктивным сопоставление двух параметров: типа медиапрезентации и уровня культурологического контекста.

1. Типы медиапрезентации

В работе учитываются три типа медиапрезентации:

- отражение, предполагающее ориентацию на максимально точное воспроизведение события;
- реконструкция, связанная с интерпретативным воссозданием события в соответствии с жанровыми, идеологическими и прагматическими задачами;
- миф, представляющий собой намеренно сконструированную модель события, ориентированную на формирование устойчивого образа и эмоционально заданной реакции.

Эта типология позволяет определить, каким образом медиатекст соотносится с референтной действительностью и насколько активно он участвует в ее смысловом моделировании.

2. Уровни культурологического контекста

Для анализа глубины смыслового восприятия интертекстуальных элементов используются следующие уровни:

- денотативный, на котором культурно значимая информация выражена прямо и эксплицитно;
- коннотативный, где смысл связан с оценочными и эмоциональными оттенками;

- ассоциативный, предполагающий активацию культурных связей, прецедентных имен, сюжетов и образов;
- метафорический, на котором культурно значимая информация организуется через образное моделирование.

Такое разграничение позволяет описать не только форму интертекстуального включения, но и глубину его когнитивной обработки адресатом.

Интертекстемы как единицы анализа

На разных уровнях культурологического контекста актуализируются различные формы интертекстуальности. Денотативный уровень чаще всего реализуется через прямую цитату и узнаваемую, почти буквальную отсылку к претексту. Коннотативный уровень связан с аллюзией, реминисценцией, стилистическими клише и оценочно маркированными формулами. Ассоциативный уровень активируется через прецедентные имена, названия, ключевые образы и культурные символы. Метафорический уровень предполагает использование интертекстуального прототипа как основы для образного переноса. В этом контексте значимы идеи Дж. Лакоффа о концептуальной метафоре, ориентационных метафорах (верх-низ, внутри-снаружи и др.), концепте вместилища (container), а также о роли физического и культурного опыта [20, с. 196–198].

Понимание интертекстуальности как способа трансляции кода культуры позволяет рассматривать ее как процесс обращения к семиотической памяти, в рамках которого отдельные единицы текста выступают операторами культурной преемственности. Предлагаемая модель позволяет описывать интертекстуальность не как единичный стилистический прием, а как многоуровневый когнитивно-дискурсивный механизм.

В качестве иллюстрации интертекстуальных стратегий в медиа можно обратиться к исследованию Г.Ш. Хакимовой, посвящённому текстам слухов о селебрити. Автор выделяет структурные компоненты таких текстов (интригующий заголовок, лид, экспозицию со ссылкой на журнал ОК!, спекуляции о причинах, вероятностный прогноз) и экспрессивные средства (риторические вопросы, про-

сторечные лексемы, речевые штампы, аллюзии). Г.Ш. Хакимова отмечает «наложение нерелевантных стилистических приёмов на избранную жанровую форму в персуазивных целях, что ведёт к гибридизации дискурса» [27, с. 170]. Этот пример подтверждает, что интертекстуальность пронизывает различные жанры медиадискурса и служит не только эстетическим, но и прагматическим целям.

Эмпирический анализ интертекстуальности в заголовках российских СМИ

Эмпирическую базу исследования составили 44 заголовка современных российских СМИ, отобранные методом сплошной выборки из изданий «Коммерсантъ», «Газета.ru», «Челнинские известия» за период сентябрь–декабрь 2025 г. Выбор именно заголовков обусловлен тем, что заголовочный комплекс является наиболее концентрированной зоной прагматического и смыслового воздействия в медиатексте. Заголовок должен одновременно информировать, привлекать внимание, задавать интерпретационную рамку и вызывать эмоциональный отклик, поэтому интертекстуальные механизмы в нем проявляются особенно отчетливо. Актуальность изучения именно заголовков подтверждается современными работами, которые рассматривают их интертекстуальность в контексте цифровых медиа и новых форм коммуникации.

Проведенный анализ показал, что интертекстуальность в заголовках российских СМИ реализуется преимущественно через реконструкцию. Это означает, что журналистский текст в большинстве случаев не ограничивается нейтральной фиксацией события, а предлагает аудитории уже интерпретированную модель его восприятия.

Показательны следующие примеры:

- Заголовок «Жил-был код» («Коммерсантъ») [13] апеллирует к сказочной формуле зачина и тем самым переводит технологическую тематику в образно-метафорическую плоскость. Здесь работает механизм реминисценции: точный источник не важен, активируется сам архетип сказки. Такая стратегия облегчает восприятие специализированного содержания и придает ему игровую тональность.

- Заголовок «Винни-Пух, и отобрали все-все-все» («Коммерсантъ») [6] актуализирует детский литературный претекст (конкретная аллюзия на А. Милна и Б. Заходера) и строится на узнаваемой интонационной модели. За счет этого формируется сложный ассоциативный эффект, в котором сочетаются наивность, комизм и скрытая критическая оценка описываемой ситуации.

- Заголовок «По эту сторону Зазеркалья» («Коммерсантъ») [23] основан на аллюзии к литературному произведению Л. Кэрролла и моделирует ситуацию через концепт альтернативной реальности. Ассоциативный потенциал такой формулы позволяет представить событие как находящееся в зоне абсурда, искажения или символического перехода в иную систему координат.

- Заголовок «Год конём» («Коммерсантъ») [9] использует трансформацию устойчивого выражения («год за годом») и одновременно опирается на шахматную образность (ход конём). В результате создается компактная метафорическая модель стратегического действия, ориентированная на быстрое считывание.

- Заголовок «Тише едешь, дальше будешь» («Коммерсантъ») [26] демонстрирует использование пословичной формы в почти прямом виде. В этом случае интертекстуальность реализуется преимущественно на денотативном уровне и выполняет обобщающую функцию.

- Заголовок «Рыть или не рыть? Вот в чем вопрос. Идею тоннеля через Берингов пролив оценили эксперты» («Газета.ру») [14] построен на аллюзии к шекспировской формуле «Быть или не быть?». Обсуждение инфраструктурного проекта отражено в философско-риторическом аспекте. Интертекстуальная отсылка активизирует не столько конкретный претекст, сколько сам архетип рефлексивного выбора, придавая драматическое и концептуальное звучание медиатопику. С точки зрения предложенной модели данный заголовок реализует реконструкцию как тип медиапрезентации, а по уровню культурологического контекста тяготеет к метафорическому (образное моделирование выбора) и ассоциативному (активация культурного архетипа).

- Заголовок «Культура не для масс: челнинцы потратили десятки тысяч рублей на „Свадьбу Фигаро“» («Челнинские известия») [7] актуализирует оппозицию «элитарное / массовое» и вводит иронию через контраст высокой культуры и бытовых расходов. В рамках аналитической модели этот случай также относится к типу реконструкции, а его смысловая организация осуществляется преимущественно на коннотативном уровне (оценочно-эмоциональные оттенки: ирония, противопоставление) с элементами ассоциативного уровня (культурный код оперы Моцарта как маркер «элитарного»).

Таким образом, уже на уровне отдельных примеров видно, что интертекстуальные включения в заголовках выполняют не декоративную, а когнитивно-прагматическую функцию. Они обеспечивают семантическую компрессию, эмоциональную маркированность и активацию культурной памяти.

Количественный анализ корпуса показал, что по механизму медиапрезентации во всех 44 случаях была зафиксирована реконструкция. Иными словами, в исследуемом материале не обнаружено примеров нейтрального отражения или мифологизированной репрезентации в чистом виде. Это позволяет сделать вывод о принципиально интерпретативной природе заголовочного медиадискурса.

Данные на Рисунке 1 свидетельствуют о том, что наиболее продуктивными способами организации смысла в заголовках являются не прямое цитирование и не буквальная отсылка к претексту, а формы, предполагающие оценочную и ассоциативную обработку сообщения.

Абсолютное доминирование реконструкции подтверждает, что современный медиадискурс в своей заголовочной зоне ориентирован, прежде всего, на интерпретацию реальности. Событие включается в уже готовую рамку восприятия, а заголовок задает читателю направление когнитивной обработки еще до знакомства с основным текстом.

Преобладание коннотативного (36%) и ассоциативного (32%) уровней, которые в сумме составляют 68%, свидетельствует о том, что интертекстуальность в медиадискурсе ориентирована, прежде всего, на эмоционально-оценочное воздействие и актуализацию общего культурного опыта аудитории. Именно эти уровни оказы-

ваются наиболее продуктивными в условиях дефицита внимания и высокой скорости восприятия информации.

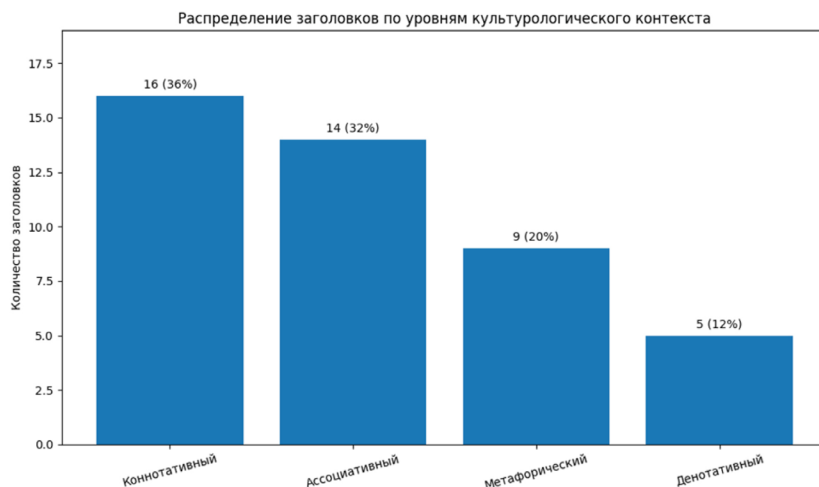

Рис. 1. Уровни культурологического контекста

Fig. 1. Levels of the cultural context

Метафорический уровень, представленный 20%, также играет существенную роль, поскольку выступает важным средством концептуализации. С его помощью сложные социальные, политические и технологические процессы интерпретируются через понятные и привычные образные модели. Для медиасреды это особенно значимо, так как образное представление не только упрощает восприятие, но и усиливает выразительность сообщения.

Относительно небольшая доля денотативного уровня (12%) может быть объяснена тем, что прямое цитирование в заголовочном комплексе менее функционально, чем сжатая ассоциативная формула. В подобных случаях денотативная интертекстуальность чаще реализует резюмирующую, дидактическую или афористическую функцию.

Таким образом, результаты анализа позволяют рассматривать интертекстуальность в современном медиапространстве как один из механизмов когнитивного воздействия. Она управляет внимани-

ем адресата, направляет его интерпретацию и активирует эмоционально-культурные ассоциации, что в конечном итоге повышает коммуникативную эффективность медиатекста.

Заключение

Проведенное исследование позволило рассмотреть интертекстуальность в современном медиапространстве не только как текстовую категорию, но и как когнитивный механизм организации смысла. В условиях цифровой медиасреды интертекстуальные элементы выполняют функцию семантической компрессии, активируют фоновые знания адресата, запускают ассоциативные сценарии и задают интерпретационные рамки восприятия событий.

Теоретический анализ показал, что медиатекст как объект медиалингвистики представляет собой многослойную коммуникативную структуру, в которой вербальный компонент тесно взаимодействует с культурным, идеологическим и когнитивным контекстом. Интертекстуальность в этой структуре является одним из наиболее значимых способов смыслового моделирования. Важным теоретическим результатом работы стало уточнение различий между аллюзией и реминисценцией в медиадискурсе: аллюзия выступает как точечный механизм активации конкретного претекста, тогда как реминисценция создает общий культурно-эмоциональный фон, не требуя точного опознания источника.

В методологическом плане продуктивным оказалось сопоставление типов медиапрезентации с уровнями культурологического контекста. Данная модель позволяет описывать интертекстуальные включения с учетом как их функциональной направленности, так и глубины когнитивного восприятия.

Эмпирический анализ заголовков российских СМИ показал, что в исследованном корпусе доминирует реконструкция как способ медиапрезентации. Наиболее частотными оказались коннотативный и ассоциативный уровни, что свидетельствует о приоритетной ориентации медиадискурса на оценочную интерпретацию событий и на апелляцию к общему культурному опыту аудитории. Метафо-

рический уровень выполняет функцию концептуального моделирования, а денотативный используется сравнительно реже и преимущественно в обобщающей функции.

Таким образом, интертекстуальность в современном медиапространстве представляет собой не факультативное средство выразительности, а важнейший механизм когнитивной организации медиасообщения. Она обеспечивает включение адресата в систему культурных ассоциаций, формирует оценочную перспективу и способствует конструированию медиальной картины мира.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением эмпирической базы, включением поликодовых и цифровых форматов (мемов, видеоконтента), а также с изучением различий в восприятии интертекстуальных элементов разными социальными и возрастными группами аудитории.

Список литературы

1. Adiansyah, R., et al. (2023). Roland Barthes' semiotic study: Understanding the meaning of the word "Azab," a reinterpretation for modern society. *QiST: Journal of Quran and Tafseer Studies*, 2(3), 255–274. <https://doi.org/10.23917/qist.v2i3.1445>. EDN: <https://elibrary.ru/OCCWEG>
2. Perri, C. (1978). On alluding. *Poetics*, 7(3), 289–307. [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(78\)90030-X](https://doi.org/10.1016/0304-422X(78)90030-X)
3. Антропова, В. В., Хакимова, Е. М., Симакова, С. И., Медведева, А. Р., & Топчий, И. В. (2024). «Токсичный медиатекст» как новый термин: опыт концепт-анализа. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (3), 50–59. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59>. EDN: <https://elibrary.ru/YYSUCE>
4. Баребина, Н. С., Глызина, В. Е., Пашаева, И. В., & Бережных, Н. Ю. (2023). Медиатекст как объект эколлингвистики. *Russian Linguistic Bulletin*, (2), 13. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.13>. EDN: <https://elibrary.ru/ZBTUNT>
5. Болдырев, Н. Н., & Ефименко, Т. Н. (2025). Воздействующий потенциал медиатекста: когнитивный подход. *Вопросы когнитивной лингвистики*, (3), 5–15. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-3-5-18>. EDN: <https://elibrary.ru/EVWWZH>
6. Винни-Пух, и отобрали все-все-все. (2025, February 10). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/7922103>
7. Гайфутдинова, Л. (2026, January 11). Культура не для масс: челнинцы потратили десятки тысяч рублей на «Свадьбу Фигаро». *Челнинские известия*. <https://>

- chelny-izvest.ru/news/culture/kultura-ne-dlia-mass-celnincy-potratili-desiatki-tysiac-rublei-na-svadbu-figaro
8. Гималетдинова, Г. К., & Алимова, А. Р. (2025). Лингвостилистические особенности современной англоязычной рекламной коммуникации. *Современные исследования социальных проблем*, 17(2), 103–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-496>. EDN: <https://elibrary.ru/VRZVPL>
 9. Год конём. (2024, December 20). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/8313138>
 10. Добросклонская, Т. Г. (2020). *Медиалингвистика: теория, методы, направления*. КДУ. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>. EDN: <https://elibrary.ru/CQKWES>
 11. Дускаева, Л. Р. (2019). *Стилистика медиатекста*. Филологический факультет СПбГУ.
 12. Ерофеева, И. В. (2012). Современный медиатекст в когнитивных пространствах «творчества» и «креатива»: аксиология конфликта. *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение*, (2), 228–233. EDN: <https://elibrary.ru/OZKURX>
 13. Жил-был код. (2024, March 25). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/8291431>
 14. Зайцев, В., Урманцева, А., & Бунина, В. (2025, October 18). Рыть или не рыть? Вот в чем вопрос. Идею тоннеля через Берингов пролив оценили эксперты. *Газета.Ru*. <https://www.gazeta.ru/science/2025/10/18/21875744.shtml>
 15. Зорина, А. В., & Амирханова, К. М. (2023). Лексические особенности англоязычного новостного медиадискурса в коронавирусную эпоху. *Современные исследования социальных проблем*, 15(3), 180–199. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199>. EDN: <https://elibrary.ru/FKLFUP>
 16. Коновалова, М. В. (2018). К вопросу о понятиях медиатекста и медиадискурса. *Филология: научные исследования*, (3), 212–219. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26685>. EDN: <https://elibrary.ru/YAUQUP>
 17. Кривуля, Н. Г. (2022). Аллюзия как элемент интертекстуальности в анимационных фильмах. *Театр. Живопись. Кино. Музыка*, (3), 137–160. <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2022-3-137-160>. EDN: <https://elibrary.ru/LYMIAR>
 18. Кристева, Ю. (2013). *Семиотика: Исследования по семанализу*. Академический проект.
 19. Кузьмина, Н. А. (2011). Интертекстуальность и прецедентность как базовые когнитивные категории медиадискурса. *Медиаскоп*, (1). <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/755>. EDN: <https://elibrary.ru/ONKHBZ>
 20. Лакофф, Дж. (2011). *Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении*. Гнозис. EDN: <https://elibrary.ru/QXAUEV>

21. Лю, Б., & Перфильева, Н. В. (2025). Исследование интертекстуальности новостных заголовков на материале китайских источников. *Litera*, (2), 123–135. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.2.73364>. EDN: <https://elibrary.ru/KINKRJ>
22. Мэнцзе, Л. (2023). Пропозиционный анализ как способ выявления глубинных культурных смыслов в тексте народных примет. *Современные исследования социальных проблем*, 15(1), 94–112. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112>. EDN: <https://elibrary.ru/GTMIJN>
23. По эту сторону Зазеркалья. (2022, July 15). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/5142612>
24. Протопопова, И. Н., & Сытина, Н. А. (2025). Метод «Шесть шляп мышления» как средство формирования функциональной грамотности. *Современные исследования социальных проблем*, 17(1), 106–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-500>. EDN: <https://elibrary.ru/UHIEOM>
25. Рубцова, С. Ю. (2020). Прецедентные единицы с политическими аллюзиями в современном английском медиадискурсе в разрезе интертекстуальности. В 49-я *Международная филологическая конференция в память профессора Л. А. Вербицкой: тезисы докладов*. Изд-во СПбГУ.
26. Тише едешь, дальше будешь. (2024, September 5). *Коммерсантъ*. <https://www.kommersant.ru/doc/8196465>
27. Хакимова, Г. Ш. (2021). Функционально-прагматический аспект текстов слухов о селебрити в англоязычном массмедийном дискурсе. *Современные исследования социальных проблем*, 13(2), 164–178. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-164-178>. EDN: <https://elibrary.ru/IKUYSN>

References

1. Adiansyah, R., et al. (2023). Roland Barthes' semiotic study: Understanding the meaning of the word "Azab," a reinterpretation for modern society. *QiST: Journal of Quran and Tafseer Studies*, 2(3), 255–274. <https://doi.org/10.23917/qist.v2i3.1445>. EDN: <https://elibrary.ru/OCCWEG>
2. Perri, C. (1978). On alluding. *Poetics*, 7(3), 289–307. [https://doi.org/10.1016/0304-422X\(78\)90030-X](https://doi.org/10.1016/0304-422X(78)90030-X)
3. Antropova, V. V., Khakimova, E. M., Simakova, S. I., Medvedeva, A. R., & Topchiy, I. V. (2024). "Toxic media text" as a new term: The experience of concept analysis. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, (3), 50–59. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2024-53-3-50-59>. EDN: <https://elibrary.ru/YYSUCE>
4. Barebina, N. S., Glyzina, V. E., Pashaeva, I. V., & Bereznykh, N. Yu. (2023). Media text as an object of ecolinguistics. *Russian Linguistic Bulletin*, (2), 13. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.38.13>. EDN: <https://elibrary.ru/ZBTUNT>

-
5. Boldyrev, N. N., & Efimenko, T. N. (2025). The impact potential of media text: A cognitive approach. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, (3), 5–15. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2025-3-5-18>. EDN: <https://elibrary.ru/EVWWZH>
 6. Winnie-the-Pooh, and they took everything, absolutely everything. (2025, February 10). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/7922103>
 7. Gayfutdinova, L. (2026, January 11). Culture is not for the masses: Residents of Naberezhnye Chelny spent tens of thousands of rubles on *The Marriage of Figaro*. *Chelninskije Izvestiya*. <https://chelny-izvest.ru/news/culture/kultura-ne-dlia-mass-celnincy-potratile-desiatki-tysiac-rublei-na-svadbu-figaro>
 8. Gimaletdinova, G. K., & Alimova, A. R. (2025). Linguostylistic features of modern English-language advertising communication. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 17(2), 103–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-2-496>. EDN: <https://elibrary.ru/VRZVPL>
 9. The year of the horse. (2024, December 20). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/8313138>
 10. Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Medialinguistics: Theory, methods, and directions*. KDU. <https://doi.org/10.31453/kdu.ru.91304.0107>. EDN: <https://elibrary.ru/CQKWES>
 11. Duskaeva, L. R. (2019). *Stylistics of media text*. Faculty of Philology, Saint Petersburg State University.
 12. Erofeeva, I. V. (2012). Modern media text in the cognitive spaces of “creativity” and “creative work”: The axiology of conflict. *Uchenye Zapiski Zabaykalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Filologiya, Istoriya, Vostokovedenie*, (2), 228–233. EDN: <https://elibrary.ru/OZKURX>
 13. Once upon a time, there was a code. (2024, March 25). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/8291431>
 14. Zaytsev, V., Urmantseva, A., & Bunina, V. (2025, October 18). To dig or not to dig? That is the question. Experts evaluated the idea of a tunnel across the Bering Strait. *Gazeta.Ru*. <https://www.gazeta.ru/science/2025/10/18/21875744.shtml>
 15. Zorina, A. V., & Amirkhanova, K. M. (2023). Lexical features of English-language news media discourse in the coronavirus era. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 15(3), 180–199. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-3-180-199>. EDN: <https://elibrary.ru/FKLFUP>
 16. Konovalova, M. V. (2018). On the concepts of media text and media discourse. *Filologiya: Nauchnye Issledovaniya*, (3), 212–219. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2018.3.26685>. EDN: <https://elibrary.ru/YAUQUP>
 17. Krivulya, N. G. (2022). Allusion as an element of intertextuality in animated films. *Teatr. Zhivopis. Kino. Muzyka*, (3), 137–160. <https://doi.org/10.35852/2588-0144-2022-3-137-160>. EDN: <https://elibrary.ru/LYMIAR>
 18. Kristeva, J. (2013). *Semiotics: Studies in semanalysis*. Academic Project.

19. Kuzmina, N. A. (2011). Intertextuality and precedence as basic cognitive categories of media discourse. *Mediascope*, (1). <http://mediascope7.mediascope.ru/?q=node/755>. EDN: <https://elibrary.ru/OHKHBZ>
20. Lakoff, G. (2011). *Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind*. Gnozis. EDN: <https://elibrary.ru/QXAUEV>
21. Liu, B., & Perfilieva, N. V. (2025). A study of intertextuality in news headlines based on Chinese sources. *Litera*, (2), 123–135. <https://doi.org/10.25136/2409-8698.2025.2.73364>. EDN: <https://elibrary.ru/KINKRJ>
22. Mengjie, L. (2023). Propositional analysis as a method for identifying deep cultural meanings in the text of folk omens. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 15(1), 94–112. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2023-15-1-94-112>. EDN: <https://elibrary.ru/GTMIJN>
23. On this side of the Looking Glass. (2022, July 15). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/5142612>
24. Protopopova, I. N., & Sytina, N. A. (2025). The “Six Thinking Hats” method as a tool for developing functional literacy. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 17(1), 106–123. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2025-17-1-500>. EDN: <https://elibrary.ru/UHIEOM>
25. Rubtsova, S. Yu. (2020). Precedent units with political allusions in modern English media discourse from the perspective of intertextuality. In *49th International Philological Conference in memory of Professor L. A. Verbitskaya: Abstracts of reports*. Saint Petersburg State University Press.
26. Slow and steady wins the race. (2024, September 5). *Kommersant*. <https://www.kommersant.ru/doc/8196465>
27. Khakimova, G. Sh. (2021). The functional-pragmatic aspect of celebrity rumor texts in English-language mass media discourse. *Sovremennye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*, 13(2), 164–178. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-2-164-178>. EDN: <https://elibrary.ru/IKUYSN>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Цандер София Артуровна, ассистент

Набережночелнинский институт КФУ

пр-т Мира 68/19 (1/18), г. Набережные Челны, Республика Татарстан,

423812, Российская Федерация

sofiyatsander@mail.ru

Билялова Альбина Анваровна, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков

Елабужский институт КФУ

*ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423600, Российская
Федерация
abill71@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Sofia A. Tsander, Assistant Professor

*Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University
68/19 (1/18), Mira Ave., Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, 423812,
Russian Federation
sofiyatsander@mail.ru*

Albina A. Bilyalova, Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of Foreign Languages

*Elabuga Institute of Kazan Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Republic of Tatarstan, 423600, Russian Federation
abill71@mail.ru*

Поступила 16.03.2026

После рецензирования 16.04.2026

Принята 06.05.2026

Received 16.03.2026

Revised 16.04.2026

Accepted 06.05.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-552](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-552)EDN: [SFFOSG](https://www.edn.ru/SFFOSG)

УДК 004.9:81'25

Технические и культурные аспекты локализации игр на этапе производства

А.В. Доркина, М.И. Логачева

*Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
Самара, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Глобализация игрового рынка и рост спроса на многоязычные продукты делают локализацию видеоигр критически важным этапом разработки. Однако для инди-студий локализация часто остаётся финальной «доделкой», что порождает технические и культурные проблемы. Особенно уязвимы визуально-ориентированные игры для детей, где текстовый компонент минимален, а культурная адаптация интерфейса, цветовой гаммы и жестов требует отдельного исследования.

Цель – выявить и классифицировать технические и культурные проблемы, возникающие при локализации игр на этапе производства, и предложить стратегии их предотвращения.

Материалы и методы. Исследование выполнено в формате кейс-стади на материале образовательной игры «Цифрополис» для детей 7–10 лет. Используются методы включённого наблюдения, анализа репозитория (Git) и прогностической экспертной оценки для китайского рынка. Проведена экспериментальная локализация интерфейса на английский язык с разработкой системы на базе Unity и JSON-файлов.

Результаты. Выявлены ключевые проблемные зоны: расширение текста на 10–20% при переводе на английский, необходимость адаптации имён персонажей, а также потенциальные культурные конфликты. Показано, что использование системы контроля версий позволяет объективно фиксировать локализационные изменения. Предложены практические рекомендации для инди-разработчиков.

Ключевые слова: локализация видеоигр; игровая разработка; инди-игры; технические аспекты локализации; культурная адаптация; кейс-стади; визуальный интерфейс

Для цитирования. Доркина, А. В., & Логачева, М. И. (2026). Технические и культурные аспекты локализации игр на этапе производства. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 254–273. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-552>

Technical and cultural aspects of game localization in the production phase

A.V. Dorkina, M.I. Logacheva

*Volga Region State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russian Federation*

Abstract

Background. The globalization of the gaming market and the growing demand for multilingual products make video game localization a critical stage of development. However, for indie studios, localization often remains a final “polishing” step, which generates technical and cultural problems. Visually oriented games for children, where the text component is minimal, are especially vulnerable and require separate research into cultural adaptation of the interface, color schemes and gestures.

Purpose – to identify and classify technical and cultural problems that arise during game localization at the production stage and to propose strategies for their prevention.

Materials and methods. The research is conducted as a case study based on the educational game “Tsifropolis” for children aged 7–10. Methods include participant observation, repository analysis (Git) and predictive expert assessment for the Chinese market. Experimental localization of the interface into English was carried out with the development of a system based on Unity and JSON files.

Results. Key problem areas are identified: text expansion of 10–20% when translating into English, the need to adapt character names, as well as potential cultural conflicts. The use of a version control system is shown to allow objective recording of localization changes. Practical recommendations for indie developers are proposed.

Keywords: video game localization; game development; indie games; technical aspects of localization; cultural adaptation; case study; visual interface

For citation. Dorkina, A. V., & Logacheva, M. I. (2026). Technical and cultural aspects of game localization in the production phase. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 254–273. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-552>

Введение

Разработанная авторами образовательная игра «Цифрополис» предназначена для детей 7–10 лет. При планировании её выхода на

международный рынок возникла необходимость локализации интерфейса. Согласно данным Х.М. Чандлер и С. О'Мэлли Деминг [3; 8], потребители предпочитают приобретать игры на родном языке; игнорирование этого фактора ведёт к финансовым потерям.

Современная локализация представляет собой не просто перевод текста, а комплексную адаптацию продукта с учётом технических, лингвистических и культурных особенностей целевого рынка [5; 6]. Крупные студии (Blizzard, EA) давно интегрировали поддержку языков в свои производственные стандарты. В инди-разработке локализация нередко откладывается на финальный этап, что порождает типичные проблемы: hard-coded строки, неучтённое расширение текста в интерфейсе. Как отмечает С. Дубовой (Inlingo), исправление таких ошибок на пост-продакшене требует «делать всё заново, с нуля» и обходится значительно дороже [15].

В академическом дискурсе преобладает лингвистический анализ готовых продуктов – исследуется передача реалий, игры слов и т.п. [5; 7; 9]. Л.Р. Бурнашева [5] предложила классификацию проблем локализации на материале Half-Life 2 и Portal 2. Однако, как подчёркивают М. Тофтедаль с соавторами [6], недостаточно внимания уделяется тонкостям локализации в рамках инди-производства – в частности, тому, как этот процесс встраивается в пайплайн на ранних этапах разработки. Таким образом, требуется изучение локализации как сквозного процесса, влияющего на архитектуру игры и геймдизайн. Объектом настоящего исследования выступает мобильная игра «Цифрополис» (разработка автора). Особенность проекта – минимальный объём текста и ведущая роль визуальной коммуникации (интерфейс, персонажи, цветовые коды), что делает его репрезентативным кейсом для изучения культурной адаптации визуальных элементов.

Цель исследования – выявить и классифицировать технические и культурные проблемы локализации на этапе производства видеоигры и разработать рекомендации по их предотвращению.

Задачи:

1. Разграничить понятия «перевод», «локализация», «интернационализация» в контексте разработки.

2. Выявить культурные факторы, требующие адаптации текста, визуальных элементов и игровых механик.

3. Проанализировать коммуникацию между разработчиками и локализаторами, определить «узкие места».

4. Сформулировать практические рекомендации для инди-студий по встраиванию локализации в производственный пайплайн.

Теоретическую базу составляют работы М. О'Хаган и К. Мангирон [1] (локализация в глобальной индустрии), Б. Эсселинка [2] (основы практической локализации), Х.М. Чандлер [3] (производственные процессы). Методологически исследование опирается на классификацию проблем Л.Р. Бурнашевой [5] и выводы М. Тофтедаля [6] о необходимости процессного подхода. Практическая часть реализована как кейс-стади с включённым наблюдением [16].

Научная новизна заключается в рассмотрении локализации не как финального этапа, а как фактора, влияющего на архитектуру игры и геймдизайн в ходе производства. Практическая значимость – в эмпирически обоснованных рекомендациях для инди-студий, позволяющих снизить издержки и повысить качество продукта.

Основы понимания локализации заложены Б. Эсселинком [2], который выделил три категории задач: лингвистические (перевод), контентно-культурные (адаптация графики, символов) и технические (подготовка инфраструктуры). М. О'Хаган и К. Мангирон [1] развили этот подход, рассматривая локализацию как особый вид перевода, где локализатор является полноценным участником создания глобального продукта.

Ключевым для настоящего исследования является разграничение интернационализации (проектирование продукта с расчётом на будущую адаптацию) и собственно локализации (адаптация для конкретного региона) по Х.М. Чандлер и С. О'Мэлли Деминг [3; 8]. Игнорирование интернационализации ведёт к техническим проблемам на производственном этапе.

Современные зарубежные исследования смещаются от анализа готовых текстов к изучению процессов. М. Тофтедаль [6] на примере студий в Швеции и Китае показал, что локализация в ин-

ди-среде часто воспринимается как второстепенная задача («one of many tasks»), и её игнорирование на ранних этапах ведёт к срыву сроков и дополнительным затратам. Д. Робертсон [7], применяя акторно-сетевой анализ, детализировал роли участников (лингвисты, проектные менеджеры, инженеры) и подчеркнул важность коммуникационных «медиаторов» между техническими специалистами и гуманитариями. Б. Сайяхен [8] на материале арабской локализации мобильных игр классифицировал технические ограничения: сегментация строк, переменные, адаптация интерфейса под правостороннее письмо.

Российские исследователи также активно разрабатывают данную тему. Л.Р. Бурнашева [5] предлагает классификацию проблем: организационно-подготовительные (отсутствие глоссариев), технические (кодировки, hard-coded строки), контекстные (непонимание игрового контекста) и культурно-лингвистические (реалии, игра слов). На этой основе разработан алгоритм профессиональной локализации (АПЛВ), включающий подготовку, собственно локализацию, альфа-тестирование и пострелизную доработку. Е.Д. Малёнова [11] анализирует дихотомию «перевод vs локализация», приходя к выводу об их интеграции. А.А. Коптелова и Н.В. Руцкая [10] акцентируют мультимодальность видеоигр, где смысл создаётся не только текстом. А.А. Арутюнян [12] предприняла одну из первых попыток создания универсальной методологии локализации, визуализируя процессы взаимодействия разработчика и локализатора.

При этом практически отсутствуют работы, анализирующие локализацию визуально-ориентированных игр для детей с минимальным текстовым компонентом. Настоящее исследование восполняет этот пробел, фокусируясь на культурной адаптации интерфейса, иконок, цветовой гаммы и персонажей.

Анализ литературы позволяет выделить три основных пробела:

1. Преобладание исследований готовых продуктов над изучением процесса производства (исключение – работы Тофтедаля [6] и Робертсона [7], но они фокусируются на организации, а не на технико-культурных коллизиях).

2. Недостаточное внимание к специфике инди-разработки (ограниченные ресурсы, совмещение ролей), где проблемы, описанные Бурнашевой [5] и Сайяхеном [8], проявляются особенно остро.

3. Отсутствие работ об обратном влиянии локализационных требований на геймдизайн (например, учёт расширения текста при проектировании интерфейса или культурных табу при создании арта).

Материалы и методы

Исследование выполнено в формате кейс-стади с элементами практической реализации локализации [16]. Для демонстрации лингвистического аспекта проведена полная локализация интерфейса игры «Цифрополис» с русского на английский язык с использованием разработанной системы на базе Unity и JSON-файлов. Для иллюстрации культурно-визуального аспекта выполнен гипотетический анализ адаптации игры для китайского рынка с выделением конкретных визуальных элементов, требующих модификации.

Объект исследования – процесс локализации образовательной мобильной игры «Цифрополис» для детей 7–10 лет.

Характеристики проекта:

1. Платформа: Android, движок Unity, язык C#.
2. Объём текста: минимальный (названия режимов, короткие подсказки, кнопки).
3. Основная нагрузка: визуальный интерфейс, персонажи, цветовая индикация, анимации.
4. Режимы: «Битва» (динамичный, на время) и «Разукрашка» (спокойный, раскрашивание по ответам).
5. Стадия разработки: прототип, получено свидетельство Роспатента №2026614087.

Методы сбора и анализа данных:

1. Включённое наблюдение: фиксировались визуальные решения, потенциально способные вызвать культурные конфликты.
2. Анализ репозитория (Git): изучены коммиты, затрагивающие визуальные ассеты (спрайты, цвета, иконки, анимации), и комментарии к ним.

3. Экспертная оценка (прогностическая): для трёх целевых культур (Китай, арабские страны, Германия) проведён анализ культурной приемлемости ключевых визуальных элементов на основе открытых источников (культурные атласы, руководства по локализации) [1; 3; 8].

Для проверки предложенного подхода выполнена локализация интерфейса игры на английский язык. Все текстовые строки вынесены в JSON-файлы, реализована система переключения языка. В процессе локализации фиксировались технические особенности (удлинение текста, изменение размеров UI-элементов) и лингвистические решения (адаптация формулировок для детской аудитории).

На основе открытых источников проведён анализ ключевых визуальных элементов игры: цветовая символика, жесты персонажей, иконки. Для каждого элемента, потенциально вызывающего культурный конфликт, предложено альтернативное решение.

Результаты и обсуждение

В игре «Цифрополис» локализации подлежали следующие текстовые элементы: названия режимов («Битва», «Разукрашка»), надписи на кнопках («Настройки», «Выход»), сообщения о победе/поражении, подсказки в игровых режимах. Основная задача при переводе – сохранение простоты, игрового тона и соответствие возрасту 7–10 лет.

Для поддержки переключения языка разработана система на базе Unity: JSON-файлы ru.json и en.json загружаются из папки Resources, скрипт LocalizationManager управляет текущим языком, компонент LocalizedText автоматически обновляет текстовые элементы при смене языка.

Ниже представлен фрагмент файла locales.json с ключами перевода:

```
{  
  "ru": {  
    "battle": "Битва",  
    "coloring": "Разукрашка",  
    "settingssound": "Настройки звука",
```

```
“exit”: “Выйти”,
«victory»: «Победа! 3 звезды»,
«defeat»: «Поражение»,
«error»: «Ошибка! Попробуй ещё»,
«solve_faster»: «Реши пример быстрее врага!»,
«solve_to_color»: «Реши пример – раскрась картинку»
},
“en”: {
“battle”: “Battle”,
“coloring”: “Coloring”,
“settingssound”: “Sound settings”,
“exit”: “Exit”,
“victory”: “Victory! 3 stars”,
“defeat”: “Defeat”,
“error”: “Oops! Try again”,
“solve_faster”: “Solve the example faster than the enemy!”,
“solve_to_color”: “Solve to color the picture”
}
}
```

Таблица 1.

Фрагмент списка локализуемых реплик (русский – английский)
Table 1. Excerpt from the list of localizable lines (Russian–English)

Русский оригинал	Английский перевод	JSON-ключ
Битва	Battle	battle
Разукрашка	Coloring	coloring
Настройки	Settings	settings
Выход	Exit	exit
Назад	Back	back
Пройди обучение здесь!	Take a tutorial here!	tutorial
Начать игру	Start game	start_game
Галерея	Gallery	gallery
Звуки интерфейса	Interface sounds	ui_sounds
Звуки игры	Game sounds	game_sounds
Музыка	Music	music
Алиса	Alice	alice
Петя	Peter	petya

При переводе применялись следующие принципы:

1. Использование коротких предложений и активной лексики, знакомой детям (например, «*Tap to continue*» вместо «*Press to continue*»).
2. Адаптация игровых терминов: «*Разукрашка*» → «*Coloring*» (вместо буквального «*Coloring book*»), «*Битва*» → «*Battle*».
3. Замена эмоциональных маркеров: смайлик в русской версии заменён на восклицание в английской («*Solve the example correctly to color this picture!*»).

В результате локализации интерфейс стал интуитивно понятным для юных носителей английского языка без изменения игровых механик.

Технические сложности: расширение текста

При переводе на английский язык отдельные строки изменились в длине на 10–20%. Наибольшее расширение показала фраза «Реши пример быстрее врага!» (в английской версии – на 18% длиннее). Это потребовало корректировки размеров кнопок и текстовых полей в интерфейсе. В репозитории зафиксированы соответствующие коммиты, изменяющие параметры UI-элементов.

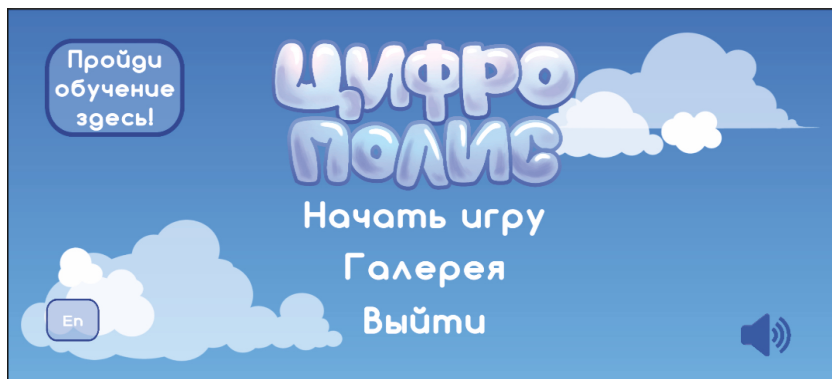

Рис. 1. Интерфейс главного меню на русском языке

Fig. 1. Main menu interface in Russian

На рис. 1 и рис. 2 представлено сравнение интерфейса главного меню на русском и английском языках.

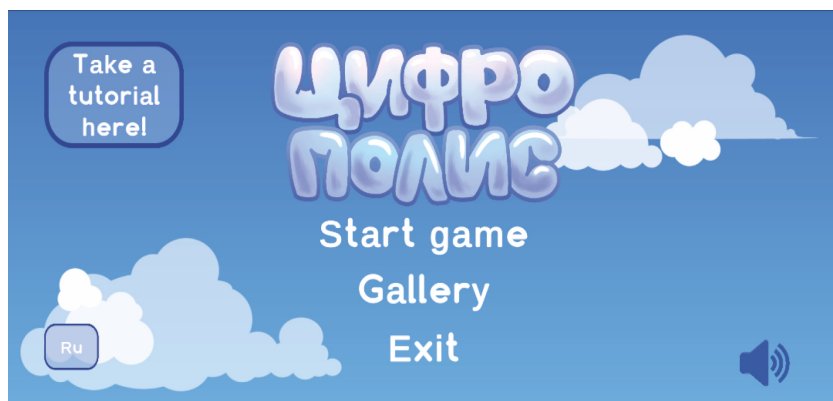

Рис. 2. Интерфейс главного меню на английском языке

Fig. 2. Main menu interface in English

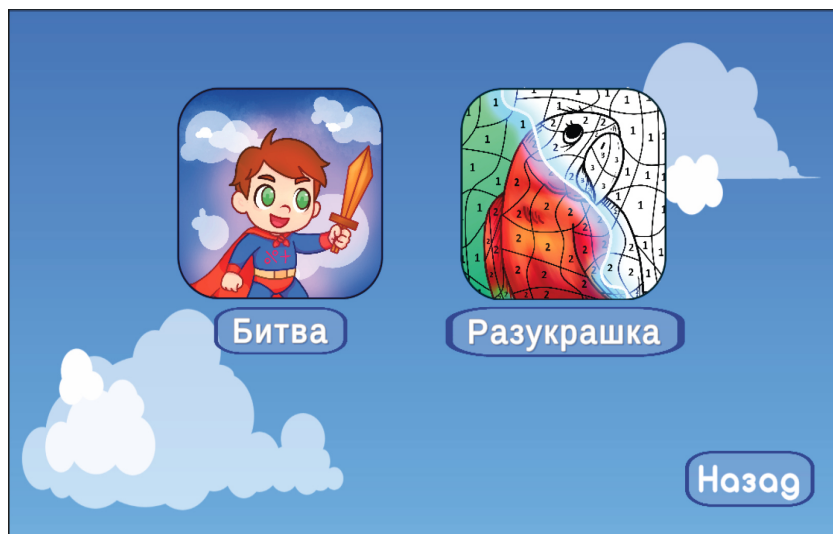

Рис. 3. Интерфейс меню выбора режима игры на русском языке

Fig. 3. Game mode selection menu interface in Russian

Кнопки «Битва» / «Battle», «Разукрашка» / «Coloring» после локализации на рис. 3 и рис. 4 уменьшение длины текста в английской версии компенсировано незначительным сужением контейнеров кнопок.

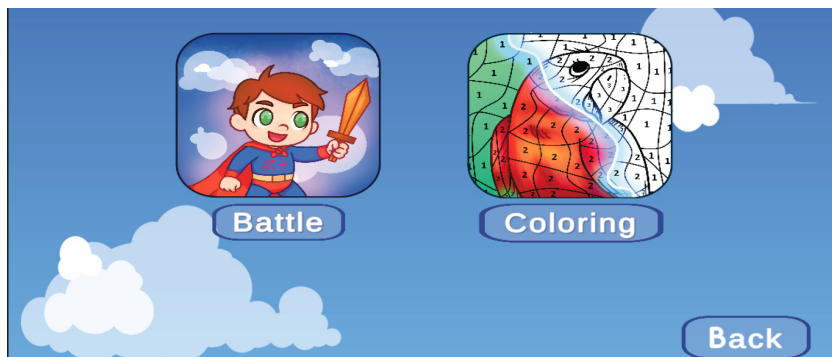

Рис. 4. Интерфейс меню выбора режима игры на английском языке

Fig. 4. Game mode selection menu interface in English

Рис. 5. Интерфейс меню победы на русском языке

Fig. 5. Victory menu interface in Russian

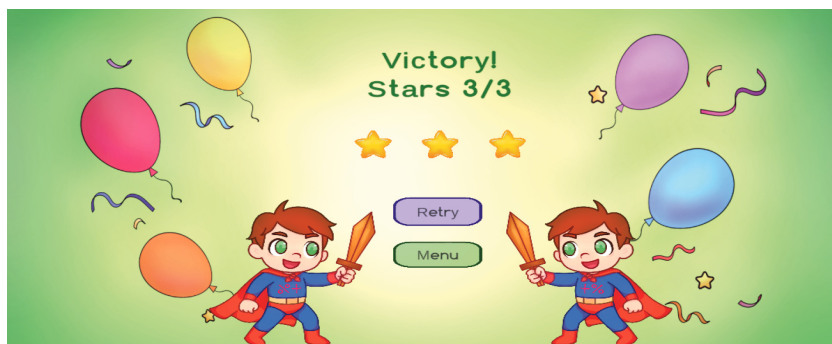

Рис. 6. Интерфейс меню победы на английском языке

Fig. 6. Victory menu interface in English

На рис. 5 и рис. 6 изображен Экран победы в режиме «Битва»: русская и английская версии. Сообщение «Победа! 3 звезды» переведено как «Victory! 3 stars». Удлинение текста не потребовало изменений интерфейса.

Рис. 7. Интерфейс режима «Разукрашка» на русском языке

Fig. 7. The “Coloring” mode interface in Russian

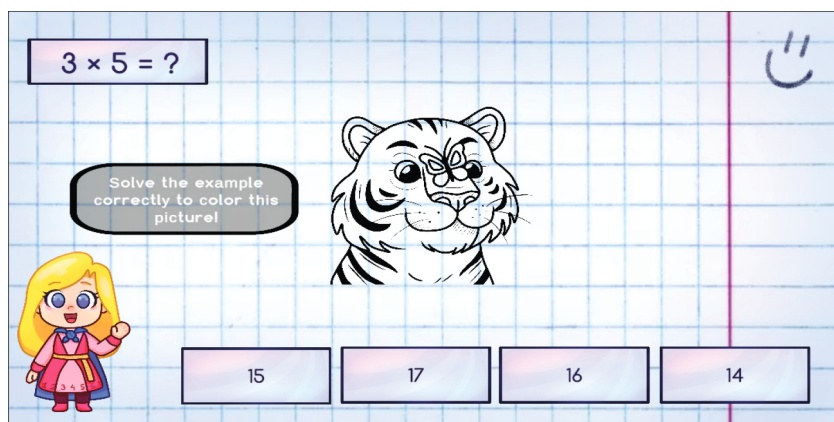

Рис. 8. Интерфейс режима «Разукрашка» на английском языке

Fig. 8. The “Coloring” mode interface in English

Рис. 7 и Рис. 8 представляют нам непосредственно процесс игры, локализовать потребовалось только небольшое обучение в начале игрового процесса.

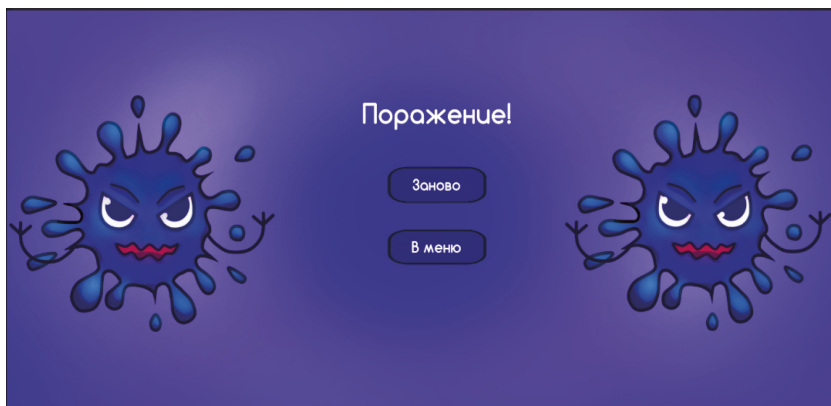

Рис. 9. Интерфейс экрана поражения на русском языке

Fig. 9. The damage screen interface in Russian

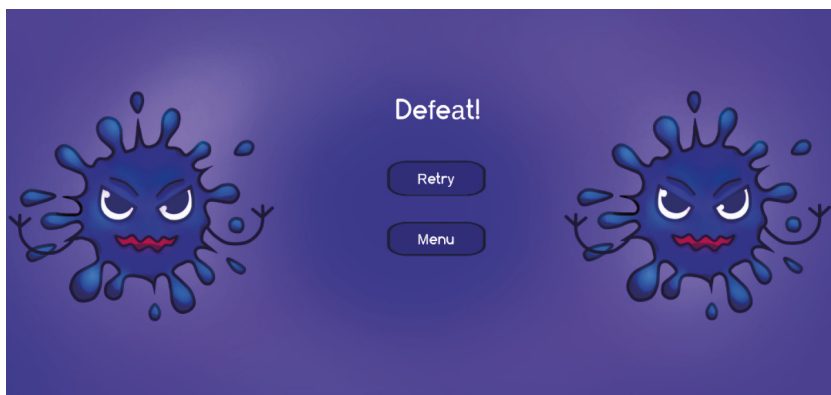

Рис. 10. Интерфейс экрана поражения на английском языке

Fig. 10. The damage screen interface in English

При переводе экрана поражения учитывался режим игры, например, в режиме «Битва» экран поражения встречает довольно жестким «Defeat!» (рис.10), в то время как в режиме «Разукрашка» использовалось мягкое «Almost there! Correct answers:», что соответствует изначальной задумке.

В отличие от второго режима, в «Битве» нет приветственного обучающего сообщения, и это означает, что никакие элементы не нуждаются в переводе на английский язык (рис. 11).

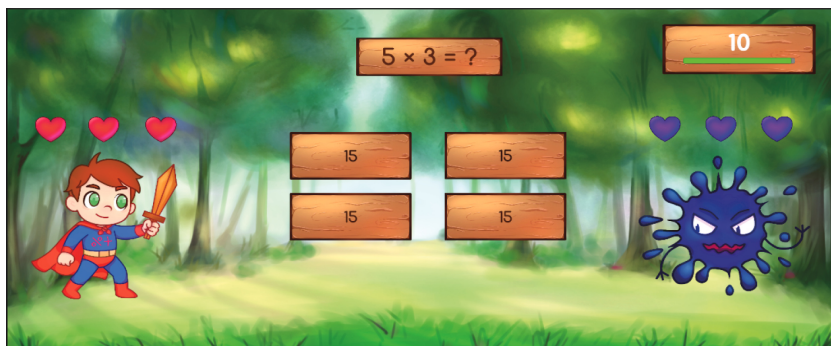
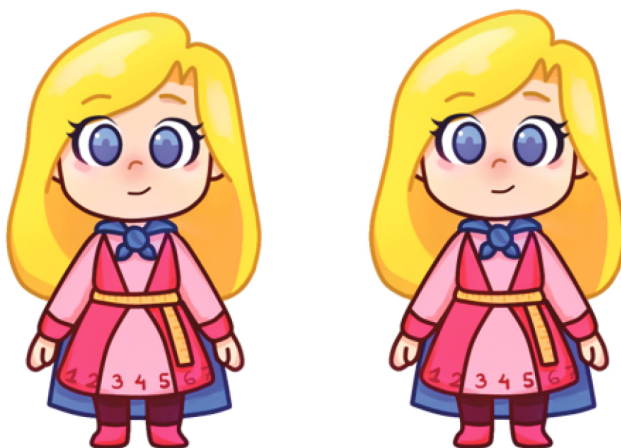

Рис. 11. Интерфейс режима «Битва»

Fig. 11. "Battle" Mode Interface

Алиса

Alice

Рис. 12. Локализация имени персонажа

Fig. 12. Character Name Localization

При локализации имён персонажей не возникло проблем с первым главным персонажем – Алисой, так как в английском языке есть устоявшийся аналог этого имени – Alice (рис. 12).

Но имя персонажа *Петя* было адаптировано как *Peter*, что обеспечивало фонетическую близость к оригиналу и культурную приемлемость для англоязычной аудитории, избегая незнакомого для неё варианта "Petya" (рис. 13).

Рис. 13. Локализация имени персонажа

Fig. 13. Character Name Localization

Культурно-визуальная адаптация

В игре «Цифрополис» не было выявлено критических культурных конфликтов, поскольку визуальный ряд и игровые механики изначально проектировались нейтрально. Однако учёт культурных особенностей остаётся обязательным этапом профессиональной локализации. Как отмечают М. О'Хаган и К. Мангирон [1], локализация видеоигр требует «транскреации» – творческой адаптации контента с учётом культурных кодов целевого рынка.

Даже в образовательных проектах для детей могут возникать ситуации, требующие корректировки цветовой символики (например, восприятие красного в Китае), жестов (неоднозначная трактовка поднятого большого пальца в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии) или образов [3; 8]. Отсутствие таких коллизий в конкретном проекте не снижает значимости предварительного культурного аудита. Проведённый анализ подтверждает тезис о необходимости интеграции культурной экспертизы в производственный пайплайн уже на этапе пре-продакшена, что позволяет

избегать дорогостоящих переделок и повышает конкурентоспособность продукта на глобальном рынке.

Заключение

Основные выводы

1. Для визуально-ориентированных игр с минимальным текстом локализация сводится в первую очередь к культурной адаптации интерфейса, цветовых кодов, иконок и жестов. Лингвистический перевод (в данном случае на английский) не представляет значительной сложности при условии использования системы внешних файлов локализации.

2. Использование репозитория (Git) позволяет объективно фиксировать локализационные изменения (коммиты, комментарии), что повышает достоверность исследования и может служить основой для ретроспективного анализа.

3. В инди-проекте дизайнер часто выполняет функции локализационного аналитика, что снижает потребность в отдельном специалисте, но требует развития культурной компетенции.

4. Экспериментальная локализация интерфейса на английский язык выявила проблему расширения текста (10–20%), потребовавшую корректировки размеров UI-элементов. Адаптация имени персонажа (Петя → Peter) подтверждает необходимость транскреации даже в образовательных проектах.

Практические рекомендации для инди-разработчиков визуальных игр

1. Создавать отдельные файлы цветовых схем для разных рынков.
2. Избегать жестов и символов с неоднозначной культурной трактовкой.
3. Проверять иконки на ассоциации с религиозными или политическими объектами.
4. Для детской игры учитывать возрастные культурные коды (например, «естественные» цвета).

Научная новизна и ограничения

Новизна – в применении метода анализа репозитория к визуальной локализации детской игры и в акценте на роль дизайнера как

агента локализации. Ограничение: исследование носит прогностический характер в части культурной адаптации (реальная локализация на китайский не проводилась). Перспектива – эмпирическая проверка предложенных решений на фокус-группах детей из целевых стран.

Список литературы

1. O'Hagan, M., & Mangiron, C. (2013). *Game localization: Translating for the global digital entertainment industry*. John Benjamins Publishing Company. 374 p. <https://doi.org/10.1075/btl.106>
2. Esselink, B. (2000). *A practical guide to localization*. John Benjamins Publishing Company. 488 p.
3. Chandler, H., & Deming, S. O. (2011). *The game localization handbook* (2nd ed.). Jones & Bartlett Learning. 432 p. ISBN 978-0-7637-9593-1
4. Bernal-Merino, M. (2012). Working with translators. In H. Chandler & S. O. Deming (Eds.), *The game localization handbook* (2nd ed., pp. 107–118). Jones & Bartlett Learning.
5. Бурнашева, Л. П. (2025). Проблемы языковой локализации компьютерных игр при переводе на русский язык (на примере Half-Life 2 и Portal 2). *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 18(2). <https://doi.org/10.30853/phil20250062>. EDN: <https://elibrary.ru/YDJJSF>
6. Toftedahl, M. (2025). Towards a deeper understanding of localization as a game development process: Game studio studies in Sweden and China. *Entertainment Computing*, 54, Article 100944. <https://doi.org/10.1016/j.entcom.2025.100944>. EDN: <https://elibrary.ru/LQFEZY>
7. Robertson, D. (2025). Mapping the production stage of a video game localization project with actor-network theory. *Digital Translation*, 12(2), 150–178. <https://doi.org/10.1075/dt.25004.rob>. EDN: <https://elibrary.ru/QVXGTS>
8. Sayaheen, B. (2024). Mobile video game localization: A case study of Apple Store sub-category 'play in Arabic'. *Cogent Arts & Humanities*, 11(1), Article 2433314. <https://doi.org/10.1080/23311983.2024.2433314>. EDN: <https://elibrary.ru/TARAPY>
9. Kucheba, V. (2022). *The process of video game localisation: Case study of Metro Exodus* (Master's thesis). Tampere University.
10. Коптелова, С. А., & Руцкая, Е. А. (2022). Лингвистические аспекты локализации видеоигр. *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*, 14(3), 16–25. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-16-25>. EDN: <https://elibrary.ru/UMELLW>
11. Малёнова, Е. Д. (2022). Перевод vs локализация: терминологическая дихотомия или естественная интеграция? *Вестник Нижегородского университета*

- им. Н. И. Лобачевского, (1), 59–77. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-59-77>. EDN: <https://elibrary.ru/WVQQME>
12. Арутюнян, А. А. (2019). *Проблемы и особенности локализации компьютерных игр* (Выпускная квалификационная работа). НИУ ВШЭ. 81 с. <https://www.hse.ru/edu/vkr/296280385>
13. Саяхова, Д. К. (2020). Лингвокультурная адаптация текста при переводе (на материале видеоигр). *Казанский лингвистический журнал*, 3(1), 52–63. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.1.52-63>. EDN: <https://elibrary.ru/LIXHSB>
14. Анисимова, А. Т. (2018). Феномен компьютерной игры в переводоведческом дискурсе. *Научный вестник Южного института менеджмента*, (2), 82–86. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2018-2-82-86>. EDN: <https://elibrary.ru/XUXPOH>
15. Дубовой, С. (2023). *The cost of getting game localization wrong*. Keywords Studios. Retrieved April 14, 2026, from <https://www.keywordsstudios.com>
16. Flyvbjerg, B. (2006). Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry*, 12(2), 219–245. <https://doi.org/10.1177/1077800405284363>. EDN: <https://elibrary.ru/JPDCPF>

References

1. O'Hagan, M., & Mangiron, C. (2013). *Game localization: Translating for the global digital entertainment industry*. John Benjamins Publishing Company. 374 p. <https://doi.org/10.1075/btl.106>
2. Esselink, B. (2000). *A practical guide to localization*. John Benjamins Publishing Company. 488 p.
3. Chandler, H., & Deming, S. O. (2011). *The game localization handbook* (2nd ed.). Jones & Bartlett Learning. 432 pp. ISBN 978-0-7637-9593-1
4. Bernal-Merino, M. (2012). Working with translators. In H. Chandler & S. O. Deming (Eds.), *The game localization handbook* (2nd ed., pp. 107–118). Jones & Bartlett Learning.
5. Burnasheva, L. R. (2025). Problems of linguistic localization of computer games when translating into Russian (on the example of Half-Life 2 and Portal 2). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 18(2). <https://doi.org/10.30853/phil20250062>. EDN: <https://elibrary.ru/YDJJSF>
6. Toftedahl, M. (2025). Towards a deeper understanding of localization as a game development process: Game studio studies in Sweden and China. *Entertainment Computing*, 54, Article 100944. <https://doi.org/10.1016/j.entcom.2025.100944>. EDN: <https://elibrary.ru/LQFEZY>
7. Robertson, D. (2025). Mapping the production stage of a video game localization project with actor-network theory. *Digital Translation*, 12(2), 150–178. <https://doi.org/10.1075/dt.25004.rob>. EDN: <https://elibrary.ru/QVXGTS>

8. Sayaheen, B. (2024). Mobile video game localization: A case study of Apple Store sub-category 'play in Arabic'. *Cogent Arts & Humanities*, 11(1), Article 2433314. <https://doi.org/10.1080/23311983.2024.2433314>. EDN: <https://elibrary.ru/TARAPY>
9. Kuchebe, V. (2022). *The process of video game localisation: Case study of Metro Exodus* (Master's thesis). Tampere University.
10. Koptelova, S. A., & Rutsкая, E. A. (2022). Linguistic aspects of video game localization. *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 14(3), 16–25. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2022-3-16-25>. EDN: <https://elibrary.ru/UMELLW>
11. Malenova, E. D. (2022). Translation vs localization: Terminological dichotomy or natural integration? *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod*, (1), 59–77. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-59-77>. EDN: <https://elibrary.ru/WVQQME>
12. Arutyunyan, A. A. (2019). *Problems and features of computer game localization* (Graduate qualification work). HSE University. 81 p. <https://www.hse.ru/edu/vkr/296280385>
13. Sayakhova, D. K. (2020). Linguocultural adaptation of text in translation (based on video games). *Kazan Linguistic Journal*, 3(1), 52–63. <https://doi.org/10.26907/2658-3321.2020.3.1.52-63>. EDN: <https://elibrary.ru/LIXHSB>
14. Anisimova, A. T. (2018). The phenomenon of computer game in translation studies discourse. *Scientific Bulletin of the Southern Institute of Management*, (2), 82–86. <https://doi.org/10.31775/2305-3100-2018-2-82-86>. EDN: <https://elibrary.ru/XUXPOH>
15. Dubovoy, S. (2023). *The cost of getting game localization wrong*. Keywords Studios. Retrieved April 14, 2026, from <https://www.keywordsstudios.com>
16. Flyvbjerg, B. (2006). Five misunderstandings about case-study research. *Qualitative Inquiry*, 12(2), 219–245. <https://doi.org/10.1177/1077800405284363>. EDN: <https://elibrary.ru/JPDCPF>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Доркина Анастасия Владимировна, студент факультета «Информационные системы и технологии»

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

ул. Льва Толстого, 23, г. Самара, 443010, Российская Федерация
dorkansat@mail.ru

Логачева Марина Ивановна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики

*ул. Льва Толстого, 23, г. Самара, 443010, Российская Федерация
i.logacheva@mail.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Anastasia V. Dorkina, student, Faculty of Information Systems and Technologies
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics
23, Lev Tolstoy Str., Samara, 443010, Russian Federation
dorkansat@mail.ru
SPIN-code: 9241-6175
ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-8996-2243>
ResearcherID: PVC-7875-2026
Academia.edu: <https://independent.academia.edu/АДоркина>

Marina I. Logacheva, Candidate of Philological Sciences, associate Professor of the
Department of Foreign Languages
Volga Region State University of Telecommunications and Informatics
23, Lev Tolstoy Str., Samara, 443010, Russian Federation
i.logacheva@mail.ru
SPIN-code: 4139-2977
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4707-6112>

Поступила 23.04.2026
После рецензирования 18.05.2026
Принята 21.05.2026

Received 23.04.2026
Revised 18.05.2026
Accepted 21.05.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-554](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-554)EDN: [SRBMHF](https://edn.ru/SRBMHF)

УДК 81'33

Коммуникативные стратегии репрезентации угрозы в русскоязычной социальной рекламе: гендерная вариативность восприятия имплицитных и эксплицитных смыслов

О.В. Стрижкова*Оренбургский государственный университет им В.А. Бондаренко,
Оренбург, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Повышение конверсии социального дискурса требует преодоления коммуникативного сопротивления аудитории, где гендерный фактор выступает значимой, но малоизученной переменной в контексте репрезентации угрозы. Существующие исследования преимущественно фокусируются на коммерческом маркетинге, оставляя прагматику угроз в социальной рекламе без должного внимания.

Цель. Классифицировать стратегии трансляции угрозы в креолизованных текстах и выявить специфику их декодирования представителями разных полов.

Материалы и методы. Эмпирическую базу составили три плаката социальной рекламы (экология, безопасность дорожного движения). В психолингвистическом эксперименте участвовали 120 респондентов (гендерный баланс 1:1). Применялся метод свободных ассоциаций с последующей квалитметрией реакций по семантическому типу и валентности.

Результаты. Установлено, что женская аудитория склонна к интерпретации имплицитных сигналов через аксиологические и эмоциональные маркеры, тогда как мужская группа лучше воспринимает эксплицитные директивы и статистику. Наиболее универсальной признана смешанная стратегия, однако для мужчин сохраняется риск активации позитивных концептов вместо угрозы.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии; социальная реклама; гендерная лингвистика; имплицитность; эксплицитность; лингвопрагматика; ассоциативный эксперимент; креолизованный текст

Для цитирования. Стрижкова, О. В. (2026). Коммуникативные стратегии репрезентации угрозы в русскоязычной социальной рекламе: гендерная вариативность восприятия имплицитных и эксплицитных смыслов. *Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 274–285.

тивность восприятия имплицитных и эксплицитных смыслов. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 274–294. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-554>

Communicative strategies of threat representation in Russian-language social advertising: gender variability in the perception of implicit and explicit meanings

O.V. Strizhkova

Orenburg State University, Orenburg, Russian Federation

Abstract

Background. Enhancing the conversion rate of social discourse necessitates overcoming communicative resistance, with gender acting as a significant yet understudied variable regarding threat representation. Existing research predominantly focuses on commercial marketing, leaving the pragmatics of threats in social advertising without due attention.

Purpose. The study aims to classify strategies for threat transmission in creolized texts and identify gender-specific patterns in their decoding.

Materials and methods. The empirical basis comprised three social advertising posters (ecology, road safety). The psycholinguistic experiment involved 120 respondents (1:1 gender balance). The free association method was utilized followed by qualitative analysis of reactions according to semantic type and valence.

Results. It was established that the female audience is inclined towards interpreting implicit signals via axiological and emotional markers, whereas the male group perceives explicit directives and statistics more effectively. The mixed strategy is deemed most universal, although for men there persists a risk of activating positive concepts instead of threat.

Keywords: communicative strategies; social advertising; gender linguistics; implicitness; explicitness; linguistic pragmatics; associative experiment; creolized text

For citation. Strizhkova, O. V. (2026). Communicative strategies of threat representation in Russian-language social advertising: gender variability in the perception of implicit and explicit meanings. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 274–294. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-554>

Введение

Современный медиаландшафт характеризуется беспрецедентной интенсивностью информационных потоков, что ставит перед создателями социальной рекламы задачу разработки высокоэф-

фективных коммуникативных стратегий, способных преодолеть «баннерную слепоту» и психологические защиты аудитории. Социальная реклама, в отличие от коммерческой, направлена не на привлечение прибыли, а на трансформацию ценностных ориентиров и поведенческих паттернов адресата. Одним из наиболее мощных инструментов такого воздействия является апелляция к угрозе – коммуникативный акт, предупреждающий о негативных последствиях определенного поведения или бездействия – адресату демонстрируются негативные последствия курения, превышения скорости, экологической небрежности или игнорирования здоровья. Однако эффективность стратегии угрозы не является универсальной константой; она модулируется рядом факторов, среди которых ключевое место занимает гендерная вариативность восприятия.

Проблема гендерной дифференциации речевого поведения и восприятия текста активно разрабатывается в современной лингвистике. Как отмечает Р.Коннелл, гендер представляет собой социально-конструируемую категорию, отражающую различия между мужчинами и женщинами, обусловленные не столько биологическими, сколько социальными и культурными факторами [8]. В лингвистике гендер понимается как категория, которая отражает гендерные роли и стереотипы через язык, изучая, как языковые средства выражают и формируют представления о гендере [17]. В контексте рекламного дискурса это приобретает особую значимость, поскольку реклама является мощным инструментом формирования общественного мнения и трансляции гендерных стереотипов.

Несмотря на обширную изученность гендерных аспектов в рекламе, вопрос о том, как мужчины и женщины декодируют имплицитные и эксплицитные смыслы угрозы в социальной рекламе, остается недостаточно освещенным. Большинство работ фокусируется на коммерческом маркетинге или общих гендерных стереотипах, упуская из виду специфику прагматики угрозы в социальном дискурсе. Лингвопрагматика, изучающая использование языка в контексте коммуникации, позволяет исследовать не только формальную структуру высказываний, но и их прагматическое значе-

ние, интенции говорящих и восприятие речи адресатами [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена, во-первых, необходимостью повышения эффективности социальной рекламы через учет гендерных особенностей восприятия угрозы; во-вторых, недостаточной разработанностью типологии коммуникативных стратегий репрезентации угрозы в креолизованных текстах социальной направленности; в-третьих, отсутствием эмпирических данных о гендерной вариативности декодирования имплицитных смыслов в русскоязычной социальной рекламе.

Цель исследования – выявить и описать коммуникативные стратегии репрезентации угрозы в русскоязычной социальной рекламе и определить гендерную специфику восприятия имплицитных и эксплицитных смысловых компонентов.

Научная новизна заключается в комплексном подходе, объединяющем лингвопрагматический анализ стратегий угрозы с психолингвистическим изучением гендерной рецепции на материале русскоязычной социальной рекламы. Впервые экспериментально установлена корреляция между типами когнитивного диссонанса и гендерными паттернами декодирования угрозы.

Современная гендерная лингвистика исходит из понимания гендера не как биологического пола (sex), а как социально сконструированной системы ролей, норм и идентичностей. Как отмечает О.А. Воронина, гендер становится социокультурным конструктом, который «создается в межличностных отношениях и поддерживается социальными структурами» [4]. В рамках социального конструкционизма гендер перестает рассматриваться как врожденное свойство человека, а мыслится как перманентный, динамичный феномен, проявляющий себя в любой культуре и способный воссоздаваться или разрушаться в конкретных ситуациях [14].

В российской лингвистике выделяются три основных направления гендерных исследований: социолингвистическое (коммуникативное поведение мужчин и женщин), психолингвистическое (восприятие мужественности/женственности) и лингвокультурологическое (гендерные стереотипы в языке и фразеологии) [7]. Для нашего исследования

ключевым является тезис о том, что гендер не детерминирует жестко речевое поведение, но выступает как один из значимых факторов наряду с возрастом, статусом, образованием и контекстом. Исследования Т.И. Ерофеевой и М.В. Гаранович подтверждают, что фактор гендера является существенным для моделей речевого поведения, однако его влияние носит вероятностный характер [6].

В зарубежной традиции (Р. Лакофф, Д. Таннен, Д. Камерон, П. Браун и С. Левинсон) неоднократно показывалось, что женщины более склонны к кооперативному, эмпатийному и эмоционально-ориентированному общению, тогда как мужчины – к инструментальному, статусно-ориентированному и директивному [13; 16; 20]. Эти различия напрямую влияют на восприятие угрозы: женщина может быть более чувствительна к имплицитным указаниям на риск для близких, тогда как мужчина – к прямому призыву к действию и демонстрации последствий.

Лингвопрагматика как направление современной лингвистики фокусируется на языке в контексте его практического использования, коммуникативных целей и условий речевого взаимодействия. Ее методологическая база опирается на работы Ч. Морриса, выделившего прагматику в качестве одного из трех разделов семиотики, а также на труды Дж. Остина и Дж. Серля, разработавших теорию речевых актов [12; 18; 19]. Согласно этой теории, любое высказывание может одновременно реализовывать три типа актов: локутивный (собственно высказывание), иллокутивный (намерение говорящего) и перлокутивный (воздействие на адресата). В контексте социальной рекламы перлокутивный эффект – изменение поведения или установок – является приоритетным.

В рамках теории речевых актов угроза традиционно рассматривается как комиссив (обязательство говорящего совершить нечто негативное по отношению к адресату) или как директив (требование выполнить определенное действие под страхом наказания) [19]. Однако в социальной рекламе угроза редко реализуется в чистом виде. Чаще она представлена имплицитно – через метафоры, эвфемизмы, нарративы, логические энтимемы и когнитивный диссонанс.

Актуальность лингвопрагматики для анализа социальной рекламы обусловлена возрастающим интересом к проблемам речевого воздействия и дискурсивных практик. Маркетинговая лингвистика выступает прикладным ответвлением лингвопрагматики, где теоретические концепции – речевые акты, имплицатуры, вежливость – адаптируются к задачам социальной и коммерческой коммуникации. Объектом маркетинговой лингвистики является язык в сфере рекламы, включая рекламные тексты, слоганы, бренд-нейминг и устные коммуникативные практики [3].

Особое значение для нашего исследования имеет понятие креолизованного текста – текста, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, например, изобразительной) [10]. В социальной рекламе креолизованный плакат является доминирующей формой, где взаимодействие вербального и визуального компонентов создает дополнительные прагматические смыслы, в том числе имплицитную угрозу.

На основе анализа теоретических источников и эмпирического материала мы предлагаем следующую типологию коммуникативных стратегий репрезентации угрозы в социальной рекламе:

1. Имплицитная стратегия (косвенная угроза). Характеризуется отсутствием прямого императива или номинации негативных последствий. Угроза передается через:

- метафоры («вирус молчания», «карма природы»);
- риторические вопросы («Экологично?»);
- нарративы (истории без явного финала);
- эвфемизмы («неосторожное обращение» вместо «поджог»);
- аксиологический диссонанс между позитивным визуальным рядом и тревожным вербальным подтекстом.

Эта стратегия апеллирует к рефлексии адресата, заставляет его самостоятельно «достроить» угрозу. Как показывают исследования, имплицитная угроза может быть более эффективной в долгосрочной перспективе, поскольку она запускает механизмы внутреннего убеждения, а не внешнего принуждения [11].

2. Эксплицитная стратегия (прямая угроза). Ключевыми дискурсивными маркерами данного подхода выступают:

- применение директивных конструкций в форме императива («Не курите!», «Используйте ремень безопасности!»);
- прямая номинация деструктивных исходов (летальный исход, дорожно-транспортное происшествие, развитие патологии);
- использование лексических единиц с повышенной экспрессивной окраской, а также статистических данных;
- прямая визуализация негативных последствий (образы поврежденных транспортных средств, больничные палаты).

Указанный коммуникативный прием ориентирован на оперативную актуализацию внимания реципиента и генерацию незамедлительной аффективной реакции, преимущественно индуцирующей страх. Тем не менее, к потенциальным ограничениям данной стратегии следует отнести активацию механизмов психологической защиты (феномен «меня это не коснется») или развитие эффекта привыкания («баннерной слепоты») при избыточной экспозиции подобных сообщений.

3. Смешанная стратегия (статистико-нарративная). Данная модель синтезирует элементы двух вышеуказанных подходов:

- количественные показатели (например, «средний возраст погибших составляет 40 лет»), функционирующие в качестве рационального аргумента;
- аффективный призыв или метафорическая репрезентация («не становись частью статистики»);
- фрагментарная визуализация последствий, предполагающая имплицитную отсылку к трагическому исходу без его прямого демонстрирования.

Эта стратегия стремится к интеграции логического и эмоционального воздействия, что потенциально расширяет ее персуазивный охват, однако требует точной прагматической калибровки в зависимости от социодемографических характеристик целевой аудитории.

В русле концепции когнитивного диссонанса Л. Фестингера [11] применительно к креолизованным (поликодовым) текстам со-

циальной рекламы целесообразно дифференцировать три базовых типа диссонансных корреляций между вербальным и иконическим компонентами:

- аксиологический диссонанс, характеризующийся коллизией ценностных парадигм (позитивный визуальный ряд противостоит тревожному вербальному подтексту);

- референтный диссонанс, проявляющийся в семантической дивергенции означающего и означаемого (вербальный дескриптор указывает на один объект, тогда как визуальный компонент репрезентирует иной);

- модальный диссонанс, фиксирующий рассогласование между деонтической установкой (выраженной императивом) и фактуальным положением дел, зафиксированным в визуальном репрезентанте.

Каждый из этих типов может функционировать как носитель имплицитной угрозы. Имплицитная угроза, реализованная через диссонанс, заставляет адресата самостоятельно прийти к желаемому выводу, что повышает персуазивность сообщения.

Гендерные стереотипы оказывают значительное влияние на формирование социальных процессов и институтов. Медиа играют ключевую роль в распространении и поддержании гендерных стереотипов, поскольку они являются основными каналами коммуникации и формирования общественного мнения [2].

Для нашего исследования существенно, что гендерные стереотипы определяют не только содержание рекламы, но и ожидания аудитории относительно того, как должна быть представлена угроза. Женская речь обычно характеризуется более широкой интонационной вариативностью, высокой частотностью эмоционально-оценочной лексики и стратегий вежливости, тогда как мужская речь – большей прямолинейностью и использованием стилистически сниженных средств [5]. Эти различия, как мы предполагаем, распространяются и на восприятие: женщина с большей вероятностью «услышит» имплицитную угрозу, закодированную в метафоре или подтексте, тогда как мужчина потребует прямого, явного сигнала опасности.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 120 студентов Оренбургского государственного университета им. В.А. Бондаренко, обучающихся по различным направлениям подготовки. Выборка носила условно репрезентативный характер и позволила получить данные о гендерном восприятии социальной рекламы.

В качестве экспериментального материала были отобраны 3 постера социальной рекламы, обладающих выраженной креолизованной природой, то есть сочетающих вербальные и визуальные компоненты. Отбор материала осуществлялся с учетом следующих критериев: социальная значимость тематики, наличие завершеного смыслового и визуального образа, выраженная креолизованная природа (сочетание вербального и визуального компонентов), а также различие в доминирующей стратегии репрезентации угрозы (имплицитная, эксплицитная, смешанная).

Для проведения эксперимента каждый постер был представлен как полный креолизированный текст.

Респонденты были распределены на две группы по гендерному признаку. Такое распределение позволило сопоставить ответную реакцию на стимулы и определить гендерную рецепцию эксплицитных и имплицитных угроз в социальной рекламе.

В качестве основного метода исследования использовался ассоциативный эксперимент. Процедура эксперимента включала последовательное предъявление испытуемым стимульного материала в соответствии с принадлежностью к группе. После предъявления каждого стимула респондентам предлагалось записать первую пришедшую в голову ассоциацию.

Время выполнения задания было не ограничено. Все ответы фиксировались в письменной форме с использованием анкет.

Обработка полученных данных осуществлялась с применением качественно-количественного анализа. Все ассоциативные реакции были нормализованы (приведены к начальной форме, исключены единичные эмотивные междометия и невербальные реакции типа «...», «?!»). Затем реакции классифицировались по трем параметрам:

1. Семантический тип:

- смысловые – прямое название изображенных объектов или их свойств (дерево, лес, машина, скорость);
- оценочные – выражение отношения без явной эмоции (вредно, опасно, глупость);
- эмоциональные – прямая номинация чувств и состояний (страх, ужас, скорбь, кайф);
- поведенческие – предписание действия или намек на него (беречь, снизить, осторожно, не смотреть).

2. Валентность: положительная, отрицательная, нейтральная.

3. Соответствие коммуникативной интенции (декодирование угрозы): реакция засчитывалась как «декодирование», если она прямо или косвенно указывала на опасность, риск, негативные последствия или необходимость превентивного действия. «Недекодирование» – если реакция была нейтральной, позитивной или полностью не связанной с угрозой (например, «маркетинг», «салфетка»).

Все реакции на стимульный материал были сведены в две ассоциативные группировки, которые характеризуется наличием нескольких смысловых слоев: с одной стороны, фиксируются прямые номинации изображенных объектов (деревья, баннер), с другой – наблюдается переход к более абстрактным интерпретациям (экология, смерть, статистика). Далее данные группировки сопоставлялись с двумя семантическими полями: «аксиологические концепты осознанного бытия» (кайф, жизнь, карма, экология, здоровье, свобода). Их интеграция обусловлена: общностью онтологического статуса (абстрактные оценочные концепты); единой аксиологической направленностью (позитивная оценка «правильного» существования); сходством дискурсивных функций (маркеры социального убеждения); когнитивной способностью к концептуальной интеграции в ментальные модели «качественной жизни».

«Аксиологические концепты угрозы и превенции» (вредно, проблемы, опасность, вирус, месть, смерть, авария, страх). Их интеграция обусловлена: общностью онтологического статуса (абстрактные оценочные концепты негативной валентности); единой

аксиологической направленностью (маркеры угрозы благополучию); сходством прагматических функций (триггеры предупреждения и защитного поведения); когнитивной способностью к концептуальной интеграции в ментальные модели «распознавание и нейтрализация угроз».

Сравнительный анализ результатов двух экспериментальных групп позволил выявить различия в характере ассоциативных полей, обусловленные особенностями восприятия в зависимости от пола респондента. Это, в свою очередь, дало возможность определить вклад эксплицитного и имплицитного компонентов в формирование персуазивного воздействия на адресата.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим анализ ассоциативных полей по стимулам:

Стимул 1: Экологическая реклама («Сигареты на ветке») (см. рисунок 1).

Коммуникативная интенция: Имплицитная угроза возмездия природы за загрязнение среды.

Рис. 1. Постер социальной рекламы

Fig. 1. Public service announcement poster

Женское ассоциативное поле характеризуется высокой концентрацией оценочных и эмоциональных реакций. Доминируют реакции, указывающие на последствия и этическую оценку дей-

ствия: вредно, проблемы, опасность, месть, карма, вирус. Реакция «мечь» (антропоморфизация природы) и «забота» свидетельствуют о восприятии угрозы через призму межличностных отношений и моральной ответственности. Валентность поля преимущественно отрицательная (70%), что указывает на успешную активацию негативного эмоционального фона, необходимого для предотвращения нежелательного поведения. Степень соответствия интенции высокая: респонденты считывают скрытый посыл «ответ природы» через концепты возмездия (мечь, карма).

Мужское ассоциативное поле демонстрирует преобладание смысловых (денотативных) реакций: природа, лес, дерево, растение, ветка, листья, сигарета. Мужчины чаще идентифицируют объекты изображения, чем скрытый смысл. Однако присутствуют и оценочные маркеры: карма, халатность, наивность. Реакция «кайф» указывает на потенциальное сопротивление угрозе или ироничное восприятие. Валентность поля более нейтральная (50% нейтральных реакций против 30% у женщин). Мужчины склонны воспринимать угрозу как системную проблему (экология, взаимодействие), а не как лично окрашенное возмездие.

Стимул 2: Дорожная безопасность («Белое полотно на билборде») (см. рисунок 2).

Коммуникативная интенция: Эксплицитная угроза смерти (ассоциация с погребальным саваном).

Рис. 2. Постер социальной рекламы
Fig. 2. Public service announcement poster

Женское ассоциативное поле выявило максимальную чувствительность к имплицитной угрозе. Ключевые реакции: смерть, страх, ужас, скорбь, авария. Реакция «скорбь» подтверждает декодирование визуальной метафоры (полотно как саван/покрывало). Эмоциональный тип реакций доминирует (60%). Валентность резко отрицательная. Женщины практически игнорируют формальные аспекты рекламы, фокусируясь на экзистенциальном смысле угрозы. Соответствие интенции максимальное: скрытый смысл «смерть» считывается напрямую через эмоциональные маркеры.

Мужское ассоциативное поле показывает смешанную реакцию. Наряду с реакциями на угрозу (смерть, страх, опасность), высока частотность реакций на форму и контекст: маркетинг, полотно, баннер, салфетка, стол, небо. Реакция «маркетинг» указывает на критическое восприятие канала передачи угрозы. Поведенческие реакции (осторожность, правила) выражены сильнее, чем у женщин. Мужчины склонны рационализировать угрозу, переводя ее в плоскость правил и предостережений (предупреждение, истина, правила). Валентность поля смешанная (нейтрально-описательная составляющая выше).

Стимул 3: Дорожная безопасность («Скорость 40») (см. рисунок 3).

Коммуникативная интенция: Эксплицитная угроза, основанная на статистике и упущенных возможностях.

Рис. 3. Постер социальной рекламы

Fig. 3. Public service announcement poster

Женское ассоциативное поле сосредоточено на оценке ситуации и личности нарушителя: глупость, молодой, опасность, страх,

смерть. Преобладают эмоционально-оценочные реакции. Присутствие реакции «сигареты» (вероятно, интерференция от первого стимула) не меняет общей картины доминирования темы смерти и страха. Женщины воспринимают угрозу через призму человеческой жизни и ошибок (глупость, молодой).

Мужское ассоциативное поле демонстрирует фокус на регуляции и осознании: ограничение, свобода, снизить, скорость, предостережение, осознание. Реакции «ограничение» и «свобода» указывают на восприятие угрозы как конфликта между правилами и личным выбором. Поведенческий тип реакций (снизить, осторожность) выражен ярче, чем у женщин. Мужчины чаще реагируют на статистический аспект (статистика, Россия). Соответствие интенции высокое, но вектор реакции смещен в сторону соблюдения правил, а не эмоционального переживания утраты.

На основе полученных данных была составлена сводная таблица классификации реакций (Таблица 1).

Полученные данные убедительно подтверждают гипотезу о том, что имплицитная репрезентация угрозы (Постер 1) «работает» практически исключительно на женскую аудиторию. Женщины извлекают имплицитуру («вредно», «мечь», «карма», «вирус») из метафор и визуальных намеков благодаря, как мы полагаем, нескольким факторам.

Наиболее значимым является восприимчивость к контексту, где женщины рассматривают коммуникацию как ассоциативный процесс и готовностью к расшифровке имплицитных смысловых пробелов [16; 20]. Мужчинам, наоборот, свойственно прямое, ориентированное на действие высказывание.

Более того, ролевые, социокультурные стереотипы закрепили за женщинами архетипическую роль хранительницы природного и семейного окружения. Соответственно, вероятные витальные риски актуализируют у женщин ценностные установки и вызывают ярко выраженный эмоциональный отклик.

Мужчины, как правило, не связывают повседневные действия (например, курение в лесном массиве) с макросоциальными угрозами [9].

Таблица 1.

Гендерное распределение типов ассоциативных реакций (в %)**Table 1.** Gender distribution of types of associative responses (in %)

Параметр	Женщины	Мужчины	Интерпретация
Семантический тип			
Эмоциональные	45%	20%	Женщины более чувствительны к аффективной составляющей угрозы.
Оценочные	30%	25%	Оба пола оценивают ситуацию, но женщины чаще морализируют.
Смысловые (денотативные)	15%	40%	Мужчины фокусируются на объектах и фактах.
Поведенческие	10%	15%	Мужчины чаще формулируют реакцию как действие/правило.
Валентность			
Отрицательная	65%	45%	Угроза вызывает более сильный негативный отклик у женщин.
Нейтральная	25%	45%	Мужчины склонны к объективации угрозы.
Положительная	10%	10%	Низкий процент в обоих случаях (специфика социальной рекламы).
Соответствие интенции			
Высокое	70%	55%	Женщины точнее считывают скрытый эмоциональный посыл

А также женщины обладают более развитым ассоциативно-оценочным лексическим запасом [15], что позволяет им быстро и дифференцированно относить стимул к категории потенциально опасных.

Эксплицитная коммуникативная стратегия декодируется адресатами наиболее универсально, однако качественные параметры декодирования существенно различаются (см. Постер 2). Женская аудитория демонстрирует глубокое переживание и страх, что указывает на высокую интенсивность эмоций (преобладание таких реакций как смерть, скорбь, ужас)

Мужская реакция сохраняет когнитивно-рациональную доминанту: опасность фиксируется на уровне абстрактных предписаний

(«предупреждение», «правила», «осторожность») без существенной эмоциональной включенности. Примечательно, что значительная доля мужских ответов носит перцептивно-формальный характер (фиксация на визуальных элементах композиции: «полотно», «небо», «кровать», «салфетка»), что говорит об игнорировании семантического наполнения. Здесь можно говорить о так называемой «баннерной слепоте», феномене, при котором восприятие переключается на формальные признаки, блокируя эмоциональную обработку угрозы.

Ассоциативная реакция у мужчин «маркетинг» на стимул постера 2 говорит о том, что респондент распознает коммуникативный акт как манипулятивный, что является нежелательным прагматическим эффектом для социальной рекламы.

Наиболее эффективный прагматический эффект на мужскую аудиторию оказал постер 3, в котором для достижения прагматической цели используется смешанная коммуникативная стратегия, объединяющая рациональный довод (статистические данные) с визуализацией возможных последствий (75% по сравнению с постером 2 на 25%, а с постером 1 на 62%).

Интересен тот факт, что реакция 10% мужчин на стимульный материал постера 3 была положительной (свобода, скорость). Здесь можно говорить об аксиологическом конфликте – восприятии ограничения скорости как ущемления базовой ценности личной автономии.

Эмпирические данные подтвердили теоретическую модель конкуренции двух семантических полей – «угроза» и «осознанное бытие». Восприятие рекламного сообщения действительно может быть интерпретировано как динамическое взаимодействие названных когнитивных доменов.

При имплицитной стратегии у женщин доминирует поле «угроза» (70%), тогда как у мужчин превалирует поле «бытия» (85%).

Эксплицитная угроза индуцирует почти полную активацию поля угрозы у женщин (92%), в то время как у мужчин этот показатель составляет лишь 35%.

Применение смешанной стратегии минимизирует гендерный разрыв: активация поля угрозы достигает 98% у женщин и 70% у мужчин.

Примечательно, что имплицитный смысл постера 1 был декодирован респондентами мужчинами не так, как задумывал адресант сообщения, то есть вместо угрозы были активированы положительные концепты осознанного бытия.

Заключение

Интерпретация результатов ассоциативного эксперимента подтвердила исходную гипотезу о гендерной вариативности восприятия коммуникативных стратегий угрозы в социальной рекламе. Используя лингвопрагматический анализ, нами были выявлены три базовых типа стратегий – имплицитную, эксплицитную и смешанную, – эффективность которых имеет существенную разницу в зависимости от половой принадлежности респондентов.

Статистическая обработка данных эксперимента позволила прийти к выводу, что имплицитная угроза обладает высокой результативностью в женской аудитории, но демонстрирует минимальную эффективность для мужчин, которые склонны игнорировать скрытые смыслы и смещать фокус на позитивные ассоциации из аксиологического поля осознанного бытия.

Эксплицитная коммуникативная стратегия репрезентации угрозы декодируется адресатами как женского так и мужского полов, но присутствует качественное различие паттерна реакции на угрозу: женщины проявляют выраженную эмоциональную реакцию, тогда как мужчины сохраняют рационально-отстраненную позицию.

Экспериментальным путем было установлено, что наиболее оптимальной, универсальной для перцепции угрозы, является смешанная коммуникативная стратегия, обеспечившая декодирование угрозы в 95% случаев у женщин и 75% у мужчин.

Различия в восприятии детерминированы особенностями смыслового декодирования. Женская аудитория обнаруживает выраженную способность к интерпретации имплицитных угроз посредством эмоционально-этических категорий (скорбь, ужас, возмездие). Мужская аудитория чаще фиксируется на форме сообщения или

переводит угрозу в рациональную плоскость (маркетинг, правила, статистика), воспринимая ее как системное ограничение или факт.

Данная закономерность соотносится с выводами гендерной лингвистики о более высокой эмпатической насыщенности женского коммуникативного поведения и объясняет дивергенцию реакций: мужчины чаще продуцируют практические реакции («снизить», «осторожность»), женщины – эмоционально-оценочные номинации («ужас», «беречь»).

Выявленные характеристики задают ориентиры для конструирования гендерно-адресованных социальных кампаний. Полученные результаты могут быть использованы при порождении социально ориентированных рекламных текстов с целью повышения уровня восприятия смысловой наполненности рекламного сообщения.

Список литературы

1. Арутюнова, Н. Д. (1981). Фактор адресата. *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, 40(4), 356–367. EDN: <https://elibrary.ru/YKCOEP>
2. Бахаева, Л. М. (2006). Гендерная проблематика в языкознании. *Lingua-Universum*, (4), 72–77. EDN: <https://elibrary.ru/WCNCKZ>
3. Борисова, Е. Г. (2016). Маркетинговая лингвистика: направления перспективы. *Верхневолжский филологический вестник*, (4), 140–143. EDN: <https://elibrary.ru/XGREXL>
4. Воронина, О. А. (2000). Социокультурные детерминанты развития гендерных теорий в России и на Западе. *Общественные науки и современность*, (4), 9–20.
5. Гальченко, А. О., & Станчуляк, Т. Г. (2017). Гендерные особенности эмоционально-оценочной лексики рекламных текстов с позиций перлокутивного подхода (на материале английского языка). *Вестник Костромского государственного университета*, 23(3), 175–179. EDN: <https://elibrary.ru/ZSUCDL>
6. Анков, А. А., Вепрева, И. Т., Гаранович, М. В., и др. (2022). *Гендерные аспекты языка, сознания и коммуникации*. Москва: Издательский Дом ЯСК. ISBN: 978-5-907290-95-2. EDN: <https://elibrary.ru/BBHLPW>
7. Картушина, Е. А. (2003). *Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации* [Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук]. Удмуртский государственный университет. EDN: <https://elibrary.ru/NMOTBZ>
8. Коннелл, Р. (2015). *Гендер и власть: общество, личность и гендерная политика* (Т. Барчунова, Пер.). Москва: Новое литературное обозрение. ISBN: 978-5-4448-0248-9.

9. Мелихова, Е. В., Уланова, К. Л., Бочкарева, Т. С., и др. (2024). Социолингвистика и гендерные различия в языке. *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки*, (10-3), 189–192. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.10-3.23>. EDN: <https://elibrary.ru/IFVHIE>
10. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф., Безменова, Н. А., и др. (1990). *Оптимизация речевого воздействия*. Москва: Наука. EDN: <https://elibrary.ru/UWKFKR>
11. Фестингер, Л. (1999). *Теория когнитивного диссонанса*. Санкт-Петербург: Ювента.
12. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.
13. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
14. Cameron, D. (1995). Rethinking language and gender studies: some issues for the 1990s. B S. Mills (Ed.), *Language and gender: Interdisciplinary perspectives* (pp. 31–44). Harlow: Longman.
15. Coates, J. (2013). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*. London: Routledge.
16. Lakoff, R. (1975). *Language and woman's place*. New York: Harper & Row.
17. Livia, A., & Hall, K. (2019). *Queer linguistics: Language and sexuality in the global context*. London: Routledge.
18. Morris, C. W. (1938). Foundations of the theory of signs. B O. Neurath (Ed.), *International encyclopedia of unified science* (pp. 1–59). Chicago: Chicago University Press.
19. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173438>
20. Tannen, D. (1990). *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Morrow.

References

1. Arutyunova, N. D. (1981). The addressee factor. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 40(4), 356–367. EDN: <https://elibrary.ru/YKCOEP>
2. Bakhaeva, L. M. (2006). Gender issues in linguistics. *Lingua-Universum*, (4), 72–77. EDN: <https://elibrary.ru/WCNCKZ>
3. Borisova, E. G. (2016). Marketing linguistics: directions and prospects. *Verkhnevolskiy filologicheskiy vestnik*, (4), 140–143. EDN: <https://elibrary.ru/XGREXL>
4. Voronina, O. A. (2000). Sociocultural determinants of the development of gender theories in Russia and the West. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*, (4), 9–20.
5. Galchenko, A. O., & Stanchulyak, T. G. (2017). Gender features of emotionally evaluative vocabulary in advertising texts from the perspective of the perlocutionary

- approach (based on the English language). *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 23(3), 175–179. EDN: <https://elibrary.ru/ZSUCDL>
6. Ankov, A. A., Vepreva, I. T., Garanovich, M. V., et al. (2022). *Gender aspects of language, consciousness, and communication*. Moscow: Izdatelskiy Dom YASK. ISBN: 978-5-907290-95-2. EDN: <https://elibrary.ru/BBHLPW>
 7. Kartushina, E. A. (2003). *Gender aspects of phraseology in mass communication* [Doctoral dissertation abstract]. Udmurt State University. EDN: <https://elibrary.ru/NMOTBZ>
 8. Connell, R. (2015). *Gender and power: Society, personality, and gender policy* (T. Barchunova, Trans.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. ISBN: 978-5-4448-0248-9.
 9. Melikhova, E. V., Ulanova, K. L., Bochkareva, T. S., et al. (2024). Sociolinguistics and gender differences in language. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (10-3), 189–192. <https://doi.org/10.37882/2223-2982.2024.10-3.23>. EDN: <https://elibrary.ru/IFV8IE>
 10. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F., Bezmenova, N. A., et al. (1990). *Optimization of speech impact*. Moscow: Nauka. EDN: <https://elibrary.ru/UWKFKR>
 11. Festinger, L. (1999). *The theory of cognitive dissonance*. Saint Petersburg: Yuventa.
 12. Austin, J. L. (1962). *How to do things with words*. Oxford: Oxford University Press.
 13. Brown, P., & Levinson, S. C. (1987). *Politeness: Some universals in language usage*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511813085>
 14. Cameron, D. (1995). Rethinking language and gender studies: some issues for the 1990s. In S. Mills (Ed.), *Language and gender: Interdisciplinary perspectives* (pp. 31–44). Harlow: Longman.
 15. Coates, J. (2013). *Women, men and language: A sociolinguistic account of gender differences in language*. London: Routledge.
 16. Lakoff, R. (1975). *Language and woman's place*. New York: Harper & Row.
 17. Livia, A., & Hall, K. (2019). *Queer linguistics: Language and sexuality in the global context*. London: Routledge.
 18. Morris, C. W. (1938). Foundations of the theory of signs. In O. Neurath (Ed.), *International encyclopedia of unified science* (pp. 1–59). Chicago: Chicago University Press.
 19. Searle, J. R. (1969). *Speech acts: An essay in the philosophy of language*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139173438>
 20. Tannen, D. (1990). *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York: Morrow.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Стрижкова Ольга Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков

Оренбургский государственный университет им В.А. Бондаренко

пр-т Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
yanusic79@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Olga V. Strizhkova, Associate Professor in the Department of Foreign Languages, PhD
in Philology
Orenburg State University
13, Pobedi Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation
yanusic79@mail.ru
SPIN-code: 7716-3248
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7119-8929>

Поступила 04.05.2026

После рецензирования 02.06.2026

Принята 10.06.2026

Received 04.05.2026

Revised 02.06.2026

Accepted 10.06.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-588](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-588)

EDN: SLBWHW

УДК 81

Аудиогид как объект перевода: лексический, грамматический и стилистический аспекты

Е.Д. Андреева, Л.Е. Рябова

*Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко,
Оренбург, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В XXI значительно более заметно влияние современных технологических средств обеспечения экскурсионной деятельности в совокупности с качественным и количественным увеличением международных туристических потоков. Автором рассматриваются особенности перевода аудиогuida с русского на английский язык, даны практические рекомендации по переводу и адаптации данного типа текстов в связи с выявленной лексической, грамматической и стилистической спецификой.

Цель — выявление специфики перевода текстов аудиогидов с русского языка на английский и анализ переводческих трансформаций, используемых для адаптации экскурсионного текста к особенностям аудиального восприятия иностранного реципиента.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе актуального текста аудиогuida, принадлежащего к экскурсионному дискурсу, и его перевода на английский язык. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и лингвистических методов. Основным методом выступил сопоставительный анализ, с помощью которого были выявлены переводческие трансформации, примененные на различных языковых уровнях.

Результаты. Перевод аудиогuida как разновидности экскурсионного дискурса требует комплексной адаптации текста с учетом его языковых и функциональных особенностей. Основной сложностью при переводе выступает необходимость сохранения коммуникативного воздействия в условиях устного восприятия текста, в связи с чем переводчиком должны быть применены различные трансформации.

Анализ лексических единиц текста показал, что наибольшую трудность представляют культурно маркированные единицы, наиболее эффективным переводческим решением для перевода которых является сохранение национально-культурной специфики и доступности восприятия и понимания.

Было выявлено, что на грамматическом уровне значительную роль играют синтаксические трансформации, наиболее частотной из которых является членение сложных предложений, применяемое для адаптации русскоязычной синтаксической системы к нормам английского языка и облегчения восприятия на слух. Кроме того, были выявлены случаи изменения тема-рематической структуры предложения для правильного распределения смысловых акцентов в соответствии с нормами английского языка.

Важным аспектом перевода аудиогидов является сохранение стилистической гибридности, сочетания элементов научного и художественного стилей и разных типов речи.

Специфика аудиогuida как современной формы цифрового мультимодального музейного дискурса оказывает прямое влияние на выбор переводческой стратегии. Перевод аудиогuida требует не только межъязыковой, но и межкультурной адаптации, сохранения информативного и коммуникативного потенциала.

Ключевые слова: перевод аудиогuida; экскурсионный дискурс; лексические особенности перевода; грамматические особенности перевода; стилистические особенности перевода; локализация музейного контента

Для цитирования. Андреева, Е. Д., & Рябова, Л. Е. (2026). Аудиогид как объект перевода: лексический, грамматический и стилистический аспекты. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 295–314. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-588>

The translation of audio guides: lexical, grammatical, and stylistic aspects

E.D. Andreeva, L.E. Ryabova

*Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
Orenburg, Russian Federation*

Abstract

Background. In the 21st century, the impact of modern technologies used in excursions has become more significant as well as qualitative and quantitative growth of international tourist flows. The article examines the specific features of translating audio guides from Russian into English and provides practical recommendations for the translation and adaptation of this type of text regarding its distinctive lexical, grammatical, and stylistic characteristics.

Purpose. To identify the specific features of translating audio guides from Russian into English and to analyse the translation transformations used to adapt excursion texts to the perception of a foreign recipient.

Materials and methods. The study is based on a contemporary audio guide and its English translation. The methodological framework of the research combines general scientific and linguistic methods. The principal method employed is comparative analysis, which made it possible to identify translation transformations applied at different language levels.

Results. The study has shown that the translation of audio guides, as a form of excursion discourse, involves extensive adaptation of the source text regarding the linguistic, communicative, and functional features. One of the major challenges in this process is maintaining the communicative effect of the original text under conditions of auditory perception, which requires the translator to employ a range of translation transformations.

The analysis of lexical units demonstrated that culturally marked elements present the greatest challenge in translation. The most effective translation strategy for such units is the preservation of their national and cultural specifics while ensuring that the perception and comprehension for the target audience.

At the grammatical level, syntactic transformations are especially important. The most frequent transformation is sentence splitting, which is employed to adapt the Russian syntactic structure to the norms of the English language and to facilitate auditory perception. In addition, cases of modification of the theme-rheme structure of the sentence were identified, aimed at the appropriate distribution of semantic emphasis in accordance with English linguistic norms.

An important aspect of audio guide translation is the preservation of stylistic hybridity, namely the combination of elements of scientific and literary styles, as well as different types of narration.

The findings suggest that the nature of the audio guide as a contemporary form of digital multimodal museum discourse directly shapes the translator's strategy. Audio guide translation therefore involves not only linguistic transfer, but also intercultural adaptation aimed at preserving both the informational value and the communicative effectiveness of the original text.

Keywords: audio guide translation; excursion discourse; lexical aspects of translation; grammatical aspects of translation; stylistic aspects of translation; museum content localization

For citation. Andreeva, E. D., & Ryabova, L. E. (2026). The translation of audio guides: lexical, grammatical, and stylistic aspects. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 295–314. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-588>

Введение

Проблема сохранения и передачи национального культурного кода как никогда остро стоит в настоящем многополярном, глобали-

зованном мире. История и язык малочисленных народов, культура наших предков забываются, уступая место истории и культуре глобальной, что особенно ярко проявляется в контексте повсеместной цифровизации.

Пространством трансляции истории и культуры региона, а также местом межкультурного взаимодействия становится современный краеведческий музей, в котором сочетаются сохранение наследия и тенденция к цифровизации и глобализации. Одним из направлений популяризации краеведческих музеев, повышения их авторитета и методом привлечения посетителей, в том числе иностранных туристов, становится создание цифрового контента, в частности, аудиогидов, и перевод его на распространенные иностранные языки. Таким образом, культура отдельного народа, области становится доступной не только людям, проживающим на данной территории, но и иностранным гостям, студентам, гражданам.

В этом контексте большую важность приобретает адекватный и качественный перевод аудиогuida и его адаптация под иноязычного реципиента, поскольку в ином случае у реципиента может сложиться негативное впечатление не только о конкретном музее, но и о стране в целом.

Согласно классификации А. Нойберта, который предлагает рассматривать тексты с точки зрения прагматических отношений и степени переводимости, аудиогид относится к текстам с высокой степенью переводимости [19]. Однако, несмотря это, при переводе аудиогидов возникают определённые трудности, связанные со стилистическими, грамматическими и прагматическими особенностями текста.

Проблема перевода аудиогидов мало освещена в современной лингвистике и теории перевода, поскольку сам формат вошел в обиход не так давно, хотя активно используется не только для музейных, но и для обзорных экскурсий. Написаны несколько десятков научных статей, рассматривающие аудиогид с точки зрения когнитивной теории перевода [2], жанра аудиовизуального перевода [12], а также особенности перевода конкретного материала [10]. Иссле-

дования ведутся и иностранными учеными: например, рассматривается, как иностранные реципиенты взаимодействуют с аудиогидами и как такой вид коммуникации влияет на туристический опыт [17]. Также исследуется необходимость культурных адаптаций ввиду ограниченности фоновых знаний у иностранных реципиентов [15].

Материалы и методы

Материалом настоящего исследования послужил аудиогид Оренбургского губернаторского историко-краеведческого музея по экспозиции «Золото сарматских вождей». Экспозиция открылась в Оренбурге в 2023 году, а также была представлена в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Экспонаты выставки уникальны и представляют собой артефакты, найденные в погребениях древних кочевников-сарматов. Аудиогид по экспозиции появился в 2024 году и привлек большое внимание со стороны жителей города и туристов. Перевод аудиогuida на английский язык – шаг в сторону повышения авторитета Оренбургской области как региона в России и в мире. При переводе аудиогuida мы столкнулись с рядом трудностей и особенностей, которые могут послужить основой для более глубокого изучения проблемы перевода цифрового музейного контента, а также для перевода других аудиогидов и аудиоэкскурсий.

В нашем исследовании мы использовали следующие методы:

- метод сплошной выборки: выбирались интересные с точки зрения перевода лексические культурно-специфичные элементы, грамматические конструкции и стилистически маркированные единицы, требующие адаптации, которые потом анализировались нами с целью определения приоритетного способа их перевода;
- лингвокультурологический анализ: применялся для изучения культурно-маркированных единиц текста с целью определить, какие элементы требуют пояснения, а какие можно передать транслитерацией или аналогом с учетом фоновых знаний целевой аудитории во избежание искажений культурной отнесенности и для сохранения баланса между аутентичностью и доступностью;

- прагмалингвистический анализ: использовался для оценки текста с точки зрения функциональной эффективности;

- сравнительно-сопоставительный анализ: полученные данные обрабатывались на основе принадлежности единицы перевода к определенной группе и применения конкретной переводческой трансформации, после была оценена эффективность отдельных переводческих решений, определена стратегия перевода и адаптации аудиогuida. Фрагменты оригинала и перевода были сопоставлены по следующим параметрам: способы передачи реалий и терминов, изменения в синтаксической структуре, стилистическая адаптация, использование указательных маркеров.

Данные методы позволили системно подойти к лексическим, грамматическим и стилистическим аспектам работы. Такой подход может быть использован для аналогичных задач локализации музейного контента.

Результаты и обсуждение

Вслед за А.В. Уразметовой, под аудиогидом мы будем понимать записанную заранее фонограмму и устройство для проигрывания этой фонограммы, которые используются для самостоятельного ознакомления с экспонатами музея или достопримечательностями [13, с. 2].

Перевод аудиогидов требует учета ряда особенностей, вызванных спецификой экскурсионного дискурса, формой аудиального восприятия. Необходимо подчеркнуть важность культурной адаптации аудиогuida, когда переводчик выступает межкультурным посредником: «Translators must keep the essence of the source text, its content, its function, its cultural references, and at the same time they must approach the translation to the target audience, by making the content comprehensive, promoting the destination and making it closer to them» («Переводчик должен сохранять суть текста: содержание, функцию, культурные отсылки, и в то же время адаптировать перевод для целевой аудитории, чтобы содержание было понятным, продвигая место туристического назначения и приближая текст к

получателям». Перевод наш. – Л.Р.) [18]. Рассмотрим перевод аудиогида с точки зрения лексических, грамматических и стилистических особенностей, чтобы наиболее полно выявить специфику перевода данного типа текстов, а также проанализировать использованные переводческие трансформации.

Аудиогид относится к краеведческим текстам, которые «содержат информацию о местности с точки зрения истории, культуры и природных особенностей какой-либо части страны, региона, области, района и т.д.» [14, с. 360]. Соответственно в текстах аудиогидов встречается большое количество безэквивалентной лексики. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, безэквивалентной лексикой являются слова, «которые невозможно семантизировать переводом (они не имеют устойчивых эквивалентов в других языках, не имеют смысловых соответствий в системе содержания, свойственных другому языку), то есть слова, чей план содержания не может быть сопоставлен ни с какими лексическими понятиями иностранного языка» [3, с. 42]. К безэквивалентной лексике, в частности, относятся реалии, которые вызывают множество трудностей при переводе. Реалии, по мнению болгарских лингвистов С.И. Влахова и С.П. Флорина, являются «словами (и словосочетаниями), называющими объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому; будучи носителями национального и/или исторического колорита, они, как правило, не имеют точных соответствий (эквивалентов) других языках, а, следовательно, не поддаются переводу «на общих основаниях», требуя особого подхода» [4, с. 6].

Проблема перевода реалий заключается в том, чтобы сохранить национальный колорит обозначаемого предмета и при этом донести до реципиента смысл того или иного слова, снизив когнитивную нагрузку на слушателя. Другими словами, «переводчик вынужден, с одной стороны, в полной мере использовать весь потенциал английского языка для передачи того или иного аспекта русской культуры с минимальными потерями. С другой стороны, ему необходимо отразить специфические особенности материала» [8, с. 58].

При этом отметим, что «в переводоведении более принят термин «реалия»; в лингвокультурологии употребляется общий термин «культуроним» [6, с. 149].

При выборе стратегий перевода культурно-специфичной лексики мы пользуемся классификацией В.В. Кабакчи, в рамках которой выделяются три вида культуронимов: полионимы (универсальные элементы земной цивилизации, встречающиеся во многих культурах), идионимы (специфические элементы данной культуры на языке данной культуры), ксенонимы (языковые единицы, используемые в данном языке для обозначения специфических элементов внешних культур) [7, с. 34-40]. Рассмотрим перевод каждой группы культуронимов отдельно.

При переводе полионимов нами был применен комплекс трансформаций, выбор которых обусловлен необходимостью обеспечить доступность информации при сохранении культурной и терминологической точности.

1. «Кираса» – «iron amour called cuirass». Эквивалент в совокупности с пояснительным комментарием помогает сохранить специфику исторического дискурса, при этом не сбивая реципиентов с толку возможно неизвестным для них словом.

2. «Нащечник» – «cheek covering». Нами было применена экпликация для передачи внутреннего содержания единицы перевода как «экипировки для защиты щек».

Наиболее сложными для перевода представляются идионимы, поскольку данные культуронимы являются чуждыми для иноязычной культуры, что соответственно «часто становится причиной различной степени непонимания смысловой, эмоциональной или прагматической стороны содержания текста» [5, С. 132]. При переводе идионимов необходимо передать смысл той или иной единицы, поскольку его невозможно будет вывести лишь из внешней формы слова или словосочетания.

1. «Курган» – «burial mound», «kurgan burial mound». В английском языке слову курган соответствует «burial mound», но ради погружения реципиентов в другую культурную среду, мы используем

транслитерированный вариант с сопровождающим комментарием.

2. «Топор-клевец» – «axe with a beak-like edge». Для реалии нет эквивалента в английском языке, но здесь важно передать внешний вид оружия, поэтому было принято решение использовать описательный перевод и эксплицировать смысл.

В исследуемом аудиогиде встречаются и ксенонимы, поскольку, хотя сарматы и проживали на территории России и Оренбургской области, их культура чужда реципиентам оригинального текста. Следовательно, при переводе таких единиц требуется особая стратегия, направленная на сохранение культурной дистанции и маркирование принадлежности описываемых реалий к исторически отдаленной традиции. При переводе мы использовали транслитерацию, поскольку в самом тексте аудиогида есть пояснение к этим реалиям, и представляется важным сохранить звуковую оболочку слова, чтобы обозначить культурную дистанцию. Таким образом мы перевели такие единицы, как «акинак» – «*akinak*» и «дромос» – «*dromos*».

Согласно транслатологической классификации И.С. Алексеевой, аудиогид можно отнести к научно-популярным текстам, особенностью которых является использование эмоционально-оценочных средств [1, с. 265]. Использование средств выразительности помогает донести информацию, одновременно увлекая реципиента. При переводе также важно сохранить эмоциональность языка, в связи с чем мы использовали средства художественной выразительности языка перевода и подходящую по стилю лексику:

Эти воинственные кочевники в течение тысячи лет властвовали над степью. – These belligerent nomadic peoples dominated the steppe for a thousand years.

В переводе нами была использована лексика соответствующей степени эмоциональной оценки, чтобы сделать текст перевода в той же мере выразительным, как и оригинал («воинственные» – «*belligerent*», «властвовали» – «*dominated*»).

Для текста характерны вводные слова и конструкции, указывающие на предположения или неточность, поскольку письменных источников с описанием жизни сарматов или использования ору-

жения практически нет. В переводе необходимо сохранять подобные конструкции, не превращая предположения в факт:

Можно сделать предположение, что ручки, выполненные в виде голов баранов, символизируют у кочевых и полукочевых народов фарн – We can assume, that handles shaped like rams' heads symbolise Farr in the cultures of nomadic and semi-nomadic peoples.

Важно отметить пространственно-навигационную лексику, которая помогает ориентировать слушателя в пространстве экспозиции, указывая на определенный экспонат или часть выставки, связывая текст и пространство («Перед вами экспозиция, посвященная знатной сарматской женщине» – «You can see the exhibition devoted to the noble Sarmatian woman»), направлять внимание слушателей («Рассмотрим его поближе» – «Let's look at it more closely»). При переводе нужно убедиться, что лексика соответствует современному расположению экспонатов во избежания дезориентации слушателя.

Таким образом, с лексической точки зрения аудиогид представляет собой сложно организованный текст, целью которого является сообщение информации с сохранением научной достоверности при доступности для широкой публики, что предполагает стратегии экспликации, адаптации и комментирования в переводе.

Особую сложность при переводе аудиогuida представляют грамматические особенности текста ввиду различной синтаксической организации русского и английского языков. Переводчику необходимо адаптировать грамматическую структуру текста в соответствии с нормами целевого языка.

В оригинальном тексте часто используются сложносочиненные и сложноподчиненные предложения, а также предложения, осложненные однородными членами, которые на русском языке воспринимаются просто, но бывают сложны для понимания при переводе. В таких случаях нам представляется уместным членение предложений, поскольку «одним из аспектов локализации музейного текста, предназначенного для озвучивания, является упрощение его синтаксической организации при переводе» [5, с. 36].

Он был обнаружен в погребении высокопоставленного воина пятидесяти-пятидесяти пяти лет вместе с другими символами высшей власти – гривной, доспехом, массивной золотой портупейной пряжкой. – It was found in the burial ground of the top-ranking warrior, who was about fifty or fifty-five years old. Among other findings there were symbols of the highest authority: a spiral neckring ornament called grivna, an armour, a massive gold sword-belt buckle.

В данном примере мы разделили предложение на два отдельных, чтобы избежать как перегруженности, так и информационных потерь. Если бы мы следовали оригинальной синтаксической структуре предложения на английском языке, оно было бы гораздо труднее для восприятия. Кроме того, в данном случае нам необходимо было пояснить значение слова «гривна», которое в исходном тексте объясняется лишь в следующей части аудиогuida, но вызывает вопросы у реципиентов.

Для английского и русского языков характерно разное актуальное членение предложений. В русском языке тема может быть выражена разными членами предложения и обычно выносится в начало, а рема – в конец. В английском языке с фиксированным порядком слов темой часто является подлежащее, рема также занимает конечное положение в предложении. Соблюдение характерного для языка тема-рематического членения помогает избежать неправильных акцентов, обращая внимания реципиента на новую информацию, сохраняя логику высказывания и построения предложения. «The overall choice and ordering of themes, particularly those in independent clauses, plays an important part in organizing a text and in providing a point of orientation for a given stretch of language» («Выбор и порядок тем, особенно в самостоятельных предложениях, во многом определяет структуру текста и задает ориентиры для восприятия того или иного отрывка». Перевод наш. – Л.Р.) [16, с. 49-50].

На мелкозернистой поверхности пробирного камня мягкие металлы, а в частности золото, оставляет видимые следы. – Soft metals, particularly gold, leave visible traces on the fine-grained surface of the touchstone.

В переводе порядок компонентов был изменён: подлежащее *Soft metals, particularly gold* перемещено в начало предложения, а обстоятельство места – в конец. Такая перестройка обусловлена тем, что для английского языка наиболее типичной является структура, при которой предложение начинается с подлежащего (ремы).

Одним из важнейших грамматических параметров текста является использование прошедшего и настоящего времени. Прошедшее время используется для описания исторического контекста, а настоящее время применяется для описания экспонатов и сообщения современной актуальной информации. Из-за переменного использования этих двух времен ощущается древность выставленных экспонатов и описываемых событий и одновременная связь с настоящим. Грамотное и последовательное чередование двух времен является важным и для перевода, сохраняя коммуникативный эффект ощущения исторической дистанции. Кроме того, при переводе необходимо учитывать особенности употребления английских временных форм: конструкции с *since* не требуют времени Present Perfect Continuous, поскольку в данном контексте они выражают не длительность действия, а факт его существования или результата (*С древнейших времен они использовались для проверки чистоты мягких металлов. – Touchstones have been used since ancient times to check the purity of soft metals.*)

В широкой прямоугольной яме с деревянным бревенчатым перекрытием были похоронены юноша и девушка восемнадцати – двадцати лет. Невероятную ценность представляют собой найденные в этом погребении массивные золотые браслеты и гривны, украшенные скульптурными изображениями различных животных. – A young man and a woman aged eighteen to twenty were buried in a wide rectangular pit with a wooden log ceiling. Massive gold bracelets and grivnas found in the burial and decorated with sculptural images of various animals are invaluable.

В приведенном примере наглядно видно чередование прошедшего и настоящего времени для описания событий прошлого и их связи с настоящим. При переводе нами была перестроена синтаксическая

структура исходного предложения для употребления прошедшего времени: причастный оборот был перенесен после определяемого слова, что позволило сохранить чередование прошедшего и настоящего времен. Таким образом мы сохранили ощущение, что древние события сохраняют свою ценность и актуальность для современного посетителя.

Как мы видим, необходимым условием успешного перевода является грамматическая адаптация текста, которая заключается в членении предложений, изменении тема-рематической структуры текста, правильном употреблении времен.

Аудиогид относится к экскурсионному типу дискурса. В работе М.В. Лиханова «Экскурсионный дискурс: к модели описания» экскурсионный дискурс рассматривается как «тип речевого поведения субъекта в сфере экскурсионной деятельности, имеющий ориентацию на информативную установку, а также одновременно сочетающий информирующие и оценочные векторы естественного языка и комплекс семиотических средств, с помощью которых адресат узнает мир» [9, с. 5].

Экскурсионному дискурсу и аудиогиду, в частности, присущи следующие стилистические характеристики:

1) смешение научного, художественного и разговорного стилей речи. Тексты экскурсий не обходятся без фактических данных (научный), эпитетов и эмоциональной информации (художественный), просторечных выражений (разговорный стиль). Например, в следующем отрывке мы видим смешение двух стилей, где первое предложение относится к научному стилю, а второе – к художественному: *«Сарматы – это обобщенное название ираноязычных племен раннего железного века. Эти воинственные кочевники в течение тысячи лет властвовали над степью»*. Задача переводчика в этом случае состоит в воссоздании этой гибридной структуры без предпочтения какого-либо одного стиля: *«The Sarmatians is a generic name for the Persian-speaking tribes of the early Iron Age. These belligerent nomadic peoples dominated the steppe for a thousand years»*;

2) комбинированное использование типов речи: описания и повествования. Происходит переключения внимания с рассказа на

экспонат. В тексте экскурсии это выражается в виде чередования статичных и динамичных предикатов, что важно учитывать при переводе. Для описания используются такие предикаты, как «изображены», «символизируют», а также сказуемые, выраженные именными частями речи: «*На клинке меча – сорок семь фигур*». Для повествования же часто используются динамичные предикаты: «перемещались» («*Они часто перемещались в поисках лучших пастбищ для своего скота*»), «возвышались», «становились». Переводим предложения с разными типами речи соответственно оригиналу: «*The blade is decorated with forty seven figures*», «*Often they were on the move looking for the best pasture lands for their cattle*».

Согласно классификации Катарины Райс, аудиогид можно отнести к аудиомедиальному жанру. Под аудиомедиальными текстами понимается текст, зафиксированный в письменном виде, но поступающий к реципиенту в устной форме [20, p. 187]. Отнесенность аудиогида к этому жанру важна для перевода, поскольку «при переводе весьма разнородных видов текстов, относящихся к аудиомедиальному типу, встанут и весьма различные по своему характеру проблемы. Решать их можно, только полностью учитывая неязыковые элементы, влияние которых варьируется от одного типа текста к другому» [11, с. 228].

Важно учитывать, что текст аудиогида воспринимается на слух при наличии отвлекающих факторов. Именно поэтому для достижения цели передать информацию легким, доступным, интересным способом текст перевода должен быть простым и понятным. «Все – начиная от структуры текста, заканчивая выбором слов для объяснения описываемого явления – должно облегчать процесс его усвоения» [2, с. 46].

Ограничение на перевод накладывает небольшая длительность текста. Обычно на каждую часть аудиогида отводится не больше 5-7 минут, чтобы не утомить слушателя. Такие же ограничения накладываются и на перевод. В переводе допускаются минимальные пояснения и комментарии, но физически невозможны сноски. Например:

Образовавшееся новое племя переселилось за реку Танаис (современная река Дон) и стало именоваться савроматами. – This new tribe moved across the Tanais river (now it is called the Don river) and received the name of Sauromates.

Пояснение о названии реки дается прямо в тексте аудиогида и при озвучивании будет выделено интонацией.

Таким образом, со стилистической точки зрения, специфика аудиогида проявляется в смешении стилей, чередовании повествовательных и описательных элементов. Особое значение при переводе приобретает ориентация на устное восприятие текста. Перевод аудиогида требует адаптации текста с учетом дискурсивных особенностей и аудиального восприятия.

Заключение

1. Аудиогид, представляющий собой особый тип экскурсионного дискурса, требует специфического подхода к переводу с учетом лексических, грамматических и стилистических особенностей жанра.

2. Одной из ключевых особенностей перевода аудиогида является его адаптация для устного восприятия, предполагающая упрощение синтаксической структуры текста, логичность изложения и доступность информации для иноязычного реципиента.

3. В процессе перевода особое значение приобретает выбор языковых средств, способных сохранить культурную специфику текста и при этом обеспечить его понятность для иностранного реципиента. Адекватный перевод культуронимов позволяет сохранить их смысловую значимость.

4. На грамматическом уровне перевод аудиогида включает в себя такие трансформации, как членение сложных предложений, изменение тема-рематической структуры текста в соответствии с нормами целевого языка. Также важную роль играет последовательное сохранение настоящего и прошедшего времени для передачи исторической дистанции и актуальности музейных экспонатов для современного реципиента.

5. Передача стилистических особенностей аудиогида связана с его коммуникативной целью – передать информацию и поддержать интерес

к тексту, в связи с чем на стилистическом уровне переводчику необходимо сохранять сочетание информативности и выразительности, избегая как чрезмерной научности, так и излишней эмоциональности текста.

6. Комплексный учет лексических, грамматических и стилистических особенностей аудиогuida позволяет обеспечить коммуникативную эффективность перевода и сохранить его информативный и культурно-познавательный потенциал.

Список литературы

1. Алексеева, И. С. (2004). *Введение в переводоведение*. Москва: Издательский центр «Академия». ISBN: 5-8465-0101-X. EDN: <https://elibrary.ru/QQZJET>
2. Вебер, Е. А. (2025). Перевод аудиогидов через призму когнитивной теории перевода. В *Перевод как профессия, наука, творчество: Сборник трудов II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием* (с. 42–50). Москва: Московский государственный лингвистический университет. EDN: <https://elibrary.ru/UTCXJG>
3. Верещагин, Е. М., & Костомаров, В. Г. (1990). *Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного* (4-е изд.). Москва: Русский язык. ISBN: 5-200-01076-4. EDN: <https://elibrary.ru/PWFJUD>
4. Влахов, С., & Флорин, С. (1980). *Непереводимое в переводе*. Москва: Международные отношения.
5. Гринева, М. С., Вайман, А. А., & Володина, С. Д. (2024). Прагматические и лингвокультурные аспекты англоязычной локализации текста аудиогuida для калужского музея «Усадьба Золотаревых». *Didactica Translatorica*, 4, 32–38. EDN: <https://elibrary.ru/JJGFWS>
6. Казакова, Т. А. (2019). Культуроним как информация в условиях перевода. В *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: материалы III международной научно-практической конференции* (с. 148–153). Симферополь: Издательство Типография «Ариал». EDN: <https://elibrary.ru/ZETIQP>
7. Кабакчи, В. В. (1998). *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. Санкт-Петербург: РГПУ им. А. И. Герцена. ISBN: 5-8064-0047-6. EDN: <https://elibrary.ru/UEFICP>
8. Крашенинникова, Н. А., Егорова, Э. В., & Крашенинникова, Е. И. (2022). Форенизация и доместикация в переводе текстов туристской направленности. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, 2, 56–65. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.5>. EDN: <https://elibrary.ru/KCMGCV>
9. Лиханов, М. В. (2019). *Речевой жанр экскурсионной метки: коммуникативно-прагматический аспект*. Кемерово. EDN: <https://elibrary.ru/WBYVZW>

-
10. Мартынова, И. Н., & Николаева, А. А. (2025). Особенности перевода материалов аудиогидов по художественному музею с русского языка на английский. В *Основные тенденции и перспективы развития современной иноязычной филологии и переводоведения: Сборник научных статей по материалам XXXIX Международной научно-практической конференции* (с. 447–453). Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева. EDN: <https://elibrary.ru/HVSQQO>
 11. Райс, К. (1978). Классификация текстов и методы перевода. В *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике* (с. 202–228). Москва: Международные отношения.
 12. Скидин, В. В. (2023). Аудиогид как новый вид аудиовизуального перевода. В *Молодые ученые – Хабаровскому краю: Материалы XXV краевого конкурса молодых ученых* (с. 35–38). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет. EDN: <https://elibrary.ru/JHLCZO>
 13. Уразметова, А. В. (2021). Функциональный потенциал аудиогидов. *Филология: научные исследования*, 10, 1–9. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.10.36496>. EDN: <https://elibrary.ru/JOEDOW>
 14. Шериева, К. Р. (2021). Транслатологические особенности краеведческих текстов. В *Переводческий дискурс: междисциплинарный подход: Материалы V международной научно-практической конференции* (с. 359–363). Симферополь: Издательство Типография «Ариал». EDN: <https://elibrary.ru/AUGTAN>
 15. Cranmer, R. (2016). Communicating with international visitors – the case of museums and galleries. *Cultus*, 9(2), 91–105. https://www.cultusjournal.com/files/Archives/Cultus9_2016_2/Cranmer_cultus%209_Volume_2_2016.pdf
 16. Dejica, D. (2004). On discourse structure in translation: The concepts of theme and rheme. *Translation Studies*, 1, 47–57.
 17. Liao, M. H., & Bartie, P. (2022). Translating heritage: a study of visitors' experiences mediated through multilingual audio guides in Edinburgh Castle. *Journal of Heritage Tourism*, 17(3), 283–295. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2021.1976786>. EDN: <https://elibrary.ru/HOYRCR>
 18. Muñoz, I. (2011). Tourist translations as a mediation tool: misunderstandings and difficulties. *Cadernos de Tradução*, 1(27). <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2011v1n27p29>
 19. Neubert, A. (1981). Translation, interpreting and text linguistics. *Studia Linguistica*, 35(1-2), 133–145. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9582.1981.tb00706.x>
 20. Reiss, K., & Vermeer, H. J. (2013). *Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained* (C. Nord, Trans.; M. Dudenhöfer, Rev.). Manchester: St. Jerome Publishing.

References

1. Alekseeva, I. S. (2004). *Introduction to translation studies*. Moscow: Akademiya Publishing Center. ISBN: 5-8465-0101-X. EDN: <https://elibrary.ru/QQZJET>
2. Weber, E. A. (2025). Translation of audio guides through the prism of cognitive translation theory. In *Translation as a profession, science, and creativity: Proceedings of the II All-Russian scientific and practical conference with international participation* (pp. 42–50). Moscow: Moscow State Linguistic University. EDN: <https://elibrary.ru/UTCXJG>
3. Vereshchagin, E. M., & Kostomarov, V. G. (1990). *Language and culture: Linguo-cultural studies in teaching Russian as a foreign language* (4th ed.). Moscow: Russkiy Yazyk. ISBN: 5-200-01076-4. EDN: <https://elibrary.ru/PWFJUD>
4. Vlahov, S., & Florin, S. (1980). *The untranslatable in translation*. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.
5. Grineva, M. S., Vaiman, A. A., & Volodina, S. D. (2024). Pragmatic and linguocultural aspects of English-language localization of the audio guide text for the Kaluga museum “Zolotarevy Estate”. *Didactica Translatoria*, 4, 32–38. EDN: <https://elibrary.ru/JJGFWS>
6. Kazakova, T. A. (2019). Culture-bound term as information in translation conditions. In *Translation discourse: An interdisciplinary approach: Proceedings of the III International scientific and practical conference* (pp. 148–153). Simferopol: Arial Printing House. EDN: <https://elibrary.ru/ZETIQP>
7. Kabakchi, V. V. (1998). *Fundamentals of English-language intercultural communication*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia. ISBN: 5-8064-0047-6. EDN: <https://elibrary.ru/UEFICP>
8. Krasheninnikova, N. A., Egorova, E. V., & Krasheninnikova, E. I. (2022). Foreignization and domestication in translating tourism texts. *Bulletin of PNRPU. Problems of Linguistics and Pedagogy*, 2, 56–65. <https://doi.org/10.15593/2224-9389/2022.2.5>. EDN: <https://elibrary.ru/KCMGCV>
9. Likhanov, M. V. (2019). *Speech genre of the excursion label: A communicative-pragmatic aspect*. Kemerovo. EDN: <https://elibrary.ru/WBYVZW>
10. Martynova, I. N., & Nikolaeva, A. A. (2025). Features of translating audio guide materials for an art museum from Russian into English. In *Main trends and prospects for the development of modern foreign language philology and translation studies: Collection of scientific articles based on the materials of the XXXIX International scientific and practical conference* (pp. 447–453). Cheboksary: I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. EDN: <https://elibrary.ru/HVSQQO>
11. Reiß, K. (1978). Text classification and translation methods. In *Issues of translation theory in foreign linguistics* (pp. 202–228). Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya.

12. Skidin, V. V. (2023). Audio guide as a new type of audiovisual translation. In *Young scientists for the Khabarovsk Territory: Materials of the XXV Regional competition of young scientists* (pp. 35–38). Khabarovsk: Pacific National University. EDN: <https://elibrary.ru/JHLCZO>
13. Urazmetova, A. V. (2021). Functional potential of audio guides. *Philology: Scientific Research*, 10, 1–9. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2021.10.36496>. EDN: <https://elibrary.ru/JOEDOW>
14. Sherieva, K. R. (2021). Translatological features of local history texts. In *Translation discourse: An interdisciplinary approach: Materials of the V International scientific and practical conference* (pp. 359–363). Simferopol: Arial Printing House. EDN: <https://elibrary.ru/AUGTAN>
15. Cranmer, R. (2016). Communicating with international visitors — the case of museums and galleries. *Cultus*, 9(2), 91–105. https://www.cultusjournal.com/files/Archives/Cultus9_2016_2/Cranmer_cultus%209_Volume_2_2016.pdf
16. Dejica, D. (2004). On discourse structure in translation: The concepts of theme and rheme. *Translation Studies*, 1, 47–57.
17. Liao, M. H., & Bartie, P. (2022). Translating heritage: A study of visitors' experiences mediated through multilingual audio guides in Edinburgh Castle. *Journal of Heritage Tourism*, 17(3), 283–295. <https://doi.org/10.1080/1743873X.2021.1976786>. EDN: <https://elibrary.ru/HOYRCR>
18. Muñoz, I. (2011). Tourist translations as a mediation tool: Misunderstandings and difficulties. *Cadernos de Tradução*, 1(27). <https://doi.org/10.5007/2175-7968.2011v1n27p29>
19. Neubert, A. (1981). Translation, interpreting and text linguistics. *Studia Linguistica*, 35(1–2), 133–145. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9582.1981.tb00706.x>
20. Reiß, K., & Vermeer, H. J. (2013). *Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained* (C. Nord, Trans.; M. Dudenhöfer, Rev.). Manchester: St. Jerome Publishing.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Андреева Елена Дамировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой прикладной лингвистики и перевода

*Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко
пр-т Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
ied-may@mail.ru*

Рябова Людмила Евгеньевна, студент кафедры прикладной лингвистики и перевода

*Оренбургский государственный университет им. В.А. Бондаренко
пр-т Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
luryab@inbox.ru*

DATA ABOUT THE AUTHORS

Elena D. Andreeva, Candidate of Philology, Docent, Head of the Department of Applied Linguistics and Translation

Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

ied-may@mail.ru

SPIN-code: 4287-4302

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2025-9864>

ResearcherID: QDO-3863-2026

Academia.edu: <https://independent.academia.edu/ElenaAndreeva51>

Lyudmila E. Ryabova, student in the Department of Applied Linguistics and Translation

Orenburg State University named after V.A. Bondarenko

13, Pobedy Ave., Orenburg, 460018, Russian Federation

luryab@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-4961-2672>

Поступила 04.05.2026

После рецензирования 22.06.2026

Принята 23.06.2026

Received 04.05.2026

Revised 22.06.2026

Accepted 23.06.2026

Прикладные аспекты лингвистики / Applied Aspects of Linguistics

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-587](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-587)

EDN: [QABRXZ](https://www.edn.ru/entry/QABRXZ)

УДК 81'23:659.1

Модальная асимметрия и синергия в восприятии креолизованных текстов социальной рекламы: экспериментальное исследование

М.В. Брискер

*Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко,
Оренбург, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. В условиях доминирования креолизованных форматов в социальной рекламе механизмы их первичного восприятия остаются недостаточно изученными в психолингвистическом ключе. Традиционные подходы фокусируются на ретроспективной интерпретации или запоминаемости, тогда как процессы моментальной когнитивной активации исследуются фрагментарно. Параметр конкретности/абстрактности ассоциативных реакций может служить надёжным индикатором модальной интеграции и эффективности коммуникативного воздействия.

Цель. Выявить особенности восприятия креолизованного текста социальной рекламы через призму конкретности/абстрактности ассоциативных реакций при варьировании модальных условий предъявления стимула.

Материалы и методы. Главным методом исследования является ассоциативный эксперимент, широко применяющийся в психолингвистике. Материалом послужили три постера социальной рекламы, представленные в трёх модификациях: изолированный визуальный компонент, изолированный вербальный компонент, полный креолизованный текст. Использовался метод свободного ассоциативного эксперимента: после предъявления стимула респонденты фиксировали первую возникшую ассоциацию. Данные подвергались качественному (семантическая категоризация) и количественному (частотный анализ, оценка уровня конкретности) анализу.

Результаты. Установлена модальная асимметрия первичного восприятия: визуальный стимул преимущественно генерирует конкретно-перцептивные ассоциации, вербальный – абстрактно-концептуальные и оценочные реакции. Выявлен синергетический эффект креолизации: в комбинированном условии достигается сбалансированное соотношение конкретности и абстракции, что свидетельствует

о функционировании креолизованного текста как единой семиотической системы. Визуальный компонент конкретизирует и эмоционально усиливает текстовый посыл, тогда как вербальный компонент направляет интерпретацию изображения в русло социально значимой проблематики. Креолизованный формат способствует снижению смысловой многозначности, элиминации периферийных интерпретаций и более адресной актуализации целевого социального посыла. Полученные данные подтверждают положения теории двойного кодирования и могут быть использованы при проектировании эффективных поликодовых сообщений социальной рекламы.

Ключевые слова: креолизованный текст; социальная реклама; ассоциативный эксперимент; конкретность; абстрактность; модальная интеграция; теория двойного кодирования; психолингвистика восприятия

Для цитирования. Брискер, М. В. (2026). Модальная асимметрия и синергия в восприятии креолизованных текстов социальной рекламы: экспериментальное исследование. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 315–332. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-587>

Modal asymmetry and synergy in the perception of creolized social advertising texts: an experimental study

M.V. Brisker

*Orenburg State University named after V.A. Bondarenko,
Orenburg, Russian Federation*

Abstract

Background. In the context of the dominance of creolized formats in social advertising, the mechanisms of their primary perception remain insufficiently studied from a psycholinguistic perspective. Traditional approaches mainly focus on retrospective interpretation or memorability, whereas the processes of immediate cognitive activation have only been examined fragmentarily. The parameter of concreteness/abstractness of associative reactions may serve as a reliable indicator of modal integration and communicative effectiveness.

Purpose. To identify the specific features of perceiving creolized social advertising texts through the prism of concreteness/abstractness of associative reactions under varying modal conditions of stimulus presentation.

Materials and methods. The principal research method was an associative experiment widely used in psycholinguistics. The material consisted of three social advertising posters presented in three modifications: an isolated visual component, an isolated verbal component, and a complete creolized text. A free associative experiment was employed:

after stimulus presentation, respondents recorded the first association that came to mind. The data were subjected to qualitative (semantic categorization) and quantitative (frequency analysis and assessment of the level of concreteness) analysis.

Results. A modal asymmetry of primary perception was identified: the visual stimulus predominantly generates concrete perceptual associations, whereas the verbal stimulus evokes abstract conceptual and evaluative reactions. A synergistic effect of creolization was revealed: under the combined condition, a balanced correlation between concreteness and abstraction is achieved, indicating that the creolized text functions as an integrated semiotic system. The visual component concretizes and emotionally reinforces the verbal message, while the verbal component directs the interpretation of the image toward socially significant issues. The creolized format contributes to reducing semantic ambiguity, eliminating peripheral interpretations, and ensuring a more targeted actualization of the intended social message. The obtained data confirm the principles of dual coding theory and may be applied in the design of effective polycode messages in social advertising.

Keywords: creolized text; social advertising; associative experiment; concreteness; abstraction; modal integration; dual coding theory; psycholinguistics of perception

For citation. Brisker, M. V. (2026). Modal asymmetry and synergy in the perception of creolized social advertising texts: an experimental study. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 315–332. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-587>

Введение

Социальная реклама выступает одним из ключевых инструментов формирования общественного сознания, транслируя ценностные установки и моделируя поведенческие паттерны в ситуациях, значимых для социума. Эффективность коммуникативного воздействия социальной рекламы напрямую зависит от способности сообщения преодолевать когнитивные фильтры реципиента, актуализировать эмоционально-смысловые реакции и обеспечивать быстрое декодирование целевого посыла. В современных медиасредах доминирующей формой представления подобных сообщений становится креолизированный (поликодовый) текст, в котором вербальный и визуальный компоненты функционируют в единой семиотической системе, взаимно специфицируя и дополняя друг друга.

Креолизированный текст определяется как знаковое образование, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык) [14].

Е.Е. Анисимова характеризует креолизованные тексты как семиотически осложнённые образования, в структурировании которых задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства [1].

А.А. Бернацкая предлагает рассматривать креолизацию как процесс комбинирования средств разных семиотических систем в комплексе, отвечающем условию текстуальности [2].

В современной терминологической практике наряду с понятием «креолизованный текст» используется термин «поликодовый текст», который некоторые исследователи считают более нейтральным и избегающим ассоциаций с креолизованными языками [3; 16].

Однако для целей настоящего исследования мы сохраняем термин «креолизованный текст», поскольку он акцентирует внимание на прагматической функции интеграции модальностей в коммуникативном акте [4; 6].

Типология креолизованных текстов разрабатывается по нескольким основаниям:

- по степени гетерогенности компонентов выделяют тексты с нулевой (чисто вербальные или иконические) и ненулевой степенью сочетания модальностей;
- по характеру иконического компонента – статичные (плакат, афиша) и динамичные (видеоролик, анимация);
- по типу вербального компонента – письменные и устные, монологические и полилогические [5; 7].

Социальная реклама, являющаяся объектом настоящего исследования, относится к категории статичных креолизованных текстов с доминирующей визуальной составляющей и лаконичным вербальным сопровождением [10; 19].

Несмотря на широкое распространение креолизованных форматов в социальной рекламе, механизмы их первичного восприятия остаются недостаточно изученными в психолингвистическом ключе, что обуславливает *актуальность* данной статьи. Традиционные подходы к анализу поликодовых сообщений фокусируются преимущественно на ретроспективной интерпретации, семантическом

анализе или оценке запоминаемости, тогда как процессы моментальной когнитивной активации, разворачивающиеся на этапе первичного контакта со стимулом, исследуются фрагментарно. Между тем именно первичная ассоциативная реакция отражает спонтанное когнитивное картирование стимула, выявляя доминирующие перцептивные стратегии и исходные схемы категоризации смысла.

Механизмы восприятия креолизованных текстов описываются в рамках культурно-исторического подхода и теории деятельности. Согласно представлениям, развиваемым в Институте языкознания РАН, восприятие креолизованного текста разворачивается в структуре совместной деятельности и опирается на общность образов сознания, сформированных в процессе интериоризации культурного опыта [3].

Восприятие иконического компонента происходит через этапы сенсорного опознания (сравнение с сенсорными эталонами) и перцептивной обработки (сопоставление с образами воспоминания), тогда как вербальный компонент требует дополнительного этапа актуализации ассоциированных знаний из долговременной памяти [11; 16].

В качестве теоретической опоры в работе используется модель дуального кодирования, разработанная А. Пайвио. Согласно этой концепции, память и когнитивная обработка опираются на два взаимодополняющих канала: вербальный, оперирующий словами и языковыми знаками, и образный, отвечающий за визуальные и чувственные представления [3; 20]. Смысловое объединение этих каналов осуществляется на этапе формирования целостного представления. Когда оба канала задействованы одновременно, информация усваивается полнее, а следы в памяти закрепляются надёжнее [8; 15]. Применительно к креолизованным сообщениям этот подход даёт основание ожидать синергии: совместное присутствие изображения и текста должно усиливать когнитивный отклик, превышающий простую сумму отдельных воздействий.

В фокусе нашего внимания оказывается баланс конкретного и отвлечённого в ассоциативных реакциях. Этот показатель служит

своеобразным диагностическим инструментом: он показывает, в какой мере зрительный ряд апеллирует к чувственному опыту, а словесная часть – к понятийным и оценочным категориям [17; 18], а также фиксирует момент их взаимного согласования в поликодовом сообщении. При этом теоретические построения дают лишь ориентировочную картину.

Целью исследования является выявить особенности восприятия креолизованного текста социальной рекламы через призму конкретности/абстрактности ассоциативных реакций при варьировании модальных условий предъявления стимула.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- сравнить качественные и количественные характеристики ассоциативных полей, активированных изолированным визуальным, изолированным вербальным и комбинированным (креолизованным) стимулами;
- измерить уровень конкретности/абстрактности первичных ассоциаций в каждой экспериментальной группе;
- выявить закономерности модального взаимодействия: эффекты доминирования, интерференции или синергетической интеграции визуального и вербального кодов;
- определить коммуникативный потенциал креолизации для минимизации смысловой многозначности и усиления адресного воздействия социальной рекламы.

Научная новизна исследования заключается в эмпирической верификации модальной асимметрии первичного восприятия креолизованных сообщений через призму параметра конкретности/абстрактности ассоциативных реакций. Впервые в отечественной психолингвистике предложен сопоставительный дизайн, позволяющий количественно оценить вклад каждого модального компонента в формирование итогового перцептивно-семантического конструкта, а также зафиксировать трансформацию ассоциативного поля при переходе от монокодовых к поликодовым условиям.

Практическая значимость работы определяется возможностью использования полученных данных при проектировании

социальной рекламы: выявление модальных стратегий, обеспечивающих оптимальный баланс между эмоциональной ответственностью визуального образа и концептуальной точностью текстового посыла, позволяет минимизировать риск смысловых искажений и повысить эффективность коммуникативного воздействия на целевую аудиторию. Результаты исследования могут быть интегрированы в учебные курсы по психолингвистике, когнитивной семиотике, медиакоммуникациям и дизайну социальной рекламы, а также использованы специалистами по связям с общественностью и креативными директорами при разработке поликодовых кампаний.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 150 студентов Оренбургского государственного университета имени В.А. Бондаренко, обучающихся по различным направлениям подготовки. В экспериментальную выборку вошли респонденты в возрасте от 18 до 25 лет, являющиеся носителями русского языка и не имеющие специальной подготовки в области психолингвистики, медиалингвистики или рекламы. Привлечение студентов различных направлений подготовки позволило минимизировать влияние профессиональной специализации на интерпретацию рекламных сообщений и обеспечить относительную неоднородность выборки.

Материалом исследования послужили три постера социальной рекламы, представляющие собой креолизованные тексты, в структуре которых взаимодействуют вербальный и визуальный компоненты. При отборе экспериментального материала учитывались следующие критерии: социальная направленность рекламного сообщения, наличие выраженного визуального образа, содержательная завершенность текстового компонента, а также возможность автономного восприятия изображения и текста. Отобранные постеры затрагивали актуальные социальные проблемы и обладали ярко выраженным прагматическим потенциалом, ориентированным на эмоциональное и когнитивное воздействие на адресата.

Для проведения эксперимента каждый рекламный постер был преобразован в три отдельные модификации:

- графический компонент – изображение без текстового сопровождения;
- вербальный компонент – текст без изображения;
- полный креолизованный текст – исходный постер, включающий одновременно визуальный и вербальный компоненты.

Подобное разделение экспериментального материала позволило выявить специфику восприятия каждого компонента отдельно, а также определить особенности интерпретации при их совместном функционировании в составе креолизованного текста.

Испытуемые были разделены на три экспериментальные группы по 50 человек. Первая группа работала исключительно с визуальными стимулами и воспринимала только графические компоненты рекламных постеров. Второй группе предъявлялись исключительно вербальные компоненты. Третья группа анализировала полные креолизованные тексты, включающие изображение и текст в их исходном сочетании.

В качестве основного метода исследования использовался ассоциативный эксперимент, широко применяемый в психолингвистических исследованиях для выявления особенностей языкового сознания и механизмов восприятия информации [12; 13]. Испытуемым предъявлялись стимулы в соответствии с принадлежностью к определённой экспериментальной группе. После предъявления каждого стимула респондентам предлагалось записать первую ассоциацию, возникшую в их сознании. Участникам эксперимента не задавались дополнительные ограничения относительно формы или содержания реакции, что позволило получить максимально спонтанные ассоциативные ответы.

Эксперимент проводился в одинаковых условиях для всех групп. Предъявление стимульного материала осуществлялось последовательно. Время реакции специально не ограничивалось, однако респондентам рекомендовалось фиксировать первую возникшую ассоциацию без длительного размышления. Все реакции регистрировались в письменной форме.

На следующем этапе осуществлялась обработка полученных данных. Ассоциативные реакции подвергались качественному и количественному анализу. Количественный анализ включал подсчёт частотности реакций и выявление наиболее повторяющихся ассоциаций. Качественный анализ был направлен на распределение ассоциаций по семантическим группам и выявление особенностей восприятия различных компонентов социальной рекламы. Особое внимание уделялось степени конкретности и абстрактности ассоциативных реакций. Конкретными считались реакции, обозначающие предметы, визуально воспринимаемые объекты или непосредственно представимые образы (например: «ребёнок», «лев», «клетка»). К абстрактным относились реакции, отражающие социальные, эмоциональные, морально-оценочные или концептуальные категории (например: «ответственность», «страх», «жестокость», «общество») [9].

Сопоставление результатов трёх экспериментальных групп позволило выявить специфику восприятия визуального, вербального и креолизованного компонентов социальной рекламы, а также определить особенности взаимодействия образного и понятийного уровней интерпретации рекламного сообщения.

Результаты и обсуждение

Рассмотрим анализ одного из исследуемых постеров социальной рекламы (см. рисунок 1).

Анализ восприятия визуального компонента

В рамках эксперимента по изучению восприятия креолизованного текста социальной рекламы был проанализирован ассоциативный профиль группы, получавшей исключительно визуальный стимул.

Эмпирические данные демонстрируют выраженную тенденцию к конкретизации восприятия: 85% всех зафиксированных ответов относятся к категории высокой конкретности. Доминирующей реакцией (47%) стало прямое называние денотата – «лев». Дополнительно 7% респондентов использовали гипероним «животное», что в сумме формирует 54% реакций, непосредственно апеллирующих к перцептивно узнаваемому прототипу. Значительная доля ответов (15%) представ-

ляет собой конкретные предметные референции, обусловленные формальными характеристиками контурной графики: «меч», «шланг», «кнут», «плетка», «скакалка», «чек», «силуэт» (по 3% каждое).

БЬЕТ – ЗНАЧИТ ЛЮБИТ*

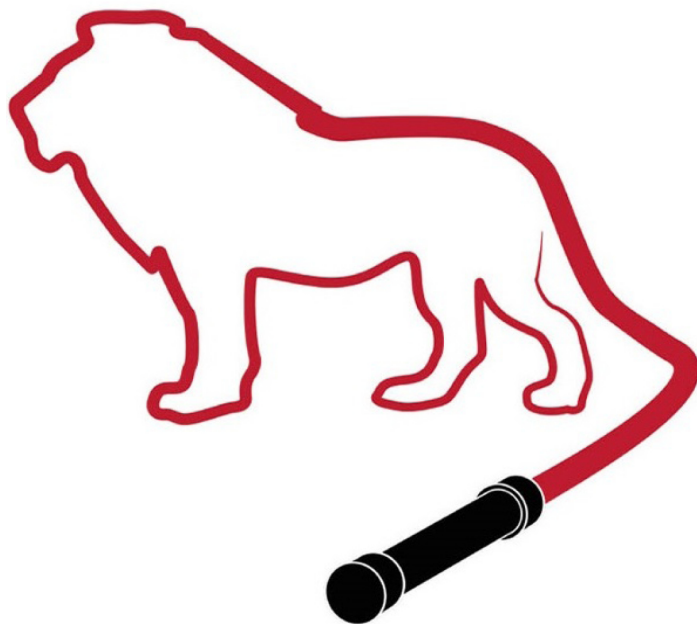

Рис. 1. Постер социальной рекламы
Fig. 1. Public service announcement poster

Абстрактные концептуальные реакции составили лишь 3% выборки («лидерство»). Реакция «иллюзия» (10%) заняла промежуточное положение, фиксируя не объект, а метакогнитивную оценку характера визуального восприятия. Культурно-обусловленные ассоциации («ситхи», 3%) и ситуативные контексты («цирк», 3%) не нарушают общей тенденции к перцептивной конкретике.

Полученная картина вполне укладывается в рамки теории двойного кодирования, предложенной А. Пайвио [20]. Согласно этой модели, зрительный канал преимущественно запускает аналоговые, чувственно-опорные представления, в то время как языковой знак тяготеет к понятийной обработке и работе с отвлечёнными категориями. Тот факт, что 85 % реакций оказались высококонкретными, говорит о следующем: изолированная графика отлично передаёт предметное содержание, но сама по себе слабо активирует ценностно-смысловые уровни. Всего 3 % испытуемых откликнулись абстрактным понятием «лидерство», что подтверждает известную закономерность – символические слои образа редко всплывают спонтанно без текстовой или контекстной поддержки. Фактический материал даёт основание говорить о чёткой модальной асимметрии на ранних этапах обработки информации. Картинка провоцирует преимущественно предметные, перцептивные отклики, а смысловое обобщение требует участия вербального компонента. Именно этот сдвиг создаёт основу для дальнейшего сопоставления с реакциями на текст и на целостный постер.

Анализ восприятия вербального компонента

Переход к вербальному стимулу («БЬЕТ – ЗНАЧИТ ЛЮБИТ») выявил принципиально иную картину. Если графика работала на уровне узнавания формы, то текст запустил процессы концептуального осмысления и оценочного суждения. Фокус восприятия сместился в сторону отвлечённых категорий и категорий психологии. Конкретные обозначения почти исчезли, уступив место социально-психологическим терминам и критическим реакциям.

Распределение ответов показало несколько устойчивых тенденций. Четверть реакций (26 %) пришлась на социально-психологическую категоризацию, где безоговорочным лидером стало слово «абьюзер» (20 %). Рядом расположились ситуативные роли: «отец», «папа», «брат», «мужло» (по 3 % каждая). Почти столько же (23 %) составили отклики критического толка: «ложь» (10 %), «бред», «оправдание», «устаревшее» (по 3 %). Они демонстрируют, что современная аудитория не считывает фразу буквально, а сразу

подвергает её проверке на истинность. Ещё 16 % реакций отразили абстрактное понимание явления («насилие» – 7 %, «отношения», «крайность», «слабость» – по 3 %), а 9 % – социокультурные маркеры вроде «редфлага», «скрепов» или «Руси».

Особенно показателен взлёт реакции «абьюзер». Текст, описывающий физическое действие, сместил акцент с процесса на исполнителя. Это говорит о глубоком усвоении современной психологической лексики массовым сознанием: бытовое описание мгновенно переводится в профессиональную категорию. Вербальная группа продемонстрировала готовность к сложной социальной типизации. В отличие от визуального условия, где преобладала предметность, здесь доминирует отвлечённость. Даже такие, казалось бы, конкретные ответы, как «папа» или «брат», несут не перцептивный, а ситуативный смысл – они указывают на контекст, в котором чаще всего звучит эта фраза. Текст заставил участников выйти за рамки физического образа и обратиться к сфере отношений и психологических состояний. Данные по второй группе подтверждают: языковой код обладает заметно более высоким потенциалом для концептуализации и оценки, чем изолированное изображение.

Анализ восприятия креолизованного текста

Предъявление целостного постера дало иную конфигурацию ассоциативного поля. В отличие от резкого перекоса в предыдущих условиях, комбинированный стимул показал сбалансированное сочетание образной конкретики и понятийной отвлечённости, что указывает на успешное мультимодальное взаимодействие. Распределение по уровням конкретности оказалось почти зеркальным: абстрактно-концептуальный кластер набрал 45 %, конкретно-ситуативный – 43 %, метаописательные реакции – 9 %.

Если в текстовой группе преобладала рефлексия над самой формулировкой («ложь», «бред», «абьюзер»), то в креолизованном варианте акцент сместился на фиксацию явления. На первый план вышли «жестокость» (17 %) и «насилие» (13 %). Изображение хлыста сработало как перцептивный якорь: оно перевело иронично-отрицающую пословицу в прямое указание на проблему. Абстрактные категории

получили зримую опору, что снизило когнитивное сопротивление и ускорило категоризацию. Равное соотношение абстракции и конкретики снимает вопрос о доминировании одного из каналов. Вместо конфликта наблюдается компенсация: картинка снимает излишнюю критическую дистанцию текста, добавляя эмоциональный заряд, а слова направляют зрительное восприятие в социальное русло, отсекая случайные или формальные прочтения. Это лишний раз подтверждает, что креолизованный текст работает как целостная семиотическая система, где компоненты взаимно уточняют друг друга. Данные по третьей группе подтверждают предположение о синергии модальностей. Креолизация здесь не простая сумма картинки и слов, а качественный переход к новому перцептивно-смысловому образованию. Ассоциативный профиль показывает, что сообщение успешно преодолевает привыкание к бытовой фразе и раскрывает тему домашнего насилия через механизм визуальной метафоры.

Заключение

Результаты эксперимента позволяют уточнить специфику восприятия социальной рекламы в зависимости от модальности предъявления сообщения. Сопоставление трёх экспериментальных условий показало, что визуальный и вербальный компоненты активируют различные механизмы обработки информации уже на начальном этапе восприятия. При предъявлении только изображения респонденты чаще фиксировались на предметно-образных характеристиках стимула и конкретных визуальных объектах. Текстовый компонент, напротив, вызывал преимущественно оценочные, социально-психологические и абстрактные реакции, связанные с интерпретацией смысла и моральной оценкой ситуации.

Полученные данные соотносятся с положениями теории двойного кодирования, согласно которой образная и вербальная системы перерабатывают информацию различными способами. Изображение обеспечивает быстрое распознавание и эмоциональную вовлечённость, однако без текстовой опоры не всегда приводит к формированию чёткой социальной интерпретации. Вербальный стимул способен

задавать направление осмысления проблемы, но при изолированном восприятии допускает более широкий диапазон трактовок и усиливает аналитическую дистанцию по отношению к сообщению.

Наиболее значимые изменения были зафиксированы в группе, воспринимавшей полный креолизованный текст. Совместное функционирование изображения и текста не сводилось к простому сложению двух каналов передачи информации. Напротив, между модальностями возникал эффект взаимного уточнения: визуальный образ конкретизировал содержание высказывания и усиливал его эмоциональное воздействие, тогда как текст ограничивал вероятность случайных или периферийных интерпретаций изображения. В результате формировалось более целостное и направленное восприятие социального посыла.

Таким образом, креолизованный формат демонстрирует более высокий коммуникативный потенциал по сравнению с монокодовыми вариантами социальной рекламы. Его эффективность обусловлена интеграцией перцептивного и концептуального уровней обработки информации, благодаря чему в сообщении воспринимается одновременно эмоциональность и смысл. Полученные результаты позволяют рассматривать креолизацию как важный когнитивный механизм организации рекламного воздействия, обеспечивающий повышение точности интерпретации и снижение смысловой неопределённости. Данные исследования могут быть использованы как при дальнейшем изучении поликодовой коммуникации, так и в практической разработке социальной рекламы.

Описание применения генеративной модели. Во время подготовки статьи мы использовали сервис deepseek.com с целью статистической обработки данных, систематизации большого объема экспериментального материала, оформления списка литературы и проверки статьи на орфографические и пунктуационные ошибки. После использования этого инструмента мы пересмотрели и отредактировали контент по мере необходимости и берем на себя полную ответственность за содержание опубликованной статьи.

Список литературы

1. Анисимова, Е. Е. (2003). *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Межкультурная коммуникация»*. Академия. ISBN: 5-7695-0961-9. EDN: <https://elibrary.ru/YWOTPL>
2. Бернацкая, А. А. (2000). К проблеме «креолизации» текста: История и современное состояние. *Речевое общение: Специализированный вестник*, 3(11), 4–21. EDN: <https://elibrary.ru/YPNMHD>
3. Вашунина, И. В. (Отв. ред.). (2020). *Креолизованный текст: Смысловое восприятие: Коллективная монография*. Институт языкознания РАН.
4. Вашунина, И. В., & Нистратов, А. А. (2020). Креолизованный текст: Обзор экспериментальных исследований. *Вопросы психолингвистики*, (2), 28–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39>. EDN: <https://elibrary.ru/NTIFNH>
5. Ворошилова, М. Б. (2007). Креолизованный текст: Аспекты изучения. *Политическая лингвистика*, (1), 75–80. EDN: <https://elibrary.ru/JVZALX>
6. Ворошилова, М. Б., & Злоказов, К. В. (2017). Психолингвистические методы исследования креолизованного текста. *Политическая наука*, (2), 126–137. EDN: <https://elibrary.ru/ZAFKWH>
7. Гайломазова, Е. С. (2024). Креолизованный текст в политическом дискурсе и политической рекламе. *Гуманитарные и социальные науки*, (1), 49–54. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2024-102-1-49-54>. EDN: <https://elibrary.ru/OLHXIP>
8. Горошко, Е. И. (2008). Психолингвистика интернет-коммуникаций. *Вопросы психолингвистики*, (7), 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/LGKLSD>
9. Валуева, Е. А., Григорьев, А. А., & Пашнева, С. А. (2024). К вопросу о достоверности оценок конкретности-абстрактности слов: Подвержены ли они влиянию других психолингвистических переменных? *Теория языка и межкультурная коммуникация*, (3), 6.
10. Дедюрина, Е. Ю. (2021). Социальная реклама как пример креолизованного текста. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 67(12), 33–42. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_33. EDN: <https://elibrary.ru/PBRTAC>
11. Ежова, Е. Н., & Ежов, И. Д. (2018). Визуальные коды в структуре креолизованного текста рекламы. *Знак: Проблемное поле медиаобразования*, (2), 98–105. EDN: <https://elibrary.ru/UQHUVV>
12. Жоши, К. (2023). Журавль в белорусском и китайском ассоциативном поле. *Славянский мир: Общность и многообразие*, (2), 89–97. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2023.2.10>. EDN: <https://elibrary.ru/CCXDDU>
13. Кандыбина, А. В. (2023). Восприятие общечеловеческих понятий носителями русского языка: Опыт ассоциативного эксперимента. *Международный журнал*

- гуманитарных и естественных наук, (6-4), 34–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-34-37>. EDN: <https://elibrary.ru/MDLWRM>
14. Кудряшева, Ф. С. (2023). Художественный текст как поликодовое явление. *Доклады Башкирского университета*, 8(1), 75–83. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2023.1.10>. EDN: <https://elibrary.ru/FFTTGT>
 15. Максименко, О. И. (2012). Поликодовый vs. креолизированный текст: Проблема терминологии. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, (2), 112–124. EDN: <https://elibrary.ru/PXZTRF>
 16. Новоспасская, Н. В., & Дугалич, Н. М. (2022). Терминосистема теории поликодовых текстов. *Русистика*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>. EDN: <https://elibrary.ru/SOJLDU>
 17. Пасикова, О. Н. (2018). Синестезия в структуре креолизованного текста рекламы. *Знак: Проблемное поле медиаобразования*, (2), 112–119. EDN: <https://elibrary.ru/YNMJNB>
 18. Селеменова, О. А. (2020). Языковое смешение в креолизованных текстах рекламы глянцевого журналов. *Научный диалог*, (3), 168–184. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-168-184>. EDN: <https://elibrary.ru/VOUIPN>
 19. Mayer, R. E. (2009). *Multimedia learning* (2nd ed.). Cambridge University Press.
 20. Paivio, A. (2014). Intelligence, dual coding theory, and the brain. *Intelligence*, 47, 141–158. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.09.002>

References

1. Anisimova, E. E. (2003). *Text linguistics and intercultural communication (based on creolized texts): A textbook for university students majoring in intercultural communication*. Academia. ISBN: 5-7695-0961-9. EDN: <https://elibrary.ru/YWOTPL>
2. Bernatskaya, A. A. (2000). On the problem of text “creolization”: History and current state. *Speech Communication: Specialized Bulletin*, 3(11), 4–21. EDN: <https://elibrary.ru/YPNMHD>
3. Vashunina, I. V. (Ed.). (2020). *Creolized text: Semantic perception: A collective monograph*. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
4. Vashunina, I. V., & Nistratov, A. A. (2020). Creolized text: Review of experimental studies. *Journal of Psycholinguistics*, (2), 28–37. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-44-2-28-39>. EDN: <https://elibrary.ru/NTIFNH>
5. Voroshilova, M. B. (2007). Creolized text: Aspects of study. *Political Linguistics*, (1), 75–80. EDN: <https://elibrary.ru/JVZALX>
6. Voroshilova, M. B., & Zlokazov, K. V. (2017). Psycholinguistic methods for studying creolized text. *Political Science*, (2), 126–137. EDN: <https://elibrary.ru/ZAFKWH>

7. Gailomazova, E. S. (2024). Creolized text in political discourse and political advertising. *Humanities and Social Sciences*, (1), 49–54. <https://doi.org/10.18522/2070-1403-2024-102-1-49-54>. EDN: <https://elibrary.ru/OLHXIP>
8. Goroshko, E. I. (2008). Psycholinguistics of internet communication. *Journal of Psycholinguistics*, (7), 5–11. EDN: <https://elibrary.ru/LGKLSD>
9. Valueva, E. A., Grigoriev, A. A., & Pashneva, S. A. (2024). On the reliability of concreteness–abstractness ratings: Are they influenced by other psycholinguistic variables? *Theory of Language and Intercultural Communication*, (3), 6.
10. Dedyurina, E. Yu. (2021). Social advertising as an example of a creolized text. *Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 67(12), 33–42. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2021_12_854_33. EDN: <https://elibrary.ru/PBRTAC>
11. Ezhova, E. N., & Ezhov, I. D. (2018). Visual codes in the structure of creolized advertising text. *Sign: Problem Field of Media Education*, (2), 98–105. EDN: <https://elibrary.ru/UQHUVVC>
12. Zhoshi, K. (2023). The crane in the Belarusian and Chinese associative field. *Slavic World: Unity and Diversity*, (2), 89–97. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2023.2.10>. EDN: <https://elibrary.ru/CCXDDU>
13. Kandybina, A. V. (2023). Perception of universal human concepts by native Russian speakers: An associative experiment. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, (6-4), 34–37. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2023-6-4-34-37>. EDN: <https://elibrary.ru/MDLWRM>
14. Kudryasheva, F. S. (2023). Literary text as a polycode phenomenon. *Reports of the Bashkir University*, 8(1), 75–83. <https://doi.org/10.33184/dokbsu-2023.1.10>. EDN: <https://elibrary.ru/FFTTGT>
15. Maksimenko, O. I. (2012). Polycode vs. creolized text: The problem of terminology. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, (2), 112–124. EDN: <https://elibrary.ru/PXZTRF>
16. Novospasskaya, N. V., & Dugalich, N. M. (2022). Terminological system of polycode text theory. *Rusistika*, 20(3), 298–311. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311>. EDN: <https://elibrary.ru/SOJLDU>
17. Pasikova, O. N. (2018). Synesthesia in the structure of creolized advertising text. *Sign: Problem Field of Media Education*, (2), 112–119. EDN: <https://elibrary.ru/YNMJNB>
18. Selemeneva, O. A. (2020). Language mixing in creolized advertising texts of glossy magazines. *Scientific Dialogue*, (3), 168–184. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-3-168-184>. EDN: <https://elibrary.ru/VOUIPN>
19. Mayer, R. E. (2009). *Multimedia learning* (2nd ed.). Cambridge University Press.
20. Paivio, A. (2014). Intelligence, dual coding theory, and the brain. *Intelligence*, 47, 141–158. <https://doi.org/10.1016/j.intell.2014.09.002>

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Брискер Мария Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков
Оренбургский государственный университет имени В.А. Бондаренко
просп. Победы, 13, г. Оренбург, 460018, Российская Федерация
post@mail.osu.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maria V. Brisker, PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Foreign Languages Department
Orenburg State University named after V.A. Bondarenko
13, Prospect Pobedy, Orenburg, 460018, Russian Federation
post@mail.osu.ru
SPIN-code: 7591-4496
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3469-0188>
Scopus Author ID: 55385849400

Поступила 10.05.2026

После рецензирования 07.06.2026

Принята 09.06.2026

Received 10.05.2026

Revised 07.06.2026

Accepted 09.06.2026

Методология и новые подходы в гуманитарных науках / Methodology and Novel Approaches in Humanities

Научная статья

Original article

DOI: [10.12731/3033-5981-2026-18-2-589](https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-589)

EDN: [UZLYHT](https://www.edn.ru/uzlyht)

УДК 2-1:165.62

Понимание и объяснение в неофеноменологии Ж. Ваарденбурга: между герменевтикой и эмпирическим религиоведением

Р.Ф. Яруллин

*Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация*

Аннотация

Обоснование. Неофеноменология Жака Ваарденбурга занимает промежуточное положение между классической феноменологией религии, герменевтикой и эмпирическим религиоведением. Ее методологическая значимость связана с вопросом о том, как исследователь может научно реконструировать субъективные религиозные значения, если они не даны непосредственно и всегда опосредованы текстами, ритуалами, институтами, самоописаниями и социальным контекстом.

Цель. Цель исследования состоит в реконструкции методологического механизма неофеноменологии Ваарденбурга через анализ соотношения понимания, объяснения и валидации интерпретации.

Материалы и методы. Материалом исследования выступают методологические работы Ваарденбурга, посвященные феноменологии религии «нового стиля», категории веры, открытому понятию религии и религиозным акторам. Используются историко-религиоведческий анализ, герменевтический анализ, понятийная реконструкция и сравнительно-методологический подход; для контекстуализации привлечены исследования Дж. Дэниелса, Й. Гебелта и Т. С. Самариной.

Результаты. Показано, что неофеноменология Ваарденбурга может быть описана как эмпирически дисциплинированная герменевтика религии. Ее герменевтическое измерение связано с переходом от факта к значению, антропологическое измерение – с переносом внимания на акторов и практики, а методологическое ядро – с реконструкцией интенций. Установлено, что реконструкция религиозных интенций требует валидации через источники, контекст, самопонимание участников, логическую согласованность и сопоставление с альтернативными объяснениями. Сделан вывод, что у Ваарденбурга понимание и объ-

яснение не противопоставляются, а образуют взаимодополняющие операции религиозного анализа.

Ключевые слова: Жак Ваарденбург; неофеноменология религии; герменевтика религии; Verstehen; Erklären; интенция; субъективное значение; методологическая валидация

Для цитирования. Яруллин, Р. Ф. (2026). Понимание и объяснение в неофеноменологии Ж. Ваарденбурга: между герменевтикой и эмпирическим религиозоведением. *Russian Social and Humanitarian Studies / Российские социогуманитарные исследования*, 18(2), 333–347. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-589>

Understanding and explanation in J. Waardenburg's neo-phenomenology: between hermeneutics and empirical study of religion

R.F. Yarullin

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract

Background. Jacques Waardenburg's neo-phenomenology occupies an intermediate position between classical phenomenology of religion, hermeneutics and empirical study of religion. Its methodological importance is connected with the problem of how a scholar can reconstruct subjective religious meanings scientifically when they are not directly accessible and are mediated by texts, rituals, institutions, self-descriptions and social contexts.

Purpose. The purpose of this study is to reconstruct the methodological mechanism of Waardenburg's neo-phenomenology through the relationship between understanding, explanation and validation of interpretation.

Materials and methods. The study is based on Waardenburg's methodological works on "new style" phenomenology of religion, the category of faith, the open concept of religion and religious actors. The article uses historical analysis in the study of religion, hermeneutic analysis, conceptual reconstruction and a comparative methodological approach; studies by J. Daniels, J. Gebelt and T. S. Samarina are used for contextualization.

Results. The article shows that Waardenburg's neo-phenomenology may be described as an empirically disciplined hermeneutics of religion. Its hermeneutic dimension is linked to the movement from fact to meaning, its anthropological dimension to the focus on actors and practices, and its methodological core to the reconstruction of intentions. The reconstruction of religious intentions requires validation through sources, context, actors' self-understanding, logical consistency and comparison with alternative

explanations. The article concludes that, for Waardenburg, understanding and explanation are not opposing methods but complementary operations of the study of religion.

Keywords: Jacques Waardenburg; neo-phenomenology of religion; hermeneutics of religion; Verstehen; Erklären; intention; subjective meaning; methodological validation

For citation. Yarullin, R. F. (2026). Understanding and explanation in J. Waardenburg's neo-phenomenology: between hermeneutics and empirical study of religion. *Russian Social and Humanitarian Studies*, 18(2), 333–347. <https://doi.org/10.12731/3033-5981-2026-18-2-589>

Введение

Проблема соотношения понимания и объяснения является одной из ключевых для методологии религиоведения. Религиозный феномен имеет наблюдаемую сторону: текст, ритуал, жест, институт, предмет, форму поведения, речевой акт или публичное самоописание. Однако внешняя фиксация этих данных еще не раскрывает, каким образом они становятся значимыми для людей, которые молятся, спорят, воспроизводят традицию, выстраивают идентичность и признают определенные объекты священными. Поэтому религиоведческое исследование нуждается не только в описании факта, но и в реконструкции значения, которое этот факт имеет для актора.

В этом пункте неофеноменология Ж. Ваарденбурга представляет особый интерес для современной философии религии. Ваарденбург наследует классической феноменологии религии внимание к смыслу, вере и интенциональности, но одновременно критикует ее эссенциализм, скрытую теологичность и слабую эмпирическую контролируемость. Исследователь, по его логике, не должен заранее выводить религиозный смысл из универсальной сущности религии; он должен показать, как смысл выражается в конкретных текстах, действиях, институтах, самоописаниях и практиках [1, с. 21–22].

В существующей литературе проект Ваарденбурга оценивается неоднозначно. Дж. Дэниелс ограничивает тезис о радикальной новизне неофеноменологии и показывает ее преемственность с феноменологией Г. ван дер Леува [3]. Т.С. Самарина подчеркивает связь этого проекта с герменевтикой и культурной антропологией, но указывает на неполную применимость его как готовой исследо-

вательской программы [2]. Й. Гебелт, напротив, акцентирует значение эмпирической коррекции и логического контроля субъективных значений [6]. В настоящей статье эти позиции рассматриваются как элементы одной методологической дискуссии.

Цель исследования состоит в реконструкции методологического механизма неофеноменологии Ваарденбурга через анализ соотношения понимания, объяснения и валидации интерпретации. Основной тезис заключается в том, что этот механизм может быть описан как связь трех операций: понимания значения религиозного факта для актора, объяснения условий и контекстов смыслообразования, а также валидации исследовательской гипотезы через источники, самопонимание участников, логическую согласованность и альтернативные объяснения.

Материалы и методы

Материалом исследования выступают методологические работы Ваарденбурга, прежде всего тексты 1978 года о феноменологии религии, категории веры и феноменологическом исследовании «нового стиля», позднейшая статья об открытом понятии религии, работа о мусульманах как акторах и русское издание «Размышления о религиоведении» [1; 14–19]. Эти тексты позволяют рассматривать неофеноменологию не как готовую инструкцию, а как методологический проект, нуждающийся в операциональной реконструкции.

Для контекстуализации используются исследования Дэниелса, Самариной и Гебелта, а также более широкий теоретический фон герменевтики, культурной антропологии, *emic*- и *etic*-перспектив и критики *suigeneris*-модели религии [3; 5; 7; 9–12]. Методологическую основу статьи составляют историко-религиоведческий анализ, герменевтический анализ, понятийная реконструкция и сравнительно-методологический подход. Историко-религиоведческий анализ помещает Ваарденбурга в контекст пересмотра феноменологии религии во второй половине XX века. Герменевтический анализ раскрывает проблему субъективного значения. Понятийная реконструкция выявляет связь между категориями факта, значения, интенции, актора, контекста, понимания, объяснения и валидации.

Такое сочетание методов позволяет избежать двух упрощений. Первое состоит в сведении Ваарденбурга к продолжателю классической феноменологии религии; второе – в трактовке его проекта как полного отказа от феноменологического наследия. Статья исходит из промежуточной позиции: новизна неофеноменологии заключается не в исчезновении интереса к смыслу, а в требовании связывать реконструкцию смысла с эмпирическими данными, социально-культурным контекстом и процедурой проверки.

Результаты и обсуждение

Герменевтическое измерение проекта

Герменевтический характер неофеноменологии Ваарденбурга определяется тем, что религиозный феномен понимается не как самодостаточный объект внешнего наблюдения, а как носитель значения. Текст, ритуал, символ или институт становятся предметом религиоведческого анализа не только потому, что они эмпирически зафиксированы, но и потому, что имеют определенную значимость для людей, включенных в религиозную жизнь. Поэтому описание религиозного факта должно переходить к вопросу о том, что этот факт значит для верующего, общины, религиозного лидера, семьи или традиции.

Ваарденбург различает объективные факты и субъективные значения: первые могут быть установлены как данные, вторые существуют в опыте человека или группы и не могут подтверждаться «из самих себя», хотя могут быть объективированы в выражениях, практиках и свидетельствах [1, с. 21–22]. Это различие задает исходную задачу исследователя. Он не получает прямого доступа к чужой вере, но может анализировать ее выражения: тексты, ритуалы, нормы, телесные практики, институциональные роли и публичные самоописания.

Такое понимание не совпадает с принятием религиозной истины. Религиовед не обязан разделять веру изучаемой общины и не должен решать вопрос о реальности Бога, священного, откровения или спасения. Однако воздержание от онтологического суждения

не означает редукции религии к социальной функции. Методологическая задача состоит в том, чтобы понять, как религиозная истина действует как структура смысла для участников. В этом отношении проект Ваарденбурга соприкасается с герменевтической проблематикой историчности понимания у Г.-Г. Гадамера и с рикеровским анализом интерпретации как работы с выражениями, текстами и действиями [5; 11].

Вместе с тем герменевтика у Ваарденбурга не является свободой произвольного толкования. Формула «эмпирически дисциплинированной герменевтики» передает внутреннюю направленность его проекта: понимание должно быть связано с данными, а данные должны быть истолкованы как значимые для определенных акторов. Поэтому феноменологическое внимание к смыслу сохраняется, но перестает быть самодостаточным; оно включается в исследовательскую процедуру, требующую контекстуализации и проверки [16; 17].

Антропологическое измерение проекта

Вторая особенность неофеноменологии состоит в переходе от религии как абстрактной системы к религии как человеческой, культурной и социальной практике. Классическая феноменология религии часто строила типологический язык описания: священное, миф, жертва, молитва, культ, символ, мистический опыт. У Г. ван дер Леува такой подход позволял выявлять устойчивые формы религиозного, но одновременно ослаблял внимание к конкретным акторам и историческим ситуациям [8].

Ваарденбург переносит центр анализа на людей и группы, для которых религиозные факты имеют значение. Субъективное значение при этом не означает сугубо индивидуальное и психологически замкнутое. Оно может принадлежать человеку, общине, институту или культурной среде, но всегда является значением-для. Именно поэтому оно объективируется в языке, практике, памяти, конфликте, авторитете и способах самоописания. В этом пункте проект Ваарденбурга сближается с культурно-антропологическим пониманием религии как символической системы у К. Гирца [7], хотя не совпадает с ним полностью.

Поздняя работа «Muslims as Actors» особенно ясно показывает этот поворот. Ислам рассматривается не только как система идей или институтов, но и как поле интерпретаций, в котором мусульманские авторитеты, группы и отдельные мусульмане читают, объясняют, используют и переживают исламские значения [19]. Это имеет общее методологическое значение: исследователь изучает не просто «религию» как классификационную единицу, а конкретные формы религиозного действия и интерпретации, через которые традиции становятся жизненными мирами людей.

Открытое понятие религии, предложенное Ваарденбургом, не означает отказа от определения. Оно означает отказ превращать предварительное определение в сущностную норму для всех случаев [18]. В этом смысле Ваарденбург близок к критике жестких определений религии у У.К. Смита [13]. Религия сохраняется как предмет исследования, но задается через сеть значений, акторов, практик, символов и отсылок к предполагаемым трансцендентным источникам. Такая установка защищает исследователя и от эссенциализма, и от полного растворения религии в нерелигиозных объяснениях.

Реконструкция интенций: возможности и риски

Ключевой процедурой неофеноменологии является реконструкция интенций. Если религиозный факт должен быть понят через субъективное значение, то исследователь должен ответить на вопрос, на что направлено религиозное действие или высказывание. Интенция обозначает не случайный психологический мотив, а направленность религиозного акта на определенный смысловой полюс: Бога, священное, спасение, благодать, предков, иной мир, обет, память, общину или иной предполагаемый объект.

Ваарденбург подчеркивает, что исследование религии должно продвигаться от фактического знания данных к пониманию значения этих данных для людей, имеющих к ним отношение [1, с. 139]. Поэтому анализ человеческих выражений требует поиска их интенции или интенций [1, с. 140–141]. Наиболее просто это видно на примере ритуала. Внешне ритуал можно описать как последовательность

жестов, слов и предметов, но такая фиксация еще не объясняет почему участники считают его исполнением заповеди, актом покаяния, благодарностью, просьбой или способом общения со священным.

Методологическая ценность понятия интенции состоит в том, что оно защищает исследование от двух крайностей. Первая крайность – редукция религиозного действия к внешней форме: молитва превращается в текст, пост – в диету, паломничество – в маршрут. Вторая крайность – произвольная психологизация, когда исследователь приписывает участникам мотивы, не проверяя их источниками. Ваарденбург связывает понятие веры с этой проблемой: вера выступает не нормой истинности для ученого, а способом смысловой ориентации, через который религиозные феномены приобретают значение [1, с. 99; 15].

Именно здесь возникает главный риск субъективизма. Интенции не даны исследователю непосредственно. Они реконструируются по косвенным признакам: самоописаниям участников, повторяющимся практикам, жанру текстов, институциональным нормам, символическим объектам, телесным действиям и контексту. Поэтому реконструкция интенций должна быть многоуровневой: фиксировать явные объяснения участников, выявлять практическую направленность действия, учитывать культурно-институциональный фон и проверять альтернативные интерпретации. Замечание Самариной о неполной операциональности проекта Ваарденбурга поэтому следует понимать не как отказ от неофеноменологии, а как указание на необходимость ее процедурного уточнения [2, с. 121–123].

Валидация интерпретации: критерии и границы

Понятие «верификации» в неофеноменологии требует уточнения. Если понимать его в естественнонаучном смысле, оно вводит в заблуждение: религиовед не может экспериментально доказать внутреннее значение веры так, как физик проверяет измеряемую величину. Поэтому точнее говорить о методологической валидации интерпретации. Она означает систематическую проверку гипотезы о смысле через доступные данные, контекст, логику и сопоставление с альтернативами.

Гебелт подчеркивает, что понимание субъективных значений должно корректироваться эмпирическим материалом, логической рефлексией и верификацией [6, S. 157–163].

В рамках предлагаемой реконструкции это положение можно развернуть в несколько критериев:

- Первый критерий – источниковая обоснованность: исследователь должен показать, какие тексты, интервью, наблюдения, документы или исторические данные подтверждают его гипотезу.
- Второй – контекстуальная адекватность: интерпретация не должна вырывать религиозный факт из исторической, социальной и институциональной ситуации.
- Третий – согласованность с самопониманием макторов, если оно доступно.
- Четвертый критерий – логическая непротиворечивость. Интерпретация не должна одновременно приписывать действию несовместимые значения без объяснения их конфликта.
- Пятый критерий – сравнительная сила: предложенное толкование должно объяснять материал лучше, чем альтернативные гипотезы.
- Шестой критерий – открытость к пересмотру. Если новые источники, наблюдения или интервью показывают недостаточность прежней реконструкции, исследователь должен уточнить ее границы.

Для живых религиозных традиций особенно важны интервью, наблюдение и анализ повседневных практик. Ваарденбург отмечает, что при исследовании существующих религий можно вести беседу, задавать вопросы, наблюдать поведение людей и получать доступ к непосредственным реакциям на религиозные феномены [1, с. 122]. Для исторических традиций проверка строится иначе: через источниковедческую критику, жанр, язык, адресата, институциональную функцию текста, археологические, иконографические и сравнительные данные.

На этой основе можно предложить операциональную схему применения ваарденбурговского подхода. Сначала исследователь

фиксирует религиозный факт: текст, ритуал, символ, практику или форму поведения. Затем определяет круг акторов, для которых этот факт значим. Далее реконструирует значение, выявляет интенциональную направленность, объясняет контекст, проверяет гипотезу через источники и альтернативы, после чего обозначает границы полученной интерпретации. Такая схема не отменяет герменевтическую сложность религиозного смысла, но делает исследование более публично проверяемым.

Verstehen u Erklären

Соотношение Verstehen и Erklären является теоретическим узлом, в котором сходятся герменевтическое, антропологическое и эмпирическое измерения проекта Ваарденбурга. В гуманитарной традиции различие понимания и объяснения связано с методологией наук о духе: В. Дильтей связывал понимание с постижением выражений жизни [4], а М. Вебер стремился соединить понимание смысла действия с причинным объяснением его хода и последствий [20]. Ваарденбург не повторяет эту дискуссию буквально, но работает внутри того же поля.

Для Ваарденбурга понимание необходимо потому, что религиозные факты обладают значением для людей. Если исследователь не реконструирует это значение, он не понимает религиозный феномен как религиозный. Вместе с тем религиозное значение не существует вне условий своего формирования. Оно связано с языком, исторической памятью, институтами, властью, социальными ролями, телесными практиками и материальной культурой. Поэтому понимание должно быть дополнено объяснением условий, в которых смысл возникает и действует.

Ошибкой является односторонний выбор одного из полюсов. Если исследователь выбирает только понимание, религиоведение рискует превратиться в описание внутреннего мира верующих без анализа исторических и социальных условий. Если он выбирает только объяснение, религия растворяется в функции, структуре, власти или психологической компенсации. Именно эта редуктивная опасность становится предметом критики в дискуссиях о *suigeneris*-модели и внешних объяснениях религии [9; 12].

Неофеноменология Ваарденбурга стремится удержать среднюю позицию. Она не отвергает объяснение, но требует, чтобы оно не подменяло понимание. Она не отвергает понимание, но требует, чтобы оно было проверено и связано с контекстом. На уровне исследовательской процедуры это можно представить как движение по кругу: фиксация факта, понимание его значения для акторов, объяснение условий смыслообразования, проверка интерпретации, уточнение гипотезы и повторное обращение к материалу. Этот круг не является произвольным, поскольку каждое возвращение к материалу должно повышать обоснованность интерпретации.

Следовательно, *Verstehen* и *Erklären* у Ваарденбурга следует понимать не как взаимоисключающие методы, а как два момента единой исследовательской логики. Понимание без объяснения остается неполным, потому что не раскрывает условий смыслообразования. Объяснение без понимания оказывается редуктивным, потому что не показывает, что именно делает факт религиозным для участников. Их соединение и составляет методологическое ядро неофеноменологии как эмпирически дисциплинированной герменевтики религии.

Заключение

1. Неофеноменология Ваарденбурга имеет выраженное герменевтическое измерение: религиозный факт рассматривается как носитель значения, требующий понимания, но это понимание должно опираться на источники, практики, самоописания акторов и контекстуальные данные.

2. Антропологическая направленность проекта переносит внимание с религии как замкнутой системы идей на религию как человеческую и социально-культурную практику. Субъективное значение оказывается не чисто внутренним переживанием, а значением-для, которое объективируется в языке, институтах, действиях и формах памяти.

3. Центральной процедурой метода является реконструкция интенций. Она позволяет понять направленность религиозного действия на предполагаемый объект, но не дает прямого доступа к со-

знанию верующего; поэтому интенция должна реконструироваться как проверяемая гипотеза.

4. Главным способом ограничения исследовательского произвола является методологическая валидация интерпретации. Она включает источниковую обоснованность, контекстуальную адекватность, согласование с самопониманием акторов, логическую непротиворечивость, сравнительную силу и открытость к пересмотру.

5. Ваарденбург не сводит религиоведение ни к чистому *Verstehen*, ни к внешнему *Erklären*. Понимание раскрывает значение факта для участника, объяснение выявляет условия смыслообразования, а валидация связывает оба уровня с проверяемой исследовательской процедурой.

6. Полученная модель показывает, что неофеноменология Ваарденбурга не является простым возвращением к классической феноменологии религии. Ее специфика состоит в соединении феноменологического внимания к смыслу, герменевтической интерпретации, антропологического анализа практик и требования эмпирической дисциплины.

Список литературы

1. Ваарденбург, Ж. (2010). *Размышления о религиоведении, включая эссе о работах Герарда ван дер Леу*. В В. Е. И. Аринин (Ред.), *Классические подходы к изучению религии: цели, методы и теории исследования. Введение и антология*. Издательство Владимирского государственного университета. ISBN: 978-5-9984-0099-5. EDN: <https://elibrary.ru/QXAJLP>
2. Самарина, Т. С. (2019). Религиоведческое наследие Жака Ваарденбурга: критический анализ. *Религиоведение*, 3, 117–126. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2019.3.117-126>. EDN: <https://elibrary.ru/URIFHF>
3. Daniels, J. (1995). How new is neo-phenomenology? A comparison of the methodologies of Gerardus van der Leeuw and Jacques Waardenburg. *Method & Theory in the Study of Religion*, 7, 43–55. <https://doi.org/10.1163/157006895X00207>
4. Dilthey, W. (1989). *Introduction to the Human Sciences: An Attempt to Lay a Foundation for the Study of Society and History*. Wayne State University Press.
5. Gadamer, H.-G. (2004). *Truth and Method* (2nd rev. ed.). Continuum.
6. Gebelt, J. (2009). Über die Intentionen der Intentionsforschung. Zur Neophänomenologie der Religionen von Jacques Waardenburg. B. J. Court & M. Klöcker (Hrsg.),

- Wege und Welten der Religionen. Forschungen und Vermittlungen: Festschrift für Udo Tworuschka* (pp. 157–163). Lembeck.
7. Geertz, C. (1973). Religion as a cultural system. B C. Geertz, *The Interpretation of Cultures: Selected Essays* (pp. 87–125). Basic Books.
 8. Leeuw, G. van der. (1963). *Religion in Essence and Manifestation: A Study in Phenomenology* (2 vols.). Harper & Row.
 9. McCutcheon, R. T. (1997). *Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195105032.001.0001>
 10. Pike, K. L. (1967). *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783111657158>
 11. Ricoeur, P. (1981). *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation*. Cambridge University Press.
 12. Segal, R. A. (1992). *Explaining and Interpreting Religion: Essays on the Issue*. Peter Lang.
 13. Smith, W. C. (1963). *The Meaning and End of Religion*. Macmillan.
 14. Waardenburg, J. (1978a). *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw*. Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110814521>
 15. Waardenburg, J. (1978b). The category of faith in phenomenological research. B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 79–88). Mouton.
 16. Waardenburg, J. (1978c). Phenomenology of religion: A scholarly discipline, a philosophy, or an art? B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 91–112). Mouton.
 17. Waardenburg, J. (1978d). Toward a new style phenomenological research on religion. B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 113–137). Mouton.
 18. Waardenburg, J. (1992). In search of an open concept of religion. B M. Despland & G. Vallée (Eds.), *Religion in History: The Word, the Idea, the Reality* (pp. 225–240). Wilfrid Laurier University Press.
 19. Waardenburg, J. (2007). *Muslims as Actors: Islamic Meanings and Muslim Interpretations in the Perspective of the Study of Religions*. Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110913958>
 20. Weber, M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University of California Press.

References

1. Waardenburg, J. (2010). *Reflections on the Study of Religion, Including an Essay on the Works of Gerardus van der Leeuw*. In V. E. I. Arinin (Ed.), *Classical Approaches to the Study of Religion: Goals, Methods, and Theories of Research. Introduction*

- and Anthology*. Vladimir State University Press. ISBN: 978-5-9984-0099-5. EDN: <https://elibrary.ru/QXAJLP>
2. Samarina, T. S. (2019). The religious studies legacy of Jacques Waardenburg: A critical analysis. *Religiovedenie*, 3, 117–126. <https://doi.org/10.22250/2072-8662.2019.3.117-126>. EDN: <https://elibrary.ru/URIFHF>
 3. Daniels, J. (1995). How new is neo-phenomenology? A comparison of the methodologies of Gerardus van der Leeuw and Jacques Waardenburg. *Method & Theory in the Study of Religion*, 7, 43–55. <https://doi.org/10.1163/157006895X00207>
 4. Dilthey, W. (1989). *Introduction to the Human Sciences: An Attempt to Lay a Foundation for the Study of Society and History*. Wayne State University Press.
 5. Gadamer, H.-G. (2004). *Truth and Method* (2nd rev. ed.). Continuum.
 6. Gebelt, J. (2009). Über die Intentionen der Intentionsforschung. Zur Neophänomenologie der Religionen von Jacques Waardenburg. B J. Court & M. Klöcker (Hrsg.), *Wege und Welten der Religionen. Forschungen und Vermittlungen: Festschrift für Udo Tworuschka* (pp. 157–163). Lembeck.
 7. Geertz, C. (1973). Religion as a cultural system. B C. Geertz, *The Interpretation of Cultures: Selected Essays* (pp. 87–125). Basic Books.
 8. Leeuw, G. van der. (1963). *Religion in Essence and Manifestation: A Study in Phenomenology* (2 vols.). Harper & Row.
 9. McCutcheon, R. T. (1997). *Manufacturing Religion: The Discourse on Sui Generis Religion and the Politics of Nostalgia*. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195105032.001.0001>
 10. Pike, K. L. (1967). *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783111657158>
 11. Ricoeur, P. (1981). *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation*. Cambridge University Press.
 12. Segal, R. A. (1992). *Explaining and Interpreting Religion: Essays on the Issue*. Peter Lang.
 13. Smith, W. C. (1963). *The Meaning and End of Religion*. Macmillan.
 14. Waardenburg, J. (1978a). *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw*. Mouton. <https://doi.org/10.1515/9783110814521>
 15. Waardenburg, J. (1978b). The category of faith in phenomenological research. B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 79–88). Mouton.
 16. Waardenburg, J. (1978c). Phenomenology of religion: A scholarly discipline, a philosophy, or an art? B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 91–112). Mouton.
 17. Waardenburg, J. (1978d). Toward a new style phenomenological research on religion. B J. Waardenburg, *Reflections on the Study of Religion: Including an Essay on the Work of Gerardus van der Leeuw* (pp. 113–137). Mouton.

18. Waardenburg, J. (1992). In search of an open concept of religion. B. M. Despland & G. Vallée (Eds.), *Religion in History: The Word, the Idea, the Reality* (pp. 225–240). Wilfrid Laurier University Press.
19. Waardenburg, J. (2007). *Muslims as Actors: Islamic Meanings and Muslim Interpretations in the Perspective of the Study of Religions*. Walter de Gruyter. <https://doi.org/10.1515/9783110913958>
20. Weber, M. (1978). *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. University of California Press.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Яруллин Руслан Фаридович, аспирант кафедры религиоведения
Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлевская, 18, г. Казань, 420008, Российская Федерация
ryarullin553@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ruslan F. Yarullin, Postgraduate student of the Department of Religious Studies
Kazan Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, 420008, Russian Federation
ryarullin553@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-3924-2362>

Поступила 19.05.2026

После рецензирования 02.06.2026

Принята 09.06.2026

Received 19.05.2026

Revised 02.06.2026

Accepted 09.06.2026

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

(<https://soc-journal.ru/>)

Научный журнал представляет собой междисциплинарную платформу для публикации результатов исследований в области социально-гуманитарного знания. Издание фокусируется на интеграции историко-культурных, философских и лингвистических исследований, способствуя формированию целостного представления о развитии человеческого общества.

Требования к оформлению статей

Объем рукописи	15–24 страницы формата А4, включая таблицы, иллюстрации, список литературы.
Поля	все поля – по 20 мм
Шрифт основного текста	Times New Roman
Размер шрифта основного текста	14 пт
Межстрочный интервал	полуторный
Отступ первой строки абзаца	1,25 см
Выравнивание текста	по ширине
Автоматическая расстановка переносов	включена
Нумерация страниц	не ведется
Формулы	в редакторе формул MS Equation 3.0
Рисунки	по тексту
Ссылки на формулу	(1)
Ссылки на литературу	[2, с. 5], цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи в порядке упоминания
ЗАПРЕЩАЕТСЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ССЫЛКИ-СНОСКИ ДЛЯ УКАЗАНИЯ ИСТОЧНИКОВ	

Обязательная структура статьи

УДК

ЗАГЛАВИЕ (на русском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на русском языке)

Аннотация (на русском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на русском языке)

ЗАГЛАВИЕ (на английском языке)

Автор(ы): фамилия и инициалы (на английском языке)

Аннотация (на английском языке)

Ключевые слова: отделяются друг от друга точкой с запятой
(на английском языке)

Текст статьи (на русском языке)

1. Введение.

2. Цель работы.

3. Материалы и методы исследования.

4. Результаты исследования и их обсуждение.

5. Заключение.

6. Информация о конфликте интересов.

7. Информация о спонсорстве.

8. Благодарности.

Список литературы

Библиографический список по формату APA

References

Библиографическое описание согласно требованиям журнала

ДАННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: улица, дом, город, индекс, страна (на русском языке)

Электронный адрес

SPIN-код в SCIENCE INDEX:

DATA ABOUT THE AUTHORS

Фамилия, имя, отчество полностью, должность, ученая степень, ученое звание

Полное название организации – место работы (учебы) в именительном падеже без составных частей названий организаций, полный юридический адрес организации в следующей последовательности: дом, улица, город, индекс, страна (на английском языке)

Электронный адрес

AUTHOR GUIDELINES

(<https://soc-journal.ru/>)

The scientific journal is an interdisciplinary platform for publishing research results in the field of social and humanitarian knowledge. The publication focuses on the integration of historical, cultural, philosophical, and linguistic research, contributing to the formation of a holistic view of the development of human society.

Requirements for the articles to be published

Volume of the manuscript	15–24 pages A4 format, including tables, figures, references.
Margins	all margins –20 mm each
Main text font	Times New Roman
Main text size	14 pt
Line spacing	1.5 interval
First line indent	1,25 cm
Text align	justify
Automatic hyphenation	turned on
Page numbering	turned off
Formulas	in formula processor MS Equation 3.0
Figures	in the text
References to a formula	(1)
References to the sources	[2, p. 5], references are given in a single list at the end of the manuscript in the order in which they appear in the text

**DO NOT USE FOOTNOTES
AS REFERENCES**

Article structure requirements

TITLE (in English)

Author(s): surname and initials (in English)

Abstract (in English)

Keywords: separated with semicolon (in English)

Text of the article (in English)

1. Introduction.

2. Objective.

3. Materials and methods.

4. Results of the research and Discussion.

5. Conclusion.

6. Conflict of interest information.

7. Sponsorship information.

8. Acknowledgments.

References

References text type should be APA Style

DATA ABOUT THE AUTHORS

Surname, first name (and patronymic) in full, job title, academic degree, academic title

Full name of the organization – place of employment (or study) without compound parts of the organizations' names, full registered address of the organization in the following sequence: street, building, city, postcode, country

E-mail address

SPIN-code in SCIENCE INDEX:

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

ВОПРОСЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ОСНОВ БАНКОВСКОГО ДЕЛА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА – НАЧАЛЕ XX ВЕКА Д.Ю. Наумов	10
---	----

ПОНЯТИЙНЫЕ И СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БАНКОВСКОГО ДЕЛА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XXI ВЕКА) Д.Ю. Наумов	31
--	----

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

ШТУРМОВИК И ОПЕРАТОР БЕСПИЛОТНЫХ СИСТЕМ В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В РОССИЙСКОЙ АРМИИ БУДУЩЕГО А.Л. Репетенко	45
---	----

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В ФИЛОСОФСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

ПУТЬ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ЕГО БИО-СОЦИО-ДУХОВНОГО ЕДИНСТВА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ С.А. Ермаков, О.А. Немова	66
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КОНЦЕПЦИИ ЦИФРОВОГО БЕССМЕРТИЯ: МЕЖДУ РУССКИМ КОСМИЗМОМ И ТРАНСГУМАНИЗМОМ С.М. Мальцева, П.Р. Шкадина, Е.А. Нагорнов	86
---	----

ОТ ОНТОЛОГИИ ЗНАКА К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ:
ПРИНЦИПЫ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Г.Р. Гарипова 104

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОЙ
РЕФЛЕКСИИ: ОСНОВНЫЕ КОНТРАСТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Е.Ф. Мороз 120

ФЕНОМЕН СИМУЛЯКРА В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ:
ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ РЕКЛАМНЫХ СТРАТЕГИЙ
НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ЖАНА БОДРИЙЯРА

С.М. Мальцева, М.С. Козинцева, А.Н. Комарова 141

**КЛАССИКА И СОВРЕМЕННАЯ
РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА**

ДЕКОНСТРУКЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ДИСКУРСОВ
В ПРОЗЕ В. СОРОКИНА

Е.А. Черемина 158

**РУССКИЙ ЯЗЫК И ЯЗЫКОВОЕ
РАЗНООБРАЗИЕ НАРОДОВ РОССИИ**

МНОГОЗНАЧНОСТЬ ПРОИЗВОДНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ
В ЭВЕНСКОМ ЯЗЫКЕ

С.Н. Саввинова 171

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ГЕРОЙ КИНОТЕКСТА: ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Е.В. Середина, Е.Ф. Кудряшова, Е.В. Кузнецова 181

МОДЕЛИ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ, ИСПОЛЗУЕМЫЕ
ДЖ.Р.Р. ТОЛКИНОМ ПРИ СОЗДАНИИ ОНИМОВ

А.С. Гладышева 196

ЭВОЛЮЦИЯ АНАЛИЗА ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫХ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Б.Г. Овезов 210

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИКИ

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ЗАГОЛОВКАХ РОССИЙСКИХ
МЕДИА: КОГНИТИВНЫЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

С.А. Цандер, А.А. Билялова 231

ТЕХНИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛОКАЛИЗАЦИИ ИГР
НА ЭТАПЕ ПРОИЗВОДСТВА

А.В. Доркина, М.И. Логачева 254

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
УГРОЗЫ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ:
ГЕНДЕРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ
И ЭКСПЛИЦИТНЫХ СМЫСЛОВ

О.В. Стрижкова 274

АУДИОГИД КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДА: ЛЕКСИЧЕСКИЙ,
ГРАММАТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е.Д. Андреева, Л.Е. Рябова 295

МОДАЛЬНАЯ АСИММЕТРИЯ И СИНЕРГИЯ В ВОСПРИЯТИИ
КРЕОЛИЗОВАННЫХ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ:
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

М.В. Брискер 315

**МЕТОДОЛОГИЯ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

ПОНИМАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ В НЕОФЕНОМЕНОЛОГИИ
Ж. ВААРДЕНБУРГА: МЕЖДУ ГЕРМЕНЕВТИКОЙ
И ЭМПИРИЧЕСКИМ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕМ

Р.Ф. Яруллин 333

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 348

CONTENTS

HISTORY IN THE SYSTEM OF SOCIAL-HUMANITARIAN SCIENCES

THE ESTABLISHMENT OF THE FOUNDATIONS OF BANKING IN TAMBOV PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY – EARLY XX CENTURY D.Yu. Naumov	10
--	----

CONCEPTUAL AND STRUCTURAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC BANKING (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY TO THE EARLY 21ST CENTURY) D.Yu. Naumov	31
---	----

TRADITIONS AND INNOVATIONS IN HISTORICAL KNOWLEDGE

THE STORMTROOPER AND UNMANNED SYSTEMS OPERATOR IN THE CONTEXT OF THE CONFLICT: TRADITION AND INNOVATION IN THE RUSSIAN ARMY OF THE FUTURE A.L. Repetenko	45
--	----

INDIVIDUAL, SOCIETY, AND STATE IN PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

THE PATH OF HUMAN LIFE IN THE CONTEXT OF HIS BIO-SOCIO- SPIRITUAL UNITY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS S.F. Ermakov, O.A. Nemova	66
--	----

PHILOSOPHICAL ASPECTS OF THE CONCEPT OF DIGITAL IMMORTALITY: BETWEEN RUSSIAN COSMISM AND TRANSHUMANISM S.M. Maltseva, P.R. Shkadina, E.A. Nagornov	86
--	----

FROM THE ONTOLOGY OF THE SIGN TO POLITICAL
IDENTITY: PRINCIPLES OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS
OF INFORMATION SPACE

G.R. Garipova 104

DIGITALIZATION OF EDUCATION AS A SUBJECT
OF PHILOSOPHICAL REFLECTION: MAIN CONTRASTS
AND CONTRADICTIONS

E.F. Moros 120

THE PHENOMENON OF SIMULACRE IN CONSUMER SOCIETY:
A PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF ADVERTISING STRATEGIES
BASED ON JEAN BAUDRILLARD'S CONCEPT

S.M. Maltseva, M.S. Kozintseva, A.N. Komarova 141

CLASSIC AND MODERN RUSSIAN LITERATURE

DECONSTRUCTION OF TRADITIONAL DISCOURSES
IN VLADIMIR SOROKIN'S PROSE

E.A. Cheremina 158

**RUSSIAN LANGUAGE
AND LINGUISTIC DIVERSITY OF PEOPLES OF RUSSIA**

POLYSEMY OF DERIVATIVE ADJECTIVES
IN THE EVEN LANGUAGE

S.N. Savvinova 171

LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES

THE FILM HERO: A LINGUOCULTURAL ASPECT

E.V. Seredina, E.F. Kudryashova, E.V. Kuznetsova 181

MODELS OF WORD FORMATION USED BY J.R.R. TOLKIEN
WHEN CREATING ONYMS

A.S. Gladysheva 196

THE EVOLUTION OF APPROACHES TO THE ANALYSIS
OF EMOTIONAL-EVALUATIVE ADJECTIVES

B.G. Ovezov 210

APPLIED ASPECTS OF LINGUISTICS

INTERTEXTUALITY IN RUSSIAN MEDIA HEADLINES:
COGNITIVE AND CULTURAL ASPECTS

S.A. Tsander, A.A. Bilyalova 231

TECHNICAL AND CULTURAL ASPECTS OF GAME
LOCALIZATION IN THE PRODUCTION PHASE

A.V. Dorkina, M.I. Logacheva 254

COMMUNICATIVE STRATEGIES OF THREAT REPRESENTATION IN
RUSSIAN-LANGUAGE SOCIAL ADVERTISING: GENDER VARIABILITY
IN THE PERCEPTION OF IMPLICIT AND EXPLICIT MEANINGS

O.V. Strizhkova 274

THE TRANSLATION OF AUDIO GUIDES: LEXICAL,
GRAMMATICAL, AND STYLISTIC ASPECTS

E.D. Andreeva, L.E. Ryabova 295

MODAL ASYMMETRY AND SYNERGY
IN THE PERCEPTION OF CREOLIZED SOCIAL ADVERTISING
TEXTS: AN EXPERIMENTAL STUDY

M.V. Brisker 315

**METHODOLOGY AND NOVEL APPROACHES
IN HUMANITIES**

UNDERSTANDING AND EXPLANATION
IN J. WAARDENBURG'S NEO-PHENOMENOLOGY: BETWEEN
HERMENEUTICS AND EMPIRICAL STUDY OF RELIGION

R.F. Yarullin 333

RULES FOR AUTHORS 348

Подписано в печать 30.06.2026. Дата выхода в свет 30.06.2026. Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 25,65. Тираж 50 экз. Свободная цена. Заказ RSHS182/026. Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Издательство «Авторская Мастерская» (ИП Давгуненко А.А. ИНН 344210747590). Адрес типографии: ул. Проезд Добролюбова 3 стр. 2, г. Москва, 127254, Россия.